Андрей Болотов

История одного гоблина 2: Два в одном

Annotation

До сей поры никому из смертных не удавалось попасть в Ад при жизни, но гоблин с компаньонами справились. Осталось совершить невозможное: выжить и найти дорогу домой. Даже если при этом придется поднять на уши всю Преисподнюю, побороть древнее зло и спасти пару миров.

История одного гоблина 2: Два в одном

Часть 1: Ад и окрестности. Глава 1

Ад — место самых страшных мучений, населенное самыми омерзительными существами, конкурировать с которыми по отвратительности способны разве только демоны из Великого разлома. В Аду царят жестокие законы, за нарушение большинства которых полагается единственное наказание — смерть.

Трактат о мироустройстве

Адская жизнь — иначе пребывание смертных в седьмом круге Эльжахима и не назовешь. Местный язык — гадус — содержит емкое слово для именования этого инфернального мира, которое в примерном переводе на всеобщий означает «Страдание».

Обычно смертным во плоти путь в нижние планы бытия надежно закрыт. Так уж повелел в свое время Део-Создатель. Мотивы отца богов, конечно, полностью понятны только ему, но многие считают, что сделал он так ради блага самих смертных. Книжники обычно подтверждают это тем, что жахани — как называют себя краснокожие обитатели Эльжахима — тоже не дозволено свободно покидать его пределы. В ином случае других народов бы уже просто не существовало. При этом смертные авторы даже не догадываются, насколько их фантазии об устройстве Ада далеки от истины.

— Ну, придумал что-нибудь? — нервно обратился аршидук Лугриал-Зевув к одному из помощников и недовольно плюнул на мраморный пол тронного зала ядовитым зеленым сгустком. Плевок последовал в ответ на смиренно разведенные в стороны ладони с длинными когтистыми пальцами и низко наклоненную рогатую голову с космой черных как смоль волос.

Повелителю Себатуна, как называется на местном наречии седьмой круг Эльжахима, было от чего пребывать в смятении. С некоторых пор в его владениях находились крайне необычные посетители. Почти все — смертные из Лумеи. Этот мир за его пределами иногда называют Срединным, так как бытует мнение, что он находится посередине между другими планами бытия и только оттуда можно попасть во все остальные несмежные между собой вселенные. Сами же лумейцы предпочитают именовать свою родину Первичным миром.

Что с ними делать, верховный собрат не знал. С одной стороны, за незаконное открытие портала в Эльжахим, нарушение планарных границ и общественного порядка их следовало бы наказать. С другой, к нерушимым законам Део аршидук по вполне понятным причинам испытывал неприязнь и не упускал случая их обойти. С третьей, законы у жахани нарушать не принято, а Лугриал-Зевув вообще был фанатичным приверженцем порядка, что загоняло ситуацию в очень неприятный юридический тупик. С четвертой, наказать их пока все равно не представлялось возможным.

— Что же делать? — повелитель мух нервно слизнул со своего лба несколько особенно назойливых насекомых. — Анделефт! — Позвал он самого доверенного и смекалистого советника. — Можем мы что-нибудь с ними сделать?

— Никак нет, повелитель, — согнулся в изящном поклоне тот, вызвав у Лугриал-Зевува с трудом подавленный приступ ненависти.

Давным-давно Люцифер обрек аршидука на жалкое существование в виде гигантского слизняка за неудачную попытку покушения на свою персону. С тех пор все изящное верховного собрата чрезвычайно раздражало. Анделефт же как нарочно выглядел образцово

даже для жахани: маленькие черные рожки на лбу, смазливое личико, прелестные черные глаза с вертикальными белесыми зрачками, увенчанные длинными ресницами, отшлифованные до блеска копыта и завитые колечками смоляные волосы на ногах. Ни дать, ни взять — посланник Део из благословенных миров. Разве что кожа красная, рожки да копыта… Когда-то таким был и сам аршидук, поэтому Анделефта спасали только фантастическая преданность и выдающиеся способности управляющего.

— Совсем? Сделать вид, что ничего не было? — с надеждой поинтересовался слизняк.

— Они слишком могущественны, чтобы про них можно было просто забыть. Вот если бы их доставили сюда уже после смерти…

— Изгнать?

— Повелитель, закон гласит, что никому не дозволено покидать пределы круга без разрешения правителя круга, а Эль без разрешения Самого, — многозначительно намекнул на Люцифера Анделефт.

Аршидук тяжело вздохнул и закашлялся, подавившись вездесущими мухами.

— Вот давай-ка мы их к брату и отправим, пускай он решает! Я же тиран Себатуна! Могу я, в конце концов, дать им разрешение переместиться отсюда куда подальше? Откроем им проход и…

— Закон гласит, что правитель круга не вправе дать разрешение просто так, не получив взамен неизмеримо большую выгоду, — монотонно произнес советник, переходя на язык слов вместо передачи мыслей.

В то же время он бочком начал отходить от своего суверена на безопасное расстояние. В сторону Анделефта полетел зеленый плевок, которому, впрочем, было не суждено достичь цели.

— Так придумайте что-нибудь! Зачем я вообще вас всех держу? — прогремели мысли повелителя мух в головах советников.

Интонации выдавали отчаяние.

— Придумаем, верховный собрат. Обязательно придумаем.

***

Лугриал-Зевуву было от чего впадать в уныние: гоблинский шаман Гарб с компаньонами за короткое время своего пребывания в Эльжахиме успел так всколыхнуть общественные устои, что назревало нечто невообразимое.

Нырок в портал, открытый непутевым Бурбалкой — духом без тела и, по словам орка Аггрха, без мозгов — привел шестерку друзей из полуразрушенного и потому враждебно настроенного эльфийского Льонаса на Лумее в еще менее дружественную обстановку. Компаньонам с первых минут пришлось отбиваться от диких дьяволов — шаятынов и алькурудов, и только своевременное появление цивилизованного местного жителя Муфад’ала спасло их от участи быть разорванными на куски.

Спаситель внешне мог бы вполне сойти за троюродного брата советника аршидука и на самом деле им являлся. Впрочем, компаньоны о существовании Анделефта даже не подозревали, а Муфад’ал лишь обмолвился о связях в высшем обществе. Сам же жахани представился местным библиотекарем. Он проявил любезность, проводив всю компанию до ближайшего города, и даже разместил ее в своем доме, имея, как это принято у дьяволов, корыстный интерес. Только посох, который ни на секунду не выпускал из лап гоблин, сперва заставил гостеприимного хозяина отшатнуться.

— С такой штукой здесь можно многого добиться, — заявил Муфад’ал, пересилив себя

и рассмотрев жуткий предмет вблизи.

Гости не могли с ним не согласиться, ведь сей могущественный чар был незавершенным посохом Бирканитры — забытой богини гоблинов, и Гарб с его помощью уже успел разрушить до основания целую эльфийскую Академию наук. Случайно, разумеется.

Хлебосольный хозяин, впрочем, не сделал никаких попыток хоть как-то завладеть ценным предметом. Казалось даже, что Муфад'ал избегает находиться рядом с ним.

— Ешьте, пейте, развлекайтесь, осматривайте достопримечательности! — предложил дьявол перед входом в свой небольшой с виду домишко, окидывая хитрым взглядом разношерстную компанию смертных. — Оставайтесь у меня, сколько захотите, мои беспечные друзья! Только не забывайте вовремя вносить плату за постой.

— Одну минуточку, нам с беспечными друзьями нужно кое-что обсудить, — с некоторой неприязнью в голосе возразил темноволосый молодой человек в монашеском балахоне. Его волевой подбородок чуть выдвинулся вперед, но Муфад'ал не понял, что это означало.

Жахани деликатно отошел в сторонку, что не помешало ему легко слышать весь последовавший разговор — пришельцам даже не пришло в голову закрывать мысли от подслушивания! Ему же наконец представилась возможность внимательнее изучить гостей, пока они заняты.

Монаха звали Михелем, и его необоснованная агрессивность по отношению к Эльжахиму в целом и к Муфад'алу в частности даже немного обидела обладателя самых отполированных копыт в седьмом круге. Только когда жахани увидел на правой ладони чужака отчетливо проступающую коричневую линию, идущую полукругом от середины основания мизинца к подножию большого пальца, все встало на свои места. Знак ордена борцов с темными силами! Час от часу не легче. Заполучить такую душу — предел мечтаний. Вот только не пристало добыче меняться местами с охотником. Пускай с ним разбираются сильные мира сего.

Между тем человек как будто оправдывался перед остальными, словно те не ощущали его силу.

— Мих, не дури! — обратился к нему бесформенный сгусток мрака, именующий себя Бурбалкой.

— Молчал бы уже! — сразу откликнулся монах, и большим пальцем правой руки начертал у себя на лбу серп, выдавая в себе служителя Хозяина Света. — Не ты ли ввел нас во грех телепортации? Дважды! И смотри, куда мы из-за тебя попали.

— Так че ж ты прыгнул в мой портал и не остался среди тех милых ребят с кольями и дубинами? — парировал призрак.

— Все прыгнули, и я прыгнул, — нахмурился в ответ Михель. — Не бросать же вас. Меня с вами настоятель отправил, так что выбора лично у меня не было.

Зеленокожий здоровяк с испещренной шрамами рожей и квадратной челюстью сверлил глубоко посаженными карими глазами монаха, нетерпеливо теребя край кожаного нагрудника. Его здоровенные нижние клыки, выступающие изо рта, изрядно пугали библиотекаря. В старых свитках библиотеки встречались истории про существ, питающихся кровью, и жахани силился сообразить, не из таких ли тварей этот амбал. Нет, все-таки совершенно обычный орк, хоть и излишне крупный и мускулистый даже для представителей своего вида.

— У тебя есть другие предложения? — сдержанно рыкнул зеленокожий низким басом,

ероша ладонью короткий ежик густых черных волос на своей башке, уступавшей размерами только рогатой голове минотавра.

— Повторяю. Я не сунусь в эту обитель зла и юдоль печали и вам не советую, — упрямо повторил Михель, глядя на орка исподлобья снизу вверх.

Смертный нервно дергал тонкую, едва заметную косичку, спадающую с затылка на шею. Порядочному жахани было бы стыдно носить такую: без всяких украшений и легко теряющуюся среди прочей растительности на голове. Сам библиотекарь ограничивался завивкой, но иные модники носили много толстых с палец косичек и непременно вплетали в них какие-нибудь висюльки с драгоценными камнями.

— Тогда ночевать тебе на улице, дружок, как бездомной ящерице, — хихикнул невысокий темнокожий блондинчик в потертом камзоле, звавшийся Адинуком.

От хаоса, царящего в голове этого субъекта, Муфад'алу стало дурно. Странная деревянная коробочка на кожаном ремне свисала с кажущегося хрупким плеча типчика. По единственному остроконечному уху, выглядывающему из густой нечесаной гривы серебристых волос жахани определил в смертном темного эльфа-троу.

— Пойдешь на корм сухопутным кальмарам, — надменно заявил здоровяк с бычьей головой, полноценными руками и мохнатыми ногами — совсем как у жахани — в качестве конечностей. — Все равно людишки больше ни на что не годятся.

Этот был самым высоким из компании, хоть и не самым страшным. С ним дьявол так и не смог определиться: вроде, смертный, но рогатый и с копытами. Почти как самый настоящий жахани — разве что шерсти многовато да кожа не красная, а коричневая. Ну, и бычья голова, конечно, у обитателей Эльжахима считалась бы если не редкостным уродством, то признаком принадлежности к одной из низших каст. Бледно-сапфировые глаза этого человекобыка, будучи немного навыкате, взирали на всех вокруг одновременно с высокомерием и в то же время с какой-то детской доверчивостью.

Сам себя он называл тауросу, хотя остальные думали про него как про минотавра. Одного уха у него не хватало, как и у субтильного сребровласого эльфа. «Интересно, это традиция или знак отличия?» — мысленно подивился такой особенности Муфад'ал. В своих огромных ручищах минотавр сжимал секиру-лабрис, по обоим лезвиям которой периодически пробегали голубоватые искорки. Потемневшая от времени кожаная кираса, более толстая, чем у орка, прикрывала грудь гиганта. Жахани был уверен, что пробить ее зачарованной сталью не составит труда, но от обычного оружия такая броня вполне защитит.

— С ума посходили? — покрутил пальцем у виска человек, но продолжил бурчать себе под нос, даже когда гоблин с унылым видом достал из кошеля на поясе несколько прелестных желтых кружочков и протянул их дьяволу.

Муфад'ал внимательно осмотрел пришельца, расу которого без труда удалось определить как гоблинскую. Мысли этого чужака оказались надежно скрыты от считывания.

«Вожак», — по манере общения между пришельцами понял дьявол и удивился, насколько обманчивой бывает внешность. Как может существо ростом в пояс командовать бандой, состоящей из таких сильных бойцов? Жахани присмотрелся внимательнее. Неприятно-розовая кожа проступала только на лице и ладонях. Все остальное тело в местах, не скрытых от взгляда потрепанным серым кафтаном, было покрыто мелкой коричневой шерсткой. Лицо выглядело уродливым: высокий лоб, широкий приплюснутый нос, желтые глаза с вертикальными зрачками.

Крючковатые пальцы верхних конечностей коротышки заканчивались недлинными

коготками. Они постоянно сжимались и разжимались, как будто их обладатель страдал от нервного расстройства. Гоблин постоянно горбился и не выпускал из длинных верхних конечностей, доходящих ему до колен, свой ужасный посох. Конечно же, именно поэтому остальные подчиняются столь невзрачному существу.

Сам шаман находился в подавленном настроении. Гарб считал, что именно его необдуманные действия забросили всю компанию в Эльжахим, и уже несколько часов молчаливо перебирал в уме возможные пути возвращения домой. Выход пока не нашелся, и гоблин все глубже проваливался в пучину хандры с каждым новым отброшенным вариантом. Друзья пока никак не обозначили своего отношения к произошедшему, но разговор не мог не состояться. Останутся ли они друзьями, когда… если выберутся?

Золото в Эльжахиме оказалось в не меньшем почете, чем в Первичном мире, и цену Муфад'ал заломил немаленькую. Предприимчивый краснокожий придирчиво попробовал на зуб каждую переданную ему монету. Чуть не сломав резец и убедившись, что в золоте присутствует изрядная доля меди для твердости сплава, он взвесил всю наличность на маленьких весах, которые нашлись тут же возле изгороди.

— Это общественные, — пояснил дьявол недоумевающим компаньонам. — Поверенные самым лучшим образом, так что обмануть не получится при всем желании. Не то чтобы у нас это принято, но, как у нас говорят, боишься пуутов — точи меч заранее.

— Доверяй, но проверяй, — перевел Бурбалка на понятный всем язык.

Дьявол прищурился, но ничего не сказал в ответ, продолжив взвешивание. Он долго что-то прикидывал в уме и лишь затем приветливо распахнул двери жилища, предварительно отогнав от них двух разноцветных сторожевых тараканов жутковатого вида и размера.

Первая ночь прошла без эксцессов, если не принимать в расчет гнетущее чувство тревоги, комаров размером с кулак, постоянно ломившихся в окна, и дьявольски оглушительный храп хозяина дома. Если от кровососов избавиться не представлялось возможным, то проблему громких звуков темный эльф Адинук решил радикально, заткнув раскрытую пасть Муфад'ала снятой с ноги портянкой. Дьявол поворочался с минуту, пожевал губами, поморщил нос, но храпеть перестал.

Наутро он нисколько не возмутился появлению во рту постороннего предмета, а просто употребил его вместо завтрака, до крайности расстроив этим действием темнокожего барда. Местному населению, кажется, было решительно все равно, чем именно питаться, лишь бы оно помещалось в пасть.

Короткий завтрак для смертных состоял в основном из разных видов жареного мяса. Муфад'ал притащил откуда-то дымящийся поднос и поставил перед гостями. Компаньоны с опаской переглянулись.

— Ешьте смело, — сказал Михель, потерев рукой шрам на подбородке. — Я не чувствую злых помыслов со стороны хозяина.

Гости нерешительно отведали угощение, оказавшееся вполне съедобным. Дьявол же уважительно посмотрел на монаха, но ничего не сказал.

— Смертные мои, вам определенно нужна экскурсия! — тоном, не терпящим возражений, объявил Муфад'ал после приема пищи, и повел гостей осматривать руины города Мек'ана.

Другим словом сей населенный пункт было невозможно описать: всюду шло строительство, но какое-то странное. Каменные здания в основном правильной геометрической формы горделиво возвышались над равниной, освещенной багровым небом,

пронзая небеса острыми шпилями. Многие еще достраивались с одной стороны, в то время как с другой бригады строителей в желтых касках уже растаскивали их по кирпичику.

— Похоже, рабы, — шепнул остальным Аггрх и побарабанил своими толстыми зелеными пальцами по еще более толстой мускулистой шее.

Много лет назад он сам носил рабский ошейник, и сейчас сочувствовал тем, кто пока не обрел свободу. Кольцо оставило глубокий след не только на теле бывшего гладиатора, но и в душе.

О незавидном положении бедолаг свидетельствовали многочисленные кровоточащие рубцы на их спинах и устрашающего вида надсмотрщики с чудовищного вида хлыстами в руках.

— По приказу аршидука, — пояснил гид, — устаревшие многоэтажки нужно сносить, а темп жизни у нас такой, что здания морально устаревают в одно мгновение. Вот и выкручиваемся, как умеем. Хорошо хоть, указы такого рода редко касаются частных особняков, а то ночевать бы пришлось под открытым небом. Вот, кстати, Академию злословия, которую вы можете видеть в отдалении по правую руку, тоже уже давно никто не сносил.

— А эти строители, они кто? — полюбопытствовал минотавр Каввель, прядя единственным ухом. — Перерожденные грешники?

— Хи-хи-хи, — прыснул в кулак Муфад'ал, — это неблагонадежные. Отвергнутые из других миров к нам попадают в виде бесплотных сущностей, и работать их заставить невозможно. Мы их используем как источник энергии-Дэ: дом там отопить или запасы пополнить. Это у вас смертных Дэ восстанавливается, а нам приходится выкручиваться. Ну, и еще большое количество душ в собственности повышает положение в обществе. Это как золото или самоцветы, только лучше и дороже.

— Отвратительно! — прошептал Михель.

— Еще бы! — горячо поддержал услышавший его гид. — Порядочным жахани приходится работать только потому, что нам не разрешают тратить Дэ там, где можно обойтись руками.

— А разве тут не должны вечно мучить души грешников или как ты их назвал отвергнутых? — уточнил Бурбалка, на всякий случай, сжимаясь в призрачный комок, что всегда с ним происходило в момент испуга.

— Да, отвергнутых богами. Не должны, но для тебя можно сделать исключение, — подмигнул дьявол и расхохотался, когда силуэт призрака пошел нервной рябью. — Шутка! На самом деле это нерационально. Обычно мы не делаем ничего, что не приносит выгоду. Так уж повелось. Большая часть из них идет на переработку, но некоторые сильные отверженные перерождаются в жахани. В низших, естественно. Потом уже за время службы они начинают трансформацию в более разумные формы.

— Ваще мрак! — искренне восхитился новому знанию призрак.

Михель поежился и пробормотал что-то насчет еще более незавидной участи для грешников.

— Ты говоришь, неблагонадежные? — попытался увести разговор в сторону Гарб.

— Да, — радостно отозвался Муфад'ал, — вольнодумцы! Они думают, что законы иногда можно нарушать!

— И что, для всех нарушителей законов одинаковое наказание? — удивился Каввель.

— Они не наказаны, они перевоспитываются. Трудотерапия, понимаете? Отбудут на

стройке свои сто-двести циклов и снова станут порядочными гражданами, вроде меня. Наказание у нас обычно одно — уничтожение и вечное забвение. Видите ли, большинство из нас не может умереть ненасильственной смертью, поэтому жизнью мы очень дорожим. Высшая мера применяется только за очень тяжкие преступления. А те строители, видите, у них у всех искажены лица — это тоже часть наказания. Заодно это позволяет отличить их от благонадежных.

Все всмотрелись в лица строителей. В отличие от облика их сопровождающего, несчастные походили больше на зверей с гуманоидными телами. Минотавр возмущенно фыркнул, представив, кем он выглядит для местных.

— Циклы? — с любопытством переспросил Гарб.

— Ах да, вы же не знаете, — сокрушенно произнес гид. — У нас тут постоянная война с пуутами — вы зовете их демонами. Периоды между их набегами на наш первый круг называются циклами. Продолжается так уже давно с завидной периодичностью, и конца и края войне не видно. Пууты плодятся очень быстро. Видимо, им нужно куда-то девать излишки населения, вот они и вторгаются к нам. Мы же любезно избавляем их от всех лишних элементов.

Компаньоны приуныли. Перспектива застрять во враждебном мире в условиях войны не радовала. Наступившую тишину разорвал звук лютни — это Адинук решил подбодрить товарищей музыкой. Муфад'ал аж подпрыгнул на месте и разъяренно зашипел:

— Прекрати немедленно, идиот! Такие звуки строжайше запрещены! Это иррационально и нарушает упорядоченную структуру мира!

Предупреждение запоздало: струны еще дрожали, а из провала в стене одного из домов уже выходили два восьмифутовых стража порядка. Их новенькие с виду металлические доспехи тускло мерцали, а огненные дубинки в руках недвусмысленно дьяволстрировали серьезность намерений.

— Вы арестованы по обвинению в нарушении общественного порядка! — гулко пророкотал из-за забрала рогатого шлема голос одного из стражников. — Вас ждет мучительное уничтожение третьей степени.

Словно в подтверждение его слов золотистая молния расколола багряно-черное небо, и на город обрушились потоки густой кроваво-красной жидкости, отдаленно напоминающей дождь на Лумее.

— Нас всех казнят! — тонко пискнул Муфад'ал и упал в обморок.

Каввель хмыкнул и вытащил из-за спины боевой топор. По лезвию тут же забегали синие искорки. Аггрх схватился за меч, Адинук спрятал лютню и вытащил лук. Бурбалка немедленно съежился до размеров горошинки.

— Спокойно, — сказал Гарб и постучал по земле посохом, привлекая внимание к своей персоне.

«Дождь» прекратился так же внезапно, как и начался. Стражники посмотрели на гоблинского шамана, переглянулись и дружно последовали примеру истеричного гида, вызвав у Михеля нервный смешок. Минотавр, подозревая тактическую хитрость, пошевелил одного из блюстителей кончиком секиры, но обморок оказался самым настоящим.

— Это какой-то странный Ад, как будто его отражение в кривом зеркале, — задумчиво произнес Адинук. — Или в посохе дело?

— А может, в Гарбе, который теперь ростом с олифанта? — подал голос Бурбалка.

Друзья резко обернулись и узрели гигантскую копию своего друга, смущенно

поигрывающую подходящим ей по размеру чаром. Большой лоб, приплюснутый нос, и короткая коричневая шерстка по всему телу никуда не делись, но смотрелись как-то иначе. Так величественно, что дух захватывало. Длинные лапы все также доставали до колен, но теперь внушали почтение.

— Оно как-то само получилось, — извиняющимся тоном произнес шаман.

— Похорошел, — заметил Адинук. — Не пойму только, как именно. Брови, что ли, гуще стали?

— Ты молился Бирканитре? — спросил Михель.

— Я машинально, но молитва тут ни при чем, — пошаркал ножкой Гарб.

— Не извиняйся, — Каввель попытался похлопать его по плечу и не смог дотянуться несмотря на свой немаленький рост.

— Давайте разбудим этого чертяку и быстро слиняем, пока к этим подмога не подоспела! — взволнованно предложил Бурбалка.

— Не хочу вас огорчать, но мы, кажется, не успеваем, — упавшим голосом прошептал монах, подтягивая пояс на балахоне.

Схватка грозила быть нешуточной. К друзьям со всех сторон приближались дьяволы-жахани. Большая часть из них — строители, хотя встречались и субъекты неопределенного рода занятий. Собравшихся объединяло крайне свирепое выражение морд и в основном негуманоидные черты. Когда дьяволы вплотную приблизились к замершей в ожидании компании, от толпы отделился тип с крокодильей головой в желтой каске и очень располосованной спиной. Видимо, его перевоспитывали сильнее других.

— Мы ждали тебя, о Освободитель! — воскликнул он, обращаясь к Гарбу. — Как и было предсказано, ты пришел!

— Вот те раз! — крякнул от удивления Адинук.

— Веди нас к победе! На Ме’дин! — не унимался неблагонадежный.

Толпа восторженно подхватила призыв.

— А что такое Ме’дин? — осторожно спросил шаман.

— Столица ненавистного тирана! — с жаром откликнулся крокодилоголовый, щелкнув двумя рядами зубов. — А вы разве не знаете про город-совершенство?

— Нет, — честно ответили компаньоны.

Лица и морды дьяволов омрачились почти вселенской скорбью, когда парламентер передал им эту мысль.

— Восстания не получится, — грустно заключил один из строителей, — Освободитель должен был знать про все… Вечно ты торопишься, Спартакиш! Зачем мы перебили надсмотрщиков? Ой, что будет…

— Пойдем на Ме’дин без них! — махнул рукой дьявол-крокодил. — Все равно казнят теперь, хоть умрем свободными. Лучше прожить день аршидуком, чем цикл шаятыном.

Толпа разочарованно вздохнула и разошлась вооружаться для похода. Валявшийся до этого на мостовой Муфад’ал зашевелился, заохал и обхватил когтистыми пальцами голову.

— Скажите, что все это страшный сон! — потребовал он.

Каввель молча указал рукой на останки стражников, которые кто-то под шумок успел обглодать до костей, даже не сняв с них доспехов, и удаляющихся строителей. Муфад’ал зажмурился и отвесил себе пощечину. Затем открыл глаза и увидел Гарба. От повторного обморока его услужливо спас Михель, наградив еще одной оплеухой. Жахани выглядел жалко и совсем не походил на того щеголя, каким казался еще с утра.

— Во что я ввязался! — горестно воскликнул незадачливый гид. — Я простой библиотекарь! За что мне все это? Сидел бы себе сейчас дома, потягивал ремму[1]… Вам хорошо, вас только испепелят, а меня для начала бросят в яму с лавой, чтобы я там пять тысяч циклов горе-е-ел!

Последние слова плавно перешли в нечленораздельное бульканье. Незадачливый гид сидел и тихо подвывал, друзья смущенно переминались с ноги на ногу, не зная, что предпринять дальше.

— Может, портал? — предложил Гарб, глядя на Бурбалку. Услышав про портал, Муфад'ал завыл чуть громче.

— Не могу, — глухо отозвался призрак. — Я уже пробовал. Сил хватает только на маленькое окошко, но даже оно не открывается. Вся Дэ ушла на прыжок сюда.

— И не откроется, — не прекращая истерики, выдавил из себя жахани.

— А можно в этом месте подробнее? — заинтересовался шаман.

Дьявол, однако, и не подумал отвечать. Десять минут уговоров и просьб ни к чему не привели.

— Ах, так? — разозлился гоблин. — Да я тебе сейчас!

Никто не успел остановить Гарба, когда посох Бирканитры взметнулся, чтобы обрушиться на голову Муфад'ала. Последовавшая вспышка ослепила всю компанию, кроме призрака, у которого глаз как таковых не было. От него друзья и услышали первые комментарии, в которых звучало удивление, сдобренное восторгом.

Первым проморгался Михель. Его глазам открылось потрясающее зрелище: вместо краснокожего дьявола с чрезмерным волосяным покровом на компаньонов, хлопая длинными густыми ресницами, взирала девица весьма смазливой наружности с кожей белее снега. Монах, за время странствий успевший отвыкнуть от женского общества, смог только разинуть рот от восхищения. Девушка прикрывала наготу длиннющими ярко рыжими волосами, хотя, судя по манере держаться, стыдливостью она не страдала. Присмотревшись, Михель увидел малюсенькие рожки, едва заметно выступающие над лбом незнакомки. Человек нахмурил брови.

— Тьфу ты, — сплюнул он на каменную мостовую. — Дщерь диавольская!

— Фи, грубиян! — сказала девица на чистейшем всеобщем, надула пухлые губки и томно вздохнула. — Мужчина, к тому же смертный, что с тебя взять.

— Не диавольская, а демонская, — поправил монаха Бурбалка. — Это суккуба.

— Я в курсе, — буркнул монах. — Довелось таких навидаться… э-э-э, в учебниках.

— А какая разница? — заинтересовался Каввель, но его вопрос остался без ответа.

К этому времени прозреть успели все, кроме Адинука, чувствительному зрению которого обычно мешал даже неяркий солнечный свет.

— Ты кто? — подозревая ловушку, спросил Гарб.

— Позвольте представиться, — сделала реверанс демонесса, вгоняя мужчин в краску, — Хиенна… кажется меня так зовут.

[1] Эльжахимский алкогольный напиток. Характеризуется запредельной крепостью и дьявольски приятным послевкусием. (прим. авт.)

Глава 2

Суккуба — демонесса, посещающая ночью молодых мужчин и вызывающая у них непристойные сны. Питается жизненными силами, сладострастна, похотлива и сластолюбива.

Пособие по демонологии

В очередной раз судьба преподнесла компаньонам сюрприз. Хороший или не очень, еще предстояло разобраться.

Девушка прекрасно владела языком, на котором общаются между собой расы на Лумее, но решительно не помнила почти ничего, кроме своего имени и некоторых мелких фактов, которые, с ее слов, сами «попадали на язык в нужный момент». На упоминание Муфад'ала она и вовсе обиделась.

— Это какой-то противный мар, да?

— Мар? — переспросил Гарб.

— Они так жахани называют, — пояснил Бурбалка. — Давайте побыстрее свалим отсюда, а то чует мое сердце — шухер где-то рядом.

— А как же я? Вы же не бросите меня беззащитную здесь? — шмыгнула курносым носиком суккуба.

— Почему нет? — спросил Каввель, прядя ухом.

— Я хорошая, — принялась загибать когтистые пальчики Хиенна, — красивая, приятная на ощупь…

— Достаточно, — поспешно перебил ее Михель. — Твое колдовство не властно над нами, бесовка!

— Говори за себя! — возразил Аггрх, пытаясь взглядом найти хоть какой-то изъян в фигуре суккубы. — И вообще, меня же взяли, троу вон даже взяли… Компания мужская. Из женского общества у нас только ручная паучиха Адинука, но она не в счет. Так что я за видовое и расовое разнообразие.

— Меня учили, что она опасна для всех мужчин, — тяжело вздохнул монах, стараясь не смотреть на демонессу. — Устав Ордена четко относит этот вид демонов к главным врагам всего рода людского.

Девушка старалась не подавать виду, но легкая дрожь выдавала, что перспектива остаться одной ее пугает.

Гарб с Каввелем переглянулись, но их возмущенные реплики опередил троу.

— Я плохо вижу, о ком идет речь, — сообщил он, отчаянно пытаясь нашарить предмет разговора руками, — но не чувствую в ней характерной для обитателей здешних мест злобы. Может, она нам еще пригодится?

Суккуба с готовностью закивала, от чего ее волосы заколыхались огненными волнами, слегка приоткрывая некоторые соблазнительные округлости. Аггрх и Адинук непроизвольно подались вперед.

— Если честно, я тоже не чувствую злобы, но я против! — заявил Михель. — Это может быть уловкой.

— Согласен с мичманом! — поддержал человека минотавр. — Баба на борту к беде!

— В силу некоторых ограничений, которые на меня накладывает профессия шамана, я

не совсем компетентен в подобных вопросах и не буду даже пытаться высказывать свое мнение, поскольку оно будет основано на вероятно ложном логическом посыле, — после некоторого раздумья изрек гоблин. — Бурбалка, — обратился к призраку шаман, — твое слово будет решающим.

— Чертовски приятно, что мне доверили хоть какое-то решение. Раз уж так дело обстоит, то надо все обмозговать. С одной стороны, демон в команде нам не повредит. С другой стороны, как верно подметил наш святоша, суккубы питаются жизненными силами смертных. С третьей, злобы в ней никто не чувствует…

— Ты, конечно, авторитетный демонолог, — ухмыльнулся Михель, — но что-то мне подсказывает, что именно тебе доверять в таких делах нельзя. Или ты забыл, как сам стал призраком?

— Э, нет! — возразил Бурбалка. — Я тогда был неопытным, а теперь я тертый калач. Короче, надо сперва выяснить, не будет ли она нам обузой. Эй, Хиенна, ты с оружием в ладах?

— Ты про такие железные острые штуки? А надо? — с придыханием спросила демонесса. — Нет, ну я не знаю, если очень надо, то я могу, наверное, но, вообще-то, обычно мне не приходилось, хотя, конечно, чтобы вот так вот сразу…

— Все понятно, — засмеялся было Каввель и утих, когда Хиенна совершила молниеносный прыжок ему за спину и свернула своими нежными на вид пальчиками шею огромной клыкастой твари, которая как раз намеревалась позавтракать минотавром.

— Ненавижу маров! — пояснила суккуба, впиваясь зубами в обмякшее тело адской зверюги. — И собак их ненавижу!

Аггрх поменялся в лице, а Михель застыл, всеми силами стараясь не пялиться на голую спину девушки.

— Вопрос с оружием снят, — раздался голос Бурбалки. — Осталось понять, не сделает ли она то же самое с кем-нибудь из вас.

— Хи-хи-хи, — колокольчиком рассмеялась суккуба, оторвавшись от шеи адской собаки, — ты смешной! Смертных нельзя убивать, смертные нужны для силы и удовольствия.

Капелька крови потекла по ее подбородку и, не успев упасть, всосалась в кожу.

— Беззащитная? — с сомнением сказал Каввель.

— Она тебе жизнь спасла! — напомнил Михель, немного смягчившись.

Угрозы со стороны суккубы он не чувствовал, но полученные в Ордене наставления оказались слишком крепко вбитыми в голову, не позволяя просто взять и согласиться потерпеть общество демона. К тому же, что-то в облике суккубы монаха смущало изначально. Только он никак не мог вспомнить что.

— Верно, долг крови, — спохватился минотавр. — Нехорошо его оставлять без оплаты. Меняю долг на свое согласие.

— Берем! — без колебаний заявил Бурбалка.

Друзья еще немного попрепирались, но в итоге все согласились принять Хиенну в группу. Демонесса к тому времени вволю напилась вражеской крови и каким-то неуловимым образом приоделась. Когда и как она успела это сделать, в пылу спора никто не заметил. Новый наряд из плотно облегающей тело красной кожи выгодно подчеркивал стройную фигуру суккубы, и даже Каввель был вынужден признать, что выглядит она просто сногсшибательно. Образ дополняли заплетенные в длинную тугую косу волосы.

— Так мы идем или нет? — нетерпеливо топнула ножкой Хиенна. — Мне не терпится разорвать еще парочку маров.

Гарб тяжело вздохнул, еще раз пожалев о своей вспышке гнева и сложностях, которые за этим последовали. У шамана сложилось впечатление, что посох странно на него влияет, но все догадки оставил при себе.

— Куда направимся? — спросил он остальных.

— Сдается мне, стоило бы спросить дорогу у местных, — отвлекся от рассматривания Хиенны монах, тайком все же пытающийся найти в ней какой-нибудь недостаток и оправдать этим свое недоверие. — Только я не уверен, что нам скажут правду.

— Это, кажется, Эльжахим, сладкий мой! — попыталась нежно обнять его за плечи суккуба. — Тут правду даже думать никто не будет.

Михель вздрогнул, кошачьим движением вывернулся и сделал шаг в сторону, от чего суккуба обиженно надула пухлые губки.

— Полегче там! — предупредил демонессу гоблин. — Одно неверное движение, и можешь прощаться с жизнью.

Хиенна нехотя убрала руки, но как бы невзначай провела монаху ладошкой по небритой щеке.

— Ладно, пойдем туда! — махнул лапой Гарб.

***

Выбранное направление быстро вывело спутников из города. Пейзаж при этом сильно не изменился. Просто дома стали больше походить на руины и меньше на жилье. Правда, земля здесь во многих местах была изранена бесчисленными карьерами и рвами. Груды камней и шлака вперемешку с вулканическим пеплом дополняли картину. Шныряющие в темных закоулках развалин твари, также все меньше напоминали разумных существ, и все больше смахивали на диких и агрессивных зверей. Никто, однако, на компанию не нападал. Друзья недоумевали, в чем разница с предыдущим днем, а суккуба лишь хитро улыбалась и мурлыкала себе под нос какую-то мелодию.

— Пссст! — обратился к компаньонам темный силуэт, выглянувший из-за очередного полуразрушенного здания. — Эй, идите сюда!

— Полный стоп! Это наверняка ловушка! — предостерег остальных минотавр.

— Гарб, это правда ты?! — недоверчиво воскликнул силуэт. — Какой ты огромный!

— Кто здесь знает мое имя? — в свою очередь изумился гоблин.

— Это я, Звонос!

— Братец? — еще больше удивился Гарб. — Но как? Выходи, поговорим!

— Мы боимся.

— Кто это мы? — уточнил шаман. — И кого боитесь?

— Тут почти вся деревня и много кто еще. Подойди к нам. Ты большой и живой, тебе некого бояться, а на нас все охотятся. Нам опасно выходить на открытые места.

— Прикройте меня! — на всякий случай распорядился Гарб и осторожно пошел к брату.

Приблизившись к руинам, он увидел в узком проходе между развалинами домов множество духов своих соплеменников. В отличие от Бурбалки, эти призраки выглядели вполне обычными бесплотными образами самих себя при жизни. Разве что весь их вид говорил о совсем скудном питании последнее время.

— Что с вами стряслось? — пораженный количеством знакомых, ахнул шаман.

— Если коротко, то мы попали в Ад, — горестно отозвался Звонос.

— Но как? Гоблины после смерти попадают в мир духов!

— Так оно и было, — подтвердил один из духов, в котором Гарб с ужасом узнал одного из своих любимых информаторов, — а потом пришел такой странный бесформенный тип! Он был не такой, как все, и стал пожирать нас одного за другим. Он съедал нас в мире духов, и мы совсем обессиленные сразу перемещались сюда.

— Этого я не застал, — добавил Звоносл. — Всех, кто остался в деревне после твоего побега, брат, убили. Пришли какие-то бандиты и кого не перебили, угнали в рабство. Убитые, как положено, после смерти попали в Шеол. Первое время все было нормально, а потом к нам пришла какая-то тень и сделала то же самое, про что только что рассказал Мирзиск.

— Суть одна, — кивнул призрачной головой Мирзиск. — Мы все здесь. Прячемся и медленно таем, потому что нас никто не кормит приношениями. Помоги нам, пожалуйста! Вся надежда на тебя. Я вижу, ты стал сильным магом. Может быть, тебе удастся что-то сделать.

— Так-так, — произнес Гарб, терзаемый смутными подозрениями, — я отлучусь на минутку.

— Бурбалка, — приторно сладким голосом сказал он, возвращаясь к друзьям, — так ты утверждаешь, что духов возле моего жертвенника ты тогда просто разогнал?

— Ага, — бодро подтвердил призрак, сжимаясь до размеров точки.

— Ах ты негодяй! Ты мне лгал! Да как ты посмел их лишить жизни! — завопил шаман.

Красный туман застлал ему глаза…

***

Гарб очнулся крепко связанным. Он лежал на холодном черном песке, а его тело нестерпимо ныло от туго стянутых ремней.

— Проснулся? — с тревогой заглядывая ему в глаза, спросил Каввель, дежуривший у костра неподалеку. — Дьявольщина! Ты такой шторм устроил, что мы тебя час успокоить не могли, а потом ни с того ни с сего залег спать на полдня. Я в своей морской жизни такой ярости не видал никогда. Что тебя так разозлило?

— Где он? — не удостоив минотавра ответом, спросил шаман.

Безумие отступило, а злоба осталась.

— Ты едва не прикончил беднягу! — выпалил Каввель. — Мы сперва думали, что ты шутишь, а потом… — голос пирата дрогнул, — потом ты начал лупить его посохом. Хорошо хоть он маленький да юркий сделался, ты по нему только разок и попал. Он взвизгнул тогда, о пощаде молил, да ты не слушал. А когда ты его волшебством ловить стал, тут уж мы подоспели. Повалили тебя на землю, хоть ты и брыкался сильно.

Минотавр потер ушибленный лоб и поморщился.

— Прости, дружище, — тускло произнес гоблин, — он убил мою родню. Он отправил их прямиком в Ад, ты понимаешь?!

— Они уже были мертвыми, — раздался неподалеку глухой голос Михеля.

— Черта с два! — взвизгнул Гарб. — Духи предков не умирают! Они вечно живут в Шеоле и помогают шаманам в обмен на подношения! А он, он!..

— Мы беспокоимся за тебя, друг, — печально изрек подошедший Аггрх, — а еще больше за себя. Теперь мы не можем повернуться к тебе спиной. Я сейчас больше троу доверяю, чем гоблину, в котором я был когда-то уверен на все сто.

— Угу, — флегматично подтвердил его слова Адинук.

Шаман грустно вздохнул и отвернулся от компаньонов. Злоба тоже ушла, оставив вместо себя чувство вины и душевную пустоту.

— Прости меня, — услышал он скрипучий замогильный голос.

Гарб повернул голову и увидел знакомую фигуру Бурбалки. Призрак выглядел не лучшим образом: обычно плотный сгусток тени, бесконечно меняющий очертания, был местами разорван, и сквозь клочья проглядывал мрачноватый адский ландшафт. Дух бывшего ученика чародея судорожно трепыхался, силясь залатать прорехи, но, по всей видимости, не мог этого сделать. Гарб посмотрел на мучения Бурбалки, и скупая слеза раскаяния скатилась по его щеке. Призрак, очевидно, доживал свои последние минуты — шаман определил расклад сразу, едва взглянув на происходящее внутренним зрением.

— Больно? — упавшим голосом спросил гоблин.

— Типа того, — проскрипел призрак. — Чувствую, будто из меня нутро выдрали раскаленными клещами. Не в прямом смысле, конечно.

— Прости и ты меня. Я уже ничего не могу исправить.

— Понимаю, — безрадостно отозвался дух.

— Мальчики, ну что же вы так трагично-то? — проворковала где-то неподалеку Хиенна. — Что стряслось-то? Кто-то умер что ли? Ну, подрались немножечко, с кем не бывает!

— Помолчи, демон! — шикнул Каввель. — Сейчас не место для твоих козней.

— Жаль, — обиделась суккуба, — а я хотела ему помочь.

— Ты можешь его вылечить? — ахнул Гарб. — Так делай это быстрее! Ему осталось не больше часа!

— Ой, я просто так не могу! — стала загибать пальчики Хиенна. — Мне надо сначала напитаться живительной энергией! Потом…

— Возьми мою! — перебил ее гоблин. — Только быстро.

Демонесса критически осмотрела связанное тело шамана и фыркнула.

— Извини, дружочек, но ты не в моем вкусе. Кто еще хочет получить наслаждение, какого в жизни не пробовал?

— Это безопасно? — подозрительно прищурил глаза минотавр.

— Не помню точно, — на миг смутилась суккуба. — Кажется, я никогда такого не делала со смертными при живом контакте. Мы обычно ходим в гости как проекции… но я всегда осторожна и не пью лишнего.

Михель вышел вперед, оттеснив орка с троу, и скептически осмотрел демонессу. Такие девчонки, как эта, ему всегда нравились. Чары на монаха почти не действовали, и он лишь немного опасался последствий для души. Если хотя бы десятая доля того, что рассказывали про суккуб в Ордене, окажется правдой — может быть плохо.

— Я готов, что нужно делать?

— Как маленький, честное слово! — оскалил зубы Аггрх, раздевая взглядом Хиенну. — Ты точно был женат?

Демонесса вместо ответа повела плечиком и, не оборачиваясь, пошла к ближайшему относительно целому строению. За ней наперегонки рванулись Адинук с Аггрхом, а Михель медленно побрел следом. Пару раз он обернулся на Бурбалку, словно сомневаясь, стоит ли ради него так рисковать. Не так давно он сам хотел уничтожить это порождение тьмы, но теперь, после целой кучи совместных приключений, воспринимал его как друга. К тому же, он видел его человеком, и это сыграло решающую роль.

Отсутствовали они где-то с полчаса. Первой в дверном проеме появилась демонесса. Ее глаза сияли, коса растрепалась, а улыбка выглядела мечтательной.

— Это было так… необычно, — с удивлением сказала она и направилась к призраку.

Следом показался пошатывающийся Аггрх. Его лицо было усталым, но донельзя довольным. Только через минуту из дома вышел Адинук. Он горделиво выпятил грудь, сделал шаг вперед и упал. За ним выполз Михель. По замысловатой траектории он обогнул лежащего троу, дополз до Гарба и распростерся на песке возле него. Гоблину показалось, что на лице человека застыло удивленное выражение. Однако монах отвернулся, а шаман не рискнул сейчас приставать с расспросами.

— Я готова, — объявила Хиенна, — теперь мне нужна полная тишина и абсолютное согласие пациента на операцию!

— А больно не будет? — умирающим голосом поинтересовался Бурбалка. — Несмотря на свое состояние, он еще пытался пошутить.

— Будет немножко, — честно призналась суккуба. — Так что, можно начинать?

— Валяй! — согласился призрак. — Хуже-то уже навряд ли че-то случится.

В гробовой тишине демонесса потерла ладошки, протянула их к духу и начала процесс восстановления. Пять пар глаз напряженно следили за происходящим.

От рук суккубы к призрачному силуэту потянулись зеленые нити. Они впивались в очертания духа и, словно вязальные спицы, принялись залатывать прорехи.

— Все, — сообщила Хиенна минут через десять, убирая руки, — кажется, я даже немножко перестаралась.

— Ничего себе перестаралась! — удивился Каввель. Место изорванного в лоскуты призрака занял самый обычный человек из плоти и крови. Черноволосый загорелый юноша — на вид немного за двадцать — невысокого роста и щуплого телосложения с приятными правильными чертами лица и дерзким мальчишечьим взглядом пощупал себя в разных местах и захохотал. Одет он был в ту же самую матерчатую куртку и шерстяные брюки, что и раньше.

— Нет, я не могу! — восклицал он в перерывах между приступами смеха. — Это ж надо! Столько мучений было в прошлый раз, чтобы вернуть мне тело, а это, оказывается, так просто!

Суккуба ласково прикоснулась к нему и лизнула в щеку длинным розовым языком.

— Потом как-нибудь поблагодаришь, — подмигнула она. — Никто не желает повторить, а то я что-то выдохлась? — обратилась она к давешней троице.

На сей раз никто не вызвался.

Глава 3

Любовь — лучший охотник. Она остается совершенно незаметной для своих жертв до тех пор, пока они окончательно не попадутся в расставленные ею сети.

Эльфийская народная мудрость

В конце концов компаньоны вспомнили и про Гарба. Тот все еще лежал связанным и сгорал со стыда. Он нарочно не напоминал о себе, чтобы максимально отсрочить неизбежные объяснения.

— Ну, так что это было? — сурово спросил Аггрх, распутывая ремни, удерживающие лапы гоблина.

— Это все посох, — горестно сознался шаман, — он подчиняет меня себе.

— Я подозревал нечто подобное, — сказал Михель. — Хотя я никак не возьму в толк, почему так происходит. Злобная сущность этого места влияет или что-то другое? Посох пока придется разобрать и спрятать в вашу волшебную торбу.

— Не позволю! — дернулся было Гарб в сторону монаха.

Не развязанные до конца ремни причинили гоблину боль, но далеко не отпустили.

— Лучше послушай святошу, — назидательно шепнул Гарбу орк, — а то в следующий раз не развяжу.

— В следующий раз от нас может мокрого места не остаться! — многозначительно похлопал себя по лбу Бурбалка. — Мне еще повезло, что он не вздумал молиться, а просто стал им меня лупить, как обычной палкой.

— Конечно, вы правы, друзья, — сказал пристыженный шаман, — это все так неприятно! Простите меня, если сможете.

— Да ладно, чего уж там! Какие обиды! — Каввель был готов простить гоблина безоговорочно и сразу, тем более что, только помогая Гарбу, минотавр смог бы окончательно избавиться от своего проклятия.

Остальные оказались более злопамятными, но держать Гарба связанным дольше смысла не было, поэтому его освободили от пут под честное слово разобрать посох. С чаром возникла заминка: шаман, вроде бы, уже был готов его спрятать в бездонную торбу, но посох решительно не хотел разбираться на составные части. Три Бира, из которых он был собран, срослись намертво. Целиком же исчезать в чреве магической сумки чар тоже теперь никак не желал. Адинук простодушно предложил носить посох по очереди, за что едва не получил им по голове.

— Гарб, тебе придется научиться себя контролировать! — потребовал Михель. — Могу показать пару дыхательных упражнений, и, если Вседержитель позволит…

— Понимаю, — безрадостно перебил его гоблин. — Боюсь только, что дыхательные практики не дадут быстрого эффекта, а других способов я не знаю.

— Мужчины всегда немного бестолковы, — улыбнулась суккуба. — Разве это сложно? Подумаешь, волшебная игрушка оказалась с характером! Войди в транс, потянись к ее сущности и поговори с ней. Так хотя бы узнаешь, в чем дело.

Шаман одарил Хиенну таким взглядом, будто видел ее впервые. Демонесса хихикнула и принялась строить глазки Михелю. Он явно ей понравился больше прочих компаньонов. Монах насупился и отвернулся, а Аггрх уязвленно заиграл желваками на скулах.

***

Гарб отлучился к испуганным духам предков и пообещал вытащить их из адского плена как можно скорее. Вокруг убежища он соорудил небольшой магический кокон. От разумных жахани такое укрытие, конечно, никого бы не защитило, но вполне могло помочь против хищников. Этот же кокон поддерживал жизненные силы духов. Больше пока ничего сделать было нельзя, и шаман вернулся в лагерь к друзьям, чтобы подготовиться к медитации. Компаньоны ясно дали понять, что не намерены двигаться дальше, пока Гарб не обуздает свой нрав. И гоблин ушел в поисках уединенного места, тяжело опираясь на посох.

— С ним все будет в порядке? — обеспокоенно поинтересовался Каввель, глядя вслед уходящему товарищу.

— Он справится, — уверенно ответила Хиенна и тут же спросила. — А как вы сами сюда попали?

— На этот вопрос сложно ответить, — вздохнул Каввель. — Все началось с моего проклятия…

— Так уф и ф него? — Бурбалка расположился на песке и с наслаждением поглощал припасы, извлеченные из бездонной торбы.

Быть человеком ему определенно нравилось больше, чем призраком.

— Давайте я расскажу, — предложил Адинук и с усмешкой взял в руки лютню. — Наверное, даже спою. Нарушу еще разок местные законы, пока никто не слышит.

Остальные молча кивнули и устроились поудобнее. Хиенна завороженно слушала, темнокожий бард пел, и пальцы его перебирали струны, а звуки его голоса нежно трогали незримые нити где-то в сознании суккубы.

Давным-давно жил на свете ученик чародея, превращенный злобным демоном в бесплотную сущность. Скитался бедняга по миру духов, пока не свела его нелегкая судьба с гоблинским шаманом-безбожником да минотавром-проклятым. И объединились все трое, дабы исполнилась воля богов. И сбылось пророчество, что проклятый минотавр сможет вернуть себе тело, если поклянется помогать своему спасителю исполнить предначертанное.

— Да, клятва минотавра нерушима. У меня год на исполнение второй части пророчества, — пояснил Каввель и с тревогой спросил сам у себя. — Хотя, уже ведь меньше осталось, да?

— А за что тебя прокляли? — спросила суккуба.

— Долгая история, — неохотно ответил минотавр. — Я брата убил, а там еще дочка бога была. Я ее обидел тогда немножко.

— Приемная, наверное, — добавил Антонио. — Иначе как объяснить. Не через аватара же в самом же деле…

И отправились компаньоны в дальний путь…

— Погоди, — прервал пение Бурбалка. — Гарбу потом явилась эта его богиня, типа во сне, и он тогда узнал, что ее держат в заточении и освободить ее можно…

…собрав вместе все части божественного посоха, да только есть хапугов племя злобное на Лумее, которое тоже жаждет завладеть посохом волшебным, чтобы возродить своего бога презренного. И стал спутникам помогать юный служитель бога верховного, благословленный на это дело учителем своим премудрым. Духом и телом сей служитель крепок был, и нашлась в его владении первая часть посоха.

— Не такой уж и юный, — пробормотал уязвленный Михель. — Хотя это смотря с кем

сравнивать.

— А потом с Сандро, это мой кореш давешний, — встрял Бурбалка, — он еще мертвяков подымать научился, пока я по Шеолу бегал. Так вот, мы ритуал замутили один. Я так хотел себе тело вернуть, а он, наоборот, стать таким, как я.

— И мой сынок из-за него умер. Я этих недотеп в плен взял, когда они на орочью территорию зашли. Слово за слово, и мы вместе пошли брать штурмом город некроманта, будь он неладен, — добавил Аггрх, впав в глубокую задумчивость.

В исполнение последней воли павшего сына зеленокожего воителя отправилась пестрая компания к эльфам в академию, чтобы труд его исторический академикам передать. Нашли герои еще две части посоха в своих странствиях. И все было хорошо, пока не напустили враги мертецов орду лютую на град эльфийский. И тогда соединил шаман удалой части посоха во единое целое…

— Да как стукнет им по полу! — поддакнул Каввель. — Тут-то все колдовство вокруг и кончилась. Академия в прах рассыпалась, мертвяки все попадали…

— И хапуги сбежали, а я сюда портал открыл, пока нас эльфы на части не порвали, — подытожил Бурбалка.

Хиенна очнулась от ступора и похлопала ресницами, пытаясь избавиться от живо представленной картины приключений.

— Как весело было! — наконец воскликнула она. — Я вот только понять не могу, ты-то откуда взялся? Тебя не было в этой истории!

— Я просто не привык петь про себя, — скромным шепотом сообщил Адинук. — Меня им тоже судьба подбросила, когда они обломки посоха собирали. Ну, и спасли меня из каменного плена немножко, хоть я их и не просил об этом.

— Что же теперь? — потянулась после долгого сидения на песке суккуба.

— Теперь нужно найти дорогу домой, — снова подал голос Михель, не глядя в сторону суккубы. — Там целый мир в опасности, а мы тут прохлаждаемся.

***

Ловец духов облюбовал для вхождения в транс уединенное место в одном из заброшенных домов. Приготовления не заняли много времени. Потребовалось только выгнать из здания парочку мелких крылатых дьяволят, пригрозив им посохом. Похожие на исполинских летучих мышей создания негодующе заверещали, взлетели под потолок, неуважительно оттопырили средние пальцы на задних конечностях и выпорхнули сквозь пролом в стене.

Гарб начертал магический круг заговоренной солью, извлеченной из недр своего кафтана, тщательно проверил расположение символов и уселся в центр получившегося сигила. Скрестив лапы на груди, шаман глубоко вдохнул и начал погружение в глубины своего подсознания. Лихорадочный поток образов быстро заполнил разум — мощь магической печати создала необходимую атмосферу — и увлек дух гоблина за собой.

Ловец очнулся в странном незнакомом месте: на шеольный план было не очень похоже. Наверное, следовало ожидать, что в Эльжахиме законы перемещения сознания отличаются от таковых в Первичном мире. И все же Гарбу стало не по себе. Вокруг клубился призрачный голубовато-сизый туман, надежно скрывавший любые видимые объекты, если таковые, конечно, тут были. Шаман вытянул вперед лапу, и она сразу же исчезла в загадочной дымке.

— Эй, тут есть кто-нибудь? — несмело позвал он.

Голос прозвучал на редкость тихо и неестественно глухо.

— Кто тревожит мой покой? — холодно поинтересовались из мглы.

— Я! — набравшись смелости, ответил Гарб.

— Это хорошее имя, хотя и очень распространенное, — устало сообщил невидимый собеседник. — Почти каждый, кто сюда приходит, называется им. И чего же ты хочешь от меня очередной «Я»?

— Что это за место? — спросил гоблин.

— Ты в мире между мирами, в эфирном плане бытия. Это что-то меняет?

— Есть один посох, — осторожно начал шаман, совсем переставая понимать, с кем разговаривает, — и у меня с ним возникли некоторые разногласия. Надо бы их уладить.

— А вот это уже интересно! — оглушительно грянуло со всех сторон. — Продолжай!

— Позвольте сначала узнать, с кем имею честь вести беседу! — крикнул гоблин.

— Не ори так, у меня очень чувствительный слух! — громкость голоса невидимки едва не сбила шамана с ног. — Это место называется эфирной границей, и я ее страж. Так что там у тебя с посохом, роман?

— Э-э-э, можно и так сказать, — смутился Гарб.

— Это мне знакомо, — потеплевшим тоном сообщил страж границы, — любовные переживания смертных развлекают меня.

— Когда я входил в транс, то планировал поговорить именно с посохом, — добавил гоблин.

— Тогда ты попал в правильное место, смертный маг. Здесь можно разговаривать с кем угодно. Скажи мне, как зовут твоего возлюбленного, и я смогу его сюда вызвать.

Гарб не стал разубеждать стража в нелепости его заблуждений и просто сказал, что интересуется посохом Бирканитры.

— Вызываемый абонент не отвечает, — после небольшой паузы изрек невидимка. — Может быть, у него есть другие имена?

— Хм, — гоблин в задумчивости попробовал почесать подбородок, но лапа свободно прошла сквозь тело, не встретив сопротивления, — последователи брата Бирканитры называют его посохом Быр-Хапуга.

— Сейчас попробуем так.

Посох тотчас же вынырнул из мистического тумана и пребольно стукнул гоблина по голове.

— Эй, — возмутился ловец духов, — тут же не материальный план!

— А я тебя и стукнул нематериально! — мерзко захихикал посох голосом, который напомнил шаману про его старого учителя.

— Ладно, голубки, вы тут воркуйте, а я пока издали понаблюдаю, — поспешно заявил страж границы.

Посох нырнул в туман, из которого донеслись приглушенные крики и звуки ударов. Затем он вернулся и без предисловий попытался тюкнуть Гарба по голове еще раз.

— Ты что творишь, костыль недоделанный?! — разъярился шаман, уворачиваясь от нападения.

— Ты первый начал! — парировал чар, заходя на разворот.

— Как это?

— А нечего было мной бить всех подряд. Ишь ты, взял моду! Я точный магический прибор, меня нежелательно использовать как оружие! Ты бы еще гвозди мной начал заколачивать, варвар!

— К тебе инструкция не прилагалась! — возразил Гарб, уклоняясь от очередного выпада. — И вообще, хватит меня делать злым!

— Да, ты же у нас непроходимо добренький. Аж противно! Но это не моя работа.

— Как не твоя? — потерял концентрацию гоблин и тут же получил чувствительный удар в темечко.

— Тяжелый случай, — вздохнул посох, остановился и нравоучительным тоном произнес. — Последним мной владел Быр-Хапуг — бог, доменом которого сейчас являются злоба, вероломство и разрушение. Если бы ты был чуточку умнее, то давно бы догадался, что во мне все еще сильны настроения предыдущего хозяина. Божественное вмешательство всегда вызывает далеко идущие последствия.

— Значит, все-таки ты меня вынуждаешь совершать злые поступки!

— Не смеши мои украшения! Я всего лишь большая волшебная палка с драгоценными камнями. Как я могу заставить своего владельца повиноваться мне? Ты сам поддаешься этим настроениям.

— И что же мне делать?

— Тренировать силу воли, наверное, или отдать меня тому, у кого ее больше, чем у тебя. И еще срочно верни мне навершие, я без него себя некомфортно чувствую и нестабильно работаю!

— Про силу воли я понял, а с навершием придется потерпеть. Мы в Ад попали, если ты не в курсе, а оно где-то на Лумее осталось.

— Это проблема, — согласился посох. — Вот что, идите-ка вы к местному правителю, он вас направит дальше по инстанциям. Местным вы уже поперек горла стоите, но они меня боятся и будут рады поскорее выпроводить вас. Короче, заходи сюда потом, еще поболтаем.

По интонациям в голосе чара Гарб сообразил, что нападений можно больше не опасаться.

— Ваше время истекло, продлять будете? — встрял в разговор страж.

— Кстати, иди-ка сюда! Мы с тобой еще не закончили! — подхватился посох и умчался в сумрак.

— Склочный у тебя возлюбленный! — успел уловить шаман краем уха, прежде чем до него донеслись звуки потасовки.

Туман на мгновение сгустился, а когда рассеялся, то гоблин обнаружил себя сидящим в неудобной позе на начертанном сигиле. Чар мирно покоился в лапах и ничем не выдавал своей вздорной натуры.

***

— Ну? — хором встретили Гарба компаньоны.

— Все сломаю и погну! — попытался пошутить шаман, но осекся, наткнувшись на встревоженные взгляды. — Да будет вам! Я побывал на весьма интересном саммите, и мы с посохом пришли к компромиссу по вопросам близких физических контактов с поверхностями тел других разумных существ.

— Точно? — переспросил Бурбалка как самый заинтересованный в спокойной атмосфере путешествия. — В такие моменты очень хочется дать тебе волшебного пенделя, чтобы ты говорил понятнее. Я только через слово понял, хотя читал те же книги. Все будет хорошо?

— Можно и так сказать, — ничуть не смутился гоблин. — Осталось только научиться самоконтролю, но я буду над этим упорно работать. Кстати, Хиенна, ты не знаешь, почему я

попал в эфирный план вместо Шеола?

— Шеол — это тоже один из миров? — уточнила демонесса, демонстративно сдерживая зевок. — Я плохо знаю эти всякие географии, потому что они скучные. Есть куда более интересные штуки. Но мне кажется, один из моих любимых когда-то говорил, что в Эльжахиме все не так, как в других мирах. Тут, вроде бы, прямой выход для всех закрыт, а в Эфир двери всегда открыты, и закрыть их нельзя никому.

Троу вскинул голову, оторвавшись от лютни, на которой до этого старательно выводил какую-то незамысловатую мелодию.

— Ты смогла что-то вспомнить о своем прошлом? — заинтересовался Адинук. — Это так трогательно!

— Воспоминания приходят ко мне не связанными между собой картинками в голове. Толком так ничего и не вспомнилось, но, когда вы называете какие-то вещи, я иногда припоминаю новую картинку из той жизни до вспышки.

— Рахэн-ди! — внезапно сказал Бурбалка.

— Чего? — не понял Каввель. — Это на каковском?

Михель же как-то подобрался, когда услышал это название.

— Великий разлом, он же Бездна, — перевел парень, — это на пуутском.

— Да! — захлопала в ладоши суккуба. — Я помню родину! Там гораздо веселее, чем здесь! Там никто никого не заставляет подчиняться нудным правилам, и каждый может быть сам себе хозяином. Спасибо, что помог вспомнить, дорогой!

— Не за что, — расшаркался молодой человек.

— Антонио, ты что, знаешь язык демонов? — вспомнил человеческое имя Бурбалки Гарб.

Михель весь обратился в слух, пристально глядя на компаньонов.

— А то как же! — охотно ответил юноша. — Тот демон, который затащил меня в мир теней, был довольно странным. Он, вроде как, хотел меня уничтожить, но при этом передал мне знания портальной магии и научил своему языку.

— Это наверняка был куньмо, они всегда отличались неадекватностью, хотя охотники хорошие, — нахмурилась Хиенна и тут же обрадовалась. — Еще, хочу еще вспоминать!

Бурбалка вскочил на ноги и забегал туда-сюда, не обращая внимания на недоуменные взгляды остальных.

— Куньмо? В переводе с пуутского означает дурак, — схватился за голову парень, наконец останавливаясь. — Меня что, чуть не убил демон-дурак?! Хотя, того как-то не так звали.

— Имя ничего не значит, дорогуша, — многозначительно сказала суккуба. — Если он дурак, то хоть ученым обзови, а суть не поменяется.

— Ладно, хватит прохлаждаться! — подвел итог беседе Аггрх. — Мы куда-нибудь идем или будем тут торчать вечность? Песок холодный и воняет тут.

— Здесь везде зловонные запахи, так что разницу мы ощутим только в части, касающейся цивилизованности местных жителей, — поморщился Гарб и вспомнил про слова посоха. — Банальная интуиция подсказывает, что нужно идти к этому аршидуку, про которого упоминал Муфад’ал. Только он может помочь нам выбраться отсюда.

— Чтобы нас всех испепелили, как говорил все тот же жахани? — иронично поинтересовался Михель. — Судьба демона тоже будет незавидной.

Встал во весь рост и гоблин. Он тяжело оперся на посох, нежно погладив его резную

поверхность ладонью.

— Есть сведения, что пока посох у меня, нам ничего не угрожает, — категорично заявил шаман, — так что пойдем. Желающие остаться могут переждать здесь.

— Аха, — промурлыкала суккуба, — очаровательная игрушка. Мары ее боятся больше вмешательства Владыки света в свои дела.

— А с чего это вдруг? — спросил Каввель. — По мне, так посох, как посох. Волшебный немного, но ничего особенного.

— Ничего особенного? — вскинула бровь суккуба. — Сладкий мой, с первого взгляда видно, что он нарушает все мыслимые и немыслимые законы магии, а у маров бзик по поводу соблюдения всяких правил.

Возражений больше ни у кого не нашлось, хотя орк все же попытался омрачить начало нового пути:

— А дорогу кто-нибудь знает?

— Дорогу найдем, — успокоил его гоблин, — надо только найти и допросить носителя информации, но сначала мне бы хотелось прояснить кое-что. Мы должны держаться вместе, пока не выберемся отсюда. Мне кажется, это вполне очевидно для всех. Однако я намерен быть с вами до конца и после этого, потому что вы мои друзья. Я хочу знать, будете ли вы со мной, когда мы покинем пределы этого негостеприимного места?

— Минотавры своих решений не меняют, — первым сказал Каввель. — Если я назвал кого-то другом единожды, то буду верен даже в утробе кракена. За остальных не поручусь.

Темный эльф с мечтательной полуулыбкой энергично тряхнул головой, разметав по плечам нечесаную гриву пепельных волос.

— Меня с вами свела судьба. Возможно, даже сам Хьялти Златобородый направил вас ко мне. Так что я просто не вижу других вариантов, — высказался Адинук.

— Варианты есть всегда, — не согласился Бурбалка, опасливо поглядывая на гоблина. — Но если ты обещаешь больше не бросаться на меня, то и я с вами до конца. По крайней мере пока не выберемся отсюда, а там поглядим. Мне все равно идти больше некуда, а с вами я за свою шкуру спокоен. В основном…

— Раз уж мы обещали тебе помогать в сборе посоха, то и из всех передряг нам выбираться вместе, — добавил орк, ударив себя кулаком по нагруднику. — Мне тоже некуда податься. Не возвращаться же в то горное племя в самом деле. Еще десяток лет с необразованными недоумками я не выдержу и свихнусь, как Адинук. В нашей компашке хоть есть с кем нормально поболтать и кинжала в бок можно не опасаться.

Гарб осмотрел компанию, задержав взгляд на каждом. Его сердце переполняла радость, что они все еще друзья несмотря ни на что.

— Мальчики, можно я с вами? — напомнила о себе Хиенна. — Не знаю насчет посоха, но без вас мне тут не выжить, и я умею быть благодарной.

На этот раз никто не стал возражать.

Глава 4

«Нет ничего скучнее стабильности. Полнейшая непредсказуемость — вот что отличает нас пуутов от остальных существ».

— Хиенна Огненная

Пока друзья решали свои проблемы, над столицей Лугриал-Зевува нависла нешуточная угроза. Вечная война с пуутами редко докатывалась даже до второго круга. В возможность вооруженного восстания всерьез никто не верил, поэтому укрепления в Ме'дине отсутствовали напрочь. Аршидук слишком полагался на несокрушимость своих файлаков[1], чтобы опасаться каких-либо угроз. Правда, сейчас почти все силы по приказу Люцифера отправились в первый круг — ожидалось массированное наступление врага. Осталась только гвардия, да несколько отрядов стражей порядка — омони.

Так что появление целой армии кровожадных мятежников на расстоянии трех полетов стрелы от идеальных улиц совершенного города вызвало панику. Его Светлость даже сперва решил, будто это пууты нашли какой-то неучтенный портал, и теперь их полчища легко захватывают незащищенный круг. Разведка, однако, быстро составила картину происходящего беспорядка и представила подробное донесение. Получалось, что свои же законопослушные жахани взбунтовались против общественных работ и теперь идут свергать ненавистного верховного собрата.

— Немыслимо! — только и смог воскликнуть ошарашенный тиран.

По самым оптимистичным оценкам, восставшие численно превосходили доступные войска раз в сто, если не в тысячу. Надежда оставалась только на выучку и зачарованные доспехи гвардейцев, да на их огненные мечи. Повстанцы такой экипировкой похвастаться не могли, имея в своем распоряжении лишь лохмотья вместо доспехов да строительный инвентарь в качестве оружия. Правда, свирепости им было не занимать.

Лугриал-Зевув мог бы, наверное, послать за подмогой к одному из правителей соседних кругов, но делать этого очень не хотел. Кто знает этих братьев, не пожелают ли они под шумок свергнуть аршидука и править Себатуном сами?

— Решено, — сообщил он капитану дворцовой стражи, — рассчитываем только на свои силы и начнем сражение завтра утром. Так и передай мятежникам: ночные нападения против правил. Я думаю, они не осмелятся атаковать в темноте.

***

Тем временем компаньоны искали проводника до Ме'дина, даже не догадываясь о событиях, невольной причиной которых они стали.

Пришлось вернуться в Мек'ан. За его пределами живые существа при встрече сразу норовили пустить в ход зубы, когти, шипы и прочие подручные средства для разделки мяса либо в панике убегали.

— Эй ты! Стой, кому говорят! Да стой же! — в который раз попытался остановить прохожего жахани Михель.

Дьявол, шедший до этого с понуро опущенной головой, поднял глаза на группу незнакомцев, увидел исполинского гоблина и бросился наутек.

— Мне одному кажется, что для успеха операции «Проводник» нам нужно кое-кого спрятать? — поскреб пятерней затылок Адинук. — Они же разбегаются во все стороны, как

голуби от крокодила!

— У меня есть похожая идея, — предложил Михель. — Оставим Гарба в закоулке, а дьяволов погоним на него.

Шаман в ответ сдержанно хмыкнул, сразу представив реакцию загнанных в угол жахани.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — возразил он.

— Тогда озвучь нам свой гениальный план! — насмешливо потребовал Аггрх. — У нас уже истощился запас охотничьих трюков — жахани на них не ведутся.

— Минутку, — сказал гоблин, — на основании имеющихся для анализа данных поспешная оценка ситуации приведет к неоднозначному умозаключению с излишне высоким уровнем погрешности…

Адинук, Бурбалка и Хиенна уставились на Гарба с одинаковыми гримасами. Неужели действительно так трудно говорить нормально?

— О! — поднял вверх палец шаман, не завершив предыдущее предложение.

Тот же палец нацелился за спины компаньонов. Они обернулись и увидели в отдалении с десяток копий гоблина. Копии были даже выше оригинала. С их стороны донеслись крики ужаса, а через несколько секунд показалось сразу трое бегущих и двое летящих дьяволов.

— Выбирайте, — улыбнулся ловец духов, радостно обнажая верхние клыки.

Копии расположились так, чтобы отрезать перепуганным жахани все пути к отступлению и оставить только один свободный маршрут — прямо к поджидающим их друзьям. Пятерка дьяволов явно вознамерилась поставить рекорд Эльжахима по скорости, но с заданием справился только один: остальные при виде компаньонов позорно затормозили и бухнулись на колени, воздев руки к багровому небу. Последний оказался достаточно опрометчивым и, выставив вперед лоб, увенчанный мощным роговым выступом, бросился в атаку.

Его наступательный порыв охладил Адинук, аккуратно всадивший рогоносцу по стреле в каждую коленную чашечку. Хиенна одобрительно потрепала темного эльфа по плечу и сразу поймала на себе ревнивый взгляд орка и неодобрительный Михеля.

Лежащий на мостовой дьявол так громко проклинал все и вся, что компаньоны сочли за лучшее вообще к нему не приближаться. Обогнув изрыгающее хулу тело по длинной дуге, Гарб с товарищами осторожно подошел к трясущейся от страха четверке жахани-рекордсменов.

— А не подскажете ли нам, досточтимые, как попасть в стольный град сей местности? — как можно вежливее и дружелюбнее спросил Гарб, отчего-то убежденный, что устаревшие выражения будут для жахани понятнее.

Дьяволы задрожали еще сильнее, всем своим видом выражая покорность, но явно не понимая ни слова.

— Ты что-нибудь усек? Чего хотят эти страшилища? — мысленно спросил один краснокожий горожанин у другого.

Общение между ними шло безмолвно, но с мимикой жахани совладать не могли. Выглядело это со стороны довольно забавно. Каждый молча шевелил губами, корча гримасы.

— Я думаю, они спросили дорогу к музею Люцифера, — неуверенно ответил второй.

— Да нет же! — мысленно возразил ему третий. — Они, верно, обелиск Великой сафарской заварухи ищут! Все туристы туда идут.

— Как же вы тупоголовы, собратья! — рассмеялся четвертый. — Они говорили про то,

что град уже пора сеять и что-то про пропасть. Не пойму только, зачем им сеять град в пропасть. Может, это такая метафора про Бездну? С ними пуутка, надо быть осторожнее.

Между тем шаман, не дождавшись устного ответа, стал нервничать. Посох в его лапах начал постукивать по мостовой, высекая из камня голубоватые искорки при каждом прикосновении. Жахани беспокойно переглянулись и затараторили что-то на своем языке.

— Кто-нибудь понимает эту трескотню? — беспомощно обратился Гарб к компаньонам. — А то я их сейчас бить буду, чтобы они начали правильно пользоваться телепатией.

— Никого бить не надо, дорогуша! — виляя бедрами, прошла мимо шамана суккуба. — Только высшие из этих тварей способны общаться с другими расами без переводчиков.

Дьяволы сжались при ее приближении в комок. Демонесса оглядела группку, выбрала одного жахани, вцепилась ему в горло и рывком приподняла над землей. Ее чуть прищуренные темно-зеленые глаза, казалось, могли бы просверлить дыру в черепе незадачливого бегуна. Странное это было зрелище: довольно хрупкая с виду девушка ростом едва ли выше Адинука одной рукой держала на весу восьмифутового здоровяка. Ноги бедняги остались на земле, но он не рискнул на них опереться.

— Говори словами, только чуть медленнее, — рявкнула девушка на его родном наречии.

Дьявол снова затараторил, но после очередной встряски стал аккуратно выговаривать слова.

— Он говорит, — сообщила Хиенна, — что нам нужно идти очень долго и далеко.

Суккуба поморщилась, словно ей не очень понравился такой ответ, еще раз легонько встряхнула жертву, что-то отрывисто сказала и разжала руку.

— Сейчас он окажет нам любезность и продьяволстрирует, как открыть портал прямо в приемную аршидука, чтобы мы могли сэкономить время. Жахани бывают очень понятливыми, когда обещаешь сохранить им жизнь.

Дьявол плюхнулся на мостовую и отчаянно глотал смрадный воздух Мек’ана. Под тяжелым взглядом Хиенны он быстренько подобрался и начал выделывать пассы когтистыми руками. Воздух вокруг жахани сгустился и спустя пять секунд превратился в растущую портальную воронку. Когда окно окончательно оформилось и засияло зловещим красным светом, дьявол приглашающее махнул в его сторону и низко поклонился.

— Ага, конечно! — нахмурила тонкие брови демонесса. — Сначала ты туда залезь, милок. Сам прыгнешь, или тебе помочь?

Жахани попятился. Хиенна ловко схватила его за шкирку и швырнула в портал. Раздался негромкий хлопок, и воронка «выплюнула» обугленные останки.

— Доступ запрещен! Назовите пароль! — издевательски грянуло из пространственного перехода на гадусе, прежде чем воронка схлопнулась с тихим шипением.

Демонесса пристально посмотрела на оставшихся дьяволов. Все трое, не сговариваясь, вскочили на ноги и в считанные секунды сообща сотворили другой портал. Хиенна молча указала на воронку. Жахани переглянулись. Два щуплых летуна забили кожистыми крыльями, вцепились мертвой хваткой в бескрылого собрата и, проигнорировав его протесты, запихнули в окно.

Суккуба убедилась, что этот портал угрозы не представляет и позвала:

— Мальчики, вперед!

Компаньоны не стали медлить и один за другим нырнули навстречу новым приключениям. Хиенна повернулась к радостно скалящимся дьяволам, и улыбки мгновенно

сползли с их уродливых лиц.

— Я хочу есть! — прорычала демонесса, не сводя глаз с добычи.

Два крылатых создания заверещали от ужаса и попытались взлететь, когда на них набросилась суккуба в своем истинном обличье.

— Ты же обещала сохранить нам жизнь! — пискнул один перед тем, как длинные пальцы с острыми словно бритва когтями пробили ему грудь.

— А тебя разве не учили, крошка, что пуутам верить нельзя? — хрипло рассмеялась демоническая тварь, сворачивая шею второму летуну.

Насытившись, Хиенна добила рогача с пробитыми коленками. Затем брезгливо вытерла окровавленные руки об одежду дьяволов, утерла излишки крови с лица кружевным платочком, позаимствованным из карманов одной из жертв, и прыгнула в портал вслед за своими любимыми смертными. Обольстительный облик вернулся сам собой.

[1] Файлак — легион, файлакир — легионер (гад.)

Глава 5

Если стал наковальней — терпи; если стал молотом — бей.
Эльжахимская пословица

Лугриал-Зевув не принимал участия в сражениях уже лет восемьсот по летоисчислению Лумеи, поэтому облачить в доспехи его разжиревшее за столь долгое время тело прислужники не смогли. Аршидук стойко терпел пытку одеванием целых два часа. Он мог бы выдержать еще немного, но слуги начали терять сознание от невыносимой вони, издаваемой телом суверена. В итоге аршидук плюнул и наколдовал на себя магический щит, способный отразить любую угрозу.

— Проклятые смертные! — погрозил он своим тщедушным кулачком куда-то в сторону.

Шпионы донесли о причине восстания почти сразу после появления первых отрядов вблизи Ме'дина. По их словам, виновником был предводитель незваных гостей с Лумеи. Рабочие, увидев его, пришли в неистовство, уверовав в свершение древнего пророчества о сошествии в Эльжахим посланца самого Део. Ангел этот, дескать, должен быть огромен ростом, могуч непомерно, наделен волшебной силой небывалой и явится, дабы вырвать народы жахани из пучины порока и вернуть их в лоно Создателя. Аршидук в подобную чушь не верил, но описания пришельца более чем совпадали с легендой.

— Вы мне за это заплатите! — накручивал сам себя Лугриал-Зевув, считая ярость полезным подспорьем в бою.

После подавления мятежа он планировал всерьез заняться возмутителями спокойствия. Если вначале аршидука беспокоило только незаконное присутствие чужаков на подвластной ему территории, то теперь их было за что наказывать. Кару для негодяев тиран придумал достаточно суровую.

— Выступаем! — скомандовал он командиру гвардии.

Приказ пошел по цепочке от старших офицеров к младшим, и стройные шеренги в тускло мерцающих серебром доспехах тронулись. Их вид и слаженность были настолько прекрасны, что Лугриал-Зевув прослезился. Вместе с ним прослезились и все телохранители, хотя причина их чувствительности крылась в охраняемом ими огромном слизняке.

Сразу за пределами столицы полки аршидука узрели не менее ровные шеренги восставших. Лугриал-Зевув умилился тому, что даже бунтующие жахани остались верны своей природе и не нарушили порядка боевого построения. Битва обещала быть жаркой.

Мятежники увидели свое численное превосходство и, не веря удаче, немедленно бросились в атаку. Аршидук выстроил гвардейцев в каре, оставшись в его центре, а более легкие подразделения разместил по бокам для поддержки. Подле себя тиран также приказал расположить несколько метательных орудий.

Первая же волна атакующих обратила вспомогательные отряды в бегство. Легковооруженные стражи порядка всегда отличались храбростью только против слабого, безоружного и малочисленного противника. Толпы озверевших строителей вызвали в их рядах панику.

— Трусы! Сгною! — прокричал им вслед верховный собрат, переключая свое внимание на бунтовщиков.

Боец из Лугриал-Зевува в его нынешнем облике был неважный: в ближнем бою он мог разве что задавить противника массой да одурманить запахом тела. Зато как магу в Эльжахиме ему могли противостоять только правители других кругов, и то далеко не все. Только на это, пожалуй, и надеялся аршидук. Однако на сотворение нужных заклинаний требовалось немало времени, и гвардия должна выстоять, пока правитель не закончит колдовать.

Мятежники, между тем, без промедления принялись наседать на гвардейцев. Вскоре стало ясно, что несмотря на огромные потери от артиллерии и волшебных мечей, повстанцы постепенно берут верх и начинают теснить противника. В критический момент Лугриал-Зевув закончил приготовления и пустил поверх голов гвардии огненную волну, затем метнул с десяток ледяных глыб, обрушил на головы атакующих метеоритный дождь и несколько молний, оставив на закуску парализующий ядовитый шквал.

— Что, съели? — заорал он в окутавшую поле боя дымку. Ответом ему послужил злобный вопль тысяч дьявольских глоток.

Аршидук в испуге изменил цвет с темно-серого на бледно-желтый: его магия должна была уничтожить большую часть восставших, но не сделала этого. Подобное было невозможно, если только они не раздобыли…

— Щит поглощения! — забился в истерике огромный слизняк. — Мерзавцы! Какая подлость! Но как сумели?

Передние ряды верных Лугриал-Зевуву отрядов дрогнули и тут же оказались смяты напирающими врагами. Еще немного, и произойдет небывалое! Незыблемая власть одного из могущественнейших аршидуков повисла на волоске. Тиран приготовился спешно перенестись во дворец, откуда он мог бежать в один из соседних кругов в поисках помощи.

***

Первым из портала выбрался Каввель и обнаружил себя в гуще мертвых тел. Судя по звукам, неподалеку шло сражение, но густое облако пыли скрывало поле боя от глаз минотавра.

— Лопни моя селезенка! — удивился он. — А ведь тут тоже умеют веселиться!

Вскоре появились и остальные компаньоны за исключением Хиенны.

— Чувствую сильную магию! — сообщил Адинук.

— Дьявольскую, — подтвердил Михель.

— Кажется, кто-то плетет чрезвычайно мощные боевые заклинания, — добавил Гарб.

— Не попасть бы под раздачу, — прошептал Антонио, пытаясь рассмотреть опасность в густой пелене.

Аггрх молча указал на просвет, образовавшийся в пыли. Прежде чем марево снова закрыло обзор, друзья успели заметить самую гущу кровавой схватки, из центра которой от огромного дьявольского слизня отделилась стена огня. Пламя неестественного синего цвета с ревом набрало скорость и устремилось прямо в сторону компаньонов.

— Гарб, щит! — потребовал Бурбалка.

Шаман отрицательно покачал головой. В его понимании, заклинание столь огромной силы никакой на свете щит удержать бы не смог. Огонь приближался, уничтожая на своем пути все живое. Дьяволы, попавшие под обжигающую волну, на секунду вспыхивали и моментально сгорали, а черный песок тут же спекался в непрозрачное стекло. Ревущая стена неотвратимо неслась на друзей, заставив побледнеть даже неустрашимого орка. Спасения не было: чем дальше пламенный вихрь удалялся от своего источника, тем шире он становился.

Все звуки исчезли, уступив место оглушающему завыванию разбушевавшейся стихии.

В последний момент посох затанцевал в лапах гоблина, напоминая, что прямо-таки создан для подобных случаев. Гарб вышел из ступора и принялся неистово молиться своей богине.

Раз — и посох ударился о землю, два — и наступила тишина, не менее ошеломительная, чем недавний рев адского пламени, три — и безмолвие вспорол крик, доносящийся, казалось, со всех сторон.

***

— А что стряслось, почему все такие бледненькие? — раздался позади звонкий женский голос.

— Мы это, кажется, опять куда-то вляпались, — ответил за всех Антонио.

Хиенна быстро осмотрелась и согласно хихикнула. Ее тонкие пальчики потеребили шероховатую кожаную поверхность невесть откуда взявшегося свернутого кнута.

Гарб был готов поклясться, что с оружия на землю соскользнула капля крови.

— Знаете что, мальчики? Вы самое лучшее из того, что со мной случалось за целую вечность, — призналась демонесса. — С вами так весело! Ой, а что там такое?

«Такое» оказалось взводом плечистых строителей в рваных робах и непременных желтых касках, прочесывающих местность в поисках недобитых солдат тирана. Завидев гоблина, они, подозрительно косясь на демонессу, упали на колени. От группы отделился самый крупный жахани, подполз поближе и воззвал к Гарбу.

— Освободитель, ты все же пришел! Пророчество свершилось! Приказывай своим недостойным слугам! — завопил он, тряся в такт произносимым словам головой, на которой вместо обычного носа красовалось почти свиное рыло с красной кожей, изъеденной крупными с подушечку пальца орка язвами.

— Так ты у них главный? — недоверчиво воскликнула Хиенна. — Какой кошмар!

— Господин, дозволь, мы разорвем эту мерзопакостную тварь!

Суккуба в ответ зашипела и принялась разматывать кнут. Дьяволы повскакивали с колен и зарычали, хватаясь за лопаты и кувалды, которые использовали в качестве оружия. Гарб предупредительно постучал посохом по песку, намекая на отсутствие перспектив у любых попыток насилия.

— Всем стоять! — прикрикнул он на жахани. — Ты тоже не дергайся!

Хиенна обиженно скривила губки и пошла искать утешения у Аггрха. Орк с готовностью распахнул объятия и начал успокаивающе гладить демонессу по голове, показав Адинуку и Михелю язык. Бард белозубо улыбнулся, а Михель невозмутимо пожал плечами.

— Не желает ли повелитель вступить в побежденный город? — как ни в чем ни бывало задал вопрос дьявол.

— Желает, — сказал шаман, — повелителю надо встретиться с аршидуком.

Жахани закивали, и их физиономии засветились от счастья.

— Да, господин. Как только этого жирного червяка поймают, вы сможете его съесть. Как прикажете приготовить?

— Погодите, мне надо посовещаться, — опешил гоблин.

Он быстро отошел с компаньонами в сторонку.

— Я был прав? — тихо спросил Антонио, когда они ушли на достаточное расстояние.

— Правее некуда, — угрюмо откликнулся ловец духов, — вляпались мы по уши. Они всерьез считают, что я исполнил какое-то пророчество.

— И что будем делать? — поинтересовался Аггрх.

— Может, пока сделаем вид, будто ты и правда освободитель? — предложил Каввель.

— Думаю, стоит воспользоваться ситуацией с целью получения доступа к нужной нам информации, — согласился Гарб, — но мне хотелось бы услышать мнение каждого, потому что все мы находимся под угрозой.

— Сгоняем во дворец! — воскликнул Адинук. — Когда еще узнаем, как живут верховные дьяволы?

Остальных тоже терзало любопытство. Правда, Михель в который раз пробурчал что-то про обитель зла, но его услышала только Хиенна, а она на этот раз погрустнела и промолчала, как будто соглашаясь с мнением человека.

***

Если бы молодому гоблинскому шаману всего несколько месяцев назад кто-нибудь сказал, что ему предстоит войти в столицу одного из кругов Ада в качестве руководящей морды, он бы в ответ покрутил пальцем у виска. А теперь Гарбу пришлось ускоренно вживаться в роль повелителя, пока дьяволы не заподозрили, что он вовсе не тот, за кого его принимают. Примерять на себя новую роль оказалось непросто. Гордость начала переполнять гоблина, и ему приходилось периодически напоминать себе, что он все еще простой смертный жрец и шаман. К тому же впервые посох сработал так, как Гарб задумал. Это тоже поднимало настроение, но оставляло место для тревоги: не было ли побочных эффектов и разрушений.

Жахани устроили из обычной пешей прогулки настоящее торжество: трупы врагов быстро убрали. Скорее всего, их просто съели, что по местным меркам считалось равносильным уборке. На фонарных столбах развесили флаги с изображениями нового вождя. Хиенна предупредила, чтобы никто не вздумал выяснять, из чего они сделаны.

Прямо на входе в город компаньоны увидели целую толпу пленников. Некоторые униженно лобзали пыль, по которой предстояло пройти новому повелителю, но далеко не все. Гвардейцы все в тех же серебристых зачарованных доспехах, но уже без шлемов, держались гордо. Среди них преобладал мужской пол, хотя встречались и женщины, отличающиеся большим изяществом и гневным выражением черных глаз. Руки и тех, и других были стянуты ремнями за спиной.

Несколько омони в черных кожаных доспехах валялись на земле. С этими, похоже, обращались не так уважительно. Лица многих из них украшали синяки и кровоподтеки. Отметины на красной коже не слишком хорошо заметны, но такие все же выделялись. Легконогий Адинук, успевший побывать в Ме’дине и разузнать что к чему, шепнул Гарбу:

— Тут ждут, что ты прикажешь казнить пленных. Почему-то не хотят никого убивать без твоего соизволения. Решать тебе, но я бы с этим не медлил.

Шаман впервые столкнулся с подобным моральным выбором. Дьяволы, конечно, мало заслуживают милосердия, но все же Гарб недавно стал жрецом доброй богини, которая вряд ли одобрит казнь невиновных.

— А нельзя их как-то помиловать? — спросил гоблин, замедляя шаг.

— Можно, — ответил темный эльф, — только их все равно надо наказать, а для этого их придется разжаловать.

— Так это просто! — обрадовался ловец духов.

— Если бы! — мотнул головой бард. — Их надо не просто понизить в должности — это было бы слишком легко. Нужно понизить их в статусе — магией или как там это делается.

Для них это равносильно смерти, потому что они забудут, кем были до трансформации. Помнишь те ходячие куски мяса, которые на нас напали после появления в Аду? Это то, во что их надо превратить.

Гарба передернуло. Воспоминания о груде неразумной хищной плоти были не из приятных. Такой участи врагу не пожелаешь. Шаман преодолел оставшуюся часть пути в молчании, хотя друзья и пытались втянуть его в разговор. Он лихорадочно искал способ избежать проблемы и никак не мог его найти.

Ловец духов попытался быстрым шагом пройти мимо пленников, но дорогу ему преградили жители города. Их глаза жадно осматривали нового тирана в поисках хотя бы намека на слабость. Поняв, что избежать суда не получится, гоблин попытался расправить плечи и выпрямить спину. С непривычки получилось плохо. Позвоночник гневно требовал вернуть все, как было, но Гарб усилием воли сдержался. Гоблин гордо вскинул подбородок и встал, опершись на посох.

— Ну? — заговорил он на родном гобхатском, чтобы друзья не догадались раньше времени, что он собирается сделать.

Часть жахани понимала иные языки на мысленном уровне, поэтому они перешли к делу.

— Определи судьбу пленников, господин! — чуть ли не потребовал один из бывших строителей.

— В чем их вина? — сурово спросил шаман.

— Они сражались против тебя, повелитель!

— Никто из них не поднял меча в мою сторону, — оскалил клыки Гарб, что обычно показывало явное несогласие с собеседником.

Жахани явно не ожидали такого поворота, что не помешало им возмущенно запыхтеть.

— Они служили тирану!

— А вы бы не служили на их месте?

— Они предадут тебя при первой возможности! — сделали еще одну попытку строители.

— Значит, я не допущу, чтобы она у них появилась, — спокойно сказал гоблин.

Жахани зашумели. Вина пленных представлялась им очевидной, а суждения повелителя хоть и логичными, но лишенными смысла. Тем не менее Гарбу удалось посеять зерно сомнения в умах законопослушных дьяволов — если пленники ни в чем не виноваты, то и наказывать их не за что. Шаман уловил настроение толпы и решил закрепить успех:

— Они просто выполняли приказ. Может быть, их вина в этом? Наверное. Но я не вижу смысла подвергать их за это слишком суровому наказанию. Нужно отправить их на перевоспитание — пускай займутся тем же, что делали вы до восстания. Пускай строят дома!

В глазах пленников мелькнул почти животный страх. Прочие же жахани радостно закричали: они впервые видели столь мудрого и справедливого правителя. Гарб непонимающе оглянулся.

— Я не думала, что ты такой жестокий, — промурлыкала суккуба ему на ухо. — Пожалуй, из тебя выйдет толк.

— Выбор продиктован моими моральными принципами. Разве он жесток?

— Как знать, — мурлыкнула суккуба. — Для тебя это ничего не значит, а для них наказание будет пыткой. Ты только что приговорил солдат к тому, что для них страшнее даже смерти — к каторжному труду. Знал бы ты, как они боятся умереть, но твое наказание

ни в какое сравнение не идет. Повстанцы-то привыкли к работе, а эти вояки всю жизнь только и делали, что на парады ходили и мечом махали. К тому же, им тоже приделают звериные морды. А, раз ты не назначил срок наказания, то страшилищами им придется быть вечно. Я в восхищении! Лучше бы сам Иблис не выдумал.

— Ой, — произнес гоблин, впервые не найдя достойного ответа.

Гвардейцев уже тащили для исполнения приговора, и больше ничто не мешало дальнейшему продвижению к дворцу.

Спустя минуту Гарб встал как вкопанный. Остановились и остальные. Перед ними находились распахнутые двери в логово правителя круга. Охраны не было.

— Что? — Михель встревоженно потер шрам на подбородке, заглянув Гарбу в глаза и увидев в них необычное волнение.

Приплюснутые ноздри раздувались, как будто собирались взлететь.

— Я хочу отменить приказ, — сказал гоблин. — Он слишком жестокий.

— Даже не вздумай, — предостерег его Аггрх. — Какое тебе дело до дьяволов? Они, кстати, пытались нас убить.

— Как бы вам объяснить? — зарылся пальцами в коричневый ежик волос шаман. — В моем племени наказание без пыток сочли бы чересчур мягким. И что с того? Я теперь жрец доброй богини и не должен причинять вред намеренно, если это не самозащита!

— А, то есть меня можно было палкой лупить, а этим даже кирпичи потаскать нельзя! — возмутился из-за спин компаньонов Антонио.

Гарб смутился еще больше. Бурбалка только что ударил в больное место.

— Я же уже извинился! — обиженно произнес гоблин.

Слезы едва не потекли по его пунцовым щекам.

— И это, ну… другое. Пострадал даже не десяток разумных существ. Счет на тысячи!

— Правителем быть тяжело, — шепнул Адинук, — а добрым правителем быть невозможно. Как только станешь добрым, сразу на шею сядут. Хотя я, конечно, сужу исключительно по своей маменьке.

— Считай, что ты нечаянно, — добродушно заметил минотавр. — Им уже нахлобучили каски на головы. Поработают немножко, а там, глядишь, их можно и помиловать. А мы пока пойдем, дворец посмотрим.

Гарб неуверенно кивнул и двинулся дальше. Остальные шли позади, поэтому три слезинки, которые ловец духов тщательно испарил магией, никто не заметил.

***

— Добро пожаловать, Ваша Светлость! — низко поклонился Гарбу при входе в обитель Аршидука почти полный двойник пропавшего Муфад’ала.

Такой же высоченный, копытный, рогатый, краснокожий и черноволосый почти эльф. Только уши не остроконечные, а глаза черные и хитрющие, и плечи куда шире. Библиотекарь, правда, из одежды предпочитал набедренную повязку, а этот был одет в легкую тунику, переливающуюся всеми цветами радуги. Гарб присмотрелся и высоко оценил мощные защитные заклинания, наложенные на одеяние приветливого жахани.

— Здравствуйте! — робко произнес шаман.

— Меня зовут Анделефт, я ваш советник, — представился дьявол.

— Это кто же тебя, портовая крыса, назначил помощником капитана? — возмутился Каввель.

Минотавр исподлобья посмотрел на жахани бледно-голубыми глазами и поиграл

мускулами.

— Советника не назначают, — сухо произнес Анделефт. — Закон гласит, что его наследуют вместе с дворцом. Правда, с начала времен в Эльжахиме это первый случай такой передачи собственности. Бывало, конечно, что Его Императорское Величество Люцифер Великолепный менял правителей в своих владениях, но это было очень давно и в других кругах. Он предпочитает иметь дело с теми, кого знает лично. В основном это его младшие братья, хотя первым кругом сейчас, если я все правильно помню, управляет какой-то прощелыга из низов. Скорее всего, временно — пока на войне не погибнет.

— Кстати, меня мучает вопрос, где же сейчас сам Аршидук, — закинул удочку Гарб.

— В панике бежал, — легко выдал военную тайну Анделефт. — Не спрашивайте меня, куда, потому что я не знаю. Работающий внешний портал у нас один, и он ведет сразу в несколько мест.

— А тут можно где-нибудь похавать, а то брюхо урчит уже? — поинтересовался Бурбалка, и все сразу вспомнили, что целые сутки им было не до еды, и теперь вся компания была бы не прочь отведать местной кухни.

— Разумеется, прошу за мной, — степенно ответил советник и повел компаньонов через длинный зал с мраморными колоннами, украшенный развешенными по стенам головами различных существ.

В большинстве из них Хиенна без труда узнала пуутов. Она задержалась возле одной из голов, сделав вид, что вытряхивает камешек из сандалии. Суккуба несколько секунд задумчиво всматривалась в безжизненные глаза дьявольского трофея, потом тяжело вздохнула и пошла дальше. Ее действия не ускользнули от внимания Михеля, который продолжал следить за демонессой на всякий случай.

Миновав еще несколько богато украшенных залов, в отделке которых преобладало золото, друзья очутились в трапезной. Прислуга во дворце оказалась вышколенной: мелкие дьяволята в момент подали невообразимое количество блюд и испарились. Анделефт чинно предложил Гарбу занять место во главе стола. На белоснежной скатерти искрилась посуда из хрусталя и даже шлифованных алмазов и изумрудов. Приятной тяжестью в ладонях лежали серебряные и золотые вилки и ложки. Если когда-то глава эльфийской Академии наук сумел удивить компаньонов изысканностью обеда, то сейчас глаза просто разбегались от количества кушаний: трапеза у эльфа теперь казалась весьма скромной.

— Аршидук любил покушать? — поинтересовался Аггрх, за обе щеки уплетая самый вкусный в своей жизни десерт.

— Его Светлость славился своими гастрономическими пристрастиями, — ответил Анделефт, лишь смачивая тонкие губы вином из хрустального бокала. — Как вы понимаете, в его обличье набор развлечений несколько ограничен.

— А как насчет коллекционирования? — с невинным видом спросил Антонио.

— У Его Светлости была самая большая в обитаемых мирах коллекция произведений искусства. Все хранится в сокровищнице. Желаете взглянуть?

— Да! — выпалил Бурбалка раньше, чем на него предупреждающе шикнули сразу трое товарищей.

Анделефт чинно поклонился, с легкой усмешкой поглядывая на смертных.

— Можем пройти туда сразу после наполнения ваших желудков. Насколько я могу судить, у каждого из вас их не больше двух, а значит, мы можем скоро отправиться.

— А это не опасно? — поинтересовался Гарб.

— Я не верю, что повелителю может угрожать опасность в его дворце, — улыбнулся дьявол.

— Заставьте его поклясться, что там безопасно, — бесцветным голосом произнесла Хиенна. — Если он поклянется, можете идти.

— Что это значит? — заволновался Михель.

По лицу суккубы пробежала тень.

— Это значит, мары не упустят случая загнать нас в ловушку. Или вы думаете, что раз они признали гоблина лидером, то покушений на его жизнь не будет? Об остальных даже речи не идет.

— Ты умна, пуута, — невозмутимо подтвердил ее слова Анделефт. — Я действительно не могу дать пустой клятвы, потому что не в обычаях нашего народа говорить неправду. Вход в сокровищницу имеет сложную систему защиты, но, даже миновав ее, вы не сможете воспользоваться содержимым — каждый из предметов проклят особым образом.

— Обидно, — с сожалением произнес Адинук, — а я думал, что мы могли бы пополнить там припасы.

— К чему вам припасы? — сделал круглые глаза советник. — Во дворце достаточно любых благ, какие вы могли бы себе пожелать, и ничего из них не представляет опасности. В этом я готов поклясться.

— Нам надо вернуться домой, — сказал Гарб.

— И как можно скорее! — добавил Каввель, вспомнив о своем проклятии.

У полорогого гиганта в момент побега с Лумеи оставалось примерно полгода для исправления ситуации. Лишь помогая осуществить предначертанное Гарбу, минотавр сможет навсегда остаться собой. В противном случае доживать свой век пирату придется в теле обычного быка. Каввель уже успел хлебнуть такого существования и не горел желанием повторять тот неприятный опыт. К тому же, коротая дни в Шеоле, он успел выяснить, что время в разных мирах течет по-разному. Если в Аду оно тянется медленнее, чем на Лумее, минотавра ожидают серьезные неприятности по возвращении.

— С этим могут возникнуть некоторые сложности, — с гаденькой улыбкой сообщил Анделефт, на секунду утратив невозмутимость. — Закон гласит, что вы не можете покинуть Эльжахим без позволения Люцифера. Да и сам этот круг отпустит вас к нему на аудиенцию неохотно. Закон также гласит, что каждый аршидук вправе пользоваться порталами сколько угодно, но разрешить то же самое другим можно только в двух случаях.

— Каких? — хором потребовали ответа дали компаньоны.

— Первый — прямой приказ Большого Лю. Боюсь, это не ваш случай, — произнес краснокожий дьявол.

— Какой второй? — спросил Гарб, втайне ожидая подвоха.

— По закону, повелитель должен получить от просителей выгоду, несоизмеримо большую, чем та огромная услуга, которую он им оказывает.

— То есть я как правитель не могу просто так разрешить друзьям уйти отсюда вместе со мной на свидание с самим Дьяволом?

Анделефт молча кивнул и сделал глоток из бокала, всем своим видом показывая, что знает больше, чем говорит.

— А если они окажут мне услугу? — вдруг осенило шамана.

— Какую, дозвольте спросить? — вкрадчиво уточнил советник.

— Ну, — смутился Гарб, — какую-нибудь ценную. Жизнь спасут, например.

— Нет, так не получится, — разочаровал его Анделефт, — да и времени это наверняка займет много, а вы, как я понимаю, торопитесь.

— Значит, к Люциферу отправлюсь только я, — решительно заявил ловец духов.

— Это самоубийство! — вскочила с места Хиенна.

К ней присоединились и остальные компаньоны, принявшиеся наперебой отговаривать гоблина от бессмысленной затеи.

В самый разгар возникшей дискуссии советник, с удовольствием наблюдавший за отчаянием компаньонов, негромко покашлял, привлекая к себе внимание.

— Прискорбно, но я вынужден согласиться с бесовкой, — начал он. — Люцифер запросто сотрет в порошок одинокого смертного, даже если в нем тлеет божественная искра. Вот с целой толпой, вроде вас, может и поговорить. Мне тут в голову неожиданно пришел еще один вариант, правда, я не уверен, что вы на него согласитесь…

— Не томи! — нетерпеливо топнул ногой Гарб.

— Верховный собрат может отойти от дел, так сказать, передав управление страной доверенному лицу. Старый правитель тем самым оказывает новому неоценимую услугу, — понизил голос до шепота Анделефт. — В благодарность новый тиран может выполнить любое желание бывшего правителя, и даже разрешить ему и любым его спутникам покинуть пределы круга.

— А это мысль! Ты голова! — обрадовался Каввель.

— Не знаю, что-то мне это все не нравится, — насупился Аггрх.

— Мне тоже, — сказал Адинук, — но другого способа вырваться отсюда я все равно не вижу.

— Мои порталы все еще не фурычат, — пожал плечами Бурбалка.

Анделефт чинно поднялся из-за стола и окинул смертных хитрым взглядом. Он как будто не сомневался, что они вот-вот согласятся на все.

— И не будут, — подтвердил он. — В Эльжахим легко попасть, но очень трудно его покинуть.

— Контракт, — вяло произнесла демонесса.

— Что? — спросил Михель.

— Заключите с ним контракт на крови, — глухо ответила суккуба.

— Я ждал, что кто-нибудь из вас предложит это первым, — глаза дьявола торжествующе блеснули, — и мне вдвойне приятно осознавать, что инициатива исходит от кровного врага. Ну-с, обсудим условия?

Троу тоже встал и потянулся, ощупывая лютню: не потерялась ли. Анделефт скривился при виде музыкального инструмента, но комментировать не стал.

— Откуда нам знать, что ты не обманешь? — осведомился Адинук.

— Надо внимательно изучать условия договора, а лучше самим их прописывать, — устало откликнулась Хиенна. — Гоблин с этим справится.

— Что с тобой? — встревожился Гарб, заметив ее состояние.

— Там на стене голова моего брата! — расплакалась пуута и закрыла лицо руками.

Глава 6

«Настоящий жахани должен сделать в жизни три вещи: убить беса, перехитрить смертного, занять место своего тирана».

— Анделефт Мусташар I

Михель гладил Хиенну по волосам и шептал ей на ушко что-то успокаивающее, но суккуба продолжала плакать. Монаха наконец проняло: он вдруг увидел перед собой не демона — врага рода людского, а прекрасную хоть и немного необычную деву в беде, сотрясающуюся от безудержных рыданий. Его сердце тут же растаяло. То, чего не смогли добиться воздушные поцелуйчики, кокетливые улыбочки и бойкая стрельба глазками, получилось у простых искренних женских слез. Желание помогать и защищать затмило собой все остальное.

Старательно подавляемое чувство встрепенулось в душе парня, одетого в грубый монашеский балахон, и выплеснулись наружу. Он точно знал, что это не магическое наваждение: чары демонов не властны над членами Ордена. Михель наконец отважился себе в этом признаться: это любовь.

«Как-то уж слишком быстро все это», — мелькнула было мысль. — «Почему у меня ощущение, что я знаю Хиенну много лет?»

Суккуба продолжала сотрясаться в рыданиях, и человек просто отогнал сомнения прочь. Они просто не имели значения.

Демононенавистник Михель вдруг осознал, что, в сущности, мир устроен немного не так, как рассказывали в Ордене. Человек принял новое знание на вооружение и бросился, отбросив остатки сомнений, утешать ту, кого должен был беспощадно убить еще при первой встрече.

Орк топтался у огромного жаркого камина. Он делал три-четыре шага в одну сторону, затем замирал и полностью извлекал из ножен меч. Проверив пальцем качество заточки, воин резким движением возвращал клинок на место, разворачивался и застывал на пару секунд. Затем зеленокожий медленно, намеренно подволакивая ногу, ковылял в обратном направлении.

Аггрх ощущал собственную беспомощность и бросал растерянные взгляды на плачущую суккубу. Ревность, жалость и много других противоречивых эмоций клокотали в груди бывшего гладиатора. Хиенна явно отдала предпочтение монаху, оттолкнув прочих утешителей, и орку это совсем не понравилось. «Михель то, Михель се», — раздосадовано сплюнул он на мраморный пол.

Хотя ревность проистекала больше от чувства собственничества, Аггрху от этого легче не становилось. Он не привык делиться женщинами, а какой-то человечишка без видимых усилий опередил в любовных делах бессменного чемпиона гладиаторской арены Грюнвальденбурга. Противоположный пол слишком избаловал орка своим вниманием, чтобы взять и просто смириться с поражением.

Воин заскрежетал зубами, отвернулся и уставился на огонь. Отблески языков пламени заплясали в его зрачках, придав и без того свирепой морде еще более устрашающее выражение.

Остальные компаньоны между тем участвовали в увлекательном действе: составляли

контракт с дьяволом. Бурбалка вспомнил свой опыт общения с потусторонними силами, а Адинук оказался искушенным в юридических тонкостях. Троу многое повидал за годы жизни в Подземье, известном своими жестокими законами.

— Я, — сказал бард, — по своему опыту знаю скользкие моменты при составлении договоров. Однажды сам поплатился за невнимательность, теперь меня так не обманешь.

Гарб с готовностью принял помощь обоих. Каввель решил поприсутствовать из любопытства, решительно не понимая ни языка, на котором составлялся договор, ни витиеватых архаичных формулировок, зато осознавая важность готовящегося документа.

— А вот это что за пункт? — встревал он иногда с вопросом, нависая над столом, за которым решалась судьба мира.

Пламя свечей плясало в дорогих вороненых с позолотой канделябрах, показывая замысловатое представление театра теней на расписанных отнюдь не адскими пейзажами стенах.

— Это на случай вмешательства Део, — терпеливо объяснял Анделефт.

— А это?

— Это защита от одностороннего расторжения контракта.

— А этот?

— Предусматривает случай нашествия насекомых и уничтожения ими одного из экземпляров контракта, — невозмутимо отозвался советник.

— А…

— От надоедливых вопросов минотавров, — буркнул начинающий закипать жахани.

— Ого! — прикусил губу Каввель, чтобы не ляпнуть лишнего.

Обсуждение деталей затянулось надолго. Дьявол оказался редкостным крючкотвором, и его стандартный договор содержал уйму безобидных на первый взгляд мелочей, которые при внимательном рассмотрении грозили страшными последствиями при их несоблюдении. В конце концов, вычеркнув почти половину текста и составив четыре дополнительных соглашения и протокол разногласий, стороны пришли к полному взаимопониманию.

— Моя подпись там уже есть, — тонко намекнул Анделефт.

— Значит, придется и мне поставить свою, — зевнул Гарб.

Время уже давно перевалило за полночь, и глаза у всех слипались.

— Кровью, пожалуйста. Здесь и здесь, — услужливо подсказал советник.

Шаман извлек из волшебной торбы ритуальный нож и привычным движением уколол себя в указательный палец — в прошлой спокойной жизни ему часто приходилось кровью усиливать те или иные заклинания. Большая рубиновая капля упала на текст договора и тут же бесследно впиталась в пергамент. Листы зашевелились, словно живые, и вдруг рявкнули:

— Еще!

Компаньоны невольно отпрянули от стола, на котором лежал дьявольский контракт. Не шелохнулся только жахани.

— Еще капельку, — жалобно заканючил документ, — хоть немножечко!

Гарб опасливо придвинулся и поднес кровоточащий палец к договору, ободренный легким кивком советника. Листы подпрыгнули и попытались вцепиться гоблину в лапу. Шаман отскочил, успев, впрочем, накапать достаточно крови, чтобы плотоядные страницы успокоились. В тот же миг с Анделефтом начали происходить удивительные перемены: он раздался в плечах, его маленькие рожки выросли и стали напоминать рога матерого архара, а сам дьявол подрос на целый фут.

— Да, чудесное ощущение! — расхохотался он, хватая подписанный договор. — Благодарю тебя, дорогой мой глупый смертный. Свой экземпляр можешь не подписывать. Как жаль, что вы уже наконец уходите!

— Но…

— Никаких «но», отправляетесь немедленно, — весело сообщил новый тиран и хлопнул в ладоши. — Уговор есть уговор! Закон гласит, что нужно его выполнять.

Пламя в камине немедленно превратилось в открытый портал. Аггрха тотчас затянуло внутрь. Орк успел только охнуть от неожиданности и исчез.

— Остальных прошу последовать за ним, пока я не передумал, — махнул рукой в сторону воронки дьявол.

— Сначала ты ответишь за брата, убийца! — крикнула суккуба, меняя облик.

Друзья опешили, увидев вместо ставшей уже привычной красотки злобно рычащее чудовище из ночных кошмаров. В мгновение ока тварь бросилась на Анделефта. Дьявол, однако, и не подумал защищаться. Хиенна в секунду преодолела разделяющее их расстояние и с разбегу налетела на появившуюся в воздухе невидимую стену, заискрившую при столкновении с пуутой. Жахани щелкнул пальцами, и демонессу швырнуло в портал.

— Я жду! — сказал он, сурово посмотрев на оставшихся в зале компаньонов.

Друзья, не видя смысла дольше оставаться в обществе негостеприимного тирана, нерешительно двинулись к проходу между мирами.

— Гарб! — окликнул гоблина Михель.

Шаман вопросительно поднял бровь.

— Ты же можешь!

— Не получится. Я подписал контракт, — пожал плечами Гарб и прыгнул в портал.

За ним последовали и остальные. В зале остались только монах и новоиспеченный властелин Себатуна.

— Я не могу причинить тебе серьезного вреда, смертный. Так уж составлен контракт. Но если не поторопишься, тебе придется остаться здесь навечно.

— Зато вред тебе могу причинить я! — с ледяным спокойствием сказал Михель. — Я контракт не подписывал, к тому же это мой долг.

— Можешь попробовать, — ехидно ухмыльнулся Анделефт.

Михель схватил со стола позолоченный канделябр и с размаху швырнул его в дьявола. Тяжелый адамантовый подсвечник без помех пролетел сквозь искрящийся барьер и основанием задел один из рогов жахани. Самоуверенности у Анделефта резко поубавилось. Он изменился в лице и в тот же миг очутился за спиной монаха. Михель молниеносно нанес мощный удар ногой с разворота в живот. Брюшной пресс у адского повелителя оказался неважным, подтверждением чему послужил протяжный стон и грохот упавшего тела. Парень обернулся и увидел скорчившегося на полу архидьявола.

— Падаль, — плюнул на поверженного врага человек, — сейчас ты умрешь.

— Глупый смертный, — держась за живот, выдавил из себя Анделефт, — меня невозможно убить, пока я владею этим кругом.

— Это ненадолго! — донеслось сбоку шипение полное искренней ненависти.

Михель резко обернулся навстречу новой угрозе и увидел выползающую из портала тушу огромного слизняка. Воронка с легким свистом схлопнулась, закрывая монаху путь к друзьям.

— Ваше превосходительство! — радость в голосе Анделефта прозвучала на редкость

фальшиво.

— Я повелитель этого круга! — взвизгнул слизняк, размахивая тонкими, почти веревочными ручками. — Властью, данной мне Люцифером, повелеваю тебе умереть!

— Властью, переданной мне Гарбом I Разрушителем, повелеваю тебе сдохнуть! — огрызнулся лежащий на полу жахани.

— Что-о-о? — выдохнул Лугриал-Зевув.

— Поединок за право владения кругом! Закон гласит, что победитель получает все, включая тело соперника! — отозвался Анделефт, поднимаясь на ноги и одним движением копыта отбрасывая в сторону стоящего между ним и аршидуком Михеля.

Монах отлетел на добрых четыре фута, ударился всем телом о встретившийся на пути дубовый письменный стол и потерял сознание.

Когда он очнулся, то не сразу сообразил, где находится и что происходит. Вокруг мелькали электрические разряды, летали кислотные брызги и бушевали огненные вихри. Половина зала уже выглядела так, будто по ней прошлась толпа мародерствующих варваров, а вторая его часть быстро приближалась к такому же состоянию. Вероятно, какая-то магия защищала дворец от более серьезного ущерба, потому что иначе в стенах и потолке уже давно зияли бы огромные дыры.

Михель ругнулся сквозь зубы, проклиная свою вспыльчивость. Она не давала молодому ди Лёве спокойно жить еще до монастыря, и он так и не смог до конца от нее избавиться. Монах начал читать успокоительную мантру и с осторожным любопытством наблюдать за сражением дьявольских магов. Соперники оказались примерно равными по силам, и, по-видимому, уже успели устать, лишь вяло обмениваясь заклинаниями.

Более проворный Анделефт только изредка блокировал удары Лугриал-Зевува, предпочитая уворачиваться и экономить энергию. Подвижность же аршидука из-за огромной массы тела приближалась к черепашьей. Стало ясно, что Дэ у него закончится раньше, чем у противника, из-за необходимости постоянно подпитывать щит.

— Получай! — предчувствуя скорую победу, выпустил во врага очередную молнию Анделефт.

Щит Лугриал-Зевува тускло мигнул, поглощая атаку, и рассыпался бледно-голубыми искорками.

— И ты получай! — вложил в апперкот всю силу Михель.

Нокаутированный верховный жахани обмяк и повалился на истерзанный магией пол. Монах, тяжело дыша, изучающее посмотрел на гигантского слизняка, облепленного мухами, получив в ответ не менее пристальный взгляд.

— Ты оказал мне большую услугу, смертный, — прошипел аршидук, — что ты хочешь получить в награду? Говори быстро, у меня много дел!

— Дозволь безопасно попасть туда, куда этот изменник отправил моих друзей, — не задумываясь ответил Михель.

— Да будет так, — резюмировал Лугриал-Зевув.

Воронка портала открылась, приглашая человека войти. Монах медлить не стал и с разбегу прыгнул навстречу неизвестности, надеясь встретить по ту сторону своих компаньонов.

Аршидук, не мигая, посмотрел смертному вслед всей сотней своих глаз. Убедившись, что последний из нарушителей порядка навсегда убрался из его мира, он медленно, наслаждаясь каждым мгновением, подполз к начинающему приходить в сознание

поверженному советнику. Грузное туловище слизня наползло на Анделефта и накрыло его целиком. Приглушенный крик снизу вызвал лишь легкую усмешку на уродливых губах аршидука. Когда Лугриал-Зевув отполз в сторону, на полу лежали только полураздавленные белые кости.

— А все-таки он был неплох, — пробормотал слизняк. — Как же теперь подавить восстание? Наверное, придется отозвать войска.

***

Воронка выплюнула человека прямо в бездонную пропасть. Михель в полете успел ухватиться за каменный выступ, будто специально нависающий над ущельем так, чтобы пролетающие мимо путешественники из других миров имели шанс спастись от неминуемой гибели. Звездное небо приветливо подмигнуло монаху, а налетевший ветер неласково растрепал его давно нечесанную шевелюру.

— Хвала Вседержителю! — выдохнул парень, покрепче обхватывая спасительный гранит.

— В моем царстве не в почете имя отца моего, — донесся со всех сторон низкий раскатистый голос, создавая ощущение вездесущности говорящего.

В его интонациях угадывалась мудрость тысячелетий и бесконечная, неутолимая скука. Монах содрогнулся от ужаса, потому что этот страшный бас мог принадлежать только одному существу во всей Вселенной. Михель, однако, нашел в себе силы для ответа:

— Приветствую тебя, враг истинного Бога!

— Ты храбр для смертного. Зачем явился ты ко мне, жрец моего отца?

— Я следую за моими друзьями, и я не жрец, — ответил парень, безуспешно стараясь подтянуться на руках и влезть на узкую полоску крошащегося камня.

Мощные порывы ледяного ветра легко пресекали всякие попытки монаха перестать болтаться над пропастью.

— Ты куда больше жрец, чем те, кто носит нарядные одежды, воскуряет благовония и громогласно восхваляет твоего бога, не имея в душе ни капли веры, — в голосе Люцифера зазвучала грусть. — Разве не ты словом и делом доказываешь свою преданность Ему? Души всех лицемеров рано или поздно попадут к моим слугам в лапы, а тебя ожидает иная судьба.

Человек над бездной перестал раскачиваться, в самое сердце пораженный словами собеседника.

— Молчишь? Значит, осознаешь мою правоту, — Люцифер сообщил это как нечто само собой разумеющееся.

— Да, ты прав, князь Тьмы, — согласился монах. — Называй меня жрецом, если угодно.

Очередной порыв ветра едва не заставил монаха разжать руки.

— Так, значит, ты идешь за своими друзьями, — продолжил самый страшный из дьяволов. — Это хорошо. Они здесь у меня.

— С ними все в порядке? — вырвалось у Михеля, о чем он тут же пожалел.

— Будет, — пророкотал дьявол, — если ты согласишься с моими условиями!

— Что мне нужно сделать? — обреченно поинтересовался парень, проклиная свой длинный язык и прекрасно понимая, что именно может потребовать от него Люцифер.

— Самую малость. Ты должен всего лишь преданно служить мне. Так же преданно, как ты служил моему отцу. Иди с моим именем на устах, неси мое слово миру, и я пощажу твоих друзей.

— А если я откажусь?

Верховный дьявол хрипло рассмеялся в ответ.

— А если ты откажешься, сперва я убью гоблина, затем орка и человека, потом эльфа и минотавра. Напоследок я оставлю малышку пууту. Кажется, она тебе начала нравиться? Стань моим слугой, и я отдам ее тебе навсегда. И уже не ты будешь игрушкой в ее прелестных ручках, а она станет твоей рабыней.

Михель дернулся в бессильной ярости и снова попытался вскарабкаться наверх. И опять безуспешно.

— Я не предам Вседержителя! — закричал он. — И не надейся!

— Что же, тогда ты предашь своих друзей. Ты ведь их единственная надежда. В этом случае царствия небесного тебе не видать — предателям там нет места.

— Ты чудовище!

— Я знаю, — лаконично ответил Люцифер.

— Будь ты проклят!

— Я уже проклят! — гневно зарычал дьявол. — Я проклят, как никто иной из ныне живущих! Но разве это оправдывает меня в твоих глазах? Нисколько! Ты видишь во мне только чудовище. Ты когда-нибудь пытался понять мои мотивы? Тебе вдалбливали с детства, что я плохой, и ты слепо в это веришь.

— Я не думал…

— Никто из вас не думал! Конечно, кому интересны мысли чудовища? Я вынужден влачить жалкое существование в этом убогом мирке, а мог бы править всей вселенной! Я хотел довести ее до совершенства, а теперь милостью Део торчу в тесной конуре, как последний цепной пес. Я хотел сделать мир лучше! И я сделаю его лучше, даже если мне понадобится утопить его для этого в крови! Но я не могу совершить это лично — мое заточение будет вечным, а мои слуги слишком никчемны, чтобы доверить им столь грандиозное дело. Мне нужен ты, смертный! Мне нужен пророк! Неси мое слово. Ты получишь все, о чем только можешь мечтать: власть, женщин, вечные жизнь и молодость! Я лишь ищу справедливости, которую отобрал у меня отец. Ты же не против справедливости? Пойди моей дорогой, и у тебя будет все. Отринь меня, и твоим друзьям несдобровать.

— Мне очень жаль, — полным сочувствия тоном произнес Михель. — Я скорблю вместе с тобой и помолюсь о твоем прощении Вседержителю, но не заставляй меня предавать. Я не смогу жить после этого.

— Что же, — Люцифер успокоился так же внезапно, как и взорвался, — есть еще один выход…

— Договаривай! — потребовал человек. — Что нужно сделать?

— Ты должен умереть. Просто разожми руки, и твои друзья спасутся.

— Я готов!

— Даже если в этом случае ты потеряешь шансы на спасение своей собственной душонки? — сладким голосом поинтересовался князь Тьмы. — Самоубийцам не место в царстве Део, а твои друзья даже не узнают, какую жертву ты принес ради них.

Вместо ответа Михель отпустил скалу и с нарастающей скоростью полетел в бездну, сопровождаемый издевательским хохотом повелителя Ада.

Глава 7

«Тьма изначальна. Она существовала задолго до возникновения света, и просуществует бесконечно долго после того, как весь свет во вселенной исчезнет. Свет лишь временно наполняет пространство, но как только он уходит, тьма тут же возвращается и занимает свое законное место. Она не слабее, просто терпеливее, ведь в ее распоряжении вечность».

— Любой из Темных властелинов

Аггрх долго не мог сообразить, куда его занесло. Бескрайняя сизая пустошь без малейшего признака растительности уходила за горизонт, сливаясь вдали с монотонным грязно-серым небом. Орк осмотрелся и задумчиво поковырял носком сапога порошок пепельного цвета под ногами, который мог бы сойти за почти обычную дорожную пыль, если бы не его чрезмерная летучесть. По виду порошок напоминал муку. Облако «пыли» незамедлительно взметнулось вверх, заставив воина несколько раз чихнуть.

Прочихавшись, он потянул носом и почуял зловоние битвы, в котором смешались удушающая гарь, липкий пот и соленая кровь. Смрад этот, однако, будоражил, пробуждая древние, как сам орочий род, инстинкты, старательно загнанные налетом цивилизации куда-то глубоко внутрь. Руки невольно потянулись к оружию, волосы на загривке встали дыбом, а верхняя губа непроизвольно приподнялась, обнажая крепкие желтые зубы.

«Что со мной происходит? Это сон?» — спросил себя Аггрх, обнаружив, что какое-то время просто стоит и совсем по-звериному рычит, сжимая обнаженный меч.

Гнев переполнял орка, грозя затуманить разум. Хотелось убивать. Воин воткнул клинок в землю и отвесил себе сильную пощечину. Это помогло притупить вспышку ярости, хотя и не освободило от нее окончательно.

Издалека до чутких ушей Аггрха донесся странный гул, и земля задрожала под его ногами. Воин внимательно осмотрел окрестности, в надежде выяснить источник шума. Тот неожиданно показался на горизонте в виде густых облаков пыли, которые с двух сторон принялись медленно, но неотвратимо надвигаться на стоящего между ними зеленокожего.

Аггрх почувствовал острое желание немедленно увеличить расстояние между собой и неизвестной опасностью, поэтому со всей доступной ему прытью бросился бежать. Через пару шагов он обнаружил, что ноги проваливаются в вязкую пыль и тонут в ней по щиколотку, делая быстрое передвижение невозможным.

— Р-р-р! — прорычал боец и медленно побрел в выбранном направлении, с трудом вытаскивая ноги из коварной серой массы.

Когда облака приблизились к нему на достаточное расстояние, Аггрх хрюкнул от удивления: прямо на него надвигались две армии, целиком состоящие из орков. Не зная, чего можно ожидать от сородичей в незнакомом мире, воин продолжил движение, стараясь убраться подальше. Армии, как и сам Аггрх, шли довольно медленным шагом. Это давало возможность случайному свидетелю их появления время для отступления.

Оба войска сходу сошлись в рукопашной, не обратив на зеленокожего никакого внимания. Бывший гладиатор остановился чуть в стороне и принялся наблюдать за ожесточенной сечей. Вид битвы быстро вызвал у орка новый, еще более мощный приступ ярости.

Когда он пришел в себя, то увидел вокруг горы трупов. Одежда Аггрха была влажной от напитавшей ее крови, а рыжие пятна на мече уже успели подсохнуть. Дышалось тяжело, частично из-за пыли, частично из-за внезапно навалившейся усталости. Орк пошатнулся и, чтобы не упасть, был вынужден опереться на воткнутый в землю меч.

— Что это, черт возьми, такое? — заорал он в никуда.

— Это твой рай, — откликнулся некто басом, — нравится в Шамбалыне?

— Кто здесь? — сразу пришел в боевую готовность Аггрх.

— У меня много имен в разных планах бытия, и знать их тебе необязательно, но я тебе не угроза, — уклончиво ответил невидимый из-за пыли собеседник. — Так что, нравится?

— Не очень, — признался воин, — пыль эта проклятая, духота, пить хочется… и друзей не видно.

— Друзья у орка? — переспросил бас. — Как интересно. Точно ли они тебе друзья? Насколько ты можешь быть уверен в их преданности тебе и друг другу?

— Да мы вместе… — начал Аггрх и осекся.

Он и на самом деле слабо представлял, насколько можно быть уверенным в спутниках, которых он знал от силы два месяца. Были совместные приключения, был общий враг, спасали друг друга пару раз… В себе Аггрх не сомневался. Гоблин сумел выполнить последнюю волю его погибшего сына, и воин начал испытывать к парнишке благодарность и уважение. К тому же Гарб чем-то неуловимо напоминал Рэкса, и орк постепенно начал постепенно отождествлять гоблина со своим родственником. Этот точно не предаст. В минотавре тоже сомнений быть не могло. Тауросу всегда верны слову. С людьми и эльфом сложнее, но до сих пор они держались достойно.

— Да! — решительно кивнул он после секундной заминки. — Я за них ручаюсь. Не за демоницу, конечно. Я ее знаю всего два дня.

— Что ж, ее тогда исключим, — задумчиво сказал голос. — Хочешь пари?

— Сначала покажись! — потребовал орк, остерегаясь удара в спину.

— Не здесь и не сейчас, — сказал невидимка. — Если тебе тут не нравится, советую следовать за мной. А то одноглазый хозяин этого места плохо относится к тем, кто попал в его владения незаслуженно. Хотя, кого я обманываю. Он ко всем плохо относится, в том числе и ко мне.

Аггрх почесал нестерпимо зудящий от пыли кончик носа. Встречаться с Одноглазым — самым злобным богом орочьего пантеона — ему не хотелось, хотя насчет личности «доброжелателя» орка тоже терзали сомнения.

— Куда пойдем? — невинно поинтересовался он, рассматривая начавшую ныть руку. В пылу схватки кто-то успел задеть по касательной его предплечье. Простая царапина, но немного крови из нее сочилось.

— Ко мне, — не порадовал развернутым ответом бас.

В пыли перед Аггрхом возникла мерцающая красным стрелка, указывающая ему за спину. Орк обернулся и увидел каменный алтарь, весь в диковинных резных изображениях высших жахани.

— Ороси его своей кровью! — приказал голос.

С губ зеленокожего сорвалось проклятие. Тем не менее, он шагнул к алтарю и занес над ним раненую руку. Капля крови упала на камень, и от алтаря в сторону орка развернулась пространственная воронка. Решив, что хуже, чем в этом «раю», может быть только в аду, а там он уже был, воин храбро шагнул во врата.

***

— Так, я не понял! — возмутился Адинук открывшейся его взгляду картине. — Это точно девятый круг? Я как-то по-другому его себе представлял. Такое чувство, что мы где-то в другом месте.

— Не ты один не понял, — вяло поддакнула Хиенна, вернувшая себе обольстительный облик.

Тем не менее демонесса выглядела уставшей, словно не спала неделю.

Друзья стояли на холме. Из низины перед ними ввысь устремлялась почти отвесная гладкая стена. Она терялась где-то в небесных пределах, если, конечно, язык повернется назвать небесами леденящую душу черноту над головой. Массивное сооружение едва выделялось на фоне неба, матово поблескивая в свете огненной реки, несущей потоки раскаленной лавы футах в сорока от холма и совсем рядом со стеной.

— Фух, жарища, — вытер струящийся со лба пот Гарб.

— И штиль мертвый, — тоскливо согласился Каввель. — Морского бриза очень не хватает.

— А это что за твари? — указал на стену Антонио.

Стену без устали штурмовали какие-то непонятные существа: не дьяволы и не демоны. Отнести их к какому-то определенному виду никто из компаньонов не смог из-за большого расстояния и скудости обличительных черт. Тщедушные создания карабкались наверх, затем срывались и падали на узкую каменную полоску, не омываемую лавой. Какое-то время существа лежали неподвижно, вскакивали и вновь бросались на приступ.

— Агрессии не чувствую, — уверенно заявил темный эльф. — Вообще, это довольно странно, но факт. Зато страха в них хоть отбавляй.

— Для адского измерения немного странновато, — подтвердил Гарб. — Только вот банальная интуиция мне подсказывает, что с учетом особенностей мировоззрения местных жителей это может оказаться обычной уловкой, если, конечно, слово обычно вообще применимо к жахани. Хотя, как мы могли убедиться ранее, не все дьяволы одинаково…

Договорить ему не позволила ярко-красная вспышка. Огненная река встрепенулась и выплеснула за пределы своего русла солидную порцию лавы, залив все пространство вдоль стены. Раздались отчаянные крики существ, не успевших вовремя взобраться наверх. Горячая волна лениво слизнула опоздавших и понеслась дальше.

Друзья отпрянули от пахнувшего им в лица жара. Не отступила только демонесса, с удивлением взирающая на стихийное бедствие.

— Надо же, как дома, — произнесла она, окуная руку в лаву, которая поднялась почти до самой вершины холма.

— Не надо! — не успел помешать Хиенне Адинук.

— Все в порядке, — успокоила его суккуба, — это всего лишь сок земли.

— Отличный сок! — крякнул Каввель, оттаскивая от лавы за шкирку Бурбалку, который явно вознамерился повторить подвиг пууты. — Любую шхуну в два счета в угольки обратит.

— Эльфийские демонологи из академии были бы в восторге, — вполголоса добавил Гарб. — У демонов, оказывается, есть устойчивость к высоким температурам. Интересно, у всех ли.

Хиенна резко выдернула руку из лавы и обернулась.

— А где Михель?

— Он последним шел, — сообщил Бурбалка, бросив взгляд на место, где несколько

минут назад закрылась воронка.

— Аггрха тоже не видать, — добавил минотавр. — Надеюсь, он тут в лаву не упал.

— Вы переживаете за своего друга? — вкрадчивым тоном задал вопрос высокорослый некто, появившийся за спинами у друзей. Все были готовы поклясться, что еще секунду назад там никого не было, как не было и закрывающегося портала, на который можно было бы списать столь внезапное появление.

Хиенне лицо неизвестного субъекта показалось до боли знакомым и довольно привлекательным, хотя и не слишком приятным.

— Он мне не нравится! — мгновенно слетело у демонессы с языка.

Остальные молча уставились на то, что открылось их глазам. При этом каждый увидел что-то свое. Каввель тотчас распознал в незнакомце матерого морского быка по абордажной сабле на поясе и повязанному вокруг головы платку. Антонио по одному ему ведомым приметам сразу определил, что стоящий перед ним парень не кто иной, как самый настоящий ученик чародея, к тому же промышляющий мелкими кражами. Адинук заметил лютню за спиной и понял — это коллега-бард.

Гарбу на секунду показалось, будто этот тип похож на шамана, — на такие мысли наводил бубен в руках и ритуальная маска на голове — но гоблин напомнил себе, где находится и произнес:

— Низкий поклон повелителю Ада! Как поживаете, господин Люцифер?

— Ах, — изображая сожаление, откликнулся незнакомец, — меня опять перепутали с самим вселенским злом! Да разве возможно, чтобы воплощение ужаса и аватар ненависти являлся смертным в столь неподобающем виде?

— Ну, не аватар, так не аватар, — охотно согласился Гарб. — Значит, простое развеивающее заклинание никому не повредит.

Щелчок пальцами — и стена, огненная река и жар от нее, странные существа и незнакомец растаяли, как дым, обнажая абсолютную черную пустоту вокруг. Не изменилось только небо, растянувшееся во все стороны почти осязаемым угольным мраком, спрятавшим любые проявления света от кучки смертных, посягнувших на обитель владыки Преисподней.

— Темно, как у пещерного гнома в… глубине, — послышался голос Адинука. — В Подземье посветлее будет.

— Мне страшно, — раздался громкий шепот суккубы. — Здесь темно и… и очень страшно!

— Да будет свет! — рявкнул минотавр, и темноту разогнали искорки, побежавшие по лезвию секиры. Бледно-синие электрические разряды осветили взволнованные лица компаньонов.

— А где наш шаман? — пискнул Антонио.

— Гарб, дружище! — позвал в темноту Каввель.

Ответа не было.

***

Ловец духов не знал, бежать ему или прятаться. Когда чернота поглотила все вокруг, на него внезапно нахлынули все страхи, присущие гоблинам.

— Мамочка, — прошептал он, когда заклинанием осветил пространство вокруг себя и увидел надвигающихся со всех сторон огромных черных воргов.

Эти почти неуязвимые для магии родственники волков часто используются гоблинами в качестве боевых скакунов — союзничество, ведущее к обоюдной выгоде. К несчастью,

приближающиеся твари были то ли не в курсе древнего, как сам Первичый мир, союза, то ли слишком хотели есть. Слюна капала из их оскаленных пастей, а глухое рычание намекало, что дружелюбием тут и не пахнет.

— Назад! — крикнул Гарб на языке воргов, размахивая посохом, как дубиной.

Животные в нерешительности замерли на расстоянии прыжка от гоблина. Нападать они не спешили. Шаман тоже остановился, не зная, что можно предпринять. Стая взяла ловца духов в плотное мохнатое кольцо, не оставляя ни единого шанса на бегство. Внезапная догадка сразила Гарба наповал своей простотой — тоже иллюзия!

Рассеивающее заклинание «включило» тусклое освещение, уменьшило количество воргов до одного и добавило к пейзажу прикованного к столбу Аггрха, к которому черная тварь и приближалась. Орк завертелся, напрягая бугрящиеся мускулы в попытке освободиться от оков, и замычал сквозь кляп. По интонациям выходило, что воргу ничего хорошего не светит, если зеленокожий сумеет ослабить путы хоть немного. Шрамы на лице воина от напряжения потемнели, сделав и без того свирепую физиономию еще страшнее. Его карие глаза выпучивались от напряжения так, что белки налились кровью, но цепи держали слишком крепко.

— Опять иллюзия, — вздохнул гоблин и щелкнул пальцами.

Ничего не поменялось. Шаман моргнул и ущипнул себя. Совсем не иллюзорный волчище уже обнюхивал беззащитного гладиатора. К своему ужасу, ловец духов обнаружил, что этот ворг принадлежит к породе королевских — самых кровожадных и наиболее защищенных от магии. К тому же сей экземпляр в холке достигал добрых восьми футов — на Лумее невероятный размер. Гарб похолодел. Противопоставить такой зверюге ему было особо нечего даже несмотря на увеличившийся рост. Вот только там же друг, и он в беде!

— Оставь его немедленно! — заорал Гарб, преодолевая страх и прикидывая дистанцию.

От Аггрха гоблина отделяло футов триста — для масштабного волшебного удара не расстояние, если, конечно, не заботиться о судьбе тех, кто попадет в зону поражения. А для точечного попадания далековато, да и не возьмет оно ворга. Мощный же удар давал небольшой шанс справиться с чудовищем.

Тварь, Гарб был готов в этом поклясться, ухмыльнулась зубастой пастью. Орк задергался еще сильнее, когда ворг неторопливо лизнул его голую ногу, явно наслаждаясь моментом.

— А какой мне прок бросать еду? — снисходительно пролаял он в ответ, довольно щуря черные глаза.

— Останешься в живых, — процедил сквозь зубы шаман, подходя ближе.

Не настолько близко, чтобы волк мог прыгнуть, но достаточно, чтобы не задеть Аггрха. Расстановка сил давала только одну попытку, и в случае промаха воргу помимо обеда из орчатины мог достаться еще и ужин из гоблина. Тварь в ответ хрипло рассмеялась.

— Давай так, — предложил хищник, — ты меня насмешил, и я тебя отпущу. Мяса мне и тут хватит на пару дней. Так что убирайся, пока цел.

— Уходи, Гарб! — наконец выплюнул кляп зеленокожий. — Ты с ним не справишься!

— Лучше послушай приятеля, — пристально посмотрел на гоблина волк. — Мне неохота об тебя мараться, но я ведь могу и передумать.

Гарб похолодел. Инстинкты вопили, что надо бежать, пока отпускают. Ноги сами сделали пару шагов назад, и ворг презрительно оскалился. «А как же дружба?» — спросил сам себя ловец духов. «Орки не друзья гоблинам», — ответил внутренний голос. — «Этот

наверняка такой же и просто притворяется. К тому же, ты смертельно напуган. Разве пристало нормальному гобхату встречать опасность лицом к лицу, если его не загнали в угол?»

«Заткнись!» — подумал шаман в ответ, и гнев забурлил в нем с утроенной силой, заглушая страх. — «Я даже не помню, сколько лет я пытался хоть с кем-нибудь подружиться до встречи с компаньонами. И оставлять друга в беде не собираюсь!»

В этот момент Гарб вспомнил о посохе. «Да я же почти всемогущ!» — воскликнул он внутренне. — «Меня даже дьяволы боятся, что мне какой-то ворг! Хватит! Я больше не буду трусить! Может, я просто ненормальный гоблин. Помогай, Бирканитра!» И лишь где-то на задворках сознания мозг противным червячком сверлила мысль: «А помнишь, что стряслось в Академии? Хочешь опять все испортить?» Гоблин мотнул головой, отгоняя сомнения прочь.

— Друзей не бросаю! — с вызовом подвел итог переговорам ловец духов.

— Как знаешь! — оскалился волчара, готовясь к прыжку.

Шаман напрягся всем телом, выжидая тот самый единственный момент, подходящий для удара. Огромный волк черной молнией метнулся к гоблину. Гарб словно увидел себя со стороны: вот он отскакивает в сторону, стучит посохом по земле в направлении зверя. Затем яркая вспышка, опять мрак… и тишина.

***

— Если я ничего не путаю, то нас осталось четверо.

Минотавр кивнул, подтверждая слова темного эльфа. Пуута тихонько подвывала от страха, а Бурбалка ей так же негромко вторил.

— Адекватных и того меньше, — добавил Адинук, неодобрительно глядя на трясущиеся в потемках силуэты.

Ему — уроженцу Подземья — было проще остальных, у которых ночное зрение находилось в зачаточном состоянии.

Каввель сдержанно хмыкнул при поминании адекватности полубезумным эльфом.

— Надо вас как-то взбодрить, — озвучил свои мысли троу после тщательного осмотра пространства вокруг.

Опасности он не разглядел, и решил, что сеанс бардовской песни пойдет всем на пользу. Первые же аккорды лютни разнесли гнетущую тишину вдребезги и вспороли мрак шуршанием миллионов крыльев летучих мышей.

— Ложись! — крикнул Каввель, бросая секиру и увлекая за собой вниз Антонио с Хиенной.

Когда писк и шелест крыльев огромной колонии рукокрылых удалились настолько, чтобы можно было оторвать руки от ушей, минотавр вскочил на ноги и беспокойно забегал туда-сюда. Все пространство, докуда хватало глаз, было залито неярким лунным светом, достаточным, чтобы разглядеть отсутствие троу поблизости.

— Абордажную кошку вам во все отверстия! — бесновался пират, ничуть не упрекая оставшихся с ним товарищей и больше обвиняя в произошедшем себя.

Антонио был склонен с ним согласиться, но благоразумно промолчал, чтобы не провоцировать Каввеля, и сосредоточился на собственных ощущениях. Панический ужас прошел так же быстро, как и появился. Его место заняла гнетущая боязнь неизвестности.

Хиенне стало совсем худо. Она лежала, скорчившись, на земле и стонала. Видимых повреждений на ней не было, но психологическое состояние демонессы оставляло желать

лучшего.

— Ты как? — участливо потеребил ее по плечу Бурбалка.

— М-м-м! — простонала суккуба в ответ.

— Что, плохо? — опять возник из ниоткуда давешний незнакомец. — И должно быть плохо. Все-таки пуутам не место в пределах Девяти кругов. Домой ей надо.

— А есть возможность выбраться? — сделал вид, что не удивился внезапности появления, Бурбалка.

Незнакомец хотел что-то ответить, но не успел: налетевший сзади Каввель, не разбираясь, рубанул его секирой. Топор просвистел сквозь призрачную фигуру и, не встретив препятствий, устремился дальше. Минотавр, не удержав равновесия, споткнулся и растянулся на земле. Неосязаемый субъект растаял в воздухе, сообщив на прощание:

— Не все из вас смогут уйти. Один должен стать жертвой. Подумайте над этим.

Глава 8

Если у страха глаза велики, вы либо смотритесь в зеркало, либо нарвались на пучеглазого выползня.

Пособие по выживанию в Подземье

Слух вернулся не сразу. Адинук долгое время просто сидел, обхватив руками голову, на каменистом полу пещеры, куда его забросило. Барабанные перепонки темнокожего барда едва не лопнули, когда множество летучих паразитов запищали в унисон. Отсутствие одной из ушных раковин ничуть не спасало положение. Голова гудела, как растревоженный улей карликовых виверн. Темный эльф сумел разжать руки и обнаружил, что надрывно кричит. Совладав с собой, он закрыл рот и осмотрелся.

— Такое чувство, что я дома.

Потолок смутно угадывался где-то высоко над головой, стены поросли сиреневым мхом, излучающим едва заметное свечение того же, только более бледного цвета, а пять узких проходов змейками расползались в разные стороны, создавая видимость выбора. В том, что выбора на самом деле никакого нет, Адинук был уверен, потому что успел нарушить первую заповедь Подземья — «Будь незаметным». А это место слишком походило на ту пещеру, в которой ему довелось провести первые сто лет своей жизни.

Чувство опасности появилось сразу после возвращения возможности слышать. Бард взял наизготовку лук, убедился, что в колчане еще осталось восемь стрел, и почувствовал шевеление в заплечном мешке.

— Выходи, хорошая моя! — развязал он тесемки, чтобы выпустить на волю ручную паучиху Милену.

С момента воссоединения с Адинуком восьминогая спутница тихонько сидела в мешке из-за Аггрха, боящегося пауков больше всего на свете. Теперь, когда орка поблизости не было, питомица попросилась погулять, истосковавшись по открытым просторам.

Волшебные свойства котомки легко позволяли огромным объектам уменьшаться в десятки раз и помещаться в ограниченном пространстве. Несмотря на то, что им с Миленой частенько приходилось путешествовать подобным образом, Адинук каждый раз не переставал восхищаться красотой паучихи. Когда ее огромное тело полностью выползло на свет и достигло своих истинных размеров, бард, не в силах более сдерживаться, бросился обнимать свою любимицу.

— Радость моя, как же я соскучился! — приговаривал он, почесывая пальцем голову Милены.

Арахнида довольно зашуршала конечностями и неуклюже обняла хозяина, боясь поцарапать его своими когтистыми лапами. Отдав дань радости воссоединения, Адинук вспомнил, что находится в неизвестном месте, полном опасностей.

— Будь готова, — шепнул он спутнице.

Паучиха козырнула одной лапой и скрылась в тенях, укрывающих свод пещеры от тех, кто может передвигаться только по низу. Бард покрепче взялся за лук и медленно двинулся в один из проходов. Пройдя несколько шагов, эльф почувствовал, что за ним наблюдают.

— Я пришел с миром и покорностью! — произнес Адинук традиционную фразу, означавшую, что готов сдаться превосходящим силам, если таковые готовы сохранить ему

жизнь.

— Опусти оружие, отступник! — скомандовал властный женский голос.

— Начинается, — разочарованно протянул бард.

Теперь он был уверен, что очутился в Подземье, поскольку этот голос вряд ли можно было спутать с чьим-то еще. Лук он тем не менее опустил.

Из темноты вынырнули трое его сребровolосых сородичей с адамантовыми мечами наголо. Вся троица носила фиолетовые цвета дома Хельвиафин. Мечники отобрали у Адинука оружие и скрутили руки за спиной кожаным ремнем. Тогда из сумрака неторопливо вышла темнокожая женщина, по одеянию которой легко можно было опознать жрицу Карвалшаресс — повелительницы пауков.

— Так-так, кто же дерзнул проникнуть в наши тоннели на этот раз? — произнесла эльфийка, кинжалом отодвинув с лица барда мешающую прядь.

— Ты как всегда выглядишь божественно, Элгин, — улыбнулся Адинук. — Помнишь наш последний раз вместе?

Жрица дернулась так, будто ее ужалила змея.

— Ты? — со смесью суеверного ужаса, недоверия и злобы в голосе выпалила она.

— Собственной персоной, — попытался поклониться бард, за что был награжден ударом по голове.

***

— Че делать будем? — закинул удочку Антонио. Ответа Каввеля он опасался, но начинать разговор на скользкую тему первым не хотелось.

— Ох, юнга, не могу ничего дельного предложить вот так сразу. Обмозговать надо все серьезно. Вроде, по времени нас никто не ограничивал?

— Да, только жрать охота, а ничего нету, — протянул Бурбалка, потирая требующий пищи живот.

— Ты прав, приятель, — согласился минотавр, прислушиваясь к недовольному бурчанию собственного брюха.

Волшебная котомка осталась у Гарба, и тауросу ругнулся вполголоса, вспомнив про хранящийся в ней запас провианта. Суккуба тем временем скорчилась на земле в позе эмбриона и тихонько постанывала. Ее кожа посерела, глаза ввалились, а по телу периодически пробегала судорога.

— Мне ее жалко, — сообщил Антонио, отворачиваясь, чтобы не видеть выражение морды Каввеля. — Она мне еще и жизнь спасла.

Минотавр ладонью взъерошил волосы на голове человека и тихо произнес:

— Знаю, дружок. С другой стороны, для меня она значит мало. Свой долг жизни я ей выплатил.

Антонио обернулся и посмотрел прямо в глаза пирата. Тот не выдержал и отвел взгляд.

— А я для тебя че-то значу?

— Ты боевой товарищ, и член экипажа… и друг. Этим все сказано.

Минотавр впервые признался в дружбе с человеком. Это прозвучало странно для обоих, но слова уже покинули рот пирата. Раньше Каввель с некоторым презрением относился даже к части компаньонов, но совместные испытания заставили его пересмотреть свои привязанности.

В наступившей тишине протяжный стон демонессы прозвучал особенно жалостливо для ушей бывшего призрака, вынудив окончательно принять решение, которое уже оформилось у

него в голове.

— Я останусь! — заявил Бурбалка.

— Нет! — быстро отреагировал Каввель. — Ни в коем случае!

— Я ее тут не брошу!

— Если бы не моя клятва помогать Гарбу, я мог бы остаться, но слово уже дано, — печально изрек пират. — Ты же знаешь, мой род клятв не нарушает.

— А ты уверен, что Гарб еще живой? Мы в Аду ваще-то!

Минотавр насупился и фыркнул.

— То есть ты пытаешься убедить меня остаться тут ради спасения какой-то потаскушки из чужого для нас мира? Хорош друг, нечего сказать!

Антонио смутился, не зная, что ответить.

— Прости! — сказал он. — Я не это имел в виду.

— Ладно, проплыли мимо, — великодушно принял извинение Каввель. — Я вот думаю… этот баклан выход нам не показал, а только намекнул, что он будет. А будет ли?

Как будто специально, чтобы развеять возможные сомнения, в двадцати шагах от них с тихим свистом раскрылась портальная дверь — достаточно широкая, чтобы в нее могли пройти сразу трое.

— Надо рискнуть! — обрадовался Бурбалка.

— Кажется, я понимаю, о чем ты, — согласился Каввель, сгребая в охапку обмякшее тело демонессы.

— На счет три! — крикнул парень. — Один, два, три!

Человек и минотавр понеслись к порталу и синхронно прыгнули. Такое же дружное приземление ожидало их по ту сторону. Окно портала издевательски подмигнуло и свернулось, чтобы снова открыться в двадцати шагах от друзей.

— Походу, правила у этой игры все-таки есть, — задумчиво произнес Антонио, подходя ближе к пространственному окну. — Ну-ка!

Горсть песка влетела в воронку и бесследно в ней исчезла.

— Так и знал, — огорчился человек. — Портал пустит тока двоих. Готов биться об заклад, что он не пропустит даже одного.

— С чего ты взял?

— Так просто же! Нам, типа, намекнули, что уйти смогут только двое, для чего в жертву надо принести третьего. Если прикинуть, что третьего нужно просто оставить, то получается — портал настроен на двоих. Ни больше, ни меньше. Иначе один пройдет, а потом еще двое.

— Попробуешь подтвердить догадку?

— Чтоб меня там не поджарило…

— А может?

— Еще как!

— Тогда я попробую.

Каввель бережно уложил суккубу на песок и бесшабашно рванул к порталу. Пространственное окно дождалось прыжка минотавра и преспокойно переместилось в сторону в последний момент, оставив гиганта ни с чем.

— Бросьте меня! — извиваясь от боли, простонала Хиенна. — Я вам только мешаю.

— Не кипеши, подруга! — преувеличенно бодрым тоном заявил Антонио. — Мы тебя не бросим.

«Подруга» в ответ скрежетнула зубами, издала дикий вой и замерла без движения.

— Померла? — с надеждой спросил Каввель.

— Нет, — зыркнул на него исподлобья Бурбалка, — дышит, вроде. Да и высшие демоны бессмертны, так что своей смертью не помрет. Забавные они твари, конечно. Бессмертие для них как игрушка. Они думают, что это типа неуязвимости. По мне, так они должны до усеру бояться всего, что может их убить. А они прут, куда можно и нельзя. Никогда их не пойму.

— Но сознание потеряла, — пират сделал ключевой вывод из потока излияний компаньона, и в его глазах отразилась напряженная работа мысли. — Так говоришь, портал пропустит только двоих?

— Ну, да! — отозвался человек, пытаясь привести суккубу в чувство.

— Есть идея! Никого бросать не придется, — заговорщически подмигнул минотавр, бесцеремонно отбирая бесчувственное тело у реаниматора. — Рвем копыта!

— Че за идея? — уточнил на бегу Антонио.

— Портал пропустит все, что не может думать! — успел крикнуть перед прыжком Каввель. — Как тот песок!

***

Знакомыми с детства тропами Адинука препроводили в город, провели по мощеной плитами центральной улице мимо серого здания академии боевых искусств, в которой он учился фехтованию и стрельбе, к величественному храму, посвященному Королеве Арахнид. Храм, раскинув в стороны ноги-колонны, возвышался своей паучьей громадой над остальными строениями в самом глубоком южном углу пещеры, что обеспечивало его относительную безопасность в случае нападения нелетающих недругов.

Святая святых редко открывает свои двери мужчинам из рода темных эльфов. Карвалшаресс с недоверием относится к самцам, а ее жрицы фанатично следуют заветам богини. Появление в храме мужчины возможно в исключительных случаях, поэтому Адинук, видя, куда его ведут, мог только гадать, не собираются ли его принести в жертву. Если не собираются, то зачем ведут туда, где, кроме мучительной казни, его может ждать лишь оказание величайших почестей, которых может быть удостоен мужчина троу. Впрочем, памятуя о последних событиях, бард уже не был уверен ни в чем, а гудящая после удара голова к тому же не давала сосредоточиться на главном — как выпутаться из этой пренеприятной ситуации.

Адинука ввели в притвор, где охрана отобрала у него все, что не забрали во время первого обыска. После этого, барда освободили от пут и проводили в наос. Храм, как и положено святилищу Карвалшаресс, не имел внутри никаких источников света, что не мешало всем троу ориентироваться, пользуясь для этого сумеречным зрением.

— Добро пожаловать домой, первенец, — ледяным тоном поприветствовала его с амвона верховная жрица, заодно приходящаяся ему матерью и главой клана. — Что за рванина на тебе надета? Моему отпрыску, даже такому никчемному, не пристало ходить в обносках.

Пурпурно-фиолетовые одеяния самой преподобной были сотканы из тончайшего паучьего шелка и оставляли открытыми лишь кисти рук и выкрашенные в фиолетовый волосы. Голову венчала серебристая диадема, усыпанная традиционными сапфирами. Чуть более мелкие камешки украшали обшлаги расширяющихся книзу штанов и адамантовые наручи. Эльфийка, как еще помнил Адинук, представляла собой образец красоты холодного типа, хотя глаза выдавали ее солидный даже по меркам остроухих возраст уже в момент его бегства. Сейчас наверняка годы брали свое, поэтому проступающие морщины тщательно

скрывались вуалью.

Верховная жрица восседала на золоченом троне, исполненном в виде огромной паучихи, по обе стороны от которого на небольшом расстоянии стояли еще три служительницы Карвалшаресс — все сестры Адинука. Их одеяния проще и удобнее: платья в пол, перехваченные поясами чуть выше талии. Такие одежды скрывают движения, но не сковывают их. В широких рукавах легко спрятать кинжал или даже бич.

— Благодарю за теплый прием, матушка, — склонил голову бард, игнорируя перекошенные от ненависти лица сестричек и глядя только на мать. — Там наверху трудно добыть хорошую одежду.

— Не смей обращаться к нам без упоминания титула, или мы прикажем вырвать тебе язык! — фраза заставила эльфа вздрогнуть и вжать голову в плечи.

Если он чего-нибудь и боялся в жизни по-настоящему, так это онеметь.

— Да, преподобная Илхар, — поспешно исправил свою оплошность Адинук. — Прости твоему непутевому отпрыску забывчивость. Верхний мир плохо влияет на умственные способности нашего народа.

— То-то же! — погрозила ему пальцем матрона. — Расскажи нам, что могло произойти такого, что вынудило тебя вернуться домой. Одного только факта твоего бегства вполне достаточно для смертного приговора, и тебе ли не знать об этом. Помнится, ты раньше славно казнил всяких отщепенцев. К тому же, если принять во внимание некоторые исчезнувшие ценности, то тебя еще и пыткам подвергнуть надо. Говори, изменник!

Бард благоразумно дождался прямого приказа открыть рот, хотя ему до ужаса хотелось перебить родительницу каким-нибудь дерзким комментарием и напомнить ей, что из имущества Дома он унес только Милену — тогда еще маленькую паучишку — и свою одежду. Подавив опасные для жизни порывы, троу откашлялся и чинно, как подобает отпрыску благородного Дома, начал выкручиваться:

— Мне стало известно об опасности, угрожающей Дому Хельвиафин. Поскольку я все еще храню верность своей семье и Дому, я не мог не прийти.

Видя блеснувший в глазах матери интерес, Адинук воодушевился и принялся красочно, с применением большого количества подробностей, врать об огромной армии, которую собирает злобный могущественный некромант, жаждущий завоевать все Подземье.

— Кто же этот загадочный противник? — спросила матрона, шикая на дочерей, уже начавших перешептываться, выдумывая для брата самую изощренную пытку.

— Его зовут Сандро, и он с поверхности.

Илхар изумленно подняла бровь, едва не утратив невозмутимость.

— Военный советник короля инс-огглинов? Это интересные сведения. Как же ему удается создавать собственную армию, не привлекая к себе внимания Сконма? Правитель этих тварей весьма подозрителен и уничтожит поверхностника при малейшем намеке на предательство.

Адинук понял, что своим враньем где-то зацепил часть правды. Известие о том, что Сандро, о котором сам Адинук знал только по рассказам друзей, стал советником Сконма, застало барда врасплох. Не подав виду, эльф продолжил изворачиваться, расхваливая таланты человека, сумевшего завоевать расположение племени хапугов.

В жилах этой расы полугоблинов, обитающих в Подземье. также течет кровь эльфов. Благодаря этому они являются искусными темными магами и отменными бойцами. Настолько, что их боятся даже троу.

— Довольно! — прервала его преподобная матрона. — Мы все проверим. Сандро, судя по твоим словам, действительно представляет угрозу. Если все, что ты сказал, правда, мы сохраним тебе жизнь. Будем считать, что все эти годы ты выполнял наши поручения наверху, ведя полную лишений жизнь.

Бард молча поклонился, испытывая невероятное облегчение. Уверенность в завтрашнем дне понемногу возвращалась к нему: немедленной казни не ожидалось, а в дальнейшем можно будет усыпить бдительность стражи и улизнуть из родительского гнездышка повторно — на сей раз окончательно.

— Однако, памятуя о твоих прошлых преступлениях против Дома, мы не можем не подвергнуть твою преданность сомнению. Готов ли ты делом доказать, что по-прежнему верен нам?

— Я готов пройти любое испытание, — смело заявил Адинук.

— Ведите! — матрона махнула в сторону храмовой темницы.

Несколько прислужниц бросились исполнять приказание и через пару минут пригнали в наос пленников. В них бард с ужасом узнал Каввеля, Хиенну и Антонио. Выглядели все трое неважно, особенно пуута, которую минотавр нес на руках. Суккуба, похоже, потеряла сознание.

— Тебе будет оказана великая честь, — сообщила Илхар. — Мужчинам обычно запрещено участвовать в жертвоприношениях, если, конечно, не их приносят в жертву. Для тебя наша повелительница Карвалшаресс делает исключение: ты не просто будешь присутствовать, ты будешь жертвовать!

Вероятно, мимика Адинука отразила целую гамму чувств, потому что лица его сестер разом озарились довольными улыбками. Хорошо зная повадки родственниц, бард немедленно взял себя в руки, чтобы не выдать матроне своего знакомства с компаньонами. Впрочем, искры гнева, пляшущие в глазах матери, красноречиво свидетельствовали о ее осведомленности в данном вопросе.

Троу спешно пытался придумать, как спасти друзей, но очевидного решения на ум не приходило.

— Я готов, — ответил он на невысказанный вопрос матроны.

— Сделай это, и я буду тобой гордиться, — поощрила его Илхар.

Было время, когда Адинук отдал бы все, чтобы услышать подобное обещание из уст матери и увидеть полные ненависти взгляды сестер. Теперь его больше волновало другое. Отрекшись однажды от образа жизни своих темных собратьев, бард отказался и от бесконечных интриг, злобы и ненависти. Иногда беглого принца мучило желание вернуться, но он всегда подавлял такие порывы. Он еще не забыл, что дома даже первый среди мужчин всегда стоит на ступеньку ниже любой из сестер. Помнил он и о других несправедливостях.

Честолюбие никогда им не двигало — хватало и тех почестей, что ему оказывали как первенцу матроны. Адинук сбежал, потому что не терпел принуждения. Вот и сейчас вольный дух барда отчаянно протестовал против навязывания ему чужой воли.

Тем не менее троу глубоко вдохнул, чтобы успокоить подрагивающие руки, и взял предложенный ритуальный кинжал. С рукояти на него насмешливо посмотрела рубиновыми глазами Карвалшаресс. Адинуку показалось, что лапы паучьей богини, искусно вырезанные на костяной поверхности, переплелись с его пальцами, образовав с ними единое целое. Ощущение было не из приятных — словно сотни невидимых иголочек впились в ладонь и намертво в ней застряли.

Троу медленно приблизился к жертвеннику под пристальным наблюдением четырех жриц.

— Приступай! — приказала Илхар.

Бард посмотрел на привязанных к алтарю друзей. Из-за темноты они не могли видеть его лица, а из-за заклятия молчания не имели возможности говорить. Глаза Каввеля беспокойно двигались, пытаясь высмотреть во мраке способ освободиться. Лицо Бурбалки выражало покорность — он, видимо, уже пробовал уйти через портал, но не сумел. Суккуба лежала без сознания.

Руки Адинука снова мелко задрожали, когда он обхватил рукоять кинжала обеими ладонями и занес клинок над грудью Каввеля. Минотавр уловил в темноте движение и громко засопел от натуги, но храмовая прислуга хорошо знала свое дело: усиленные магией веревки выдержали.

— Или остаться? — мелькнула мысль в голове темного эльфа. — Забыть о свободе, покориться матери? Все-таки это моя родня, и скитания уже приелись. Сколько я не был дома, пятьдесят или сто лет? Баллады можно и тут тайком писать. Друзья… да я их знаю всего ничего! Какие они мне друзья? Сами, небось, ради моего спасения пальцем бы не пошевелили. А за их убийство обещали прощение. Наверняка дуралеи проболтались матери, что знают меня, иначе их бы принесли в жертву еще до моего прибытия. Значит, если я сейчас не нанесу удар, мне тоже не жить. Миленочка без меня пропадет. А если ударю, совесть потом не замучает? Что же делать?

— Нам долго ждать? — нетерпеливо поинтересовалась Элгин на правах старшей дочери.

— Я молился Карвалшаресс, — обреченно отозвался Адинук, приняв решение. — Уже приступаю.

***

Милена осторожно кралась по потолку пещеры за гадкими троу, посмевшими обидеть ее хозяина. Можно было бы сразу прыгнуть на них и впрыснуть яд, но Адинук не подал условного сигнала. Наверное, он что-то задумал, поэтому нельзя ему мешать.

Проследив за плененным бардом до самого храма, арахнида немного покрутилась снаружи, перебралась на храмовую крышу и обнаружила очень удобный, словно специально для нее сооруженный, лаз внутрь. Обрадовавшись, что не пришлось долго искать вход, Милена протиснулась в узковатое отверстие и столкнулась с такой же, как сама арахнидой, только менее крупной.

— Конкурентка! — защелкала жвалами обитательница храмового чердака.

— От конкурентки слышу! — обиделась Милена, делая выпад лапой.

Хозяйка помещения отпрыгнула и заняла оборонительную позицию. Последовал короткий обмен ударами, чтобы выявить слабые места в обороне друг друга. Милена пришла к выводу, что ее шлепки хоть и не наносят существенного вреда, но заталкивают соперницу вглубь чердака. Удвоив усилия, арахнида шаг за шагом отвоевала несколько футов, издала победный клич и, улучив момент, вцепилась хелицерами в бок противницы. Яд подействовал мгновенно: вражеская паучиха завалилась на бок, и засучила ногами, размазывая сочащуюся лимфу по полу.

Через некоторое время соперница затихла. Милена опасливо ткнула ее тело лапой. Тычок получился несколько сильнее ожидаемого, и массивная туша отлетела на фут в сторону. Звук падения, однако, раздался не сразу, а спустя долю секунды, и получил

продолжение в виде крепких эльфийских ругательств на разные голоса.

— Ой, — подумала арахнида и забеспокоилась о хозяине, который был где-то внизу. На ощупь найдя провал, в который упало тело убитой соперницы, Милена заглянула вниз. Как оказалось, своевременно: хозяин в опасности!

***

Решение остаться пришло неожиданно.

— Наверное, я просто устал бежать, — подумал Адинук, прицеливаясь, чтобы попасть прямо в сердце минотавра и избавить его от ненужных мучений.

Внезапно откуда-то сверху раздался шорох, заставивший барда замереть, а затем сделать кувырок в сторону.

— Что за… — троу разинул рот от изумления при виде туши, падающей на место, где он только что стоял.

Столь немногословными были только Адинук и преподобная матрона.

Прислужницы, стоящие у стен, испуганно завизжали, а жрицы с проклятиями принялись разматывать свои семихвостые волшебные бичи. По их взглядам бард понял, что терять ему уже нечего и спешно бросился разрезать веревки, удерживающие друзей на алтаре. Рукоять кинжала с ожесточением вгрызлась ему в ладонь, и Адинук почувствовал, как по руке потекла кровь. Карвалшаресс не простила оскорбления.

Успев освободить только Каввеля и слегка надрезать веревки, связывающие Антонио, он увернулся от первого удара бичом. Вторая сестра выбила у него из рук кинжал, а третья попала в цель: волшебные хвосты обвились вокруг шеи барда.

— Вот и конец, — грустно подумал Адинук, безуспешно пытаясь ослабить захват.

Глава 9

«Я все никак понять не могу, каким местом вы, смертные, принимаете решения».
— Большой Лю

Яркий свет больно резал глаза, а чьи-то громкие вопли слух. Разлепить веки все никак не получалось, хотя любопытство терзало Адинука: он снова в Аду или уже где-то в другом месте? В бок потыкали чем-то острым.

— Эй! — не открывая глаз, попытался отмахнуться бард.

Оживленное постукивание паучьих лап в ответ не оставило сомнений в происхождении острого предмета.

— Милена! — немного обиженно произнес троу. — Подожди чуть-чуть!

Арахнида обрадованно зашуршала конечностями, но оставила попытки разбудить хозяина. Наконец эльфу удалось приподнять веки так, чтобы свет не заставлял мгновенно зажмуриться.

— Пришел в себя!

— Потише, пожалуйста! — простонал бард.

Слух и зрение еще не адаптировались к нормальным условиям — видимо, сказывались последствия удушения.

— Кажется, я вошел в раж и немного перестарался с реалистичностью иллюзий, — пробасил кто-то.

Голос показался Адинуку странно знакомым. Окончательно прозрев, он увидел всех своих друзей в добром здравии. Вместе с ними за большим столом восседал все тот же давешний некто. Теперь уже явно во плоти, поскольку субъект с удовольствием прихлебывал дымящуюся коричневую жидкость из хрустального бокала, держа его вполне материальными руками. Компаньоны следовали его примеру и, похоже, наслаждались процессом.

Вспомнив, что он сам давно не ел и не пил, бард не без труда поднялся с мягкого диванчика, нежно потрепал по голове Милену и присоединился к друзьям.

— А что, собственно, происходит? — поинтересовался он, опасаясь делать выводы самостоятельно.

— Мы тут амброзией балуемся, — хихикнул Каввель, явно находясь в изрядном подпитии. — Ядреная штука!

— Ничего не понимаю, а как же все эти исчезновения, смерти, драки? — озираясь по сторонам, удивился Адинук.

Увиденное, на первый взгляд, казалось скромной по размерам обеденной залой со столом в центре и неброскими обоями на стенах. Повторный взгляд выявлял любопытную деталь: рисунок на обоях находился в постоянном движении, своими очертаниями напоминая троу однажды увиденную им карту известных миров. Здешний вариант отличался большим количеством деталей.

— Видишь ли, Большой Лю — кстати, знакомьтесь — оказался помимо прочего еще и большим шутником и выдумщиком, — сказал Аггрх.

— Отморозком! — вполголоса добавил Михель, по всей вероятности, еще не простивший гостеприимному хозяину свою часть приключений.

— Да будет вам дуться на обычный розыгрыш! — ничуть не обиделся Лю. — Я уже

тридцать раз объяснял, что вашим жизням ничего не угрожало, нужно было только доказать преданность друг другу. Весело же было, когда вы все пошли на поводу у собственных страхов!

— Дурацкие у вас шуточки! — вырвалось у барда.

— Кстати, вы, юноша, меня огорчили, — не остался в долгу Большой Лю. — Нельзя было опустить нож на пару секунд раньше? Я бы спор выиграл. А так дражайшая Милена вмешалась и всех спасла. Ей и лавры.

Троу наконец сумел подняться на ноги.

— Спор? — растерянно спросил он.

— Да, наше с ним пари, — подтвердил орк. — Мы об заклад побились, что в нашей компании предателей нет. И я выиграл!

— Ну, знаете! — возмутился темный эльф. — Я чуть Каввеля не зарезал.

— Не зарезал же, — добродушно отозвался минотавр. — Даже не знаю, как бы сам в такой ситуации поступил. Мы тут все видели. Тяжко тебе у родственников жилось, юнга. Шансов нас спасти у тебя все равно не было, так что и претензий быть не может. И, конечно, ты в конце принял правильное решение.

— Стоп! Давайте по порядку! — замахал руками бард и указал пальцем на Лю. — Ты вообще кто, и где мы сейчас?

Жахани улыбнулся и набрал воздуху в грудь, прежде чем заговорить.

— Я Люциус младший, хотя я предпочитаю имя Большой Лю. Чтобы не путали с тем Люцифером, который воплощение зла и все такое. Но многие все равно путают. Вы находитесь в Тисау — девятом круге Эльжахима, то есть Ада, по-вашему. Я тут привратник. Пока все понятно? Строго говоря, кругов сейчас уже тринадцать, но нумерация осталось традиционной. Было бы странно менять порядковый номер основного круга только потому, что нам удалось оторвать пару кусочков от владений пуутов. Новые приобретения считаются скорее автономными округами. У них и форма-то не круглая даже. Хотя их правителям нравится мнить себя полноценными аршидуками.

— А как же настоящий повелитель Ада? — троу взял предложенный кубок и отпил.

Как-то один благодарный слушатель угостил его вином из своих погребов. Той бутылке в момент опорожнения как раз стукнуло сорок, но ее содержимое ни в какое сравнение не шло с необыкновенным вкусом, которым сейчас наслаждался эльф. Мир сначала заиграл новыми красками, а затем шибанул одновременно в нос, глаза и самую середину мозга. Возникло непреодолимое желание петь, танцевать и заниматься всякими глупостями, но эльф поборол этот опасный в Эльжахиме порыв.

— Он, кажется, предпочитает ни во что не вмешиваться, — опередила хозяина Хиенна.

— В яблочко! Это у него семейное, — сказал Лю шепотом и добавил уже громче. — Он обожает наблюдать, но терпеть не может действовать. А чтобы было, за чем наблюдать, придумал меня. Вот я его и развлекаю, как могу. Заодно и гости не скучают. Просителей последнее время немного, так что ваше появление пришлось очень кстати.

— Меня мучает вопрос, на что спорили, — подал голос Антонио, отрывая захмелевшую голову от стола и пытаясь сфокусировать мутный взгляд на хозяине.

— Кстати, да. А на что? — спохватился Каввель.

— На души предателей, разумеется.

Неловкая пауза, нарушалась только самозабвенным чавканьем Милены, пирующей в углу зала. Каждый компаньон еще раз прокрутил в голове события розыгрыша, выискивая

моменты, в которых принимаемое решение могло оказаться иным. Аггрх сидел с перекошенным лицом: для него это тоже стало неприятным откровением.

— Ладно, — прервал молчание Адинук, — я все понял. Тогда объясните мне один момент. Если все было слишком реалистично, то правдиво ли то, что мне сказала маман?

— Насчет колдуна? — переспросил Лю. — В целом, да. За исключением некоторых деталей, которые мне пришлось додумывать самому, все ваши видения были максимально реалистичны, чтобы не вызывать подозрений. Кое-какие факты я позаимствовал прямо у вас в голове, а что-то напрямую из свежих новостей вашего мира.

— Тогда у нас проблемы, — глухо сказал Гарб.

— Ага! — радостно согласился Большой Лю. — Должен заметить, что вы себе всей полноты картины даже вообразить не сможете.

— А ты нас не просветишь? — с надеждой поинтересовался Аггрх.

Лю отрицательно помотал головой и сразу затараторил.

— Нет. Во-первых, смертным многие вещи знать не положено. Тем более предполагается, что я злой, поэтому всяким добреньким, вроде вас, помогать не должен.

— А если мы хорошо попросим? — воскликнул Гарб.

Каввель и Аггрх его поддержали энергичными кивками.

— Гхм, — многозначительно кашлянул хозяин дома. — Во-вторых, я и сам знаю не так много, как хотелось бы. Хотя, конечно… с одной стороны, вы у меня спор выиграли, и я вам должен сделать какой-нибудь подарок. С другой стороны, вы у меня наверняка попросите разрешения покинуть пределы Ада, так что это и будет моим подарком.

Все умоляюще посмотрели на Большого Лю.

— Ладно, — хитро прищурился тот, обводя взглядом компаньонов. — Вы мне нравитесь, ребята. Такой дружной компании я не встречал уже много тысяч лет. Всю правду я вам, конечно, не скажу — жирно будет. Хотя намекнуть намекну. Итак, у вас в качестве головной боли имеются злобный поднимать мертвых — вообще мерзкий тип, племя не менее злобных колдунов и презлющий древний бог, который пока даже для меня остается загадкой. В этом уравнении имеются и другие переменные, но, если вам о них рассказать, испортится вся интрига.

— Вот как раз еще одного бога нам и не хватало! — разочарованно вздохнул Каввель, которому от одного из богов его расы уже перепало на орехи.

— Но у вас есть и куча козырей на руках, — подмигнул ему Лю. — Могущественный посох, который можно немного доработать, целый сонм потенциальных союзников, потенциал для личностного роста каждого из вас… Больше ничего не скажу, и не просите.

— Негусто, — резюмировала Хиенна. — Что дальше?

— Дальше, — задумался привратник Люцифера, — вас надо отправить по домам. Загостились вы в Девяти кругах. Давайте, быстро просите меня выпустить вас, пока я не передумал.

— Выпусти нас, пожалуйста, будь другом! — попросил Адинук.

Лю согнулся пополам, распластался на столе и зашелся в приступе хохота.

— Другом! Аха-ха! — выдавил из себя он, вытирая слезы. — Я еще понимаю, что вы можете считать друзьями себя, но записать и меня в ту же компанию… Ничего смешнее в жизни не слышал. Запомните, смертные: жахани добровольно не делают ничего, что бы не приносило им выгоду.

— Истинная правда, — кивнула суккуба.

— Я вас отпущу вовсе не из-за дружеских чувств или филантропических побуждений, — сообщил Большой Лю, успокаиваясь, — а извлеку из этого огромную пользу.

— И всех родственников моих отпустишь, — добавил Гарб, — и из этого тоже извлечешь выгоду.

— Это какую же? — сверкнул страшными глазами дьявол.

Он аж привстал из-за стола, пристально глядя на гоблина.

— Я без них не уйду, — отважно заглянул в бездонные черные колодцы зрачков дьявола шаман.

Жахани нахмурился и отвел взгляд. Ловец духов мог только подозревать, что его присутствие в Эльжахиме по какой-то причине нервирует местное население, но наверняка этого не знал и поставил на кон все, угрожая одному из самых могущественных существ во вселенной.

— Да, — согласился дьявол, избегая зрительного контакта и окончательно подтверждая догадку гоблина, — тоже выгодно.

— Отлично! — обрадовался, не заметив возникшего напряжения, Каввель. — Когда отправляемся?

— Хоть сейчас! — указал на карту Лю. — Просто ткните в то место, куда хотите попасть. Правда, нет гарантий, что вы переместитесь правильно, но из Эльжахима точно уберетесь. Законы Део, вообще-то, запрещают подобные путешествия. Хотя… вам же как-то удалось в первый раз, так что может повезти и во второй.

— А где тут Лумея? — спросил Антонио, пытаясь сфокусироваться на мельтешащих деталях.

— Не имею возможности вам помочь в этом, — то ли слукавил, то ли всерьез сказал дьявол. — Сами ищите.

Как выяснилось, никто толком не знал точного расположения миров относительно друг друга, а на карте они подписаны не были. Пока компаньоны пытались сообразить, как найти нужное место, в зале открылся портал, из которого вывалилась вся родня Гарба. Бедняги испуганно бросились прятаться по темным углам комнаты. Один из гоблинов зацепился ногой за стол и упал.

— Я как живой! — радостно заорал он.

— И мы! — крикнули остальные, предварительно ощупав себя и предметы обстановки.

— Поздравляю, — мрачно поприветствовал их шаман, прикидывая, сколько проблем может доставить ему родное племя в полном составе.

Когда он просил Лю отпустить их, то полагал, что тот отправит их обратно в Шеол, где и положено находиться порядочным умершим гоблинам.

— Гарб! Ты все-таки не бросил нас! — бросился обнимать шамана Звонос.

В другое время ловец духов просто не дал бы этому олуху добежать до себя, подозревая намерение избавиться от нелюбимого родственника.

Сейчас чувства вождя выглядели совершенно искренними, и Гарбу пришлось с вымученной улыбкой наблюдать, как Звонос тискает его ногу: выше рослый гоблин просто не дотянулся. Через мгновение к вождю присоединилось все племя.

— Надо же, как пребывание в Аду положительно влияет на братские чувства, — умилился Адинук, пошатнулся и, чтобы сохранить равновесие, оперся о стену. В то же мгновение темного эльфа со свистом втянуло в обои.

— Стой, куда! — запоздало крикнул Гарб.

— Я запомнила место, до которого он дотронулся, — сообщила Хиенна, указывая пальцем.

— Жребий брошен, — процедил Каввель, подходя к стене.

Ткнув в нужную точку, он последовал за неуклюжим бардом.

Оставшиеся друзья переглянулись и по очереди отбыли в неизвестный мир. Последним в путь отправился Гарб, проследив, чтобы сначала ушли его родичи.

***

— Все убрались? — спросил рокочущий голос.

— Все, повелитель, — радостно подтвердил Лю. — Видели, какова бесовка?!

— И этот одержимый самозванец? — проигнорировал его восторженность хозяин.

— Он тоже, — грустно сказал Люциус, поджав губы.

Ему стало обидно, что устроенное представление не оценили по достоинству.

— Превосходно! Продолжай наблюдение. От их появления просто разит моей божественной родней и их глупыми интригами. Посох тоже оказался здесь неспроста. Хорошо хоть не до конца собранный. Раз уж так вышло, давай попробуем использовать это в моих целях.

— Повелитель, вы заметили в них что-то странное? — осторожно спросил Лю.

— Разумеется, — не стал вдаваться в подробности хозяин Эльжахима, и Большому Лю стало ясно, что не стоит больше тревожить его расспросами.

Если захочет, сам расскажет в нужный момент.

***

Во рту у всех моментально пересохло. Складывалось ощущение, что вода в атмосфере вообще отсутствует. Воздух словно высох.

— Так, это уже не смешно! — нервно помотала головой Хиенна. До боли знакомая матовая стена стрелой уходила в бездонную черноту над головой, окрашенную с краю багрянцем. Никто, правда, наверх не карабкался, зато лавы вокруг было хоть отбавляй.

— Поясни, — попросил враз очнувшийся от дурмана, вызванного амброзией, Бурбалка.

Ему почему-то стало очень не по себе в этом месте.

— Или это опять иллюзия, или…

— Мы в Бездне! — закончил за суккубу Каввель.

— Мир демонов? — в ужасе вскричал Антонио.

Парень обхватил голову руками и застонал. Затем вдруг вспомнил о чем-то и начал озираться в поисках опасности.

— Не бойся, сладкий мой! — успокоила его пуута. — Я не дам тебя никому в обиду.

— Сама будешь обижать? — фыркнул минотавр.

Демонесса радостно кивнула, очаровательно обнажив жемчужины зубов.

— И все же, нам надо попасть домой, — напомнил Гарб. — Рахэн-ди нас устраивает немногим более, чем Эльжахим.

Хиенна посмотрела на гоблина и еле заметно вздрогнула от накатившего узнавания. Мелькнувшая по ее лицу тень ужаса, быстро сменилась улыбкой. Она перевела взгляд на Михеля и вздрогнула еще раз. В ее глазах полыхнули одновременно радость, надежда и тревога. Она мгновенно скрыла все чувства, но монах все равно заметил, хотя и не совсем понял причину.

— Да бросьте! — воскликнула суккуба. — Побудьте немного со мной, будет весело! Мой мир не знает никаких ограничений. Тут можно все и всем!

— Вот это меня и пугает, — стуча зубами пробормотал Бурбалка.

— Хм, все и всем, говоришь? — тряхнул головой Каввель. — Напоминает пиратскую вольницу.

— Так и есть! Тут все пираты в своем роде, — согласилась девушка. — Вам понравится!

— Вынуждены отклонить твое приглашение, — для убедительности стукнул посохом Гарб. — Нам еще бороться с хапугами.

Пуута умоляюще посмотрела на него, а затем на Михеля.

— Жаль. Но хоть до дома меня проводите?

— Проводим, конечно! — подтвердили все.

— А в другой мир отсюда попасть сложно? — поинтересовался Антонио.

— Вопрос хороший, — потерла подбородок пальчиками суккуба. — Ограничений у нас никаких нет, хоть я и не слышала, чтобы кто-то свободно ходил по мирам. Мачеха обладает властью, чтобы временно закрыть выход, но долго держать его на замке она не сможет. На это уходит слишком много сил. Выход обычно свободен в соседний слой Рахэн-ди, а из него в смежный с ним, и так далее. Только на границе с Эльжахимом всегда идут бои — это вы, наверное, и сами знаете. Но порталы для плоти в остальные миры невозможны — это все знают.

— Вообще-то, возможны, — важно поклонился Антонио. — Уметь нужно. Вот карта Лю, к примеру, вполне себе работает.

Хиенна нахмурилась, но ничего не сказала.

— Значит, мы можем переместиться в любой момент! — обрадовался Аггрх. — Тогда, проводим нашу очаровательную спутницу и рванем домой.

— Да будет так, — резюмировал ставший задумчивым Михель.

— А где мое племя? — вдруг заметил отсутствие родственников шаман.

Вопрос ответа не получил.

Часть 2: Наследницы. Глава 10

«Сердечная достаточность — тяжелое заболевание смертных, симптомом которого является полная невозможность их соблазнения суккубами».

— Меридиана, повелительница суккуб

Шли, особо не торопясь. Суккуба плавно покачивала бедрами, а за ней следовали особи мужского пола, как минимум трое из которых, кроме бедер, вокруг ничего не замечали: в родном мире очарование демонессы утроилось, но изменения этим не ограничивались. Перед компаньонами предстала не косящая под дурочку мамзелька, которой она прикидывалась в Эльжахиме, а настоящая демонесса. Сильная, властная и коварная. И все же, это была та самая Хиенна.

В отличие от товарищей Гарб относился к подобным вещам со стойкостью, свойственной только жрецам Бирканитры. Он в принципе не до конца понимал, что происходит с его друзьями, и, не теряя бдительности, обозревал с высоты своего гигантского роста окрестности. Бесконечная каменистая равнина, кое-где прорезанная реками лавы, простиралась во все стороны до самого горизонта. Чахлая бурая растительность не слишком оживляла пейзаж. Ничего похожего на солнце тут не наблюдалось, но небо все больше окрашивалось цветом крови с каждым мгновением. Через несколько часов ходьбы небесные краски отступили, оставив над головами путников только бездонную черноту без всяких звезд.

Михель продолжал пребывать в странной задумчивости и шел, просто механически переставляя ноги. Каввель единственный вел себя так, как будто проблем вообще не осталось никаких. Пират беззаботно насвистывал какую-то морскую песенку и периодически забрасывал Хиенну вопросами, на которые та отвечала с разной степенью готовности.

— Послушай, деваха, а как ты узнала, что твоего брата убил именно Анделефт?

— Под головой на стене было написано, кто «автор» трофея, — ответила демонесса.

Суккуба слегка скривила губы то ли от упоминания жахани, то ли от грубоватого обращения. Каввель никогда не отличался тактичностью, поэтому даже не заметил. Он вообще считал, что ему должны быть благодарны просто потому, что он в принципе снизошел до общения с «убогими расами», к коим он относил всех, кроме минотавров. Часть компаньонов он причислял скорее к неким ущербным сородичам, чем к обычным людям или эльфам.

Единственные, кого тауросу почитал равными себе, были Гарб и Аггрх. Гоблин заслужил такое исключительно потому, что в прошлом совершал ради минотавра геройские поступки и положил начало избавлению бывшего пирата от проклятия. Орку же повезло продемонстрировать при Каввеле воинское мастерство, внушавшее уважение.

— А как ты вообще смогла попасть в Эльжахим, да еще так далеко? У вас же с жахани война, — продолжил минотавр.

— Этого я сама не совсем понимаю. Мы с сестрой готовили обряд для выслеживания убийцы. Но ритуал только должен был открыть нам личность негодяя. Никакого перемещения не планировалось. Такой портал если и возможен, то исключительно с координатами, а мы их не знали.

— И провалов в памяти, естественно, тоже в планах не было? — осведомился Гарб.

— Конечно, нет! — замахала ручками Хиенна. — Вы только вообразите себе, что я попала во враждебный мир одна, голая, безоружная и ничего не помнящая! Если бы я не встретила вас, в лучшем случае меня сделали бы игрушкой у какого-нибудь высокопоставленного мара. В худшем — висеть бы мне рядом с братом.

— А про Муфад'ала ты ничего не помнишь?

Хиенну передернуло при упоминании жахани от ненависти и отвращения.

— Совершенного ничегошеньки. Хотя, он мог попасть сюда вместо меня, как я попала на его место. В этом случае сейчас он уже обращен в рабство. Только не говорите, что будете его жалеть.

— Не будем, — успокоил суккубу Каввель. — Рабство — это основа современной жизни. Кому еще работать, как не пленникам? Воины и маги не согласятся, а от всяких мещан все равно толку мало.

— Здраво рассуждаешь, — ухмыльнулся Аггрх, сам когда-то носивший рабский ошейник. — Тебя бы разок отправить в штольню помахать киркой!

— Будто тебе самому доводилось дробить камни, гладиатор, — ухмыльнулся пират и взмахнул секирой. — Со мной этот номер не пройдет!

Гарб облизнул пересохшие губы и решил вмешаться.

— Не спорьте, — примирительно сказал он. — Ограничение чужой свободы — это всегда плохо, даже если кто-то извлекает из этого выгоду. Скажи им, Адинук!

— Вот тут поддержу, — отвлекся от созерцания Хиенны бард. — Я сам сбежал из общества, в котором рабовладение сродни воздуху для рыб. Напрямую он им не нужен, но они им тоже дышат. Я понятно выразился? Хм, наверное, это неудачное сравнение. А ты что скажешь, Михель?

— А я скажу, что Вседержитель дал всем на свете свободу.

— Вот за что ты мне нравишься, — оглянулась суккуба, — так это за наивность. Даже у богов есть ограничения, что уж говорить про всех остальных.

— Не надо сейчас теологических споров! — умоляюще просипел Бурбалка. Беседа грозила перерасти в полемику, а Антонио всегда питал крайнее отвращение к богословию. — Мы можем устроить привал? Голова все еще пухнет от этой амброзии и пить хочу, мочи нет.

Компаньоны согласились, что передышка действительно не помешает.

***

Лагерь мирно посапывал, и караул держали только двое. Хоть суккуба и утверждала, что это бессмысленно и в ее присутствии никто не осмелится напасть, но Аггрх настоял. Гарб с Каввелем поддержали идею, и часовых все же выставили.

С сумерками немного похолодало. Холод не шел ни в какое сравнение с зимой на Лумее, но демонесса начала постукивать зубами. Ее не спасал даже жар, идущий от лавы. Смертные же наоборот старались держаться от раскаленной реки подальше.

— Нужен костер, — смекнул Михель. — В этой пустоши можно раздобыть дров?

— Зачем? — удивилась Хиенна. — Вот их разжигайте!

Суккуба указала когтистым пальчиком на странные черные камни, в изобилии разбросанные повсюду. Гарб использовал для заклинания лаву из огненной реки и с недоверием метнул узкую полоску волшебного огня в сложенные пирамидкой камушки. Черные бугорки на удивление быстро занялись, весело потрескивая. Пламя жарко

разгорелось, а выгорать смоляные кусочки и не думали.

— До следующего рунгаруна хватит, — кивнула рыжеволосая демонесса. — Это утро на вашем языке.

Друзья наскоро перекусили припасами, которые все еще не закончились в бездонной торбе, и все, кроме караульных, улеглись на ночлег.

Орк вызвался дежурить первым и предложил Хиенне составить ему компанию. Та грустно посмотрела на устраивающегося на ночлег Михеля и согласилась. Часовые уселись возле потрескивающего костра. Остальным тепла хватало и без него, и они легли поодаль.

Когда все уснули, Аггрх неловко попытался завязать разговор, ради которого все и затевалось.

— Так это… Раз уж тут безопасно, может, еще разок, пока они дрыхнут?

Орк мысленно ругнул себя за нескладное предложение и исподлобья посмотрел на реакцию демонессы. Суккуба загадочно улыбнулась.

— В другое время, сладенький, я бы и не подумала отказываться от такого лакомого кусочка, — хмыкнула девушка. — Вот только кое-что случилось, и теперь я просто не хочу.

— Ты! — выпалил очевидно уязвленный отказом орк. — Да ты…

— Ну же, договаривай! — с вызовом ответила суккуба, вскакивая на ноги.

Зеленокожий громила громко втянул сухой воздух широкими трепещущими ноздрями, но промолчал. По-видимому, будучи не в силах произнести то, что собирался.

— Закончу за тебя. Ты презираешь таких, как я. Я для тебя очередная девка и только. Ты задумался хоть раз, почему я такая? Это наказание для нашего рода. Я вынуждена питаться мужской силой. И делать это так, как я делаю. Вот только представь, что я больше не желаю питаться как попало и чем попало!

— Тебе нужен он? — процедил сквозь зубы воин.

— И только он, — гордо сказала Хиенна.

— Сейчас проверим, — ощерился Аггрх и тоже легко вскочил на ноги.

— Не подходи, если хочешь жить! — угрожающе зашипела демонесса.

Орк проигнорировал реплику и сделал шаг. В ту же секунду его ноги оторвались от земли, и воин шмякнулся всем телом на каменистую почву. Больно.

— Браво, Михель, — не вставая, заметил он. — Нападать со спины — это же так достойно твоего ордена. И чужие разговоры подслушивать тоже. Вас точно не этому там учили?

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — мягко произнес человек в выцветшем балахоне, но его голос отдавал сталью. — Осмелюсь напомнить, что мы в чужом мире и должны быть на одной стороне, а ты как будто только о себе думаешь. Учти, кроме нас, у тебя здесь союзников нет.

Аггрх с легким рычанием снова поднялся на ноги и развернулся в сторону Михеля.

— Значит, взбучка будет дружеской.

— Не смей! — предупредила орка демонесса, и он увидел кипящую в ее глазах чистейшую изумрудную ярость. — Я тебя уничтожу!

Воин вдруг поменялся в лице, крепко стиснул клыки так, что желваки заиграли на скулах, а шрамы на лице налились кровью. Через секунду он пришел в себя.

— Тихо, спокойно! Не надо нервничать, — вдруг улыбнулся Аггрх, примирительно поднимая обе ладони вверх. — Теперь верю. Пять минут назад сомневался, но сейчас все очевидно. Да вы просто созданы друг для друга!

Человек и суккуба растерянно посмотрели друг на друга, а потом на орка, все еще готовые к драке.

— А чего тут объяснять? — хохотнул зеленокожий и принялся загибать толстые пальцы. — Робеете, как только пытаетесь заговорить друг с другом. Монах наконец преодолел предрассудки, вторая только что попрала собственную природу. Защищать друг дружку бросились, хотя в защите оба не нуждаетесь. Что это, если не любовь? Сводней мне быть еще не приходилось, но нужно же вас было как-то подтолкнуть. Ну же, обнимитесь наконец, не стойте столбами! Или вы еще год будете ходить вокруг да около?

— Что, собственно, происходит? — Гарб наконец сбросил тяжелую дремоту, не дававшую разлепить глаза, и обеспокоенно поднял голову.

— Так, ничего особенного, — мурлыкнула суккуба, тая в объятиях Михеля.

— Ух ты! — удивился шаман.

Для него такой поворот тоже стал неожиданным. — Нам что же, придется тут задержаться?

«Посмотрим, как ты теперь помучаешься, горе любовничек», — злорадно подумал орк и снова поморщился.

Резкая головная боль опять напомнила о себе, но тут же прошла.

Адинук лениво окинул всех взглядом и улегся спать дальше, как будто ничего интересного не произошло. Каввель и Антонио продолжили задорно храпеть. Новостям предстояло ошарашить их позже.

***

— Далеко еще? — тоскливо спросил Антонио.

Он уже успел прийти в себя от потрясения, и теперь вернулся в исходное удрученное состояние. Этому немало способствовал пеший поход. Бывший призрак отвык ходить и теперь страдал от боли в ногах и безумной жажды.

Суккуба что-то прикинула в уме и ответила:

— Часов пятнадцать, если своим ходом. Может, лошадок поискать?

— А есть? — обрадовался парень.

— Если повезет, то они сами нас найдут.

Хиенна посмотрела по сторонам, сунула два пальца в рот и лихо, совсем не по-женски, свистнула. Через минуту в отдалении послышалось тонкое ржание и топот копыт. По другую сторону огненной реки, вдоль которой пролегала дорога, показался табун вороных скакунов. От обычных лошадей их отличали только торчащий изо лба черный как смоль рог и ярко-красные глаза. Грива цвета пламени красиво развевалась на ветру, вызывая самоубийственное желание ее погладить.

— Иблисовы единороги! — зачарованный зрелищем, прошептал Бурбалка пересохшими губами. — Я раньше только читал про них.

Табун несся прямо к лаве, даже не думая останавливаться. Головной жеребец призывно заржал и одним прыжком оставил смертоносную реку у себя за спиной. За ним прыгнули остальные лошади: два молодых жеребчика и четыре кобылки, отличающиеся от более крупных самцов изящностью и грациозностью движений.

— Как удачно! — захлопала в ладоши суккуба. — Никому не придется ехать вдвоем на одной лошадке.

— Лошади, — вздохнул Каввель, которого в родных краях кони даже близко к себе не подпускали.

Суккуба медленно приблизилась к вожаку табуна и смело, как будто всю жизнь так делала, потрепала его по холке. Огромный жеребец замлел от ласки и доверчиво ткнулся мордой в шею демонессы.

— По коням! — скомандовала Хиенна, проворно карабкаясь ему на спину.

Первым примеру суккубы последовал Аггрх — бывалый наездник. Он так же медленно подошел к одной из кобылок, погладил ее и одним движением оседлал. Остальные быстро освоились и легко перешли в разряд ездоков. Все, кроме Гарба и Каввеля.

Гоблин скептически прикинул размеры оставшихся незанятыми двух жеребчиков, соотнес их со своим ростом и печально улыбнулся.

— Давай-давай! — подбодрила его пуута.

Все еще сомневаясь, ловец духов подошел к одному из коней, неловко провел лапой по голове животного и отпрянул, когда жеребец стремительно увеличился в размерах. Новые габариты лошадки вполне устроили шамана, и он смог оседлать своего скакуна, не опасаясь раздавить беднягу.

Остался минотавр. Следуя одобрительному кивку Хиенны, он попытался погладить единорога. Последний не испытал особого восторга, но под строгим взглядом демонессы остался стоять, как вкопанный, хотя и принялся недовольно бить копытом и прясть ушами. Однако стоило Каввелю сделать попытку запрыгнуть коню на спину, как коварный жеребец сделал шаг в сторону, и минотавр тяжело шлепнулся на землю. Падение сопровождалось оглушительным ржанием всего табуна. Друзьям невольно подумалось, что звук был откровенно издевательским. Больше всех так показалось Каввелю.

Пират поднялся и сделал попытку схватить строптивого единорога за шею. Тот отскочил и выставил вперед свой рог.

— Берегись! — обеспокоенно закричала Хиенна. — Он ядовитый!

— Не очень-то и хотелось, — проворчал минотавр, отступая. — Я лучше на своих двоих.

— Тогда какой смысл в лошадях? — огорчился Антонио.

— Не отстану, — фыркнул Каввель.

***

Если единороги думали, что быстро оставят полорогого нахала позади, то глубоко заблуждались. Минотавр закинул секиру за спину и взял такой темп, что коняжки вынужденно прониклись уважением к его ходовым качествам. Впрочем, им это не мешало между делом периодически пытаться ущипнуть пирата зубами за руки и другие мягкие части тела, напоминая, что не он тут главный. Особенно усердствовал свободный жеребец. Пират берег дыхание и проклинал надоедливых скакунов только мысленно.

Диковинная кавалькада за пятнадцать минут покрыла расстояние, которое пешком можно преодолеть часа за четыре. На горизонте нарисовался небольшой, уютный с виду замок.

— Там передохнем, — крикнула суккуба, останавливая жеребца. — Лучше отпустить их подальше от трактира. Сегодня они все равно уже устали.

Если с посадкой не повезло Каввелю, то при спуске с лошадиного крупа неприятности выпали на долю Антонио. Его скакун затормозил так резко, что парень, как пушинка, перелетел через голову единорога и совершил довольно неприятное путешествие в сторону толстого черного ствола то ли дерева, то ли куста, усеянного толстыми футовыми иглами.

— Мамочка! — успел пискнуть Бурбалка, зажмурившись и пролетев «кактус» насквозь без единой царапины.

Плотоядное растение недовольно клацнуло сотней челюстей вслед неуловимому ужину и утробно заворчало.

— Поздравляю с очередным рождением! — помог ему подняться Каввель, первым оказавшийся подле упавшего товарища.

— С-с-спасибо! — застучал зубами парень, отряхивая одежду от пыли.

— Значит, твоя призрачность никуда не ушла, — спешился рядом Михель. — Радуйся! Тебе необыкновенно повезло, хотя мне это очень не нравится.

— Д-да я п-п-просто счастлив, — отозвался Антонио, с ненавистью глядя на удаляющийся табун.

***

Замок был обнесен невысокой стеной из простого серого камня. Распахнутые настежь ворота никто не охранял.

У входа ошивался невзрачный бесенок, размером с собаку. Серое тельце, пара кожистых крыльев, сложенных за спиной, и зубастая мордочка вызывали исключительно жалость. Пуут держал в руках миску с лежащей на ней парой медяков.

— Подайте защитникам окружающей среды. Редкая тварь может исчезнуть в любой момент. Нужны души или хотя бы немного денег, чтобы сохранить популяцию, — заблеял он на пуутском.

Суккуба рассмеялась и бросила в миску серебряную монетку, позаимствованную из кармана Михеля.

— Благодарю, великая госпожа! — восторженно завопил попрошайка, тут же рванув внутрь. — Теперь на кружечку хватит.

— Это имп, — сообщила Хиенна остальным. — Их у нас больше всего.

— Крас-ный бор-ще-вик, — прочитал на вывеске по слогам Антонио, когда компаньоны прошли во внутренний дворик и приблизились к кирпичному зданию в центре. — Отличное название.

— Да, мое любимое место, — открывая дверь в форме крыльев летучей мыши, произнесла Хиенна. — Прошу сюда!

В ту же секунду сквозь распахнутые створки пендельтюра[1] вылетело бесчувственное тело попрошайки, а изнутри донесся одобрительный рев нескольких десятков глоток.

— Чтоб я тебя тут больше не видел! — перекрыл всех чей-то громогласный вопль на пуутском.

Вслед за этим грянула озорная музыка.

— Отменный удар, — радостно прокомментировала пуута и вошла первой, подобрав выпавшую из кулака недотепы монету.

Внутри было сильно накурено. Сквозь густые клубы кальянного и табачного дыма за деревянными столами смутно угадывались силуэты обнимающихся парочек. Гигантское подобие сороконожки, одетое во фрак, играло на пианино, помогая себе половиной конечностей. На сцене четыре скудно одетые суккубы отплясывали канкан. Каждое их движение сопровождалось свистом и улюлюканьем большей части мужской аудитории, не занятой в данный момент поглощением выпивки.

Каввель, вошедший следом за Хиенной, тоже присвистнул. Увиденное до боли напомнило ему один из баров в родном порту Мираса: та же атмосфера всеобщего веселья и опасности. Какими бы жизнерадостными ни казались посетители, в любой момент их пиратская сущность могла вырваться наружу во всей своей красе.

— Суадди, Хиенна! Нотням пен самуа![2] — заорал заметивший новых посетителей широкоплечий мордатый человекоподобный бармен с избыточной волосатостью на теле, скромно прикрытой длинным кожаным фартуком. — Та кон кунь кю араи? Кунь дзя тамья урай кай?[3]

Он, как и меньшинство пуутов, имел некоторое сходство с лумейскими расами, отличаясь от них наличием рожек на лысом черепе и несколькими шипами на плечах и локтях. Правда, лица даже человекоподобных демонов вызывали исключительно отвращение своей уродливостью в отличие от прекрасных хоть и злобных ликов жахани. Зато бармен походил скорее на суккубу и отличался миловидностью.

Большая же часть посетителей напоминала выходцев из ночных кошмаров. Из отличительных черт преобладали чешуя, обилие фасеточных глаз, у иных присутствовал избыток конечностей и шипов на теле. Импы — маленькие крылатые бесята разных цветов составляли подавляющее большинство клиентов. Михель никак не мог отделаться от мысли, что видит уродливых чешуйчатых детей с крыльями.

— Мейми, пуок као пен пуюн[4], — ответила немного смущенная демонесса, ловя на себе заинтересованные взгляды суккуб со сцены.

Михель мысленно сравнил их с Хиенной и пришел к выводу, что танцовщицы сильно уступают по всем параметрам.

— Путхукн хрукс ксари? Нэй нюуэ? Тээ ксюангри?[5] — морда бармена на мгновение выразила крайнее удивление.

Спустя секунду профессионализм взял свое. Работник стойки пристально осмотрел спутников своей частой гостьи, но не стал лезть в чужое дело.

— Друзья так друзья, — равнодушно сказал он на хорошем всеобщем. — Что пить будете?

— Нам бы водички, — попросил Гарб.

Живительная влага из их запасов закончилась часов пять назад, а сухой воздух пересушил рот так, что язык стал таким шершавым, что царапал даже зубы.

— Чистую воду желаете? — поднял на него глаза бармен и чуть подался назад, осознав габариты гоблина. — В моем заведении можно расстаться со своей жалкой жизнью множеством другим способов.

— Вода без примесей смертельна для пуутов, — шепнула Хиенна.

— Ром хотя бы есть? — с надеждой спросил минотавр.

— Мирасский ром, эльфийское полусладкое с пряностями, эльжахимская ремма, филгардский эль, селестийская амброзия и медовуха от полурослико в, — принялся загибать узловатые пальцы работник барной стойки, напустив на лицо бесстрастное выражение. — Любой алкоголь из обитаемых миров, какой пожелаете. Даже шеольная психоводка есть, но я бы не советовал — это на редкого любителя. А воду больше не просите. Я ядами не торгую.

— Мне нравится в этой разливайке! — заявил пират, топнув копытом.

Возле него тут же нарисовалась демонесса-фурия. Если бы минотавр не знал, где находится, то мог бы принять ее за представительницу своей расы, весьма симпатичную к тому же. И все же он моргнул, пытаясь отогнать наваждение. Фурия ему понравилась, хоть он пока и не сообразил, считать ли ее ровней себе.

— А меня Фьяра зовут! Пойдем, потанцуем, душка? — кокетливо предложила демонесса на пуутском, увлекая Каввеля за собой.

Он растерянно улыбнулся, не поняв ни слова, но приглашение принял.

— Попить что-нибудь есть? Не выпить, а именно попить? — спросил на пуутском Антонио.

— Мы обычно пьем лаву из реки, но вам это вряд ли подойдет, — нахмурился бармен, не сводя глаз с Гарба. — Есть у меня одна экзотика — гадость редкостная, но для вас, наверное, сгодится. Портится быстро, стоит безумно дорого. Молоком называется.

Друзья расположились за столиком в углу с кубком теплой белой жидкости каждый, с интересом наблюдая, как неуклюже минотавр пытается повторять грациозные движения партнерши.

— Ему понравится, — сообщила Хиенна и добавила шепотом, — если только он не вздумает сопротивляться, когда его…

Суккуба задумалась и не стала продолжать фразу. Последнюю часть никто не услышал.

— Спорим, ты первый накидаешься? — попытался подбить Адинука на соревнование Антонио.

— Нет, ты, — возразил бард, принимая вызов поднятой керамической кружкой. — Чур пьем только полусладкое гвенидейлское.

Гарб неодобрительно посмотрел на обоих, но не стал портить веселье. В конце концов можно немного расслабиться.

— А откуда здесь это все? — с любопытством разглядывая обстановку, поинтересовался Адинук, не забывая прихлебывать вино большими глотками. — Я слышал, перемещаться вот так запросто между мирами нельзя.

— Совершенно верно, — подтвердила принцесса. — Живым такие путешествия не под силу. Зато обмен золотом и товарами через порталы никто не запрещал. Что не запрещено, то разрешено, а золото везде любят.

Суккуба перекинулась с барменом парой слов. Троица крылатых официантов вскоре притащила поднос с дымящимся мясом, пока Каввель лихо отплясывал вместе с новой подругой.

— Интересно, а почему нас никто не приглашает потанцевать? — задал вопрос Антонио, отправляя в рот кусочек жаркого.

— Потому что он единственный, кто похож на пуута, причем благородного происхождения, — ответила суккуба. — Они считают вас моей собственностью, а его нет.

— Это с какой стати? — возмутился Аггрх.

От алкоголя орк благоразумно отказался, решив побыть бдительным, и теперь маленькими глотками прихлебывал молоко.

— На вас стоит ее метка, — охотно пояснил Гарб.

— А когда она успела… а-а-а, — дошло до зеленокожего, в процессе чего именно на него поставили метку.

— Это так интересно! Почему тогда к тебе никто не подходит или к Бурбалке? — поинтересовался Адинук. — Они же не…

— Ну, на Антонио метка появилась давным-давно, — хихикнула Хиенна, вызвав приступ молчаливой ревности со стороны Михеля.

Заметив это, суккуба ласково потрепала монаха по плечу.

— Когда я его лечила.

— А Гарб? — уточнил смутившийся служитель культа.

— С ним сложнее, — помрачнела демонесса. — Он карлун кюн син саксит. Не могу подобрать правильное слово в вашем языке.

— Я кто? — удивился гоблин.

— Кощунство, если коротко, — услужливо нашел нужный эквивалент Бурбалка. — Там еще много значений есть: гнусность, мерзость, ересь, осквернение…

Гарб побагровел так, что остальные компаньоны посмотрели на него с опаской.

— Хватит! — обиделся он. — Можешь объяснить, за что ты меня так?

— Не сердись, это не я, — мягко произнесла Хиенна. — В тебе есть кое-что, делающее тебя неуязвимым для наших чар. Никто не сможет выпить твои силы, из-за этого к тебе даже близко никто не подойдет, потому что все боятся последствий.

— Как боялись дьяволы? — спросил шаман.

— Они боялись другого, хотя суть та же, — согласилась после недолгого раздумья суккуба. — Я думаю мары все же больше опасались твоего посоха, который способен посеять ненавистный для них хаос. Пууты страшатся тебя самого.

— И что со мной не так? — не на шутку встревожился гоблин.

Хиенна посмотрела на него оценивающе, как бы раздумывая, стоит ли отвечать.

— Помнишь, Анделефт обмолвился про смертного с божественной искрой?

— Было дело, — поддакнул Адинук. — Я свидетель.

— Свидетели долго не живут, — с мрачной усмешкой попытался ткнуть его пальцем в бок Аггрх, но проворный троу легко отвел руку орка в сторону.

— Так вот, дорогуша, ты в полном смысле этого слова сейчас являешься полубогом. Ну, или скорее четвертьбогом, если такое понятие вообще существует, — шепотом произнесла демонесса.

— Что? — хором вскрикнули компаньоны.

Суккуба шикнула на них, заставив приглушить голоса.

— Да-да! — кивнула она. — И потише, пожалуйста. Почему не знаю, но божественное в тебе нарастает с каждым днем. Сначала ты превратился в великана, потом вырос твой посох, что не является нормальным даже в Девяти кругах. Я все еще сомневалась, пока мы не попали сюда. Единорог тоже вырос тебе под стать после прикосновения.

— Совпадение, — усомнился Гарб. — Может, эти единороги умеют расти по желанию.

— В том-то и дело, что нет! — зашептала демонесса. — Это все влияние твоей божественной природы. К сожалению, как вы понимаете, в Великом разломе пришлых богов не жалуют. Хорошо хоть, что никто, кроме меня, пока не догадался. Остальные просто чувствуют в тебе нечто неправильное. А ты еще и гоблин к тому же.

— И че такого? — подал изрядно пьяный голос Антонио. — Никогда гоблинов не видели?

Соревнование с Адинуком вошло в решающую стадию, и оба начали мухлевать.

— М-м-м, — невнятно промычала Хиенна. — У нас такими, как он, детей пугают.

— Казалось бы, что может напугать демона… — улыбнулся Михель.

— Не смешно! — воскликнула суккуба. — Не просто гоблинами, а гигантскими. Гарб сейчас не такой уж и великан, но явно крупнее своих соплеменников.

— Это что-то из вашей истории, да? — предположил ловец духов.

— Наверное, — ответила демонесса. — Никто толком не помнит, а в книгах про это не пишут. Есть только детские страшилки. Говорят, будешь безобразничать, придет большой злой гобхат и утащит к себе в логово.

Гарб не стал говорить, что гоблины сами себя называют гобхатами, посчитав эту информацию лишней для чужих ушей.

Паузу в разговоре помог заполнить Каввель, которого три рогатые фурии затащили на сцену, согнав оттуда суккуб, и заставили показывать стриптиз. Минотавр особо не сопротивлялся и, казалось, даже начал входить во вкус, стягивая с себя под музыку доспехи и одежду. Фурии и суккубы визжали от восторга, мужская часть аудитории с трудом сдерживала рвотные позывы. Назревала драка.

— А он молодец, правильно себя ведет. — заметила Хиенна и обратилась к Михелю. — Не составишь мне компанию? Я тоже хочу танцевать.

Монах резко вскочил как ошпаренный. Со стороны могло показаться, что сейчас человек начнет отказываться, но он предложил даме свою крепкую жилистую руку.

— Я попробую, — коротко сказал он, опасаясь только незнания демонических плясок.

Странно выглядящая парочка: обольстительная суккуба в коротком красном платье с глубоким декольте и в черных лакированных туфлях на высокой шпильке — по такому случаю она взмахнула рукой, и ее наряд тут же поменялся — и неуклюже выглядящий человек в истрепанном монашеском балахоне. Он немного стеснялся босых грязных пяток, скинув мешающую обувь, и от этого двигался необычно скованно. Движения Хиенны в противоположность монаху выглядели изящными и грациозными.

Оба вышли на середину зала по немного шершавым каменным плитам пола, и танцующие потеснились, давая новой паре пространство. Музыка на секунду стихла.

— Ритмичный танец, — громко объявил на пуутском пианист-сороконожка.

Заиграла музыка. Михель с удивлением и радостью узнал в ней вальс. Монах просиял, приосанился и отточенным движением взял партнершу за талию и руку. Хиенна лишь удивленно вскинула бровь. Она явно не ожидала, что человек хорош и в таком искусстве. Именно этот вальс был не знаком человеку, но, зная нужные движения и ритм, станцевать можно любой.

Хиенна хохотала, немного откинув назад голову и полуприкрыв глаза от удовольствия, пока партнер кружил ее. Музыка все ускорялась, как ускорялись и движения. Демонесса чуть теснее прижалась к партнеру, хотя это и могло заставить их сбиться с ритма, но Михель вел уверенно. К танцу присоединилось несколько пар, образовав круг, в котором кружились рыжеволосая бесовка и ее партнер.

— Да, — крикнула она на пуутском за секунду до того, как музыка прекратилась. — Как чудесно!

Они стояли посреди зала. Взгляд карих глаз встретился со взглядом зеленых. Михель обхватил талию Хиенны чуть крепче и привлек суккубу к себе. Все еще не отрывая взгляда от ставших милыми черт, парень сделал глубокий вдох и потянулся губами к губам девушки. Она прикрыла веки и несмело потянулась к навстречу.

— Нет! — парня словно плетью огрели, когда суккуба вдруг вырвалась из его объятий и не слишком сильно, но решительно оттолкнула человека.

— Но я думал…

— Ты не понимаешь, так нельзя.

— Э, ну ладно. Если ты не хочешь, то я не в праве настаивать, — сухо сказал монах.

Под аплодисменты всей таверны влюбленные вернулись за стол, тяжело дыша. Вальсировать в облаках дыма не так-то легко. Михель даже закашлялся. Он не понял, что произошло, но все равно смотрел на суккубу с обожанием. Она подарила полный страсти взгляд в ответ, но Гарб заметил скрытую боль на лице демонессы, когда она отвернулась.

— Где ты научился так танцевать? — спросил Аггрх, почувствовавший очередной укол

ревности.

— Я не всегда был послушником Старого ордена, — краешком рта улыбнулся парень, смущенно дергая косичку. — Когда-то я был обычным богатым прожигателем жизни. У нас на балах часто вальсировали.

— Это необычайное везение, — лицо демонессы теперь выражало сплошное довольство. — Я так не танцевала с тех пор, как брат отправился на войну.

— Необычным везением было встретить тебя, — тихо ответил монах, предавая заветы Ордена все сильнее с каждой минутой, проведенной в обществе суккубы.

— Везением, да, — многозначительно кивнула принцесса. — Необычайным.

Михель нахмурился, но лишь на мгновение, чтобы никто ничего не заподозрил. Он уловил странную фальшь в голосе своей избранницы. Нет, она не лгала, но что-то недоговаривала. Что? Смутные воспоминания далекого прошлого — из тех времен, когда он еще не стал на духовный путь — мелькнули на краю сознания, но, как ни силился послушник, ему так и не удалось вспомнить нечто несомненно важное.

— Знаете, а мне тут нравится, — ни с того ни с сего сказал Адинук. — Такое чувство, что всем плевать, кто и как выглядит.

— Ну да, — подтвердила суккуба. — Ты это к чему?

— К тому, что там на Лумее меня всегда судили по цвету кожи. Темный эльф — темные мыслишки, темные делишки… Здесь, меня больше рассматривают как источник Дэ, а какая у меня кожа — совершенно не важно.

Хиенна поперхнулась содержимым своего бокала, из которого только что сделала маленький глоток, и красные струйки потекли из уголков ее рта.

— Можно, конечно, это и так рассматривать. Но, если бы ты был пуутом, то отношение к тебе в этом мире бы точно не зависело от цвета кожи, — сказала она, прокашлявшись и вытирая кружевным платочком алые капли с подбородка.

— Принимая во внимание вышеизложенное, — очнулся от тяжелых раздумий гоблин, — мне бы тоже не хотелось, чтобы обо мне превратно судили по экстерьеру. Но, судя по всему, это невозможно в данной ситуации, связанной с моими ростовыми параметрами.

— Скажи мне честно, гоблин, — нахмурилась Хиенна. — Ты специально пытаешься всех раздражать такими речами?

— Что? — не понял Гарб.

— Ты постоянно умничаешь, — сказала суккуба, и остальные компаньоны согласно кивнули. — Этим ты как будто пытаешься унизить собеседников. Нельзя так. У нас за такое могут побить, а то и сожрать. Не то чтобы тебе это грозило, но все-таки ты не мог бы разговаривать как-то проще?

Шаман секунд тридцать сидел с недоумением на морде, а потом прикрыл ее ладонью. На попытки друзей заговорить с ним, он просто отмахивался. За столом воцарилось молчание. Спустя пять минут ловец духов опустил лапу.

— Я, кажется, понимаю, о чем ты. Постараюсь исправиться. Извините меня. Это не специально, просто у меня большую часть жизни не было нормальных живых собеседников.

Каждый из компаньонов хотел что-то сказать, но все их слова остались невысказанными. Именно в этот момент из клубов дыма к друзьям выползло нечто, напоминающее огромную обезьяну. Существо, покрытое густым бежевым мехом, передвигалось, опираясь на массивные передние конечности и переставляя маленькие

задние ножки. На его клыкастой безволосой голове, низко опущенной между передними лапами, играла злобная ухмылка, не предвещающая ничего хорошего. Изогнутая спина твари скрывалась в дыму где-то под потолком, до которого не достал бы вытянутой лапой даже Гарб.

— Замрите, — шепнула суккуба, — это декнумкан. Просто хочет подраться. Я его образумлю, если помолчите.

Гориллоподобный демон вразвалочку приблизился и остановился, буравя взглядом маленьких выпученных красных глаз всю компанию сразу. С минуту он собирался с мыслями, а потом выдал:

— Чан ча чина кунля кин!

Бурбалка, понимающий язык демонов, чуть не подавился. В примерном переводе фраза декнумкана значила «я вас бить и сразу скушать».

— Син ти кунь тамка бхия? — тут же отозвалась Хиенна, придав своему голосу как можно больше высокомерия.

Антонио фыркнул, потому что она дословно спросила «ты из какой помойки вылез?».

Гориллоид обиженно попыхтел, потоптался на месте и, видя, что от него все еще ждут ответа, предпочел молча ретироваться.

— Что это было? — выдохнул Аггрх, впечатленный размерами вероятного противника.

— Просто большой болван ошибся с выбором соперника для драки, — спокойно ответила демонесса, хотя ее лицо пылало, выдавая бурю эмоций, кипевшую внутри. — Да как он посмел! — неожиданно взорвалась она. — Будь это в другом месте и в другое время… Нет, он сам бы никогда не дерзнул даже близко подойти, если только его не послала…

— Так-так-так, — прервал ее насмешливый женский голос.

Из клубов дыма выплыла ослепительно черноволосая… Хиенна. По крайне мере, именно так показалось сидящим за столом друзьям. Михель на всякий случай заглянул сидящей рядом с ним суккубе в лицо с целью удостовериться в ее подлинности, а затем перевел взгляд на появившуюся незнакомку. Некоторые различия все же бросились в глаза: вновь прибывшая просто излучала властность и уверенность в себе. Хиенна всегда казалась более кроткой и своей. Внешность же ее неточной копии кричала о чужеродности, но одновременно притягивала.

Не до конца убежденный, человек коснулся плеча настоящей Хиенны. Демонесса от его прикосновения поменялась в лице, дернулась и резко сбросила руку монаха.

— Значит, дорогая сестрица, ты все-таки не сбежала? Мы уж думали, что ты сгинула где-то в Эльжахиме.

— Даже и не думала, — потупив глаза, ответила суккуба.

— Похвально, — хищно улыбнулась сестра Хиенны, обнажив ряд безупречных белоснежных зубов. — Я слышала, ты тут с «друзьями», не так ли? Неужели, подобрала их среди маров? Всегда ожидала от тебя чего-то такого.

— Ну, это… — не нашлась, что ответить Хиенна.

Вопрос, похоже, застал ее врасплох.

— Полегче на поворотах! Ты вообще кто? — вскочил Михель, грудью заслоняя предмет своих воздыханий.

— Представишь меня?! — почти приказала пуута сестре, уверенным движением отправляя монаха обратно на стул.

Парень снова попытался встать, но не смог, придавленный к месту неведомой силой.

— Познакомьтесь, это принцесса Мерилит, моя двоюродная сестра, — кротко сказала Хиенна.

— Ты забыла добавить, что я первая наследница кровавого трона, — нависла над сестрой Мерилит, — а также гроза миров, истребительница маров, палач Бездны, бич Элизия, неутомимая охотница и коварная соблазнительница.

— Очень приятно, Гарб, — рефлекторно представился вежливый гоблин.

Принцесса впилась в него колючим взглядом сердитых глаз.

— Ой! — смутился он, почувствовав, что мог допустить бестактность, заговорив без приглашения с особой королевской крови.

Стрельчатые брови Мерилит медленно поползли вверх, а бездонные золотистые глаза широко распахнулись, когда она наконец осознала, что разговаривает с настоящими живыми смертными из плоти и крови.

— Сестрица, — неожиданно мягкий тон заставил Хиенну вжаться в стул, — тебе как принцессе не пристало оставаться в таком грязном месте. Ты же знаешь, как мы с матушкой не любим, когда ты сюда ходишь. Сейчас прибудет экипаж, и тебя вместе с «друзьями» доставят во дворец.

— Да, — покорно согласилась Хиенна.

— Вот и славно! — фальшиво обрадовалась Мерилит.

[1] Пендельтюр — распашная дверь (эльф.)

[2] Привет, Хиенна! Как всегда великолепна! (пуут.)

[3] Это твои рабы? Почем продаешь? (пуут.)

[4] Нет, это друзья. (пуут.)

[5] Это что смертные? Во плоти? Но как? (пуут.)

Глава 11

По сути, мировому научному сообществу про демонов известно чрезвычайно мало.
Из трактата по демонологии

Роскошная золоченая карета, запряженная четверкой крупных двуногих ящеров, резво подкатила ко входу в трактир где-то через полчаса. Смущали разве что решетки на плотно занавешенных окнах.

— В целях безопасности, — пояснила старшая сестра Хиенны.

Каввеля едва не пришлось отбивать от настырных демонесс. Только своевременное вмешательство наследницы образумило дорвавшихся до сладкой плоти смертного фурий. Громкий вздох облегчения раздался вслед закрывающимся створкам двери: видимо, не всем стриптиз минотавра пришелся по вкусу.

Бурбалку и Адинука тоже тащили силком. Оба очень огорчились, что состязание не получится довести до логического завершения, хотя при этом были еще относительно трезвы. Каждый жульничал, надеясь таким образом переиграть соперника. Один пользовался бездонным мешком, втихаря отливая вино из своего бокала туда. Второй бессовестно открывал маленькие портальчики прямо у себя во рту, сливая в них большую часть алкоголя. Аггрх, который все это заметил сразу, давился смехом и был уже на грани истерики, когда настала пора ехать. Орк с облегчением выдохнул, взял обоих спорщиков под мышки и отнес в карету.

— Трогай! — приказала кучеру Мерилит, когда все разместились внутри.

Хиенна забралась в уголок и устроилась на мягкое сиденье, подтянув ноги к груди и обхватив колени руками. Сестра время от времени бросала на нее многозначительные взгляды, но их значение никому расшифровать не удалось. Минотавр всю дорогу заливисто хохотал и болтал без умолку.

Не то чтобы это было на него совсем не похоже, но говорливость в этот раз била фонтаном через край. Кажется, он был единственным, кто чувствовал себя естественно в сложившейся ситуации. Остальные хранили неловкое молчание, а Бурбалка и Адинук еще и дулись на орка. Мерилит тактично смеялась над грубоватыми пиратскими шутками, хотя по глазам было видно, что они ее слегка раздражают.

— Приехали, — возвестила наследница всего через пару часов пути, распахивая дверцы экипажа.

То ли ящеры оказались быстрее единорогов, то ли где-то по пути им посчастливилось проехать через пространственное окно.

Друзья вышли на мощеную булыжником площадь перед зловещей мрачной цитаделью, совсем не похожей на давешний трактир. Антрацитово-черные укрепления освещались уже знакомой рекой лавы, лениво несущей свои «воды» по рву вокруг замка. Через поток был перекинут узкий подъемный мост, возле которого дежурили два закованных в броню стражника. Их глаза алыми пятнами немигающе смотрели сквозь забрала шлемов на приближающуюся группу. Убийственный запах серы ощущался и здесь, хоть и не так сильно, как возле таверны.

— Пропустить, — отрывисто скомандовала Мерилит, и стражники почтительно сделали шаг в сторону.

Антонио не удержался и, проходя мимо, легонько стукнул костяшками пальцев по латам. Доспех отозвался звоном, как будто внутри ничего не было. Правда, последовавшее из недр железяки глухое ворчание говорило об обратном.

— Это йаамы, наша стража и защитники, — шепнула Хиенна ему. — Больше не трогай, пожалуйста. Он может ответить.

Михель улучил момент и приблизился к своей любви:

— Что происходит? — шепнул он.

— Меня накажут за исчезновение, — таким же шепотом ответила девушка.

— Ты же ни в чем не виновата! — возмутился монах, сверля взглядом затылок идущей впереди Мерилит.

— Я нелюбимая приемная дочь, — скривила губки демонесса. — Нужен только повод.

Монах попытался провести ей рукой по щеке, но Хиенна отстранилась.

— Не показывай, что хорошо ко мне относишься, — шепнула она. — Я за тебя боюсь. Отношения со смертными прямо не запрещены, но на это очень косо смотрят. Если она только заподозрит… а вы еще и во плоти здесь.

Монах хмыкнул, но понимающе отошел подальше.

Внутреннее убранство цитадели незначительно отличалось от наружной ее части, так что Гарб скоро запутался в бесчисленных мрачных коридорах, отличавшихся друг от друга лишь длиной и степенью закопченности стен. Потолок уходил высоко вверх — по всей вероятности, здесь привыкли к гостям разного роста, так что высоченному Гарбу не пришлось пригибать голову.

Периодически встречались совершенно одинаковые стражники, по двое патрулирующие территорию. При приближении они безмолвно отступали в сторону, давая принцессам с их спутниками дорогу, а затем продолжали свой путь.

— Матушка будет счастлива лицезреть столь дорогих гостей, — шепнула первая наследница перед входом в тронный зал. — Входите, и ведите себя пристойно перед лицом Ее Величества королевы Меридианы.

Компаньоны вошли в просторный зал, устланный мягкими коврами. Развешанные на стенах тихо потрескивающие бездымные факелы заливали каждый уголок мягким голубоватым светом. Адинук заинтересованно окинул их взглядом и шепотом поинтересовался у Гарба, магические ли они.

— Нет, но такое можно наколдовать, — ответил шаман, и у темного эльфа жадно загорелись глаза — в нем проснулся алхимик-практик.

Пока Адинук восторженно рассматривал стены, остальные гости, разинув рты, глазели на женщину неземной красоты, восседающую на троне из кроваво-красных драгоценных камней, ограненных в форме черепов. Кроме нее и визитеров, в тронном зале никого не было, если не считать двух огромных демонических собак, мирно лежащих у ног королевы.

— Поклонитесь, олухи! — прошипела Хиенна.

Мерилит одобрительно кивнула. Все почтительно согнули спины в приветственном поклоне. Каввель при этом неловко взмахнул руками и упал. «Собачки» навострили уши, но не шелохнулись.

— Можете подняться и приблизиться, — приятный женский голос действовал гипнотически. — Цербернаров не бойтесь, они не кусаются, пока я не прикажу.

Компаньоны выпрямились, и Гарб пристальнее взглянул на повелительницу. Все говорило о том, что Меридиана не пользовалась никакими заклинаниями, чтобы придать

своей внешности больше привлекательности. Она и без магии была почти идеальна: кожа цвета свежевыпавшего снега, роскошные черные волосы, украшенные изумрудной диадемой, тонкие черты лица, мягкая чарующая женственность, сквозящая в каждом движении. Впечатление портили разве что чересчур властное выражение лица, тысячелетняя усталость в огромных умных глазах да крупные кожистые крылья, сложенные за спиной и зловеще нависающие сзади над головой Меридианы. Импы тоже были крылатыми, но от крыльев королевы веяло могуществом.

Суккуба на троне благосклонно улыбнулась Мерилит, с интересом осмотрела гостей, задержав взгляд сначала на гоблине, а затем на минотавре. Хиенна, державшаяся все это время чуть позади, не удостоилась ни малейшего внимания, хотя всем было понятно, что царственная особа прекрасно видит заблудшую принцессу и не замечает ее намеренно.

— Мы рады приветствовать столь выдающихся представителей Срединного мира в нашем скромном жилище, — начала пуута, поглаживая голову одного из своих питомцев. — Вы сопроводили домой нашу дорогую дочь и будете награждены за это.

Гарб нахмурился, глядя на друзей. Минотавр точно не в состоянии говорить. Михель спрятался где-то сзади, а прочие просто пускают похотливые слюни и рассматривают хозяйку замка соловыми глазами. Аж противно. Видя, что от друзей толку мало, гоблин ответил, стараясь придать своему голосу как можно больше солидности:

— Ваше королевское величество, позвольте выразить благодарность за столь теплое приветствие. Однако мы не смеем больше задерживаться в ваших владениях и просим разрешения удалиться.

— Мы были бы рады, если бы вы могли оказать нашему величеству небольшую услугу перед отбытием, — промолвила королева и лучезарно улыбнулась.

Адинук с Антонио непроизвольно подались вперед. Гарб заметил в глазах Мерилит хищный блеск, прежде чем сестра Хиенны отвернулась.

— Чем наша скромная компания может быть полезна вашему величеству? — поинтересовался Гарб, пытаясь мысленно найти подвох.

Поймав затравленный взгляд Хиенны, шаман поежился.

— Мы повелеваем дорогим гостям хорошо отдохнуть и переносим разговор на завтра. Вам будут выделены лучшие комнаты, — Меридиана сделала величественный жест рукой в сторону Мерилит. — Моя дочь проследит за этим.

Королева встала и неуловимым движением поманила за собой Хиенну. Принцесса с явной неохотой двинулась за ней. Проходя мимо Гарба, она шепнула:

— Будьте начеку и держитесь вместе.

Когда повелительница удалилась, Мерилит громко зевнула, потянулась, давая смертным возможность лучше оценить ее прелести, плохо прикрытые полосками бежевой ткани, символизирующей одежду, и томно попросила следовать за ней.

Гарб продолжал недоумевать по поводу таких быстрых переодеваний. Только что принцесса была одета в тот походный наряд, в котором их встретила, и вот на тебе. И ладно бы все это происходило за счет магии — он бы почувствовал. Так ведь нет. Загадка заняла шамана на некоторое время, и он последовал за остальными компаньонами с задумчивым выражением на морде.

***

Комнаты для каждого из компаньонов расположились в верхней части одной из многочисленных башенок замка. Подниматься по широким каменным ступеням мимо голых

каменных же стен, изредка декорированных факелами в бронзовых подставках, пришлось довольно долго. Даже самые осторожные шаги гулким эхом разносились по всей башне так, что любое перемещение не осталось бы незамеченным. Под конец путешествия ноги у самых стойких налились свинцом.

— Хорошо хоть не в подземелье идем, — грустно пробормотал Михель, удрученный вынужденным расставанием с Хиенной.

— Отдыхайте, дорогие мои, — проворковала наследница, когда подъем наконец завершился, — набирайтесь сил. Если вам что-нибудь потребуется, все что угодно, — с нажимом на «все» сказала она, — просто потяните за шнурок над кроватью.

Суккуба удалилась, напоследок стрельнув глазками. Все, кроме Гарба, Михеля и Каввеля, провожали ее страстными взглядами, пока бесовка не скрылась из виду. Гарб встревоженно осматривал лица друзей, выражавшие исключительно похоть. Каввель в это время сосредоточенно извергал из себя остатки ужина в горшок с местным плотоядным цветком, стоящий в укромном уголке. Видать, фурии слегка перестарались с угощением.

Шаман пощелкал пальцами перед лицами компаньонов, приводя их в чувство. Михель в это время уже исследовал ближайшую свободную комнату.

— Вот чертовка, — отвесил себе пощечину орк с такой силой, словно норовя добавить еще один шрам на лицо. — Чтоб я, как последняя собачонка…

— Не напомнить, кто еще недавно к Хиенне клеился? — донесся ехидный голос Михеля.

— Это другое! — возмутился воин. — Я ж для вас старался!

— Тишина! Всем запереть двери и никому не открывать, — скомандовал гоблин, утратив обычную мягкость в сложной ситуации.

Про себя он отметил, как сильно начал заплетаться язык.

— Шнурки не трогать, даже если вам все-таки что-то понадобится. Интуиция мне подсказывает, что тут просто так ничего не делается и не происходит.

— Конечно, это же мир демонов, — подтвердил Антонио, очнувшись от ступора. — Я бы еще и в комнате бдительности не терял.

— Опасно тут, — подал голос Аггрх, все еще тряся головой и пытаясь стряхнуть наваждение. — Лучше нам вообще не терять друг друга из виду. Не то суккубы нас попросту сожрут. Гарб, особенно без тебя рядом. Это Хиенна до смерти не ест смертных, а за остальных не поручусь. Эх, нажрались все как сволочи! На часы поставить некого!

Адинук махнул рукой, призывая компаньонов замолчать. Все стихли, и тишину теперь нарушали только звуки ужасного самочувствия минотавра. Эльф жестами показал на стены, потом на уши, потом на Гарба и вопросительно посмотрел на него.

Шаман хлопнул себя по лбу и начертал в воздухе несколько магических символов. Пространство на небольшом расстоянии от него пошло рябью. Гоблин поманил остальных.

— Теперь можно и поболтать, никто не подслушает, — пообещал он, когда компаньоны приблизились на расстояние вытянутой лапы. — Предлагаю спать в одной комнате.

— Ничего не выйдет, — отозвался Адинук. — Там места, как в монашеской келье. Все не влезем.

— Все-таки немного больше, — улыбнулся Михель, который заглянул во все «кельи» и сравнил. — Кровати тут огромные. Правда, кроме них и огромных клопов, ничего и нет.

— А может, ну ее эту Бездну? — с энтузиазмом предложил орк, поморщившись при упоминании паразитов. — Откроем портал, и махнем домой?

— Махайте чаще, а то не взлетите, — беззлобно съязвил Антонио. — Координаты нужны. Я без них могу открыть окно только по этому слою да в местный Шеол еще, наверное. Ну, и в Эльжахим, если кому обратно тудой хочется.

Гарб скептически посмотрел на бывшего призрака.

— Погоди, ты же уже перемещал нас с Лумеи в Шеол и обратно, — услужливо напомнил гоблин. — Координаты родного мира-то ты должен знать!

Бурбалка тяжело вздохнул и почесал губу с начавшими пробиваться усиками, чтобы собраться с мыслями.

— Как бы вам объяснить, чтобы дошло сразу? Вот представьте, что стоите вы на вершине высокой горы и видите неподалеку холмик. Если немного пофантазировать, то можно типа шагнуть с одной вершины на другую. А вот внизу под каждой из вершин ничерташеньки не видно! Облака типа мешают. Вниз попасть легко — просто падай себе. Тока кудой свалишься и выживешь ли, будет нежданчиком. Смекаете? Обратно подпрыгнуть тоже можно, но далеко не попадешь, потому как силенок не хватит. А еще можно шагнуть на гору, которая подальше стоит, но, если промахнешься или не дотянешься, тогда вообще непонятно, куда и как долго падать придется.

— Это так поэтично, пусть и не очень понятно! — восхитился Адинук, преданно заглядывая снизу вверх в голубые глаза человека. — Хоть сейчас балладу сочиняй.

Михель укоризненно посмотрел на темного эльфа, а Аггрх просто взорвался:

— Да если б не ты с твоей неуклюжестью, нас бы тут вообще не было!

— Не шуми, — осадил его Михель. — Врагов вокруг многовато, чтобы с друзьями ссориться.

Аггрх раздосадовано сплюнул на пол, но больше ничего не сказал. Адинук кивком головы поблагодарил монаха и показал орку язык.

— Сравнение-то я понял, — задумчиво произнес Гарб. — Осталось понять, какими будут наши дальнейшие действия.

— Надо искать координаты, — мотнул головой в сторону лестницы Антонио. — У королевы вон ихней спросим, а лучше у нашей рыжей бестии или у ееной стервозной сестрички. Они точняк знать будут, ведь суккубы на Лумею за силой шастают, как к себе домой. Только сначала отдохнуть надо. Сил нет уже.

— Надо отдохнуть и в бой с новыми силами. Спать будем по трое, — подвел итог совещанию Аггрх. — Я с минотавром и духом. Гарб, ты с остальными. Наколдуй нам каких охранных заклятий и от клопов тоже, что ли. Кто поможет рогатого до кровати дотащить?

Все посмотрели на Каввеля, который мирно похрапывал с блаженной улыбкой на морде, приобнимая горшок с растением. Цветок за время разговора сильно увеличился в размерах — не иначе как от весьма своеобразного полива — и теперь переливался всеми цветами радуги. Он мерно покачивался из стороны в сторону, размахивая бурыми шипастыми листьями и клацая зубастыми створками, а затем вдруг затянул пьяным заунывным голосом застольную пуутскую песню. Звучало жутко. Под этот аккомпанемент друзья, терзаемые ужасными предчувствиями, потащили тело минотавра в сторону ночлега.

Глава 12

Поймал шпиона — допроси, тело съешь, а энергию-Дэ вынь. Все должно быть использовано с умом, нечего добру пропадать.

Пособие для контрразведчика в Эльжахиме

Неяркий свет пробился сквозь веки Гарба и разбудил его. Ловец духов осторожно приоткрыл глаза и увидел уже знакомую призрачную дымку, сквозь которую виднелось голубоватое свечение.

— Интересно, это еще сон или уже нет? — негромко спросил шаман, обращаясь скорее сам к себе.

Голос прозвучал неестественно громко.

— А, один из голубков пожаловал! — жизнерадостно откликнулся страж эфирной границы. — Ох, и досталось мне в прошлый раз от твоего возлюбленного! Так что больше вызывать его не буду, не проси и даже не умоляй.

Гарб легко поднялся на ноги и поприветствовал стража кивком головы.

— Приношу свои извинения, уважаемый хранитель. Поверьте, мне бы не хотелось причинять вам неудобство и тем более страдание.

— Ой, ну что вы, — смутился страж. — Никакого беспокойства. Даже наоборот, ведь я безмерно скучаю, а тут такое событие. Люблю гостей. Поэтому, если желаете, могу в виде исключения устроить еще одно свиданьице. Только на этот раз попрошу обойтись без палкоприкладства.

— Да я как бы случайно тут оказался. Я вообще спал, — начал Гарб и замолчал.

Шаману не слишком хотелось общаться со вздорным посохом без подготовки, но и упускать такую возможность было бы глупо.

— Случайно? — поразился хранитель. — В этом мире случайности никогда не бывают случайны.

Словно в подтверждение его слов из дымки медленно выплыл посох Бирканитры. Свечение тут же прекратилось — видимо, страж решил удалиться на безопасное расстояние.

— Ты куда меня приволок? — без предисловий набросился посох на Гарба.

Голос чара был скрипучим, как несмазанные дверные петли.

— В смысле? Я думал, это ты меня сюда вызвал, — гоблин на всякий случай сделал шаг назад, но посох и не думал вступать в драку.

— Ну, почему мне так не везет на держателей?! — горестно возопил чар, похрустывая древесиной. — Один другого тупее. Не сюда в Эфир, а туда в Рахэн-ди, дубина! Видишь, что они со мной делают?

— От дубины слышу, — обиделся Гарб, но взглянул на эфирную проекцию собеседника внимательней и схватился за голову.

Поверхность потрескалась, драгоценные камни при малейшем движении шатались, угрожая выпасть из пазов, а сам посох как будто высох и слегка уменьшился в размерах.

— Кто это тебя? — робко спросил шаман.

— Демоны, кто же еще, — жалобно хрустнул посох. — Они пьют жизненные силы всех, до кого дотянутся. Даже у меня, а я ведь не совсем живой! Делай что хочешь, но из Разлома вам нужно убираться и как можно скорее.

— Как это возможно? — ошеломленно выдохнул гоблин.

Чар хрипло раскашлялся в ответ.

— Ищите способ.

— Я про твое состояние.

— Ах, это! Моя маленькая шутка удалась, правда? Видел бы ты свою рожу! — расхохотался посох, снова принимая «здоровый» облик. — Я просто показал, что будет с вами очень скоро, если не послушаетесь.

Гарб обиженно насупился.

— Да ладно, чего ты? Весело же было! — примирительным тоном сказал чар. — Не дуйся. Меня, кстати, не дубиной зовут. Имя мне Гобмобом, будем знакомы. Если еще будешь звать, пользуйся им. Чтобы тебе было не так досадно, так и быть дам подсказку. Ищите старого знакомого, без него вам крышка.

— Ваше время… — некстати раздался голос хранителя границы.

— Еще хочешь? — взвился Гобмобом. — Мало было в прошлый раз? — добавил чар и умчался в сгущающийся туман.

Гарб покачал головой и… проснулся еще раз, уже в своей кровати.

***

— Хорош уже! — восклицание больно резануло шаману по ушам.

В следующее мгновение мозг разорвался на миллион осколков — это раздался аккорд лютни.

— …ну, будь ты человеком! — восклицание Михеля было адресовано Адинуку, который увлеченно подбирал музыку под свежесочиненную балладу, сидя в дальнем углу кровати.

— А ты затейник, послушник, — без промедления отозвался темный эльф, не переставая перебирать струны. — Человек из меня получится никудышный, как суп из древесных листьев.

— Из тебя и эльф так себе, — со стоном прервал молчание Гарб, ощупывая лоб в поисках места, которое бы болело меньше других. — Все, с демонами, даже знакомыми, больше ничего пить не буду.

Михель добродушно ухмыльнулся, а Адинук просто расцвел.

— Не нужно было психоводку пробова-а-ать, — чуть фальшиво пропел бард.

— Попроси Аггрха поставить тебе иголочки, — участливо посоветовал монах. — Голова враз пройдет.

— Да, — встрепенулся гоблин. — Уже утро? Нужно проверить, как там они.

Все тело нестерпимо чесалось. Кровать усеивали трупики причудливых крупных насекомых — по всем признакам кровососущих. Простыня рядом с ними была сплошь в черных точках. Смертные, кажется, пришлись кровопийцам не по вкусу. Бедолаг явно сначала безудержно выворачивало наизнанку, после чего их тут же навещал Кондратий. Гарб тяжело поднялся и заковылял к выходу.

На стук долго никто не открывал. Охранные заклинания на двери остались нетронутыми, но Гарба это совершенно не успокоило. Сняв ловушки, он толкнул тяжелую створку. В нос дохнуло тяжелым запахом перегара, смешанного с ароматом цветочных духов, каких-то благовоний и тухлятины. Дверь легко отворилась, явив взору храпящего на белоснежных простынях минотавра. Пират занимал добрую половину кровати: раскинув копыта и руки в разные стороны, он изображал гигантскую снежинку. Рядом никого не было.

Стоящий позади гоблина Михель осторожно отодвинул оторопевшего шамана и быстро осмотрел помещение.

— Нелюдно, — подтвердил монах.

— Будите минотавра и ищите потайные двери, — выглянул из-за спины Гарба темный эльф. — Можно еще за шнурочек осторожно подергать. Хотя лично мне кажется, что он тут для других целей повешен.

— Я почти уверен, что за него уже дергали, — сообщил Гарб, терзаемый смутными сомнениями.

Шаман подошел к кровати и похлопал минотавра по щеке.

— Вставай, соня!

Пират в ответ замычал нечто невразумительное и попытался повернуться на бок. На морде было написано, как ему сейчас паскудно.

— Хорош изображать умирающего лебедя! — не сдавался ловец духов. — Мне тоже плохо.

Сделав еще несколько попыток, Гарб вопросительно посмотрел на троу.

— Не так надо, — широко улыбнулся Адинук, достал лютню и запел:

Собрал пират весь вольный сброд, э-хей, э-хей!
Решил отправиться в поход, э-хей, э-хей!
Он был и молод, и горяч,
И не боялся неудач.
И прозвали парня Каввель — морской палач.

Его клинок врагов разил, э-хей, э-хей!
Любых отчаянных верзил, э-хей, э-хей!
Он не страшился никого
И даже черта самого!
И однажды вздернул он брата своего.

В один погожий славный день, э-хей, э-хей!
Его фрегат накрыла тень, э-хей, э-хей!
Удача, вроде, белый флаг
Какой-то выкинул моряк.
Но сказала дама "Подите прочь, сопляк!"

Добыча в руки шла сама, э-хей, э-хей!
Хоть отвалилася корма, э-хей, э-хей!
Пират орал, что было сил:
У всех прощения просил,
Но грозный бог на него кару наложил.

О том услышал бес морской, э-хей, э-хей!
Завыл, охваченный тоской, э-хей, э-хей!
Раздался очень жуткий скрип,
И тот пират на дне погиб.

Теперь никто не знает, где он кормит рыб.

С первым куплетом минотавр беспокойно зашевелился. С последним заревел и резво вскочил на ноги, едва не задев рогами не слишком высокий потолок.

— Якорь тебе в глотку! — застонал он, спустя мгновение скорчившись на полу и обхватив голову руками. — Не так все было.

— Не придирайся, — слегка поклонился троу, — это художественная обработка.

— Помнишь хоть что-то? — потрогал его за плечо Гарб.

— Помню! — страдальческое выражение на морде пирата на мгновение сменилось удивленным. — Я сон видел, вещий!

Гоблин припомнил свое состояние и посочувствовал Каввелю. Минотавр, похоже, тоже рискнул попробовать шеольный напиток.

— Поделишься? — полюбопытствовал Михель, простукивающий стены в поисках потайных ходов.

Пират, тяжело пыхтя, поднялся и фыркнул.

— Мне явился Торгарон, бог минотавров. Говорил, что дни мои сочтены и до превращения осталось мало времени. Спрашивал, что я собираюсь делать.

— А ты что? — осторожно поинтересовался гоблин.

— Что я? — переспросил Каввель. — Я чуть не бил себя копытом в грудь и клялся помогать тебе. Мы же выберемся из этой проклятой Бездны и освободим твою богиню? Да, капитан? — чуть не плача спросил могучий минотавр.

На его бычьей морде отражались все муки Ада.

— Ты ведь тоже клялся, что поможешь мне!

Видя отчаяние друга, Гарб не нашел ничего лучше, чем похлопать его по плечу. Зная, как рогатые гиганты относятся к обещаниям и клятвам, гоблин немного опасался, как может повести себя Каввель, если ему вдруг покажется, что Гарб собирается промедлить.

— Все будет хорошо. Видение посещало и меня.

— Кстати, о видениях. Мне привиделось, или у нас недостача в экипаже? — пират понемногу начал приходить в норму и сразу заметил неладное.

— Да, — коротко ответил Михель и издал торжествующий клич: стена в изголовье кровати отозвалось гулким глухим звуком.

— Как примитивно, — нахмурился Адинук, знающий толк в шпионаже. — Как-то даже слишком просто, как… отобрать ястреба у муравья.

— Не открывается, — разочарованно протянул Михель.

— Ну-ка подвинься, салага! — подошел Каввель, повернулся к стене спиной и со всей силы двинул по ней копытом.

Кусочки штукатурки брызнули во все стороны, обнажая багровую кирпичную кладку. Еще один удар пробил в стене дыру, а третий и четвертый расширили ее достаточно, чтобы можно было пролезть. В проломе царил непроглядный сумрак. Каввель запустил молнии на своей секире и попытался осветить ей пространство внутри. Темнота не рассеялась, зато сразу послышался приглушенный звук торопливо удаляющихся шагов.

— Лови! — крикнул Михель и первым бросился в погоню.

Вслед за ним в проем грациозно скользнул Адинук. Минотавр с гоблином пожали плечами: отверстие было слишком узким для их роста.

— Догонят, я думаю, — устало вздохнул Каввель и задержал взгляд на кожаном шнурке,

увенчанным пушистой кисточкой и мирно висящим на стене у изголовья.

— Понавешают тут хвостов, — с внезапной злостью сказал он и что есть силы дернул за шнурок.

Гарб не успел его остановить.

***

— Мы тут одни! — радостно сообщил Адинук, быстро нагнав монаха.

— Должны управиться, — буркнул в ответ Михель, экономя дыхание.

Некоторое время оба молча бежали рядом. Бесконечные темные пустынные коридоры сменяли друг друга переходами, лесенками и изредка освещались факелами и светом из немногочисленных бойниц. Неуловимый шпион впереди не сбавлял темп, но постепенно компаньоны его нагоняли. Это стало ясно, когда громкость цоканья его копыт усилилась до грохота.

— Стой, отродье! — рявкнул монах, когда после очередного поворота увидел спину лазутчика.

То ли от неожиданности, то ли из-за пола, отполированного до блеска, преследуемый поскользнулся и не вписался в поворот. Бедняга вскрикнул и впечатался лицом в каменную кладку.

Легконогий Адинук добежал первым и натянул лук, целясь в медленно сползающее по стене тело.

Спустя секунду прибыл Михель и, тяжело дыша, с опаской приблизился к лежащему ничком гуманоиду.

— Говори, кто тебя послал и зачем! — потребовал монах, несильно постучав ногой по лежащему шпиону.

Тело содрогнулось и скрючилось, закрывая голову руками. Лазутчик явно ожидал, что на него обрушится град ударов.

— Не бейте, я все расскажу! — захныкал он.

В глаза сразу бросилась страшная худоба соглядатая. Его красная кожа на спине была исполосована многочисленными рубцами, а одежду заменяло какое-то рваное тряпье.

— Мих, — потрогал монаха за руку бард. — У него ошейник на шее.

— Сам вижу, — откликнулся Михель, преисполнившись сочувствием.

Он всегда недолюбливал рабовладельцев и переживал за угнетенных. Даже сейчас, когда рабом оказался жахани.

— Не бойся нас, — со всей серьезностью в голосе произнес монах. — Мы тебя не обидим.

Раб недоверчиво убрал руки, прикрывающие растрепанные курчавые волосы, и с надеждой приподнял голову.

— Смертные мои! — расплылся он в слабой редкозубой улыбке, светя фингалом под глазом.

— Муфад’ал нашелся! — не веря своим глазам, облегченно рассмеялся Михель. Как будто встреча со старым знакомым могла разом решить все проблемы.

Глава 13

«Потомок князей Эльжахима никогда не замарает своих рук работой!»
— Муфад'ал Невезучий

Вся кровать на секунду стала огромным порталом. Каввель немедленно провалился в открывшееся пространственное окно, всосавшее вместе с жертвой часть взметнувшейся пыли от разломанной стены. Врата сразу схлопнулись, дохнув на замешкавшегося Гарба затхлым воздухом подземелья. Шаман бросился проверять магические следы, которые могли остаться от такого фокуса.

Следов было предостаточно, но что с ними делать, ловец духов решительно не представлял. Портальной магией он никогда особо не интересовался.

— Мда, вот это пробел в знаниях, — укорил он себя мысленно, почесав затылок посохом. — Надо бы исправить, когда представится возможность.

Злые мысли принялись одолевать гоблина. Какой он к бесам лидер, если допустил такое? Гоблин наморщил лоб. Он всегда так делал, когда погружался в самокопания:

— Я вечно сомневаюсь, трушу, впадаю в ярость, умничаю вот даже… не уберег их от опасности. Может, пусть лучше Михель командует? Вряд ли. Монах готов остаться со своей пуутой и может не вернуться обратно на Лумею. Каввель хоть и был капитаном, но сам же начал слепо доверять мне, как только свершилась первая часть пророчества и он вернул себе тело. Он и слышать не захочет об ином раскладе. Беспечный Бурбалка или полусумасшедший Адинук? Даже не смешно. Аггрх? Свирепый вояка, хитрый, опытный вожак своего племени, вроде как тоже присягнувший Бирканитре… и легкомысленно поспоривший с ужаснейшим из жахани на души друзей. Что ж так тяжко-то? Нет, Бирканитру должен спасать я. Это мой путь, и пройти его должен я. Если ребята меня не простят, пусть так и будет, но я не сдамся, даже если они дальше не пойдут со мной. Надо их только спасти.

Шаман залез на кровать и заглянул в пробоину в стене. Озорной сквознячок донес до чутких ноздрей гоблина множество запахов, пробудив некоторые не слишком приятные воспоминания. Пахло давно не мытым телом, потом, запекшейся кровью и вездесущей серой. Осветив пространство внутри маленьким световым шариком, Гарб увидел только причудливо петляющий каменный коридор.

— Эй, Михель! Адинук! Вы меня слышите? — позвал шаман.

Ответом ему было только эхо.

Сделав бесплодную попытку протиснуться в отверстие и едва не застряв в нем, гоблин вылез обратно и пнул стену ногой. Кожаный шнурок, который Каввель обозвал хвостом, висел, продолжая по инерции слегка раскачиваться. Гарб заинтересовался и взглянул на него пристальнее.

С виду предмет действительно походил на коровий или бычий хвост. Вот только коров такого исполинского размера на Лумее отродясь не водилось.

— Тут, конечно, не Лумея, но все же… — озадаченно протянул шаман.

Что-то в шнурке показалось ему неуловимо знакомым. С помощью внутреннего зрения ловец духов обнаружил у хвоста достаточно сильную магическую ауру. Предмет определенно был волшебным.

— Где же я тебя видел? — задумчиво произнес гоблин, потирая подбородок.

Внезапное осознание заставило шамана одновременно улыбнуться и не на шутку встревожиться: точно такой же хвост обычно стыдливо прятал от посторонних глаз минотавр. Только у Каввеля хвостик был миниатюрный, а этот висящий вполне мог заменить кнут. Гарбу довелось узреть хвост Каввеля один единственный раз в самом начале знакомства. С тех пор минотавр неодетым на публике не появлялся.

— Интересно, а тут водятся гигантские каввели? — задал он вопрос вслух.

— К большому сожалению, уже нет, — послышался сзади знакомый женский голос.

Гарб резко обернулся и увидел Хиенну. Она выглядела печальной, хотя и не менее обворожительной, чем обычно. Суккуба была одета в черное платье с глубоким вырезом, выгодно подчеркивающее бледность ее кожи. В волосах девушки сверкала маленькая диадема, украшенная алмазами и рубинами.

— Могучие, но очень своенравные воины. Наша армия многое теряет без них. Последнего Кхинь кхуна уничтожили по приказу моей приемной матери лет девятьсот назад по вашему времени. Я была совсем ребенком тогда, но кое-что помню. В их хвостах до сих пор тлеют остатки силы.

— Ты случайно не знаешь, что тут происходит? Куда делись остальные? — судьба друзей беспокоила Гарба все-таки больше истребленных демонических воителей.

Суккуба пожала плечами.

— Могу только догадываться. Думаю, их жизни в относительной безопасности, чего не скажешь о жизненных силах.

— Выпьют?

— Досуха. Ну, или почти досуха, что означает преждевременное старение, но не только, — подтвердила догадку пуута, пальчиками нервно теребя слегка растрепанную косу. — Их похитительница впервые столкнулась со смертными во плоти. Для нее вы источник огромной силы, от которого невозможно оторваться. Я и сама еле сдержалась, когда пила силу для лечения вашего призрака. Если воровка сорвется, твои друзья навсегда лишатся разума.

— Где они сейчас? — спросил Гарб.

Хиенна так вцепилась в косу, как будто хотела ее оторвать. Попытка не удалась, но несколько рыжих волосков все же упали на ковер.

— Где-то в подземелье замка. Там много ритуальных залов. Точное место знает только та, которая настраивала порталы с помощью хвостов. Я смогу сказать, когда спущусь.

— Та?

— На самом деле, лишь два существа в замке, кроме меня, способны осуществить подобное. Моя приемная мать или сестрица. Могла любая из них, но кто именно…

Гарб сел на кровати, скрестив ноги. Посох он продолжал держать в лапах.

— Найти их сможешь? — осведомился шаман, исподлобья глядя на стоящую демонессу.

— Смогу, — коротко ответила суккуба и вздохнула. — А потом, наверное, пожалею об этом.

— У меня два вопроса. — сказал гоблин, немного сочувственно глядя на демонессу чуть прищуренными глазами.

Зрачки сузились в две вертикальные полоски, выдавая недоверие.

— Когда ты все вспомнила и не хочешь ли рассказать мне это все без утайки?

— Следуй за мной, дорогуша, — пуута развернулась и… прошла сквозь стену напротив

изголовья.

Гарб нерешительно приблизился и коснулся ее каменной поверхности. Лапа, не ощутив сопротивления, прошла сквозь кладку и скрылась за ней. Немного успокоенный словами пууты о том, что хотя бы жизнь друзей вне опасности, он сделал шаг вперед и очутился в просторной жилой комнате.

Обстановка освещалась багровым заревом, пробивающимся сквозь небольшое застекленное окошко и отражающимся от многочисленных зеркал на стенах и потолке. Кровать куда меньшего размера, чем в гостевых, располагалась посреди комнаты. Любое из зеркал под любым углом во всех подробностях демонстрировало ее отражение. На аккуратно заправленной постели лежало покрывало из красного бархата. Несколько платяных шкафов стояли у дальней стены, а туалетный столик с многочисленными флаконами духов и прочих косметических средств занимал место в уголке. Груда многостраничных фолиантов и инкунабул в кожаных переплетах в беспорядке валялась в другом углу. Бронзовые светильники на стенах давали тусклый мерцающий свет, явно недостаточный для такой комнаты и меркнущий в сравнении с неярким светом из окна.

Гарб с интересом осмотрелся. Заметив на одной из стен портрет, он непроизвольно задержал на нем взгляд. Изображенная на нем суккуба держала на руках двух карапузов с забавными махонькими рожками, мило торчащими из лобиков, и взирала на них с материнской нежностью.

— Моя мать, — пояснила Хиенна, перехватив его взгляд. — Настоящая мать. Меридиана удочерила меня после ее смерти.

— Рассказывай, — не то предложил, не то потребовал Гарб.

— Наверное, начать стоит с того, почему мы здесь, — присаживаясь на кровать, ответила демонесса.

— Тут не подслушают? — уточнил гоблин, оставшись стоять, переминаясь с ноги на ногу.

— Не смогут, — подтвердила девушка. — Но я сейчас говорю не про эту комнату, а про Бездну в целом.

Гарб, несколько напрягшись, оперся о посох. Одна из лап соскочила, и он едва не потерял равновесие. Издав нервный смешок, шаман выпрямился.

— Присядь, сладкий мой, — пригласила суккуба, похлопав ладошкой по бархату. — Рассказ будет долгим. Выслушай, а потом решай, что делать.

***

Вид Муфад’ала вызывал такую жалость, что сочувствием проникся даже Адинук, не считавший рабство чем-то достойным порицания. Михель же как последователь Вседержителя просто переполнился состраданием.

— У них тут царит самый поганый матриархат, какой только можно себе представить! — причитал бедный дьявол, захлебываясь от чувств, периодически закатывая глаза и всем своим видом показывая, как ему плохо.

Его рука время от времени безотчетно тянулась к металлическому ошейнику, пытаясь ослабить сдавливающее шею кольцо.

— Порядочных жахани заставляют делать черную работу! — продолжил он жаловаться на жизнь. — Они нас, видите ли, ненавидят. Сразу меня невзлюбили эти бестии! Можно подумать, я их обожаю.

— Думаешь, было бы приятнее, если бы взлюбили? — поинтересовался Михель. — Мне

кажется, ты бы все-таки предпочел черную работу. Им вполне по силам залюбить до смерти.

— У вас как бы война, — напомнил троу. — И вообще, я вот при матриархате прожил больше ста лет. Не так уж это и плохо, когда решения принимать приходится кому-то другому. Пока они тебя устраивают, конечно.

Муфад'ал издал булькающий звук — нечто среднее между хрюканьем и сдавленным стоном.

— Святые негодники! У нас их просто милостиво убивают и оказывают честь, выставляя голову в качестве трофея! — потряс он пальцем перед носом темного эльфа. — Да, бывает кого-то в рабство обращают, но пуутов держат больше, чтобы было чем перед знакомыми прихвастнуть, а не для какой-то работы. Разве можно так унижать разумное существо?

— Погоди, — прервал его Михель. — Ты же сам рассказывал про трудотерапию.

— Это вообще не про то, — поспешно возразил дьявол. — Те жахани, можно сказать, созданы для работы. А я потомок князей Эльжахима!

— Ладно, потомок, рассказывай, зачем за нами шпионил. И почему именно ты?

Муфад'ал рефлекторно вжался в стену, возле которой сидел, и прикрыл голову руками.

— Простите мою слабость, — пролепетал он. — Меня заставили, это так унизительно! Она сама не может, ее бы сразу обнаружили, так она сказала.

Слезы ручьем потекли из темных глаз невезучего жахани, оставляя мокрые пятна на рубище, некогда служившем ему туникой.

— Ты это, брось, — неуверенно похлопал дьявола по плечу Михель. Сейчас ему было жалко этого бедолагу даже несмотря на его принадлежность к расе врагов.

— Да, брось немедленно, — поддержал его Адинук, — и все-таки скажи, кто же тебя послал. Нам очень интересно. Еще, может, ты знаешь, где наши друзья?

Муфад'ал поднял свои полные влаги глаза на эльфа и молитвенно сложил руки. Белесые зрачки жахани занимали почти всю черную радужку, придавая ему одновременно милый и немного пугающий вид, но троу был непреклонен.

— Ну? — эльф подбодрил дьявола легким тычком плеча своего лука.

— Она будет меня пытать… — залепетал раб, прикрывая голову и пытаясь отстраниться от оружия.

— Имя! — потребовал Адинук.

— Не могу! — жахани стыдливо подобрал под себя козлиные ноги.

Шерсть на них давно никто не расчесывал, и она свалялась в колтуны, как и сальные волосы на голове дьявола.

Страшное унижение для щеголя.

— Хватит, — вступился за несчастного Михель.

Темный эльф, поняв, что силой от Муфад'ала ничего не добиться, решил действовать по-другому. Спрятав лук и вытащив лютню, он заиграл. Мелодия была простенькая, но на дьявола подействовала — запрещенная в Эльжахиме музыка работала не хуже волшебства. Краснокожий в панике затрепетал, словно ожидая появления стражи. Потом сообразил, где находится, но трястись стал лишь немногим меньше.

— Не надо, пожалуйста! Мне не по себе от этих звуков. Я все скажу!

Лютня умолкла.

— Госпожа Мерилит, — сразу сознался жахани и сжался в комок. — Кажется, здешняя повелительница. Мне сложно сказать, как у бесов все устроено, но она приказывает, и ее все

слушаются.

— Уже познакомились, — ничуть не удивился троу, продолжив перебирать струны. — Зачем посылала, знаешь?

— Она не раскрыла мне своих замыслов. Нужно было просто тайком подслушивать, запоминать все, что происходит и потом доложить.

— Ты даже с этим не справился, бездарь! — послышался недовольный женский голос. — Мейми харай зама чи пху чай! Чан хайтщай ми о![1]

Жахани мертвенно побледнел и попытался переползти за спину Михеля. Из-за поворота медленно вышла наследница, плавными движениями разматывая кнут. В задачу ее откровенного одеяния из черной кожи явно входила ловля самцов на живца. Однако Михель дерзко посмотрел суккубе в лицо, а Адинук спешно полез шарить по карманам, извлек оттуда бархатную маску для сна и плотно повязал ее вокруг глаз, словно опасаясь гипноза.

— Мои дорогие, я рада видеть вас в добром здравии, хоть и место для этого не самое подходящее, — промурлыкала Мерилит, делая замах.

Плеть взметнулась и, описав дугу вокруг Михеля, понеслась в сторону дрожащего от ужаса Муфад'ала.

— Оставь его, — без видимых усилий перехватил кончик плети монах. Движение было настолько быстрым, что край рукава балахона догнал руку с громким хлопком.

Мерилит от удивления выпустила из рук свой конец кнута, и тот упал на пол, мгновенно вспыхнул и исчез, оставив в воздухе запах паленой кожи. Суккуба отступила на шаг назад, наклонила голову чуть набок и оценивающе посмотрела на человека.

— Какова плутовка. Надо отдать маленькой озорнице должное, — пробормотала пуута, — найти такое сокровище.

Михель выдержал взгляд и сделал шаг вперед.

— Сладенький смертный, — облизнулась суккуба. — Ты хоть понимаешь, насколько вырос в цене?

— А я, — с иронией произнес Адинук, — а я вырос?

— Нет, малыш, — покачала головой Мерилит. — Ты мне на один зубочек, хотя тоже хорош, но надолго тебя не хватит. Пожалуй, не стоишь даже того, чтобы позлить сестричку. Но ты! — повернулась она к Михелю.

Монах стойко выдержал повторный взгляд, на этот раз куда более манящий. Где-то внутри ему очень хотелось поддаться этой магии. Одна его часть словно рвалась к искусительнице. Другая сопротивлялась изо всех сил, заставляя стоять на месте и вызывающе смотреть в глаза. Наконец, суккуба сдалась и зажмурилась.

— Что ж, попытаться стоило. Еще увидимся, — бросила она, разворачиваясь. — Эту падаль можете пока оставить себе.

Муфад'ал медленно сполз по стене и застыл с удивленным выражением на лице. Он тяжело дышал, глядя перед собой и не веря собственному счастью.

— Ты в порядке? — участливо поинтересовался Михель.

— Выглядит, как будто только что поздоровался со смертью, — улыбнулся Адинук, снимая повязку. — Ничего, все будет путем.

Жахани повалился на пол и снова потерял сознание от пережитого, словно пытаясь опровергнуть слова троу.

[1] Ничего самцам доверить нельзя! Задушу! (пуут.)

Глава 14

«Какая прелесть!»
— Хиенна Огненная

— Помочь другу мы всегда рады, — любовно погладив посох, сказал Гарб после некоторого раздумья, — но все же не стоило тащить нас сюда вот так без предупреждения. От демона я другого и не ожидал, но тебе же помощь нужна. Нельзя было просто попросить, а не толкать Адинука к карте?

— Вы бы не согласились, — пояснила Хиенна, — а так у вас нет другого выбора. Зато без награды не останетесь.

— Вот только не нужно заговаривать мне клыки, — не поверил шаман. — Предлагаешь довериться представительнице расы, для которой вероломство сродни естественной потребности организма? Я вырос в атмосфере предательства, меня просто так не проведешь. Боюсь, твоя награда будет стоить мне обеих лап и головы в придачу. Дороговато выйдет.

Суккуба встала с кровати, сладко потянулась и в упор посмотрела на шамана с тенью улыбки на прекрасном лице.

— Все-таки ты дурашка, хоть и довольно милый, — сказала она. — Стереотипы иногда помогают смертному разуму справляться с реальностью, но порой неплохо бы и головой поработать. В Рахэн-ди живет несколько сотен тысяч видов существ, которых вы зовете демонами. Разные есть: чешуйчатые, с иголками, студенистые, гладкокожие, разумные и не очень, простые, волшебные, злые, добрые… Понимаешь, раз-ны-е! Как и везде — в любом другом мире.

— Добрые? — удивился Гарб.

— Да, — закатила глаза пуута, словно напоминая себе, что имеет дело со смертным, которого бессмысленно укорять за недостаток знаний. — Это простая логика. Может ли быть, чтобы при таком разнообразии существ и огромном их количестве никто из них не был добрым или хотя бы не злым?

— Не уверен, — осторожно произнес Гарб, находясь в полнейшем смятении.

Настолько элементарная мысль никогда не закрадывалась в его голову.

— Может, сама злобная природа этого мира делает всех его обитателей злыми? — предположил гоблин.

— Знаешь, почему нас называют злыми? Как это говорится у вас… всех под одну гребенку.

Гарб всегда видел демонессу не так, как ее воспринимали остальные компаньоны за исключением разве что минотавра. Шаман не замечал магической красоты, которой суккубы всегда приукрашивают свой облик. Но сейчас он взглянул на нее по-новому. Что-то неуловимо изменилось во внешности и поведении суккубы.

Пуута стояла, слегка сутулясь, под глазами залегли тени, а лоб над переносицей прорезала глубокая морщина. Несколько мелких складочек спрятались в уголках глаз, как бывает у существ, любящих по-доброму искренне улыбаться. У добрых существ. Злые никогда так не улыбаются.

— Нет, — начиная что-то понимать, коротко ответил гоблин, — но, кажется, догадываюсь.

Хиенна поощрительно кивнула.

— Кому, как не тебе это понять, дорогуша? Гоблинов, как я знаю, не очень-то жалуют в вашем мире. Как и демонов. Значит ли это, что поголовно все гоблины и демоны — злобные и коварные твари?

— Я…

— Да, ты! — с жаром перебила его суккуба. — В тебе я увидела родственную душу, и только ты и твои друзья можете все изменить для меня. Так вот, в вашем мире демонов нарекли злыми, потому что они, как и дьяволы, обязаны «карать» отвергнутых.

— А разве не так? — немного ошеломленный напором спросил Гарб и тут же растерялся еще больше. — У вас что, есть душа?

Пуута тяжело вздохнула.

— Все несколько сложнее, друг мой. Да, у нас есть некое подобие души, хоть она и не совсем такая, как у вас. Без души в нашей вселенной существует только нежить. Мы же были прокляты богами зависеть от душ смертных разных миров, которые при жизни совершили определенный набор «грехов». Боги хитрые: себе они забирают только тех, кто им угоден, а нам сбрасывают остальное — отходы своего рода. Слабые души, которых и так недостаточно, а еще приходится подраться с марами за добычу. Однако если души перестанут поступать, Рахэн-ди не станет. Нас не станет.

— То есть вы не по своей воле это делаете?

Пуута печально улыбнулась и покачала головой.

— Сборщикам их ремесло даже нравится, хоть и не всем, — сказала она, — а для остальных это просто способ выжить и иногда приобрести немного могущества. Души стоят денег.

— А что происходит с душами, которые вы… ваши сборщики собирают? — заинтересованно спросил Гарб.

— Из них высасываются остатки Дэ, а некоторые пустые оболочки обретают плоть и годятся в пищу. Большинство обретает забвение — для них это лучший исход, но очень малая часть настолько жаждет жизни, что возрождается в новом облике и становится пуутами или марами.

— Но суккубы же не так получают силу, — засомневался в услышанном гоблин.

— Да, наши пути отличаются от большинства тех, кого вы зовете демонами, — подтвердила Хиенна. — Мы суккубы единственные, кто черпает Дэ из силы любви, даря при этом смертным наслаждение. И даже нас клеймят как злобных тварей.

Гарб нервно рассмеялся.

— Не хочу показаться невежливым, но после ваших визитов смертные мужчины часто умирают от истощения.

Демонесса вяло махнула рукой и слегка нахмурилась, показывая свое отношение к сказанному.

— Несчастные случаи. От общего числа наших посещений — это лишь малая толика. Сколько наслаждения подарено одиноким мужчинам никто же не считает. Но стоило в порыве страсти кому-то из наших неопытных путешественниц перестараться, как мы уже враги рода людского. Знаешь, кто нас больше всех ненавидит? Монахи, давшие обет безбрачия. К ним мы, конечно, приходим в первую очередь. Как самцы хвастаются охотничьими трофеями, так и мы иногда в компании подруг можем похвалиться ночью, проведенной со священником. А еще служители богов — самый желанный и ценный приз —

энергии их чистых душ хватает на многое. Но ведь никто и никого не заставляет! Все происходит абсолютно добровольно.

— То-то я смотрю, ты так прикипела к Михелю, — Гарб начал вставать с кровати, но оказался припечатанным к ней незримым прессом.

— Я предупреждаю тебя, гоблин, — полным ледяной стужи голосом сквозь зубы процедила Хиенна, — не смей больше так об этом отзываться. Я попросила о помощи, но сносить оскорбления не намерена даже от тебя.

Лицо ее пылало, а ноздри раздувались, демонстрируя крайнее негодование.

Пресс отпустил гоблина, который вдруг снова почувствовал себя маленьким и жалким. Ощущение оказалось неприятным. С тех пор как его рост изменился, ловец духов стал беспечнее. Он перестал бояться каждого подозрительного шороха, уже не следуя стародавнему гоблинскому инстинкту — убежать или спрятаться. Суккуба вдруг выдернула его из витания в облаках и сбросила обратно на землю — неуязвимым шаман не стал даже с таким ростом, и даже посох вряд ли защитит от тех, кто не боится.

— Прости, — сказала бесовка. — На меня нашло что-то… я не хотела так.

Гарб встал с кровати, испытывая одновременно неловкость, страх и нарастающий гнев. Если прямо сейчас стукнуть, то… «Не сметь поддаваться злобе!» — мысленно одернул себя жрец Бирканитры.

— Ладно, проехали, — шаман попробовал представить себя на месте девушки и смог хоть и с некоторым усилием перебороть желание ударить Хиенну посохом. — Доверять я тебе намного больше не стал, но все же попробую. Ради Михеля. Ты поможешь нам, а мы тебе. Как нам противостоять королеве?

— Я должна бросить ей вызов и сделать это в подходящее время и в подходящем месте, — грустно ответила суккуба, закрывая ладонями изумрудные глаза, в которых блеснули слезы. — Другого пути нет. Вне ритуального круга она просто размажет меня ровным слоем по стенам замка, а там ее магия будет бессильна. Когти против когтей, зубы против зубов — победит сильнейшая. Сейчас она уже в том возрасте, когда можно рискнуть.

***

Адинук похлопал лежащего дьявола по щекам, поросшим густой черной щетиной.

— Вставай, лежебока!

Муфад’ал приоткрыл глаза и, не меняя позы, передал мысленный сигнал:

— Она ушла?

— Ты про прелестницу, хотевшую тебя задушить? — уточнил темный эльф вслух. — Удалилась по своим делам, наверное. Михелю скажи спасибо.

Муфад’ал осторожно, словно не веря в чудесное спасение, потрогал шею. Обнаружив ошейник на прежнем месте, жахани всхлипнул.

— Она прелестна, как откладывающая яйца пещерная паучиха аланкабуту, — прохрипел он, снова силясь снять ошейник. — Наши как-то вторглись в Рахэн-Ди. Там на границе была сеть тоннелей, через которые решили пройти для внезапности. Всего семь таких прелестниц половину файлака отравили насмерть, пока мы сообразили, что к чему. Самые страшные потери среди наших войск за всю историю. Командующий еще удивлялся, чего это тупые пууты не пользуются такими удобными тоннелями для своих набегов. Он был среди павших в тот день.

Адинук улыбнулся, вспомнив про Милену, смирно сидящую в заплечном мешке, и напомнил себе, что пора бы ее покормить.

Монах, до сих пор задумчиво смотрящий вслед ушедшей наследнице, повернулся к сидящему дьяволу.

— Замри! — предупредил он жахани.

Муфад'ал покорно застыл, а монах резко вскинул крепкую жилистую руку, ухватился за ошейник и, шепча молитву, потянул его на себя. Металл покраснел и расплавленными каплями потек по рукам Михеля, не причиняя ему никакого вреда. Зато досталось жахани. Незадачливый дьявол сначала беспокойно заерзал на месте, а потом заверещал и дернулся, высвобождая шею, на которой красовался свежий ожог. Белесые ожоговые пятна виднелись и на груди в тех местах, куда упали капли.

— Але маю рам, ана уасси! — вместо благодарности зашипел дьявол. — Почему не заживает? Как же больно!

Михель отступил на шаг и тихо выругался сквозь зубы. Его густые темные брови взметнулись вверх над расширившимися от ужаса карими глазами. Почему так всю жизнь происходит: захочешь сделать кому-то хорошо, а получается только причинить боль? Женился — жена страдала, ушел от нее — она не стала счастливее, примкнул к компаньонам — вообще в Ад попали. «Что же я делаю не так?» — горестно подумал мужчина. — «Хиенна вот тоже странно себя ведет, как будто ей со мной плохо».

— Вот что я называю «по-настоящему припекло»! — прокомментировал Адинук. — То ли металл божественный, то ли Михель слишком правильно помолился. Кому ты там поклоняешься, говоришь?

— Извините, — взял себя в руки жахани, хотя и продолжил морщиться от боли. — Благодарю за освобождение от оков, друзья мои. Буду должен. Только больше не надо рядом со мной молиться. Это ужасно больно.

— Обращайся, — кивнул троу, от чего его длинные серебристые волосы красиво разметались по плечам.

— Пошли назад, — бросил монах. — Нас ждут Каввель с Гарбом.

***

Михель и Адинук вместе заглянули в пролом. Муфад'ал боязливо переминался с копыта на копыто позади.

— Как минотавр-то изменился! — притворно удивился бард, увидев вместо рогатого гиганта суккубу. — Каввель, тебе идет, как роза клумбе.

— Остроумен, как всегда, — приветливо помахала ему Хиенна, стоящая рядом с Гарбом.

Михель первым выбрался из отверстия в стене. Успевшая осесть красная кирпичная пыль снова взметнулась во все стороны, заставив всех закашляться. Адинук легко проскользнул на кровать следом и попытался облобызать тыльную сторону ладони суккубы. Монах неуловимым движением подставил барду подножку. Адинук споткнулся и, пытаясь удержать равновесие, схватился за первое, что подвернулось под руку — посох Гарба.

— Дур джа, моорх! — рефлекторно выругался на родном языке гоблин, сделав попытку выдернуть чар из руки темного эльфа.

Незамедлительно последовала яркая вспышка, сопровождаемая громким хлопком. Ударная волна отбросила от Гарба монаха и суккубу, впечатав их в стены. Муфад'ал, укрытый за слоем кирпича, истошно завопил и в очередной раз бухнулся в обморок.

Михель встал, охая и потирая ушибленный бок.

— Предупреждать надо, — проворчал он, проверяя, не пострадала ли Хиенна.

— Мальчики!.. — суккуба захлопала в ладоши и запрыгала на месте, как снаряд для игры в эльфийский рукомяч.

Михель посмотрел в направлении ее взгляда и обомлел.

— На что уставились? — непонимающе спросил Адинук.

— Хиенна, у тебя есть зеркало? — дрожащим голосом спросил шаман.

Пуута торопливо извлекла из складок своего одеяния маленькое круглое зеркальце и передала Адинуку. Эльф, все еще не понимая, что произошло, взял его и посмотрел на свое отражение.

— Клянусь десятью тысячами колечек в бороде Хьялти Златобородого! — восторженно пробормотал бард. — Не может того быть!

Из зеркала на него смотрел симпатичный молодой эльф. Все, чему полагается быть у эльфа, было на месте: пара зеленых глаз, остроконечные уши, тонкий нос с горбинкой, слегка завивающиеся волнистые волосы цвета соломы и благородная бледность кожи, так ценимая первородными подданными короля Миримона…

— Я малость посветлел, вам не кажется? — совершенно невозмутимо обратился он к присутствующим.

— Три части, всего лишь три из четырех… — задумчиво пробормотал Гарб, легонько постукивая посохом о ковер на полу. При каждом ударе от красного ковра отлетали ворсинки. В полете они вспыхивали синими искорками и падали обратно уже обесцвеченными.

— Ты куда могущественней, чем я могла представить, жрец, — подмигнула суккуба Гарбу. — Мне кажется, все должно получиться.

— Мне кажется, — сказал Адинук, продолжая смотреться в зеркальце, — что все уже получилось. Со вторым ухом я слышу гораздо лучше. Например, как трясется за стенкой один дьявольский страдалец. Муфад’ал, выползай оттуда уже.

Жахани покорно вылез из пролома в стене, хотя ему и пришлось для этого потрудиться — края отверстия по ширине почти совпадали с его животом. Дьявол старательно делал вид, что не замечает Хиенну, которая в свою очередь неотрывно смотрела на неловкие потуги несчастного.

— Зачем вы таскаете с собой это?! — процедила суккуба с нажимом на последнее слово, когда дьявол все-таки вывалился на кровать.

Она напряглась, словно изготовилась к прыжку. Кулаки демонессы сжимались и разжимались сами собой. Беднягу угораздило иметь сильное сходство с Анделефтом, и это не добавило ему приязни со стороны принцессы.

— Нам его стало жалко, — оправдываясь, ответил Михель, загораживая собой дьявола.

Суккуба сделала шаг в его сторону.

— Ради меня, пожалуйста, — монах умоляюще посмотрел на Хиенну.

Суккуба замерла.

— Добрый, — как будто ни к кому не обращаясь, сказал Гарб.

Кроме демонессы, никто не понял, что гоблин имел в виду, но единственное слово достигло цели. Принцесса поджала губы, все еще не желая сдаваться.

— Это тот жахани, который попал сюда вместо тебя. Ему и так досталось. Помнишь, как было с тобой в Эльжахиме? Тебе еще повезло, — развил успех Михель. — Ты сразу нас встретила.

Хиенна поморщилась, как от зубной боли.

— Не напоминай. Зря ошейник сняли. Дальше этой комнаты он и минуты не протянет без него, и доверять этой твари я бы все равно не советовала.

Жахани оскорбленно засопел, но промолчал, чувствуя, что любые возражения могут закончится для него плачевно. Гарб постучал посохом, привлекая внимание, от чего у дьявола задергался глаз.

— Прошу всех успокоиться, — громко сказал он. — Муфад'ал нам нужен, и это не обсуждается.

— Для чего? — спросила суккуба.

— Пока не знаю, — нерешительно произнес гоблин, — но надеюсь скоро узнать. Он был частью недавнего видения.

Хиенна посмотрела на дырки, прожженные в ковре силой посоха, на пролом в стене и неожиданно звонко и заливисто расхохоталась.

— Пойдемте искать пропавших, пока до королевы не дошли слухи, что гости пытаются разрушить замок.

Глава 15

«Нормально же получилось! Ну что вы начинаете?!»
— Муфад'ал Невезучий

Если у Хиенны и были какие-то неприятности после разговора с королевой, то внешне на суккубе это никак не отразилось. Разговор с Гарбом тоже как будто прошел без последствий. Девушка лучилась от жизнерадостности и непринужденно общалась с компаньонами. Гарб заподозрил, что это всего лишь маска, чтобы не пугать остальных раньше времени, но не стал озвучивать догадку и портить пууте игру. Михель не отставал от объекта своих воздыханий ни на шаг и все время улыбался. Ему даже дышалось легко рядом с любимой.

— А вот здесь мы с братом обожали прятаться от всех, когда были совсем маленькими! — рассказывала суккуба мимоходом, указывая на какой-нибудь темный закоулок, коих в плохо освещенных проходах цитадели встречалось предостаточно. — А вон там дальше пыточная.

Демонесса вела гостей такими же мрачными коридорами, которыми компаньоны шли вчера. Разница заключалась только в количестве идущих и направлении движения.

Позади группы плелся Муфад'ал, громко цокая копытами, чем сильно раздражал Хиенну, ступавшую совершенно бесшумно в своей мягкой и удобной обуви. Суккуба настояла, чтобы рабский ошейник вернулся на шею жахани. Замена расплавленному Михелем быстро нашлась в ее покоях, и Муфад'ал, обнаруживший способ хоть как-то отомстить, усердно этим занимался, испытывая от процесса немалое удовольствие. И, раз пытать дьявола больше никто в обозримом будущем не собирался, он тоже находился в приподнятом настроении.

Особняком держался Адинук. Бард присвоил выданное зеркальце и расставаться с ним явно не собирался, периодически заглядывая туда и беспокойно проверяя, не вернулся ли синюшно-черный цвет кожи, не поменялся ли снова цвет глаз на красный. Черты, присущие благородным светлым эльфам-лусидам, каждый раз оказывались на месте. Благодаря этому Адинук всю дорогу беззаботно напевал недавно сочиненную балладу, изредка прерываясь, чтобы опять с тревогой в душе посмотреть на свое отражение.

На полушаге Хиенна остановилась и подняла согнутую в локте руку, призывая остальных замереть.

— Чувствуете? — спросила она, обращаясь больше к Гарбу.

Шаман прислушался к ощущениям и согласно кивнул.

Воздух перед компаньонами заискрил, и из разверзшегося под потолком малюсенького окошка портала осторожно высунулась человеческая голова.

— Бурбалка! — радостно закричал бард.

— Чур меня! — растерялась голова, пытаясь лучше рассмотреть собеседника. — Мы знакомы?.. Адинук?

— Собственной персоной, — раскланялся эльф.

Голова дернулась и ойкнула, задев ухом край портального оконца.

— Ну, дела! — только и смог ответить Антонио.

— Ты в порядке? Знаешь, где остальные? Где ты сам? — засыпал его вопросами Гарб.

Бурбалка осторожно просунул голову чуть дальше. Гарб заметил потухший взгляд бывшего призрака, впалые щеки и мешки под глазами.

— Дело дрянь, если честно. Чувствую себя паршиво, будто снова на плане теней оказался. Но как же было хорошо! Еле нашел вас. Мы в каком-то подвале, лежим тут прикованные. К нам пару раз заходила суккуба и… и…

— Можешь не продолжать, — перебила его Хиенна. На ее скулах заиграли желваки. — Мерилит?

Голова в портале попыталась отрицательно покачаться, но вовремя остановилась.

— Нет, которая с крыльями, королева! Заберите меня отсюда, она снова идет!

Голова втянулась обратно, и портал схлопнулся. Хиенна задумчиво потеребила косу. Спутники вопросительно посмотрели на нее.

— Значит, дорогая матушка решила пойти напролом, — Хиенна была на удивление спокойна. — Совсем, наверное, слаба стала, раз решилась на откровенное воровство. Что ж, это к лучшему. Надо торопиться — у нас в запасе минут тридцать, а идти еще далеко.

Суккуба, не оборачиваясь, решительно зашагала вперед по бесконечным лестницам и коридорам. Михель сразу устремился за ней. Остальные переглянулись и заторопились следом.

***

Еще минут через пятнадцать спуска ускоренным шагом в полумраке появились очертания высоченных резных ворот. Мастер, сотворивший их, похоже, имел какое-то отношение к гномам: изображенные на створках узоры и орнаменты походили на те, что компаньоны уже видели в Льонасской академии. Правда, строителям полагалось бы быть исполинских размеров по сравнению с обычными гномами, чтобы успеть завершить работы хотя бы за триста-четыреста лет жизни, отпущенных этому племени.

С утробным ворчанием из темноты выползло нечто огромное и преградило путникам подступы к воротам. За существом с громким лязгом тянулась толстая металлическая цепь.

— Вьейконк, кхай камлан мают?! Вьейконк, чан ча такон![1] — внутри существа все словно бурлило и кипело, поэтому разобрать среди этого бульканья слова оказалось непросто даже Хиенне.

— Свои идут, Квви, — крикнула в ответ суккуба на пуутском, подходя ближе. — Отворяй!

Демонесса стояла в освещенном факелами круге. Множество ее теней плясало по стенам и потолку. Это мельтешение начало тонуть в клубах густого зеленоватого тумана, испускаемого стражем ворот.

— Что за жуткая вонища? — зажимая нос, пробормотал Михель, отступая от источника запаха.

— Мне дурно, — заявил Адинук, не забыв при этом посмотреться в зеркальце.

Тварь неторопливо приблизилась к суккубе. В переменчивом свете факелов вид стража навевал леденящий душу ужас: вдоль всего хребта торчали шипы длиной с лезвие полуторараручного меча, чешуйчатую кожу цвета ржавчины усеивали крупные узелки, напоминающие гигантские бородавки, каждая из передних лап существа в обхвате могла сравниться с двумя Михелями вместе взятыми и заканчивалась чудовищным кулаком, увенчанным острыми как бритва футовыми когтями. Массивные челюсти невероятного создания сверкали четырьмя рядами зубов, а их размеры позволяли предположить, что существу не составит труда проглотить даже Каввеля в один присест. Шкура монстра кишела

паразитами, в которых Гарб без труда узнал родственников тревоживших его ночной покой тварей.

Чудовище оперлось передними конечностями об пол и попыталось всмотреться в нарушителей своего спокойствия множеством малюсеньких бегающих глазок, скрытых опущенными кожистыми складками.

— Эй, прислужники, поднимите мне веки! — пробулькал Квви.

Позади него раздался шелест маленьких крыльев, и из темноты выпорхнула стайка импов. Маленькие крылатые демонята размером с собаку проворно подлетели к огромному хозяину, разбились по паре на каждый глаз и принялись поднимать набухшие веки. Паразиты забеспокоились и шустро разбежались подальше от головы, создав толчею в районе шеи.

— Не смотрите ему в глаза, — спохватившись, предупредила суккуба спутников.

Никто не знал, чем это может грозить: окаменением или еще каким проклятием — но все сочли за лучшее пристально начать рассматривать грязь под ногами, а Адинук привычным движением извлек из кармана маску и тут же надел ее.

— Хиенна, дорогая, — обрадовалось чудище. — Для тебя мои двери всегда открыты, в некотором роде, конечно. Королева повелела не пускать тебя. А кого это ты мне привела? Подарочки? Так много сразу, и все такие вкусненькие.

— Это со мной, — тут же осадила его демонесса.

Монстр досадливо заворчал.

— Твоя мамочка всегда приносила мне сладенькое, — мечтательно сказало существо, растягивая слова и зыркая бусинками глаз в надежде поймать чей-нибудь взгляд. — Может, хотя бы мара?

— Прости, дорогуша. Обещаю, что как только стану королевой, сразу накормлю тебя до отвала, — пообещала Хиенна, сопроводив свои слова утвердительным кивком головы. — Это будет скоро.

— Ладно, ловлю на слове, — согласился привратник, легким движением передней лапы распахивая двери.

Импы тут же отпустили веки, и страж пополз в свой угол, лязгая цепью при каждом движении. Бесенята с хохотом и повизгиванием унеслись в темноту вслед за хозяином. У каждого в лапах было по надкушенному кровососу с тела хозяина.

Компаньоны проводили их настороженными взглядами.

— Что это было? — выдохнул потрясенный Михель.

— Он очень старый, — пояснила суккуба, войдя в ворота и жестом поманив остальных за собой. — Был проклят вечно не спать, вечно не мыться и всегда стоять на страже в этом подземелье. Видели цепь? На ней сильнейшее заклятие.

— А что не так с глазами? — поинтересовался Гарб, оглядываясь.

— Если он поймает чей-то взгляд, то будет читать стихи собственного сочинения, пока слушатель не упадет замертво. Как вы понимаете, в этой пещере и с его зрением видит он не так много, поэтому стишки весьма специфические, а убежать не получится.

— Я скорее от вони этого поэта упал бы, — пробормотал Адинук, морщась от воспоминания.

Суккуба прибавила шагу.

— Да, или стихи, или запах, — подтвердила принцесса. — Он так охотится. Еще крикнуть может, очень громко — тоже оглушает и с ног сбивает. И эти его блохи или кто

там по нему ползает — никакая отрава от них не помогает, хоть всю цитадель водой залей.

— А как же импы? — спросил сбитый с толку Гарб.

— Эти глуховаты и туповаты, — криво улыбнулась девушка. — Им, можно сказать, все равно. Мы пришли.

Как из множества одинаковых высоких резных дверей Хиенне удалось выбрать нужную, так и осталось загадкой.

— П'ед к'ун, — гортанно произнесла суккуба, и двери приветливо распахнулись.

***

Внутреннее убранство просторного помещения округлой формы резко контрастировало со всем остальным замком. В отличие от гостевых комнат и тронного зала, настоящая роскошь поражала взгляд случайно оказавшихся здесь путников. Древние мастера выстлали стены листовым золотом и украсили перламутром, лепниной, крупными драгоценными камнями и изразцами. Все вместе складывалось в мозаику, изображающую сцены соблазнения суккубами разных существ. Подробности настолько смутили непробиваемого в этом отношении Гарба, что поначалу он даже не мог оторвать от них глаз. Ситуацию усугубляла необычная концентрация волшебства — его потоки буквально пронизывали подземное помещение.

Сделав над собой усилие, шаман перевел взгляд на середину зала. Ближе к центру находилось пустое пространство, вокруг которого были расставлены богато украшенные мягкие ложа с размещенными на них пленниками. Среди прочих там сразу же обнаружились и пропавшие компаньоны. Аггрх и Антонио лежали совсем без сил — на расстоянии вытянутой руки друг от друга — не делая попыток встать и слабо, хоть и мечтательно, улыбаясь. Каввель напротив — едва не посинел от натуги, пытаясь разорвать тускло мерцающие магические оковы, удержавшие его на ложе.

Виновница происходящего стояла в самой середине залы спиной к двери, так что Гарб мало что видел, кроме крыльев, подобных крыльям гигантской летучей мыши, совершающих нервные взмахи вверх и вниз. Изысканные одеяния из золотой парчи, расшитые жемчугами и каменьями и едва прикрывающие изящные изгибы ее идеального тела, судя по всему, никак не помогали в выкачивании Дэ смертного, совершенно не желающего поддаваться магии королевы суккуб. Меридиана раздосадовано топнула… копытом. Муфад'ал громко фыркнул, посчитав происходящее забавным. Королева резко обернулась, и компаньонам открылось искаженное яростью и испугом коровье лицо фурии.

— К'амой[2]! Отпусти его! — выкрикнула Хиенна, одновременно принимая устрашающий облик и шагая в круг между ложами.

Муфад'ал ошеломленно отшатнулся, впервые увидев трансформацию воочию. Глаза суккубы приобрели непередаваемый инфернальный блеск, черты лица заострились, а руки теперь заканчивались длинными острыми когтями. Жахани все же подался вперед и завороженно уставился на обеих демонесс, пожирая глазами разыгрывающуюся сцену. Ему никогда не доводилось видеть подобного. Королева, похоже, сочла ниже своего достоинства изменять обличье, принятое для соблазнения и выкачивания сил из Каввеля.

— Он должен умереть, но сначала я возьму его силу, чтобы сдерживать… Ай, тебе все равно не понять! Хочешь бросить вызов и занять мое место? — оскалила она ряд заостренных зубов. — Вчерашняя взбучка ничему не научила?

— Вчера я не сопротивлялась, — парировала Хиенна, демонстративно делая взмах готовыми к бою когтями, — и быстро учусь.

— Так быстро, что провоняла Эльжахимом насквозь, — презрительно бросила повелительница, также выпуская когти из рук. — Якшаешься с рабами и марами. Ты даже не понимаешь, во что ввязываешься! Я же и о тебе забочусь, неблагодарная тварь!

— Ты съела мою мать!

— Было за что, — отрезала королева. — Она хотела нас всех погубить.

Хиенна в ответ лишь зашипела, что сделало ее похожей на разъяренную кошку. Схватка грозила начаться в любую секунду. Напряжение нарастало, но соперницы выжидающе стояли, сгорая от ненависти и не решаясь нанести первый удар. Судя по всему, давняя взаимная неприязнь наконец проявились в полной мере.

В какой-то момент Меридиана качнулась в сторону и сделала ложный выпад. Хиенна поддалась на трюк и открылась, тут же получив удар в живот. В последнюю секунду она сумела отвести когти в сторону, но неглубокий порез остался. Принцесса поморщилась от боли, но тут же усмехнулась, дерзко глядя прямо в глаза приемной матери. Михель дернулся на помощь, но Гарб среагировал и крепко схватил монаха за ворот робы. Парень непонимающе обернулся.

— Подожди, не мешай, — шепнул гоблин, успокаивающе похлопывая человека по плечу. — Сами разберутся, а тебя прихлопнут и не заметят.

— Что, так и будем стоять и смотреть, как ее убивают? — ничуть не убежденный, спросил Михель.

— Круг закрылся, — ответил шаман. — Не лезь, а то сгоришь. Ты ей еще живым понадобишься.

Последняя фраза подействовала, хотя успокоиться монаху это не помогло. Суккубы между тем продолжали кружить в ограниченном пространстве, пытаясь воткнуть когти друг в друга. Сражение затягивалось, а ни одна из соперниц так и не смогла нанести решающий удар.

Тем временем пока остальные напряженно следили за схваткой, Муфад’ал, стараясь не привлекать внимания, за спинами компаньонов тихо прокрался к ближайшему ложу и с торжествующей ухмылкой потянулся к магическим путам. Рядом с ним лежал обессиленный Бурбалка. Как только тонкие пальцы жахани дотронулись до оков, последовала яркая вспышка, и магия, выдав несколько крупных искр, с тихим пш-ш-ш исчезла на ложах всех пленников.

— Да как ты смеешь, жалкий червь? — негодующе обернулась к нему королева.

Этого оказалось достаточно, чтобы она на мгновение утратила бдительность и пропустила стремительный удар от приемной дочери. Рука Хиенны вошла в живот ненавистной правительницы под углом кверху по самое запястье. Принцесса выдернула когти, позволив обмякшему телу повалиться на пол в середину пентаграммы. Рисунок обагрился кровью и от его центра к краям побежали золотистые линии. За секунду весь магический символ ослепительно заблистал, приняв в себя огромную порцию Дэ и жизненной силы из умирающей могущественной суккубы.

Хиенна, как будто не веря в произошедшее, стояла с тяжело вздымающейся и опускающейся грудью и потрясенно рассматривала свои окровавленные пальцы. Михель, проигнорировав предостерегающий крик компаньонов, бросился к ней. В ту же секунду над головой суккубы разверзлось портальное окно.

[1] Стой, кто идет?! Стой, орать буду! (пуут.)

[2] Воровка! (пуут.)

Глава 16

«Это был самый настоящий фурор!»
— Адинук, светлый эльф

Из багровой воронки портала прямо на спину победительнице выпала Мерилит. Дальнейшие события развивались с такой невероятной скоростью, что обессиленно наблюдавший все со своего места Антонио позднее божился, будто разглядеть часть деталей просто не представлялось возможным. Это, однако, не помешало хитрому ученику чародея с наслаждением и во всех подробностях рассказывать после:

— Тут, значит, чернявая как прыгнет на нашу сверху, а наша ее скидывает да прямо на покойницу. А покойница-то еще не совсем отошла да как заорет благим матом. Вторая вот прям ждала этого, и как вцепится в глотку покойнице, то есть живой-то еще королеве, а наша давай ее оттаскивать и когтями спину ейную полосовать. Смешались в кучу, все в кровище! Глаза бешеные у всех. Тут Михель как раз подскочил и давай скакать вокруг них. Скачет, а попасть не по той боится — где ж их там различишь в куче-мале. И разнять их тоже боится: там чуть что, можно так когтей схлопотать, что потом по частям не соберут. Муфад'ал этот еще валяется и дико рогочет, аж заходится и копытами дрыгает. И тут, значится, подбегает Гарб и давай слова волшебные кричать на своем и посохом стучать. Может, все бы и нормально получилось, но как раз вскочил Каввель. Вскочил он, значится, и сразу полетел вперед башкой, будто его толкнул кто. Он аккурат под посох и попал — прямо в лобешник промеж рогов прилетело.

Дальнейшее увидели и почувствовали все. Те, кому случалось видеть посох Бирканитры в действии, к его фокусам уже привыкли. Однако трансформация минотавра оказалась неожиданностью для большинства присутствующих, включая него самого. Не сильно удивился, наверное, только Гарб, еще в момент контакта почувствовавший неладное.

Пиратский капитан, получив сильнейший удар по лбу, отскочил от Гарба прямо к лежбищу обнаженного человекоподобного жахани с синюшной кожей, «отдыхающего» после сеанса, проведенного королевой суккуб. Страшный рев сотряс стены подземелья и раскидал дерущихся и зрителей по разным частям залы. Оглушенные еще не успели встать с пола, как истошный предсмертный крик синекожего сменился хрипом, хрустом костей и прервался утробным возгласом:

— Мясо!

Последовавшее чавканье вызвало у смертных рвотные позывы.

Лежащий ничком Адинук, не обнаружив зеркальце в своей ладони, приподнялся, чтобы посмотреть, куда оно подевалось. На уровне своей головы эльф обнаружил копыто, размером с пару бочек для дворфийской беаты. Посмотрев выше, бард обомлел. Высоко над ним развевался хвост, что-то смутно напоминающий. Еще выше — под темными сводами потолка — угадывалась энергично заглатывающая плоть голова исполинского человекобыка.

— Чтоб меня приподняло и прихлопнуло! — одновременно восхитился и испугался Адинук.

— Еще мясо? — громогласный рык сверху заставил эльфа вжать голову в плечи.

— Беги, дурак! — раздался позади голос Хиенны.

Упрашивать барда не понадобилось. После превращения в светлого ловкости, присущей

всей расе первородных, он не растерял и сделал немедленный кувырок назад. На место, где только что лежал Адинук, шмякнулась огромная ладонь и пошарила в поисках добычи. Разочарованный рев донесся из-под потолка, после чего бежать бросились все. Даже те, кто только что лежал без сил. В зале осталось лишь бездыханное тело Меридианы.

— Квви, ко мне! — заорала Мерилит, сходу опережая группу бегунов на добрых пять футов. — Королева приказывает тебе!

— Не слушай ее, Квви! — не согласилась Хиенна, пытаясь нагнать сестру. — Я твоя королева!

До выхода они добежали одновременно тяжело дышащие, мокрые от пота и крови — своей и чужой. Створки уже были услужливо распахнуты, и за ними виднелось массивное тело привратника.

— Зачем так кричите, малышки? — пробулькал он встревоженно. — Опять подрались? Бывает. Вот помню, когда ваши маменьки…

— Не сейчас! — хором крикнули сестры, пробегая мимо стража.

Хиенна затормозила, чтобы подождать остальных, а Мерилит помчалась дальше к выходу из подземелья. Гарб бежал, держа в одной лапе посох, а второй обхватив Антонио. Бывший призрак, утратив лишь часть своей неосязаемости, периодически выскальзывал из подмышки шамана, проваливаясь сквозь лапу. Шаман, цедя гоблинские проклятия сквозь зубы, сноровисто на лету подхватывал тяжелую ношу и бежал дальше.

Позади героически ковылял Аггрх, поддерживаемый под руки Михелем и Адинуком. Замыкал колонну Муфад’ал, лицо которого выражало массу эмоций. Он ежесекундно оглядывался, но не столько с испугом, сколько с искренним сомнением в реальности происходящего.

Миновав ворота, компаньоны остановились отдышаться, чувствуя себя в относительной безопасности за шипастой спиной Квви. Сам страж сообразил, что какая-то угроза надвигается именно со стороны казематов, и занял выжидательную позицию.

— Что произошло? — встревоженным шепотом поинтересовался Михель у Хиенны.

— Ваш друг стал кем-то большим, чем он был до того, — туманно ответила суккуба, изредка вздрагивая и морщась от боли. Было непонятно, дрожит она от испуга или это на ней так сказываются две недавние схватки. Монах нежно дотронулся до кровоточащих порезов на спине девушки. Пуута тихонько зашипела от боли, но не отстранилась. Михель беззвучно зашевелил губами, и кровь перестала сочиться, а раны хоть и не совсем полностью, но затянулись.

— Ты лучший, — не оборачиваясь зашептала принцесса. — Он стал Кхинь кхуном. Вы бы назвали его фурором. Правда, фуроры всегда были немного мельче, что ли. Разве только легендарный Пхунорон… но, кажется, даже он был не таким большим.

***

Высоты огромных ворот как раз бы хватило, чтобы в них смог легко пройти, не зацепив рогами потолок, чудовищно огромный Каввель. Он хотел раздвинуть огромные створки, но просто сорвал одну из них и отбросил в сторону. После этого великан замер в нерешительности при виде Квви. С губ исполина срывались капли свежей крови и падали вниз, пачкая обрывки одежды, кое-как прикрывавшие мускулистое тело. Видимо, по дороге он успел перекусить еще кем-то из пленников Меридианы. Фурор буравил стража тяжелым взглядом налитых кровью глаз. Квви тоже застыл, втянул несколькими носовыми отверстиями воздух и засмеялся. Звук оказался на редкость жутким для ушей смертных.

— Давненько, давненько… — словно окунаясь в воспоминания, пробулькал Квви, оставаясь на месте и угрожающе демонстрируя огромные когти на лапах.

Гарб бесстрашно выступил вперед и постучал посохом об пол, чтобы экс-минотавр обратил внимание на него.

— Эй! — обратился он к громадине. — Это я Гарб, помнишь меня? Я твой друг.

Хиенна хотела его остановить, но потом передумала.

— Больше мяса? — вопросительно рыкнуло чудовище, которому немаленький Квви едва доходил до пояса. — Пузо битком. Больше не могу жрать.

— Тем лучше, — немного расслабился гоблин и предложил. — Давай просто поговорим?

Каввель наклонился поближе.

— Пищишь тихо, слышу плохо, — не сдерживая зевок, сообщил гигант, присаживаясь на пол между распахнутыми дверями. — Говори.

— Ты вспомнил меня? — прокричал Гарб как можно громче.

— Хм, — задумался великан, потирая подбородок и в упор глядя на шамана. Его взгляд задержался на посохе, и глаза налились кровью еще больше. — Ты бил меня!

Сердитый рев заставил гоблина в испуге отскочить назад и забормотать заклинание щита.

Квви подполз немного ближе, занимая место, на котором стоял Гарб, и заслоняя остальных своей спиной.

— Послушаешь мои стихи? — вкрадчиво булькнул он, переходя на более понятный для потенциальной жертвы всеобщий.

— Ты воняешь! — укоризненно рыкнул в ответ фурор.

— Да, есть немного, — сокрушенно произнес страж. — Тут негде помыться — вся нормальная лава снаружи. Разве только в чьей-то крови, но даже такой душ бывает очень редко.

Великан оглушительно заржал, запрокинув голову, словно услышал очень смешную шутку.

— Давай стихи! — в перерывах между смешками, смог выдавить из себя Каввель. — Хочу!

— Всем заткнуть уши, — предупредила остальных Хиенна.

Одновременно зажимать и нос, и уши оказалось неудобно, но почти все компаньоны справились.

Квви воодушевленно набрал воздуха в увенчанную шипами грудь и начал:

Я сижу на цепи,
Детка, где же ты?
Паутиной зарастаю,
Без тебя я угасаю.

Приходи скорей,
Теплом тела согрей!
Я большой ротозей,
У меня нет друзей!

Если ты не придешь,
Стану сразу как вошь!
Не могу без тебя,
Делай, как я,
Делай, как я! Еу!

Страж ворот не мог из-за опущенных век видеть, что происходило с фурором во время декламации, но другого эффекта вряд ли ожидал. Каввель устроился поудобнее и начал внимать. С каждой новой строчкой его морда все больше становилось похожа на застывшую маску отвращения. Фурор попытался встать, но вдруг оказалось, что сделать это непросто: неведомая сила удерживала его на месте. Исполин злобно зарычал. Ответом ему была новая волна речитатива:

Я предел твоих мечтаний,
Не люблю твоих метаний.
Ты скажи да или нет,
Я не приму плохой ответ.

Будем вместе страдать с тобой,
Это будет нашей мечтой.
Чтобы вместе всю жизнь прожить,
Приходи ты со мной тусить!

По заткнутым ушам компаньонов как будто прокатился гномий паровой каток — Каввель все-таки смог преодолеть удерживающее его заклятие и с диким воем бросился бежать обратно в сторону ритуальной залы, не дожидаясь третьей порции пытки. Кошмарный звук скрыл шум падения двух тел, и только обессиленный Аггрх в полуобморочном состоянии заметил, что это были Адинук и Муфад’ал.

Один и не думал затыкать уши, вознамерившись во что бы то ни стало услышать первые в своей жизни образцы демонической поэзии. Другой в силу исключительных ментальных способностей просто не мог не услышать. Да и падать в обморок для него уже почти вошло в привычку.

***

Придя в себя, бард первым делом попытался нащупать зеркальце. Не найдя, расстроился, хоть и не сильно. К новому облику он уже почти привык.

— Это так знакомо, — поежился Адинук и легко поднялся на ноги. — Когда стал каменным истуканом, уже месяца через два тянуло почти точь-в-точь такое же писать. Но записать я тогда не мог, а память подвела, так что совсем ничего не запомнил.

На высказывание эльфа никто не отреагировал должным образом, и он даже слегка обиделся. Другие в этот момент были заняты шушуканьем перед сломанными воротами. Изредка одна из голов быстро поднималась, чтобы убедиться в отсутствии угрозы и затем вернуться в исходное положение в кругу других голов.

— Но он наш друг! — жарко возражал кому-то Михель.

— Ты уверен, что этот друг не станет тебя есть? — слабым голосом ответил ему Аггрх.

— Так он, типа, наелся уже, — так же слабо попытался пошутить Антонио.

— Я думаю, стоит хотя бы попытаться, — высказал мнение Гарб.

— По-моему, вашему другу так даже лучше, — встрял в разговор Муфад'ал, и все осуждающе на него посмотрели.

Дьявол ничуть не смутился и решил подкрепить свою позицию доводами.

— Надеюсь, все помнят про его проклятие? — елейно поинтересовался он, почесывая места недавних ожогов.

Новая шерсть уже начала пробиваться сквозь розоватую кожу, которая, судя по всему, нестерпимо зудела.

— Ну, помним, и че? — бесцеремонно перебил его Антонио.

— А то, мой юный невежливый друг, что его проклятие носит божественную природу. Это значит, что оно подчиняется законам, установленным самим Део, будь проклято его имя.

— И, как любой закон, его можно нарушить, — прервала молчание Хиенна.

Муфад'ал бросил на нее оценивающий взгляд.

— Не нарушить, а обойти, моя неопытная госпожа, — с усмешкой возразил жахани. — Вам пуутам лишь бы нарушить что-нибудь. Всегда есть лазейка, и для минотавра она нашлась сама собой.

Адинук осмотрелся, нет ли поблизости Квви, но страж ворот, вероятно, сообразил, что охранять все равно пока нечего, и убрался в свою нору.

— Нам всем есть, чему поучиться друг у друга, — примирительно поднял лапы Гарб, — но давайте сосредоточимся на спасении Каввеля.

— Я же вам говорю, оставьте, как есть, — махнул рукой в сторону казематов Муфад'ал.

— Как есть нельзя, — возразил Михель. — Он плотоядный.

— И может вас съесть, и даже меня. Зато в этой форме проклятие на него не будет действовать, — поддакнул жахани и мечтательно закатил глаза. — Только представьте, если получится восстановить его личность, каким ценным союзником он станет.

— И сколько он будет есть, — хихикнул сзади Адинук. — Я вас тут немножечко слушал и могу кое-что добавить как специалист по безумию.

Все обернулись в сторону эльфа.

— Ага, наш ушастый друг проснулся, — обрадовался Муфад'ал. — Действительно, именно тебя нам и не хватало для полноты картины. В разуме этого фурора я сразу уловил нечто знакомое. Теперь со всей отчетливостью я ощущаю схожесть потока мыслей — твоих и его. Поведай же нам все, чем можешь поделиться, друг!

Адинук грациозно поклонился, широко махнув рукой и отставив ногу назад, чем напомнил смертным повадки покойного главы эльфийской Академии.

— Сам ты ушастый друг, — беззлобно огрызнулся бард. — Благодарю за доверие. Надо сказать, что Каввель не совсем безумен, как вам, наверное, поначалу показалось. Если попытаться понять его поведение, то что можно увидеть?

— Что Каввель стал огромным и страшным демоном-каннибалом? — робко спросил Антонио.

— Эм, я не совсем об этом, — покачал головой Адинук. — Он растерян и напуган, как новорожденный цыпленок. Ну, или скорее, как гигантский плотоядный новорожденный демонический цыпленок-каннибал. Вот представьте: вы очнулись в незнакомом месте, не понимаете, кто вы такой, в вашей груди клокочет демоническая ярость, а еще так хочется жрать, что вы бы проглотили что или кого угодно. И тут рядом какие-то букашки суетятся.

Думаете, очутись вы на его месте, вы бы повели себя иначе?

— Наверное, это последствия ускоренной трансформации, — пошаркал ногой Гарб, скрывая смущение.

Свою вину в произошедшем он осознавал достаточно полно. «Опять, опять я во всем виноват!» — внутренний голос кричал, но выражать то же самое словами гоблину решительно не хотелось.

— Фуроры никогда не были тупоумными и агрессивными дикарями, вроде декнумканов, — добавила Хиенна, с опаской вглядываясь в плохо освещенный коридор, ведущий в глубину подземелья. — Они были могучими, свирепыми, но очень умными воинами и магами.

Муфад'ал тактично покашлял, привлекая к себе внимание.

— Были. Это ведь означает их полное отсутствие в настоящее время за исключением данного экземпляра, моя госпожа? — уточнил жахани, не скрывая торжества в голосе.

— Верно, раб, — холодно подтвердила суккуба. — К чему ты клонишь?

— Ваш верный раб знает, как восстановить численность столь полезных существ, — скромно поведал жахани. — У нас есть особая магия на такой случай, только нужно его изловить и приковать.

— И ты готов это сделать в обмен на «небольшую» услугу с моей стороны? — сузила глаза Хиенна.

— О да, моя догадливая королева, — чинно поклонился Муфад'ал. — Я даже готов не настаивать на большой услуге, ведь в результате непременно пострадает ваша сестра.

— Вот ведь маленький мстительный негодяй! — восхитился Адинук вполголоса, что не осталось незамеченным со стороны жахани.

— Извините, что прерываю, — взволнованно перебил их Антонио, — но я, кажется, чувствую какие-то портальные возмущения. Это не к добру.

— За мной! — скомандовала Хиенна и решительно устремилась к казематам.

Глава 17

«Олифанты клопов не давят!»
— Некто огромный, рогатый и страшный

Гарб разрывался между желанием последовать за Хиенной и заботой о товарищах, которым было трудно передвигаться самостоятельно. Оставлять их рядом с затаившимся где-то неподалеку Квви он тоже не хотел.

— Беги, — отправил его Адинук. — Мы будем потихоньку двигаться в вашу сторону. Этот рифмоплет нас не достанет.

— Я, между прочим, все слышу, — раздалось издалека утробное бульканье так, что все вздрогнули и заторопились покинуть негостеприимное место.

Шаман убедился, что друзья могут о себе позаботиться, и побежал догонять суккубу, бросив на прощание многозначительный взгляд на Михеля. Монах кивнул в ответ.

Группа, почти наполовину состоящая из временно небоеспособных, поволоклась вслед за шаманом.

— Ну что, как вам досуг с другой суккубой? — как будто буднично поинтересовался Адинук, волоча на себе Антонио.

— Удовольствие малосовместимое с жизнью, — слабым голосом ответил Аггрх, мешком вися на плече Михеля.

Довольная улыбка никак не желала сходить с его клыкастой физиономии.

— А ты сравнить хочешь, что ли? — нашел в себе силы пошутить Антонио. — Так еще сестричка у Хиенны осталась. — Только я бы и сам не против с ней…

— Заткнитесь все, — раздраженно буркнул Михель. — Я напоминаю, что они сами не в восторге от того, что приходится делать.

— Смотри-ка, святоша вступился за девичью честь, — хмыкнул Аггрх. — Сам-то давно хотел их всех поубивать?

Монах оглушительно промолчал. Наказать наглецов все равно нельзя: хворые они, да и друзья к тому же как-никак. Говорить же значило еще больше развязывать им языки. Молчание, впрочем, подействовало слабо.

Муфад’ал крался за смертными сзади в полнейшем недоумении. Неужели все их мысли так или иначе связаны с женским полом и размножением? Это же невыгодно! Жахани тщетно пытался понять их поведение, но так и не смог.

***

Извилистый коридор со множеством дверей привел гоблина к уже знакомой роскоши зала для особых церемоний. Еще на подходе нечто сильно насторожило шамана. Магические возмущения как будто бы немного улеглись, но гоблин почти кожей ощутил, как это затишье предвещало опасность. Явно что-то происходило, и это что-то настолько пугало, что короткая шерстка на затылке Гарба встала дыбом.

Царила тишина, нарушаемая только тихим потрескиванием факелов и какими-то чавкающими звуками. Гарб осторожно заглянул в распахнутые двери. Брызги и лужицы запекшейся крови покрывали пол и стены вокруг, обломки развороченных лежаков валялись по всей зале. Хиенна стояла чуть поодаль от входа и широко открытыми глазами смотрела, как исполинская фигура в самом центре зала пытается целиком заглотить безжизненное

тело мертвой королевы.

— Проклятье, жрец! — повернулась она к гоблину, уловив краем глаза движение. — Наши беды стали общими. И, если наука о числах для тебя не в диковинку, знай — теперь их во сто крат больше!

Гарб присмотрелся к происходящему магическим зрением и пришел в ужас. Сила королевы суккуб — жизненная и волшебная — вместе с кусками заглатываемой плоти медленно, но неотвратимо перетекала в фурора, меняя его изнутри и снаружи.

Шаман рефлекторно сжал посох покрепче и перевел взгляд полный сожаления на Хиенну, ничего не ответив. Суккуба тяжело вздохнула, тихонько подошла к гоблину и сжала его огромную волосатую лапу своей миниатюрной ладошкой. Так они оба и стояли, не в силах помешать творящейся истории и не в состоянии оторвать от этого зрелища взгляд.

Когда Каввель закончил, он уже не был фурором в полном смысле этого слова. Гарб в своей жизни не видел более прекрасного и величественного существа, если не считать Бирканитры. Шаман, правда, даже не подумал сравнить друга со своей богиней, но восхититься ему это не помешало.

Размеры фурора уменьшились, и теперь он был немногим выше гоблина, подросшего за время нахождения в девяти кругах Эльжахима. Зато рога стали длиннее, толще и тускло мерцали матовым синим цветом. В какой-то момент между ними проскользнула довольно яркая фиолетовая искра. Как и у Каввеля, у этого гиганта не хватало одного уха. Фурор выпрямился, утер ладонью рот и повернулся в сторону выхода. Его глаза больше не были налиты кровью. Вместо этого они светились так, словно в черепе фурора кто-то зажег с десяток свечей.

— Вы первые свидетели моего возвращения, поэтому я пощажу вас на сей раз, — низкий голос фурора пробирал до костей. — Идите и возвестите миру, что Минору вернулся, якорь мне в глотку.

Брови Хиенны взметнулись вверх, а лоб прорезали глубокие морщины. Суккубу как громом поразило.

— Каввель? — гоблин не нашел ничего лучше, чем позвать минотавра по имени.

Минору задорно расхохотался, из-за его спины взметнулись кверху черные как ночь кожистые крылья.

— Смертный потомок очень помог, но пришла пора с ним попрощаться, салаги.

Послышался тяжелый топот ног и лязг доспехов. Минору с некоторым любопытством наблюдал, как в двери нестройной толпой входят молчаливые стражники. Потеснив Хиенну и Гарба, они заняли все пространство перед выходом.

— Взять его! — вспорол тишину приказ Мерилит.

Йаамы слаженно двинулись в сторону фурора. Тот выждал, пока стража доберется до границ ритуального круга, топнул копытом и исчез, презрительно бросив напоследок:

— Сухопутные крысы!

— Он не использовал портал, — уверенно заявил гоблин. — Я бы почувствовал.

— Но все же его тут нет, дорогуша, — сообщила Мерилит, опасливо косясь на сестру — не бросится ли. — Так куда он подевался? Невидимость?

Стражи замерли на границах круга, немного потоптались на месте, развернулись и, не меняя хаотичности построения, побрели к выходу.

— Кажется, я знаю, кем стал Каввель, — игнорируя соперницу, обратилась к Гарбу Хиенна, делая шаг в сторону, чтобы дать дорогу йаамам.

— Кем же? — шаман тоже посторонился, чтобы его не затоптали.

— Минору! — громко сообщила Хиенна, проходя мимо сестры к выходу и увлекая за собой гоблина.

Гарб, рассчитывая на продолжение объяснений, последовал за Хиенной. Лицо Мерилит в этот момент перекосилось от злобы, страха и растерянности.

— Этого не может быть! — выкрикнула она. — Это детская страшилка!

— Ты сама все видела, сестрица, — Хиенна резко остановилась и обернулась к принцессе, отпуская шамана. — Поверила наконец в пророчество? А не помешала бы поединку…

— Ты! — выставила вперед руку Мерилит, направив когтистый указательный палец на Гарба и Хиенну так, что непонятно было, на кого она показывает. — Это твоих грязных лап дело!

— Между прочим, я мою лапы, — смутился Гарб. — И даже иногда принимаю ванну.

На всякий случай он поплевал на ладони и быстро вытер их о кафтан.

Мерилит нервно рассмеялась.

— Я говорю не о тебе, отродье благословленных миров, — раздраженно бросила наследница. — Ты вечно носилась со своей глупой мистикой.

— Не такой уж и глупой, как оказалось, — парировала Хиенна. — Есть какие-то предложения? Не тяни, выкладывай. У нас куча неотложных дел.

— Да, дорогая, у меня есть предложение, — внезапно успокаиваясь, произнесла Мерилит. — Раз уж поединок сорвался, нам нужен турнир. Трон не должен долго пустовать, ты сама прекрасно знаешь.

— На это нет времени! — топнула ногой Хиенна. — Нужно остановить Минору, позвать в альянс соседей, пока он не разрушил все, до чего дотянулся.

— Значит, ты не будешь возражать, если я займу престол, пока ты с дружками бегаешь по пустошам? Я понимаю, тебе это привычнее, чем править.

— Размечталась, хончикон!

— Тогда решено, проведем турнир, как завещали предки.

Мерилит, не дождавшись возражений, оттеснила Гарба с дороги и, гордо вскинув голову, удалилась.

***

— Так что, этот Минору, он какой-то типа демон и сидел всю дорогу в Каввеле и ждал, пока Гарб зарядит ему по лбу посохом? — непонимающе развел руки в стороны Антонио.

Михель взял из хрустальной вазочки нечто, отдаленно напоминающее яблоко, с хрустом откусил кусочек и с наслаждением начал жевать. По его губам стекал кроваво-красный сок, но монаха это совсем не смущало: на вкус так даже лучше спелого персика из родного мира. Михель доверял Хиенне, а она разрешила есть любую еду в ее покоях.

— Скорее титан — они как бы и боги и не боги одновременно. У меня есть много догадок на этот счет, милый, но это только догадки, — сказала суккуба, ласково взъерошив шевелюру отдыхающего Аггрха, но глядя при этом на монаха.

Орк довольно заурчал, а Михель при этом чуть не поперхнулся косточкой, подозрительно напоминающей птичью. Человек внимательно ее осмотрел и с сомнением положил недоеденный «фрукт» обратно на блюдо.

Прошло всего два дня с момента того танца, но несостоявшийся поцелуй и мимолетный испуг в глазах Хиенны не давал монаху покоя. Девушка все это время вела себя с ним

отстраненно, и это начинало беспокоить. Если сначала такое поведение можно было списать на страх девушки перед мачехой, то теперь картина никак не желала складываться.

«Что не так? Ты что же, пытаешься заставить меня ревновать или оттолкнуть от себя?» — подумал парень, бесстрастно глядя на млеющего орка, которому даже в голову не приходило, насколько он близок к серьезным увечьям. — «У тебя получается. Но зачем ты это делаешь?».

— Ты обещала поделиться этими догадками со мной, — напомнил Гарб, теребя пальцами посох.

Гоблин испытывал то, что называется смешанным чувством. С одной стороны, он очень переживал за друга и чувствовал ответственность за произошедшее. С другой, его распирала гордость: именно ему выпала честь стать обладателем грозного оружия, способного менять мироздание. Он, простой ловец духов, мог кроить мир по своему усмотрению, а все вокруг его боялись. Мог ли он представить какой-то год назад, что обретет такое могущество? «Я большой и страшный», — вертелись мысли в голове шамана, изрядно его забавляя. — «Меня боятся даже демоны! Ой. Нельзя впадать в гордыню, ой нельзя! Но чуть-чуть, самую малость же можно? Или нет?»

С такими мыслями оказалось сложно сосредоточиться на разговоре, поэтому гоблин отогнал их, чтобы услышать рассказ Хиенны.

— У моего народа есть древняя, как сам Рахэн-ди, легенда. Настолько древняя, что не осталось никого в живых из тех, кто мог быть свидетелем ее первого рассказа. Разве только сам Иблис да штук десять из правителей слоев повыше.

Адинук восторженно встрепенулся и пошарил в заплечном мешке в поисках письменных принадлежностей. Перспективы сочинить еще одну балладу радовали эльфа даже больше, чем новый облик. «Как же я теперь прекрасен и не похож на троу!» — подумал бард, пообещав себе сочинить балладу и об этом. — «Главное, чтобы теперь все по достоинству оценили мою красоту. А вот интересно, что получится, если скрестить Хиенну и Муфад’ала?»

В этот момент жахани внезапно дернулся и ударился головой о стену, у которой стоял. «Какое омерзительное извращение», — подумал дьявол, передернулся всем телом до самых копыт и приложился лбом еще разок.

Удар был не сильный, но все заметили. Суккубе, однако, это не помешало продолжить рассказ.

— Согласно преданию, существо по имени Минору жило еще в те незапамятные времена, когда не сотворили смертных, — продолжила суккуба. — Это было даже до того, как Люцифер восстал против Део. Кто-то считает, что он был одним из детей Део, а некоторые думают, что он древнее самого Део и никакого отношения к нему не имеет. Это, конечно, вряд ли, но так тоже говорят.

— В свете последних событий, я уже перестал удивляться, — встрял в рассказ Михель. — Так он все-таки кто?

— На самом деле никто точно не знает, — огорчила всех ответом Хиенна. — Разве только кто-то сможет лично разузнать у богов про него. Известно, что Минору вечно устраивал ссоры между детьми Део, и был то ли изгнан, то ли наоборот ему запретили появляться в божественных доменах. Также про него говорят, что он был прародителем части существ, коих принято именовать демонами или пуутами.

— Это он типа твой прапрадедушка? — прыснул в кулак Антонио.

— Если и так, то семейное сходство больше проявлялось у Каввеля, — спокойно парировала Хиенна. — Минору считается прародителем некоторых пуутов, но не всех.

— А крылья? Я сам видел крылья, как у… — Гарб замялся, не зная, как тактичнее назвать покойную.

Хиенна печально улыбнулась.

— Да, ее крылья были проявлением могущества. Когда-то такие гордо носила моя мать. И еще долго бы носила, если бы не притязания Меридианы.

— Кажется, я догадываюсь, как именно крылья передаются от одного носителя к другому, — заявил Аггрх, — и меня сейчас стошнит.

— Сказал тот, кто со своими соплеменниками нас чуть всех не слопал, — съехидничал Михель, не забывший, как его первого орки назначили на роль ужина.

— Я никогда не ел разумных существ! — возмутился Аггрх, пытаясь приподняться на кровати.

Хиенна негромко покашляла, намекая на готовность продолжить и не давая перепалке увести всех от темы. Когда взгляды устремились на нее, суккуба возобновила свой рассказ.

— Так передаются не крылья, а сила и власть над этим слоем Рахэн-ди, — сообщила она, глядя на орка. — И это наша главная проблема сейчас. Каввель в виде огромного фурора был большим, страшным, опасным, но не настолько, чтобы паниковать. Рано или поздно мы бы привели его в чувство. С Минору все обстоит иначе. Никто не знает, кто он и на что способен. Зато я точно знаю, что именно может делать та или тот, у кого эти крылья есть.

— А вы уверены, что это действительно Минору, а не Каввель получил могущество и решил так пошутить? — с неподдельным интересом осведомился Муфад’ал, попытавшись украдкой стянуть «яблочко» из вазы.

Получив по руке от Михеля, он обиженно надул губы.

— Помрешь, дурачина, — одними губами прошептал монах. — Для тебя это вообще яд.

Хиенна бросила на мара строгий взгляд, чтобы напомнить о его присутствии в королевских покоях из милости.

— Кушать очень хочется, — передал мысль жахани как можно жалобнее.

Михель жестом показал, что нужно терпеть. До обеда было еще далеко, и Муфад’ала обижало и огорчало подобное положение вещей.

— Да, — неожиданно поддержал дьявола Гарб. — Он использовал в речи семантические конструкции, характерные для Каввеля.

— Чего? — переспросил Антонио, укоризненно посмотрев на гоблина. Мол, ты опять?

Гарб виновато потупился.

— Он разговаривал, как говорят пираты, — пояснил Аггрх.

— Сейчас нет способа это проверить, но если это действительно минотавр, то откуда ему знать про Минору? — привела довод пуута. — Кроме того, есть пророчество. Я о нем уже говорила.

— Да, еще твоя родственница потом швырялась обвинениями, — вспомнил Гарб.

— Это не удивительно. Она всегда попрекала меня увлечением древностью. Так что мне даже немного радостно, что пророчество все-таки сбылось.

— А о чем оно? — робко поинтересовался Адинук, ловя каждое слово.

— Минору был уничтожен, но обещал вернуться. Он предвидел свое падение и оставил смертных потомков в разных мирах, дабы восстать из мертвых в одном из них. И вновь появится он в бездонном мире. Настанет день скорби, и придет тень его былого могущества.

И явится он сильнее, чем прежде. И будет нести хаос порядку и порядок хаосу, пока смертный не остановит его руку.

Хиенна умолкла.

— Может, пока рука смертного не остановит его? — уточнил Михель. — Обычно в пророчествах так говорится.

— Нет, были именно те слова, — уверенно заявила суккуба. — Предсказания всегда немного туманны. Часто непонятно, что должно произойти. Разве только упоминание бездонного мира — это точно про Рахэн-ди.

— Мне духи что-то такое раньше рассказывали, — почесав нос, задумался гоблин, скорее озвучивая свои мысли, чем задавая вопрос. — Разве подобное уже не пытался совершить один из человеческих богов?

— Не, — отозвался Антонио, шаркающей походкой ковыляя к столу.

Его силы удивительно быстро восстанавливались, и он уже был в состоянии ходить.

— Тот неудачник так и не возродился. Говорят, он ваще куда-то запропал.

— К слову о смертных, друзья мои! В связи с этим у меня есть малюсенькое замечание, — напомнил о себе Муфад'ал. — Хочу обратить ваше внимание, что среди нас присутствует несколько истинно смертных.

— Ты на что, морда дьявольская, намекаешь? — немедленно спросил Бурбалка, тоже откусывая кусочек яблока. — Что это мы должны остановить руку древнего титана или типа кто он там?

Муфад'ал сглотнул слюну, отвел глаза в сторону, чтобы не терзаться понапрасну, и принялся сбивчиво вещать.

— Видишь ли, мой прожорливый друг, — начал он с надрывом в голосе, — я уверен, что это именно так. Других живых смертных во всей Бездне, скорее всего, не сыскать. Новых во плоти сюда затащить невозможно. Остаетесь только вы. Быть может, не все из вас выживут, но долг есть долг.

Лежащий на кровати Аггрх вздрогнул, а потом сдавленно хрюкнул, пытаясь подавить приступ хохота, грозивший лишить орка остатка сил.

— Долг! — сотрясался он всем телом, держа руки на животе и чуть не сгибаясь пополам. — Долг! Жахани говорит о долге, как будто его породу интересует что-то, кроме выгоды.

— Ваши замечания отдают предрассудками, любезный смертный, — насупился Муфад'ал. — Для меня это понятие значит не меньше, чем для вас.

— Как бы мне ни хотелось, чтобы это было не так, — мрачно сообщил Михель, — но это действительно долг. Мой личный. Так в уставе ордена записано.

В наступившей тишине Михель с громким хрустом откусил от взятого со стола огрызка последнюю мякоть и крепко сжал остатки плода в кулаке. Огрызок загорелся. Все увидели, как сквозь пальцы монаха выступали синие огоньки пламени и взметнулся вверх ручеек дыма.

— Вот те раз, — присвистнул Антонио. — Ты раньше так умел? А че тогда в Торкиле мужичкам не показал, где раки зимуют?

Монах хмыкнул.

— Если бы я так умел дома, меня бы, наверное, еще в родном городе толпа растерзала бы как злого колдуна. Нет, я эту силу почувствовал только в Эльжахиме. К тому же, Орден учит, что бить слабых непозволительно.

— Я всегда говорил, что если упорно тренироваться, то можно научиться чему угодно, — обрадовался Адинук. — Только я в той же школе учился, а так не умею. Это так обидно.

Хиенна влюбленными глазами пожирала Михеля, напрочь забыв об Аггрхе. Орк перехватил ее взгляд и сразу помрачнел. А точно ли это любовь, или все-таки демонам верить нельзя? Девка ведь могла просто польститься на силу.

— Оно как-то само пришло, — застенчиво сказал Михель, — но меня к такому готовили.

— Готовили убивать нечистую силу, сударь? — оживился Муфад'ал.

— Да, а что? — переспросил человек.

— Тогда это просто подарок судьбы для всех нас и источник бедствий для той неприятной сущности, которую наш уважаемый жрец выпустил на свободу, — жахани аж подпрыгнул, щелкнув в воздухе копытами — так, вероятно, выражая свою искреннюю радость.

— И все же у нас есть чуть более срочное дело, — мягко напомнил Гарб, чтобы увести разговор в сторону от щекотливой темы. — Хиенна, так что за турнир нам предстоит?

Суккуба поморщилась, словно ей наступили на ногу: не больно, но чувствительно.

— Ах, да. Сестрица жаждет силы, — томно произнесла принцесса. — Тут ведь целая история, замешанная на наших традициях передачи власти.

— Расскажешь? — попросил Михель.

— Для тебя — все, что угодно, прелесть моя, — ласково ответила пуута.

Глава 18

«Нет, это не волшебство, это другое».
— Хиенна, законная наследница сто двадцать седьмого слоя Бездны

Суккуба начала свой рассказ, сопровождаемый редким смущенным покашливанием или нервным смешком при упоминании подробностей. Иногда она останавливалась, чтобы перевести дух.

— Началось все давно по меркам смертных. Пууты не всегда жили в Рахэн-ди. Тогда мы даже назывались как-то иначе, но мало кто помнит, какое имя было у нашего народа. В те времена у нас были свои боги, а у них — свои миры. Все эти средние и младшие боги происходили от одного старшего по имени Иблис…

Муфад'ал, до этого стоявший со скучающим видом, при упоминании имени верховного демона поднял голову и вытянул шею, старательно вслушиваясь. Он, конечно, мог слышать мысли почти всех присутствующих и без зрительного контакта, но разумы Хиенны и Гарба оставались закрытыми.

— Младшие боги сотворили разумных существ по своему образу и подобию, — продолжила Хиенна. — Пууты вышли прекрасными созданиями, как я, только лучше и прекраснее. Но большинство богов пуутов уже стали злыми к моменту сотворения нашей расы.

— Злыми или обозленными? — уточнил Адинук. — Может ли кто-то стать злым просто потому, что он таким родился?

— Да, скорее обозленными, — согласилась суккуба. — Боги в те времена часто ходили в гости, и разное случалось. Один начнет насмехаться над созданиями другого, а тот обижается. То советами кого-то замучают, то успехам соседа позавидуют. Были такие, которые просто гостей не любили. У каждого нашлись свои причины обозлиться.

— Как дети малые, честное слово, — усмехнулся Аггрх.

— Это как посмотреть, — возразил ему Гарб, вспомнив про свою бытность единственным шаманом в деревне. — Если бы тебя доставали глупыми вопросами, непроходимой тупостью и невежеством тысячи лет, ты бы тоже, наверное, начал злиться на всех вокруг.

Хиенна кивнула. Ее губы изогнулись в подобии улыбки, придав суккубе ореол загадочности.

— Да, остальные небожители тоже так считали. И все же со временем некоторые, среди которых были и боги пуутов, озлобились достаточно сильно, чтобы началась большая война. То была страшная эпоха. Целые народы выкашивались божественным огнем и оружием смертных. Никто не разбирал праведных и отвергнутых — гибли все без разбору. Боги пуутов вели нас от победы к победе, ведь нас было больше.

— Понаплодились, — презрительно процедил Муфад'ал сквозь зубы.

— Нас и сейчас больше, — с достоинством сообщила суккуба, удостоив мара уничижающим взглядом.

— Они поэтому и воевать умеют лишь числом, а не умением, — подлил масла в огонь Муфад'ал, но мысль передал только смертным, и Хиенна ничего не поняла.

Аггрх понимающе хмыкнул, а Адинук еще быстрее заскрипел пером.

— Так уж вышло, что в ту войну вмешался Део и остановил ее в самый разгар генерального сражения. Итог вы, наверное, знаете. Сложился существующий ныне порядок, как ни противно мне это слово.

— Закон есть закон, — мысленно добавил жахани.

— А какое отношение это имеет к турниру? — напомнил цель рассказа Гарб наводящим вопросом.

— Не самое прямое, — белозубо улыбнулась Хиенна. — Я начала издалека, чтобы подвести к главному. Део поместил всех пуутов в Великий разлом, сделав его бесконечным. Как только нас становится слишком много для этого мира, он расширяется, добавляя слой за слоем. Каждый новый слой вдвое больше предыдущего и чем-то отличается от остальных. Каждым из слоев управляет один из бывших богов или один из их потомков. Сколько их теперь, наверное, только Иблис и знает. Но есть одно досадное обстоятельство — пууты не могут черпать Дэ из природы, как смертные. Это часть наказания. Прожить без этого можно, но относительное могущество даруется только избранным. Остальные вынуждены довольствоваться грубой силой и подчиняться тем, у кого есть власть иного рода.

— Правители, конечно, попадают в число избранных? — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Адинук. — Это так очевидно.

Пуута подтвердила догадку эльфа только взглядом и медленным взмахом пушистых ресниц.

— Да, им достается драконья доля. Также есть удачливые охотники за душами смертных, наследники правителей и некоторые древние существа. Как вы понимаете, самыми сильными являются именно властелины. А еще есть традиция, что самое большое могущество может быть даровано только достойному или достойной.

— У них наверняка очень интересный способ определения достойных, — передал мысль Муфад’ал.

Со стороны казалось, что он вообще не интересуется рассказом, но на деле он был весь внимание.

— Один из вариантов Гарб уже видел, — сообщила Хиенна. — Нужно буквально поглотить плоть соперника или соперницы в ритуальном круге после поединка. Не целиком, конечно: достаточно сердца. Так погибла моя мать.

— А второй — турнир? — попытался догадаться Аггрх.

— Как ни странно, не совсем, — улыбнулась ему суккуба. — Обитатели слоя должны пожелать, чтобы ими правил кто-то, и тогда свершается чудо — новому владыке даруется сила. Чем больше будет желающих, тем больше могущества получит новый правитель.

— И турнир для этого? — не унимался орк.

Муфад’ал тоже подался вперед, выдав свое любопытство.

— Турнир — это способ показать, кто больше всех достоин править. Тут уже все зависит от участников. Можно нагнать на будущих подданных страху, а можно поразить всех какими-то умениями и способностями. Но за всю известную историю Рахэн-ди состоялось лишь три турнира, и все они были так давно и далеко отсюда, что уже потерялись в минувшем. Хотя, основным способом, конечно же, является банальное устранение всех остальных претендентов прямо там на арене.

— А кто может принять участие в этом… замечательном мероприятии? — выпалил Муфад’ал, на секунду отбросив осторожность.

Сообразив, что он выдал себя, жахани попытался принять безучастный вид. Получилось

неважно: расширенные зрачки и подрагивающие длинные, почти эльфийские уши все равно выдавали сильное волнение.

От суккубы не ускользнул такой повышенный интерес. Она задержала на Муфад'але взгляд еще раз, демонстративно налила себе вина в бокал, сделала маленький глоток и только после этого ответила.

— Едва ли не любой желающий, — сказала она, медленно растягивая звуки так, что жахани, наклонявшийся с каждым словом все ближе к ней, чуть не задохнулся от нетерпения.

— Любой? — с надеждой повторил Муфад'ал.

— Да, — все также неторопливо сказала Хиенна, а потом вздохнула и добавила. — К сожалению, существ из иных миров больше не допускают. На одном турнире, вроде бы, толпа разорвала участника на кусочки. Кажется, тот несчастный как раз был твоей породы, мар.

Улыбка сползла с лица бедного дьявола.

— Бедненький, ты расстроился? — явно издеваясь, насмешливо произнесла принцесса. — Какая была бы забавная шутка, прими ты участие в турнире. Я бы даже с удовольствием посмотрела, как ты соблазняешь смертных.

— Тьфу ты пропасть! — брезгливо сморщился Муфад'ал. — Извращение какое!

— Да, это одно из обязательных состязаний в нашем слое, — добила его Хиенна. — Еще можно похвастаться побежденными в бою марами. Скольких ты убил, мой сладкий?

Муфад'ал окончательно расстроился и отвернулся, а остальные начали смеяться — сначала робко, а потом все громче. Жахани же затаил обиду. Так насмехаться над убитыми неправильно. Вражда враждой, но потеря любого бессмертного существа невосполнима. Если бестолковые пууты этого не понимают, то у них проблемы с головой или чем там их вид привык думать.

— Что ж, теперь к делу, — посерьезнела пуута. — Понадобится вся помощь, которую вы сможете мне оказать. А нам с тобой, Гарб, предстоит работа по поиску Минору. Я могу доверять только тебе в этом вопросе.

— Кстати, что у нас с безопасностью? — спросил гоблин. — Не хотелось бы, чтобы Мерилит подстроила сейчас какую-нибудь пакость.

— По этому поводу можно уже не волноваться, — успокоила всех принцесса. — До состязаний все точно будут живы и здоровы, если специально не нарываться.

— А дальше? — спросил Адинук.

— Как повезет, — пожала плечами Хиенна.

***

Турнир назначили через неделю. Мерилит так рвалась к власти, что даже времени на подготовку отвела ровно столько, чтобы рабы едва успели подготовить арену и собралось достаточное количество гостей. Для строительства пууты использовали как своих импов и чуть более крупных демонов, так и пленных жахани-строителей.

Хиенна зорко следила за всеми приготовлениями, всерьез опасаясь неприятных сюрпризов во время состязаний.

Глашатаев разослали в самые дальние уголки королевства, и гости вместе с потенциальными соперниками и соперницами вскоре начали прибывать. Вокруг замка вырос палаточный городок, простирающийся докуда глаз хватает.

В первый день Аггрх выглянул из окошка башни и цыкнул зубом, увидев творящийся

бардак.

— Да, людно тут у вас. Турнир в Грюнвальденбурге собирал тысяч двадцать народу, но сейчас смотрю, а там почитай никого и не было по сравнению с этим нашествием.

Масса самых разнообразных демонов заполонила окрестности. То тут, то там возникали стычки между отдельными личностями, а иной раз и целыми группами, перерастая в небольшие сражения. Задиристый нрав собравшихся давал о себе знать.

Сражения эти быстро начинались и быстро заканчивались. Иногда уничтожением одной из групп, а иногда братанием. В последнем случае объединенная группировка вполне могла попытаться задать взбучку кому-то третьему. Йаамы патрулировали окрестности, но ни во что не вмешивались, следя только, чтобы подданные не посягали на сам замок. В целом вокруг цитадели царило самое настоящее веселье, близкое к полной анархии.

Не все из прибывших жили в палатках. Пару видов пуутов закопались в грунт, обозначая свое присутствие только торчащими наружу конечностями. Часть крылатых тварей облюбовала окрестные скалы, устраивая там крикливые состязания, часто приводящие к изменению иерархии — кого-то сшибали на лету вниз, а кто-то тут же горделиво занимал место еще падающего сородича. Обычно ненадолго.

Пока остальные усердно готовились к турниру, Муфад’ал скучал, поскольку ему не отводилось никакой роли в намечающейся заварухе. Он изредка выглядывал из окна башни и всякий раз неодобрительно качал головой. Сама атмосфера беспорядка претила ему и вызывала стойкое отвращение. И все же он неизменно возвращался к своему наблюдательному пункту, чтобы неотрывно смотреть, как весело пестрая орда внизу проводит время.

— Грустишь? — проходя мимо, спросил Гарб.

— Немного, — не отрывая взгляда от очередной кучи малы внизу, ответил жахани. — Никак не могу понять, почему между нами такая огромная пропасть. Мы похожи, но при этом такие разные.

Гарб остановился, подошел к Муфад’алу и проследил за направлением его взгляда.

— Знаешь, — сказал гоблин, почесав затылок посохом. — Я всегда жил по привычке. По привычке ковырялся в мусорных кучах в поисках пропитания. Унижал слабых и пресмыкался перед сильными, потому что так было принято. Меня так учили с тех самых пор, как… когда я попал в ученики к шаману. Слабому так нужно себя вести, чтобы выжить, говорили они.

Гоблин перевел дух, продолжая смотреть на кишащее демонами пространство, и воспоминания захлестнули его.

— Сейчас ты сильный, только еще не научился вести себя иначе, — сказал жахани, но Гарб так погрузился в прошлое, что даже не понял смысла этих слов.

— Потом я наловчился уворачиваться от тумаков старшего брата, затрещин и посоха учителя и других учеников, — продолжил шаман после паузы, — научился разговаривать с духами и внимательно их слушать. Духи мудрее смертных. Ими не движет зов плоти, и существуют они куда дольше. У них я научился тому, что мир не ограничивается моей деревней. Оказалось, за ее пределами полно других народов, и у каждого из них есть свои традиции, боги и даже свой собственный взгляд на мир. Однако, только начав это путешествие, я окончательно убедился, что хотя все разумные существа разные, но все же очень похожи.

— Да, все-таки мы с пуутами похожи несмотря на различия и большую войну, —

рассеянно добавил жахани, почесав волосатой рукой макушку возле правого рога.

— Точно, — поддержал собеседника Гарб. — Я о том же. Все разные из-за разных традиций, образования. Воспитание, наконец, играет большую роль. Если тебе с рождения внушают, что есть враг, и этот враг — мерзкий, злобный, отвратительный… Разве не будешь ты ненавидеть врага всем сердцем или чем там вы жахани ненавидите?

— У нас говорят «ненавидеть животом», — сказал Муфад'ал и добавил, — это если коротко. В моем языке для обозначения разных видов ненависти есть больше тысячи слов и выражений.

— Вот, я же говорю — традиции! — поднял вверх указательный палец гоблин. — Вас учат ненавидеть с детства. А вот если взглянуть на врага по-другому, с его точки зрения и без учета своего мировоззрения, получается совсем другая картина. Иногда выходит, что ты этому врагу вообще безразличен. В другом случае ты и сам будешь внушать страх и омерзение. Только по-настоящему разумное и образованное существо способно побороть свои предрассудки.

Муфад'ал печально улыбнулся.

— Наверное, я недостаточно разумен, мой простодушный друг, — сказал он. — К тому же, младенчество для жахани — вещь относительная. Новые жахани появляются на свет не так, как вы или даже пууты. Многие же из нас и вовсе еще помнят времена до изгнания, хотя уже и смутно. Нет, ненависть — это то, что изобрел мой народ. Мы любили Део, и все же предали его по наущению Люцифера. Мы не думали, что предаем, пока не стало поздно. Создатель отверг нашу любовь и проклял нас. Низверг в мир, в котором мы научились выживать и ненавидеть. Его, Люцифера, самих себя и всех остальных. Ненависть — это основа нашего существования. Иногда мне даже кажется, что не будь ненависти, мы бы просто исчезли. Мы нуждались в чувстве, которое помогло бы заменить нам утраченную любовь, и мы его нашли. А затем щедро поделились им со всеми остальными мирами.

— Прости, я как-то не подумал, — смутился Гарб.

— Ничего, ты всего лишь смертный, к тому же с короткой жизнью. Для меня ты не более, чем неразумное дитя. Твои рассуждения наивны. И все же есть в них доля истины.

— Значит… ты ненавидишь всех? — несмело спросил гоблин.

— Более чем ты можешь себе вообразить, мой смертный друг, — стукнул копытом об пол Муфад'ал, как бы придавая веса своим словам. — Кого-то больше, кого-то меньше. Однако меня утомил этот разговор.

— Если хочешь, потом еще поговорим, — предложил шаман.

— Всегда к твоим услугам, — раскланялся Муфад'ал и снова отвернулся к окну.

***

Начало турнира стремительно приближалось. Огромная арена для состязаний мрачно нависала над палаточным городком. Для смертных осталось загадкой, откуда взялось столько материалов для ее постройки. Хотя рудников и каменоломен поблизости видно не было, каменистая почва Рахэн-ди давала вполне прозрачный намек, что с камнем тут проблем нет. Происхождение же древесины вызывало полнейшее недоумение. За все время в Бездне компаньоны ни разу не встретили ничего похожего на дерево. Разве только плотоядный кактус с натяжкой мог бы подойти, но такие растения тоже встречались редко.

Бурбалка и Аггрх шли на поправку: они уже вполне самостоятельно передвигались и даже находились в приподнятом настроении. На фоне пережитого оба обрели товарища по несчастью и теперь постоянно предавались воспоминаниям. Правда, один из разговоров не

заладился.

— Помнишь, как она сказала, что ты невкусный? — беззлобно попытался в очередной раз поддеть Аггрха человек.

У них уже вошла в привычку шутливо перебраниваться: оба оттачивали зубоскальство друг на друге. Обижаться никто и не думал.

В этот раз орк неожиданно нахмурился.

— Да, что-то я совсем перестал пользоваться популярностью у женщин, — воин запустил пятерню в начавшую отрастать густую черную бороду. — Старею, наверное. Надо бы побриться, а то скоро буду на дворфа похож.

— Нет же, она добавила, что ты насквозь провонял жахани, а не дворфом, — ухмыльнулся бывший ученик чародея, тоже потирая пробивающуюся полоску усиков.

Когда-то он носил такие в той далекой прошлой жизни еще во время ученичества. Щеки он брил одному ему доступной магией, а усы решил оставить. Вроде как, они ему шли. Так однажды заявил учитель Велмсли.

Аггрх тут же свернул разговор и быстро вышел из комнаты, оставив человека в недоумении. Воину было что рассказать, вот только он не мог придумать, с кем можно поделиться своими тревогами. Антонио уж точно не подходил для этой роли.

Головные боли донимали орка все чаще, вызывая раздражение и напоминая о споре с Лю. Они начались именно после попадания в Бездну, и воина это сильно беспокоило. Ни снадобье Гарба, ни собственные иголки, ни даже лечение Михеля не помогали. Странные шепотки в голове сопровождали каждый приступ, и это пугало больше всего. Первый раз случился, когда он сделал тот злосчастный шаг к Хиенне. Второй после превращения Каввеля. Тем словам Меридианы Аггрх значения не придал, пока Бурбалка не напомнил о них. Что же она почувствовала?

Тем временем Михель с мрачной решимостью на лице днями отрабатывал удары, техники и приемы в специально отведенном для него заброшенном уголке замка. Со стороны выглядело жутковато, когда молодой человек не слишком крепкого телосложения крошил кулаками каменные колонны. Иногда, входя в особое состояние, парень применял исключительно секретные монашеские штучки, и камень рассыпался в пыль еще до соприкосновения с его руками или ногами. С тренировок Михель возвращался усталый, пыльный и недовольный собой. Гарб несколько раз пытался выяснить, что не так, но человек всякий раз уходил от ответа. Наконец гоблин улучил момент и буквально взял монаха за грудки, чтобы тот не улизнул, как обычно:

— Что с тобой творится?

Мужчина недовольно поморщился. У него ныли кулаки после тренировки, а от постоянного молока вместо воды побаливал живот.

— Тренируюсь, — туманно ответил он, грустно улыбаясь.

Гарба ответ не удовлетворил.

— Я твой друг и хочу знать, что происходит. Может, нужно срочно принимать меры, пока чего-то не случилось!

— Это все из-за нее, — покраснел Михель. — Я не могу понять, действительно ли она меня любит или это все притворство.

— Я надеюсь, ты учитываешь, что вы принадлежите к разным видам и тебе могут быть непонятны ее чувства и мотивы? Я даже не уверен, что вы совместимы в физическом смысле. Ну, то есть, конечно, она суккуба и черпает силу из мужчин, но все-таки… — шаман

отпустил монашескую робу, аккуратно вернув человека на пол. — Будь осторожен. Я… мы все не хотим потерять тебя.

— Хотелось бы верить, что любовь присуща всем видам без исключения, — пробормотал монах. — Меня учили, что это то, что Вседержитель вложил в каждое свое дитя и не стал забирать даже у демонов.

— Владыка света наверняка слишком мудр, чтобы не дать шанс заблудшим на исправление, — ответил Гарб. — Может, это как раз нужный способ. Все-таки, если она тебя обидит, дай знать. Хорошо? У меня с ней уговор по этому поводу.

— Хорошо, — вяло пообещал человек, стараясь не утратить баланс между желанием сохранить отношения с гоблином и нежеланием пускать постороннего к себе в душу.

Саму суккубу слишком занимала подготовка к состязаниям, поэтому испытывать какие-то эмоции она просто не успевала. Пуута разрывалась между необходимостью следить за сооружением арены и собственными тренировками. Из-за этого свободного времени у нее едва хватало на сон и еду.

Адинук выпросил для себя отдельное помещение и проводил в нем за закрытыми дверями большую часть дня. Пару раз проходивший мимо Аггрх с содроганием отмечал, что он не знает и знать не хочет, почему из-за двери, кроме звуков какой-то возни, доносится чуть слышный шелест и иногда громкое чавканье.

Гарб тренировался то по-шамански, то по-жречески, а иной раз и по методике Михеля. Расслабляющие и укрепляющие сеансы медитации сменялись для него часами жаркой молитвы. В такие моменты даже друзья не рисковали ходить мимо его комнаты. Про слуг, которые, как оказалось, водятся в замке в изобилии, и говорить не приходилось. Демонята, быстро и бесшумно снующие по своим делам, зал с молящимся Гарбом предпочитали обходить или облетать через соседнее крыло замка. Они чувствовали исходящие из комнаты потоки божественной энергии, приводившие их в состояние суеверного ужаса.

Один лишь Муфад’ал все время отстраненно смотрел в окно, что-то изредка бормоча на незнакомом всем красивом и певучем языке.

Глава 19

Даже огню есть мера, а вражде меры нет.
Пуутская поговорка

Ведущими и распорядителями турнира оказались бойкий крылатый бесенок кислотно-зеленого цвета, довольно крупный для импа, и знакомый бармен из «Красного борщевика». Здоровенный инкуб по торжественному случаю сменил фартук на более соответствующий случаю наряд: темно-синяя рубашка, застегнутая не на все крючки, специально оставляла голой волосатую грудь, а черные кожаные сапоги на шнуровке плотно облегали его стройные ноги поверх тесных лосин, заставляя громче биться сердца всех демонесс в округе. По крайней мере тех, что не были бесформенными чудищами.

Имп же был не одет, как и все остальные его сородичи. Волос на его чешуйчатом теле не наблюдалось, но он при этом умудрялся лысеть весьма своеобразным способом. Чешуйки периодически сыпалась с его макушки, обнажая омерзительную розовую кожу. Большинство пуутов сходилось во мнении, что розовое отвратительно смотрится на зеленом.

В руках оба ведущих держали магические усилители звука, чтобы толпа гарантированно слышала все их объявления и комментарии.

— Сомбун, сколько спячек, сколько линек, мой старый недруг?! Как делишки? Делишки как? — поприветствовал бармена имп.

— Неплохо, Таксин. Могло бы быть еще лучше, — весело ответил Сомбун. — И будет, как только мы обретем нового правителя.

— Да, событие, свалившееся на наши головы нежданно-негаданно — прощальный подарок от почившей королевы, — возвестил первый ведущий, произнося фразы между взмахами крыльев, державших его над толпой, что давало отличный обзор всей огромной арены и лагеря за ее пределами. — Оно уже начинается, так что не забудьте занять места получше-получше.

Второй тоже взмыл над ристалищем на левитирующей платформе. Гарб присмотрелся к ней внутренним зрением — летательное средство поменяло облик и стало похожим на обычный шелковый ковер с бархатными кисточками по углам.

— Если кому-то места не хватит, — подхватил бармен, — не стесняйтесь сожрать парочку конкурентов послабее. Главное, не задирайте равных себе по силе. Мы тут не за этим собрались.

Палаточный городок зашумел и пришел в движение. Прочие дела пууты сразу прекратили, и разношерстная демоническая река потекла в широкие проходы к трибунам. Когда все места заполнились, а сильные немилосердно расправились с наиболее наглыми, ведущие снова обратились к зрителям.

— Итак, мы рады приветствовать вас, дорогие соподданные, на одном из величайших событий в истории нашего королевства. Согласен ли ты, Сомбун, что это мероприятие запомнится выжившим на многие-многие тысячелетия вперед?

— Несомненно, мой крылатый напарник Таксин! Для тех, кто сможет столько прожить, — жизнерадостно подтвердил бармен. — Хотя известие о смерти нашей дражайшей королевы и не стало чем-то необычным — в конце концов убить могут любого, но вот то, как бездарно наши наследницы распорядились наследством, а точнее не

распорядились, порождает целую бездну вопросов — простите за каламбур.

Таксин сделал в воздухе элегантную мертвую петлю, и толпа разразилась аплодисментами.

— Ну, что же ты сразу скребешь против чешуи, — снисходительным тоном отозвался он. — Даже владыки ошибаются, а уж принцессы и подавно. Не будем к ним слишком-слишком строгими. Тем более, что одной из них, возможно, в скором-скором времени все-таки придется взять поводья правления в свои прелестные-прелестные ручки.

— Разумеется, — тут же отреагировал второй ведущий. — Но не будем забывать, что есть и другие претенденты на престол. Раз уж те чудесные волшебные крылышки не достались ни одной из очаровательных наследниц, попытать счастья собирается еще пара дюжин кандидатов. Итак, встречайте участников отборочных состязаний!

Взревели трубы, и на арену один за другим вышли, выползли и вылетели десять команд. В каждой из них наличествовало от одного до шести участников. Группы несли флаги и распевали то ли гимны, то ли боевые песни — каждая свою собственную. Все очень старались, но в итоге получалась жуткая какофония. Тонкий художественный вкус Адинука и нежный слух, обострившийся с появлением второго уха, очень сильно страдали.

Хиенна указала на группу огромных полупрозрачных болотного цвета слизняков, передвигающихся ползком и размахивающих при движении двумя коротенькими щупальцами с присосками. Конечности располагались в районе глаз в верхней части тела.

— Карсуны — большие любители плеваться кислотой, — бесстрастно прокомментировала она. — А еще они практически неуязвимы для любого холодного оружия и некоторых стихий. Если нужно отправить кого-то в жерло вулкана или, например, в болото с ядовитыми испарениями — лучше карсуна никого нет. Хорошо хоть сообразительностью они не блещут и очень падки на лесть.

— А разве в вашем мире могут существовать слизни? — спросил Адинук. — Ведь у вас нет воды! Без воды слизни дохнут, это я вам как натуралист говорю. Я таких в Подземье насмотрелся.

Хиенна охотно объяснила:

— Они живут в кислотных болотах, и жидкости им там хватает. Запас кислоты они носят прямо в теле. Ей же и плюются.

Компаньоны заняли места в королевской ложе рядом с принцессой, которая вместе с Антонио переводила с пуутского для остальных. Мерилит сидела со скучающим видом в ложе напротив. За ее спиной маячила свита: вертлявый имп, ни на секунду не замирающий в одной точке, смазливый парнишка с рожками в нарядной желтой рубашке, тот самый огромный обезьяноподобный декнумкан и еще один демон, периодически меняющий не только внешность, но и форму.

— Кто это? — дрожащим голосом спросил Антонио.

— Мастер порталов Ченвай, — ответила Хиенна. — Скорее всего, придется с ним драться.

— Это он! — еле слышно прошептал парень.

— Тот самый?.. — не закончил фразу Михель.

Антонио молча кивнул. Его била нервная дрожь, а жилы на шее самопроизвольно начали напрягаться, словно невидимая рука сдавила горло недавнего призрака.

— Значит, все-таки это был не куньмо, — скривилась Хиенна, потерев пальцем носик. — Он чанай — известный охотник за душами. Довольно неприятный тип и

могущественный к тому же. С детских лет с ним не лажу. У него, как говорится, амброзия на языке, да коготок ядовит. Не удивлена, что он у сестрички ошивается. Обожает интриги и всегда блюдет свои интересы.

— Что-то мне подсказывает, — произнес Гарб, — что этот аморфный субъект еще доставит нам некоторое количество неприятностей. Мне в голову пришла мысль, а не мог он, Бурбалка, на тебя какие-то планы строить, когда отправлял в мир теней?

Монах поменялся в лице и с подозрением посмотрел на Антонио.

— Кто его знает, — пожал плечами парень, которого все еще ощутимо потряхивало. — Откуда ему знать, что я смог бы выжить и выбраться?

— Он мог и не знать, — сквозь зубы процедил Михель, — но мог надеяться на это. Я чувствую в нем что-то неправильное. Самое неприятное, что я это и в тебе чувствовал с самого первого дня нашего знакомства. Если твое возвращение из мира теней — часть его плана, то дело плохо.

Бурбалка скосил глаза на компаньона, но монах сидел со слишком каменным лицом, чтобы можно было прочитать хоть какие-то эмоции. На мгновение Антонио вспомнил, как сильно Михель испугался его при встрече и как хотел уничтожить. А ведь тогда он еще не знал, где Бурбалке довелось побывать. Как бы ретивый служитель культа не заподозрил в своем компаньоне какую-нибудь порчу. Радовало только, что Михель никогда не производил впечатление фанатика. Вряд ли он набросится на того, с кем столько довелось пережить, лишь из-за путешествия в Умбру.

— Вон тот смазливый чертик с рожками, он кто? — спросил Аггрх, позевывая.

Орку уже становилось скучно. Он ждал только начала состязаний.

— Это инкуб, — пояснила Хиенна. — У вас, кажется, считают, что мы принадлежим к разным видам.

— А на самом деле? — тут же повернулся в ее сторону Гарб, заинтересованно почесывая свой приплюснутый нос.

Хиенна вздохнула и томно потянулась.

— На самом деле братики рождаются раз в сто реже, чем сестрички. Вот и весь секрет.

Бурбалка захохотал — юмор ситуации помог преодолеть испуг. На недоуменные взгляды он пояснил:

— На Лумее многие идут в демонологи именно после ночи с суккубой. Так?

Хиенна согласно кивнула, а Михель недоуменно нахмурился и поморщился, как от зубной боли. Адинук представил попытки монаха что-то вспомнить. Нужное воспоминание спало праведным сном и злобно ворчало при попытках его разбудить. Эльф улыбнулся и подмигнул человеку, выводя того из ступора.

— Только вот пока они рядом все другие мысли куда-то сразу деваются, — продолжил Бурбалка. — Не до науки типа, поэтому про суккуб и тем более инкубов никто особо рассказать и не может. Инкубы приходят ваще редко. И они сами долго подбирают себе источник жратвы.

— Волшебного питания, — на всякий случай уточнила принцесса.

Антонио радостно ухмыльнулся.

— Типа того. Так вот, инкубы, понятное дело, являются все больше женскому полу, у которого с учеными изысканиями в наших краях напряг. Большинство, но не этот. Он-то как раз по мальчикам специализируется. Его мордашка так примелькалась в определенных кругах, что даже портреты в учебниках имеются. Вот из-за него все и думают, что суккубы с

инкубами типа одного демона, который меняет форму. Короче, если кому интересно… — сказал парень, искоса поглядывая на орка с ехидной ухмылочкой на губах.

Зеленокожий возмущенно фыркнул.

— Излучайте счастье, они на нас смотрят, — вдруг шепнула Хиенна.

Аггрх скорчил рожу, изображающую, по его мнению, максимально счастливого орка. Получилось настолько комично, что прыснули в кулак все компаньоны, вызвав неудовольствие Мерилит и ее приспешников. Впрочем, инкуб лишь послал в их сторону воздушный поцелуй, заставив орка нахмуриться.

— Только попробуй! — шепотом произнес зеленокожий, угрожающе скаля клыки.

Тем временем оба распорядителя объявили начало отборочных состязаний.

— Взгляните на эти рельефные бугры мышц, — заводил и без того беснующуюся толпу Сомбун. — А шипы? Посмотрите на эти ужасные шипы! Участники, продемонстрируйте ваши самые длинные и острые шипы! Ну же! Смелее! Все хотят их увидеть, и никто почувствовать.

— И когти! Не забудьте про когти и щупальца! — добавил Таксин, взмывая над ареной и зависая в воздухе. — Смелее-смелее, наведите ужас на противников.

Когда ведущие сочли, что толпа достаточно подготовлена, неожиданный звук гонга — сигнал к бою — на пару секунд перекрыл все остальные звуки.

— Напоминаем участникам, что правила мы презираем, поэтому их просто нет! Все против всех! Зато мы чтим традиции. По традиции количество участников в одной команде ограничивается шестью, а то на арене всем места не хватит. По той же традиции должно остаться не более двух команд, но, если останется одна, никто переживать не будет. Остальным не суждено уйти отсюда на своих двоих, шестерых или ста, если конечности, конечно, изначально были. И не вздумайте пытаться сбежать — зрители вас сами растерзают. Желаем удачи и вперед!

Под рев и улюлюканье десятков тысяч глоток команды бросились в атаку. Первое время во взметнувшейся пыли и мелькании конечностей, разобрать что-то было довольно сложно. Затем ситуация начала проясняться: похожие на студень слизняки уже успели частично раздавить, а частично растворить кислотными плевками своих первых соперников и теперь отдыхали в сторонке, ожидая завершения противостояния остальных. Немного ясности вносили комментарии распорядителей:

— Вы только гляньте-посмотрите, что творят эти милые фурии! Ох, как хороши их копыта в бою! — заливался Таксин.

— А как ловко волю импов подчинила себе команда суккуб и натравила на их на фурий. Как несладко сейчас приходится и тем, и другим! — вторил ему Сомбун.

— Мои симпатии, конечно, на стороне собратьев, но шансов для них я никаких-никаких не вижу. Такова-такова жизнь, — притворно вздохнул зеленый имп. — Сами виноваты, что полезли в большую-большую политику.

Хиенна картинно зевнула, показывая, что свалка на арене — всего лишь прелюдия к основному действу. Тем не менее смертные сидели, завороженные царящим внизу хаосом. Аггрх, проведший большую половину своей жизни в качестве гладиатора, восхищенно наблюдал за движениями сражающихся.

— Слизни победят, — уверенно высказался он.

— Не будь так уверен, дорогуша, — мурлыкнула ему на ухо принцесса. — Поспорим?

— Нет уж, я больше не спорю, — Аггрх вздрогнул, а его кожа от испуга из зеленой стала

бледно-салатовой.

Тем временем соперники успели основательно потрепать друг друга, и на арене осталось только три с половиной команды, еще способных к продолжению боя.

Кроме суккуб с подчиненными им импами и студней, до завершающей части повезло дожить группе из трех насекомообразных пуутов. При взгляде на них Бурбалка мысленно поклялся воскурить благовония в храмах всех богов по возвращении домой, если с таким соперником не придется иметь дела.

Тела этих тварей были закованы в прочный черный панцирь, от которого любое оружие соперников отскакивало с глухим звуком, как эльфийский ногомяч от кирпичной стены. Отвечали они быстрыми и точными выпадами тонких черных передних лапок. Тушки тех, кто недооценил исходящую от них опасность, валялись тут же неподалеку с аккуратными маленькими дырочками в разных частях доспехов и панцирей.

— Этот вид пуутов называется мелэнь, — прокомментировала Хиенна. — Вот они и победят. Их матриарха зовут Затиди. Там нет тех, кто способен ее остановить.

Мелэнь оказались зажаты между стеной арены, суккубами и слизнями. С четвертой стороны в воздухе парила троица выживших импов, угрожающе сжимающая и разжимающая кулаки.

— Импы — стихийные существа, — пояснила Хиенна. — Если их загнать в угол, могут поразить врага выбросом чистой энергии одной из стихий. Правда, они при этом гибнут, зато плодятся с невероятной скоростью. В нашей армии служат расходным материалом, и в них никогда нет недостатка. Готова поспорить, что Маруна — главная в отряде суккуб — подбила этих недотеп на участие специально, чтобы использовать. Сами они вряд ли бы полезли на съедение. Отличный план, но он ей все равно не поможет.

Между тем кольцо вокруг мелэнь сжималось.

— Что же предпримут дальше наши свирепые-свирепые участники? — громко озвучил вопрос Таксин.

— Смотрите дальше, и узнаете! — добавил Сомбун.

Маруна переглянулась с вожаком слизней и подала условный сигнал. Было похоже, что они заранее договорились вместе напасть на самых опасных соперников. Слизни, суккубы и импы одновременно ринулись на мелэнь. Самая крупная особь встала на четыре задние конечности и взмыла вверх прямо на ошарашенных импов, сделав взмах крупными полупрозрачными крыльями. Оставшиеся двое свернулись в гигантские черные клубки, и Гарб с запоздалым изумлением отметил, что уже видел подобное где-то в болотах на Лумее.

Бесенята красиво полыхали разноцветными огоньками, пока Затиди рвала их тщедушные тельца на части прямо в воздухе. Вспышки эти не причинили матриарху существенного вреда, хотя раньше несколько противников импов в такой же ситуации замертво упали на камень арены. Публика разразилась аплодисментами.

— Вот так поворот! Аж шипы дыбом! — восхитился Сомбун. — Правду говорят, что в большом выводке челюстями не клацают!

Тем временем слизни начали плеваться в оставшихся внизу мелэнь. Густые зеленые сгустки яркими пятнами покрыли агатовые панцири инсектоидных демонов. Пара суккуб не добежала несколько шагов и замерла с занесенными кнутами, ожидая губительного действия кислоты. Панцири задымились, и их обладатели пришли в движение. Клубки резко развернулись, стряхнув опасную слизь прямо на противников. Если карсунам собственные плевки оказались нипочем, то суккубам повезло меньше: одной из них брызги попали в

лицо, и до зрителей донесся кошмарный предсмертный вопль. Тошнотворный запах горелой плоти поплыл над ристалищем.

— Неудачница, — совершенно без эмоций прокомментировала это событие Хиенна, хотя по ее левой щеке скатилась одинокая слезинка.

Второй суккубе повезло не больше: она успела отскочить назад, только чтобы быть пронзенной лапами приземлившейся Затиди.

Мелэнь дружно повернулись к оторопевшим карсунам, ожидавшим другого исхода.

— Итак, у нас две, да-да, две команды победителей! — затараторил таксин.

— Не спеши, кое-кто так не думает, — не согласился Сомбун, издав для убедительности цокающий звук.

И действительно, мелэнь явно желали остаться единственными выжившими на арене. В доказательство своих намерений вся троица привстала на задние лапы и, угрожающе раскачиваясь, направилась в сторону слизняков.

— Пусть оно выберет себе кусок по размеру пасти! — агрессивно пробулькал самый крупный карсун, начав увеличиваться в размерах и поменяв цвет с буро-зеленого на темно-красный.

— Ты боишься меня, глупый ком болотной жижи, — прощелкала Затиди.

Публика и ведущие затихли, пытаясь уловить малейшие детали перебранки.

— Разве можно бояться того, что для Манку даже в паразиты не годится? — пробулькал в ответ слизняк, а часть зрителей захохотала, оценив оскорбление по достоинству.

Затиди яростно стукнула себя верхними лапами по панцирю.

— Не старайся отсрочить свое перерождение, отрыжка Эльжахима!

Хиенна улыбнулась и поднесла правую руку к лицу, смахивая огненную прядь, упавшую на глаза.

— Это было бы ниже пояса, если бы он у карсунов был, — сказала суккуба. — Они верят, что после кончины возродятся в новых телах где-то в ином лучшем мире. Его только что обвинили в трусости.

Судя по внезапно посеревшему телу, слизняк смертельно обиделся.

— Великий Манку не ведает страха, а оно скоро умрет вместе со своими жалкими отпрысками! — пробулькал он громче обычного, зловеще размахивая удлинившимися щупальцами.

Толпа негодующе зашумела, главным образом потому что обмен любезностями уже успел всем наскучить, и пууты с нетерпением ждали кровавой развязки. Бойцы, однако, не спешили вступать в бой, явно осознавая, что победителя в этой схватке может и не быть.

— Жаль, — зевнула Хиенна. — Растеряли боевой задор, а ведь на бой с нами его может и не хватить.

— Придется с ними сражаться? — с сомнением спросил Аггрх и поспешно добавил. — Я не за себя боюсь, конечно, но мне это все не нравится.

— Да, они сильны, — подтвердила суккуба, — но я могу в одиночку разобраться с ними всеми. Бояться нужно не их, а мою сестрицу и ее прихлебателей.

— Верно, — рассеянно глядя в пустоту, пробормотал Гарб. — Этих победить можно. Все их уязвимости очевиднее некуда. Понять бы еще, что делать с миньонами Мерилит.

— У меня готов маленький сюрпризик для них, хотя он может и не понадобиться, — вскользь заметил Адинук, мило улыбаясь и искоса поглядывая на противоположную ложу.

Мерилит перехватила его взгляд и нахмурилась.

— У меня тоже парочка, — показал мозолистые кулаки Михель.

— Дамы и господа, двуполые и бесполые! — неожиданно оглушил всех голос Таксина. — Похоже, у нас самая-самая настоящая ничья.

— Да, да, — поддержал коллегу Сомбун. — Раз уж все стесняются, отложим бои до завтра.

Зрители возмущенно заорали на разные голоса, требуя продолжения. Карсуны и мелэнь медленно расползлись по разным углам арены, все время пятясь задом, и выскользнули через боковые выходы.

— Спокойно-спокойно! — поспешно осадил толпу Таксин. — Не расходитесь так быстро. Мы знали, что отборочных игр будет слишком мало, чтобы по-настоящему насладиться духом состязаний. Поэтому для вас приготовлено пикантное зрелище, которое не оставит вас равнодушными.

Глава 20

Суккуба суккубе глаз не выцарапает, а и выцарапает, да не вытащит.
Пуутская пословица

Хиенна заметно напряглась и подалась вперед к ограждению ложи, пытаясь рассмотреть сюрприз.

— А, это всего лишь несколько пленных маров, — расслабленно откинулась она на спинку кресла.

— Заставят друг с другом биться? — поинтересовался Аггрх.

— Сразу видно профессионального гладиатора, — улыбнулась суккуба.

— Да, опыт у него богатый, — поежился Михель. — Нам обязательно на это смотреть?

Аггрх добродушно расхохотался.

— Это же твои заклятые враги! — дружески похлопал он монаха по плечу. — Или уже нет?

Михель холодно отстранился от орка.

— Мне не доставляет удовольствия смотреть, как причиняют боль другим. Особенно тем, кто не может ответить, — сказал он, отводя взгляд от ристалища.

Хиенна нежно провела ладонью по небритой щеке человека.

— Мир жесток, милый, — проворковала пуута, — но сейчас нет никакого способа отменить происходящее. К тому же эти другие, как ты их назвал, с огромным удовольствием и, совершенно не задумываясь, оторвали бы тебе и мне головы при первой возможности.

— Я знаю, — прошептал Михель, — и все же…

Договорить он не успел. В этот момент охранники вытолкали пленников на середину арены и распорядители сделали объявление:

— Не расходимся! У нас намечается необычное состязание, — громко обрадовал толпу зрителей Сомбун.

— Совершенно-совершенно верно, — подтвердил Таксин. — Вот прямо сейчас-сейчас нам сообщили, что принцессы пожелали сегодня лично-лично поучаствовать в избиении врагов.

— Быстрее, выше, сильнее? — спросил Сомбун.

— Почти-почти так, мой старый недруг, — откликнулся второй ведущий. — У кого за десять минут будет больше-больше убитых маров на счету, та и победит. Нам потеха, им удовольствие. В качестве приза — всенародная любовь, почет и уважение.

Публика одобрительно зашумела, а Хиенна поменялась в лице. Злорадная ухмылка Мерилит на противоположной трибуне не оставляла сомнений, что вся затея — ее рук дело.

— Чтоб тебя, — буркнула Хиенна, вставая.

— Ты ведь не будешь?.. — с мольбой протянул руку к суккубе Михель.

— Буду, иначе народ во мне разочаруется, — вздохнула принцесса и поспешно направилась к выходу. — Всем сидеть здесь. Только тут безопасно.

Ее примеру последовала и Мерилит. Сестры вышли с противоположных концов арены и, не спеша, направились друг к другу.

От обеих было не отвести взгляд: облегающие одеяния, вероятно, специального кроя для состязаний — из красной кожи у Хиенны и из черной у Мерилит, выгодно подчеркивали

стройные фигуры. Первая наследница предпочла собрать волосы в пучок. Вторая заплела их в косу. Обе держали в руках свернутые бичи и были настроены более чем решительно.

— Кто-нибудь обращал внимание, что из всех демонов только суккубы и инкубы имеют внешность, привлекательную для обитателей нашего мира? — вдруг спросил Адинук.

— Ну да, — отозвался Антонио. — А ты это к чему?

— Да так, — мечтательным тоном ответил бард. — Есть легенда, что все демоны были прокляты и обречены на уродство этим проклятием, и только род суккуб такая судьба миновала. К чему бы это?

— Жахани, наверное, тоже, — добавил Гарб, глядя на испуганных пленников, сбившихся в кучку чуть поодаль от выясняющих отношения сестер.

Большинство из дьяволов могло бы сойти за высокорослых эльфов, если бы не рожки, темные глаза с вариациями от обсидианового-черного до темно-серого и инфернальные черты лица, неуловимым образом портящие их миловидность.

— Можно Муфад'ала об этом спросить, — сказал Бурбалка. — Их же считают падшими селестиалами, а некоторые даже богами, лишенными могущества. Наверное, они и облик со времен падения не сильно изменили. Вот пууты — дело другое.

— К-к-стати, о М-м-муфад'але, — слегка заикаясь от волнения, произнес Михель. — Это не он т-т-там внизу?

Все дружно перевели взгляды на пленников и обомлели. Действительно, в толпе обреченных на уничтожение стоял, затравленно озираясь, старый знакомец. Он также поднял глаза кверху и разглядел в ложе компаньонов.

— Спасите меня, ради всего нечестивого! — услышал каждый в своей голове голос жахани, который в этот момент молитвенно сложил руки и протянул их в сторону смертных.

Странные жесты раба не ускользнули от внимания охраны, состоящей из импов, которая легонько, чтобы не попортить шкуру раньше времени, потыкала в возмутителя спокойствия длинными копьями. В свою очередь это привлекло внимание Хиенны. Когда она увидела Муфад'ала неподалеку от себя, ее лицо исказилось гневом. Зрители смекнули, что назревает преждевременная драка между наследницами, и притихли.

— Когда я стану королевой, — процедила Хиенна сквозь зубы, — надо будет принять какой-нибудь дурацкий закон и заставить тебя его соблюдать, чтобы ты больше не лазила по чужим спальням!

Компаньоны на трибуне физически не должны были услышать эту реплику, произнесенную так далеко от них, но все же услышали, как и большая часть зрителей. Надо отдать пуутским строителям должное: акустика в чаше арены была просто изумительной. Не иначе для того, чтобы никто не упустил ни малейшей подробности.

— Не когда, а если, дорогая родственница, — не менее недружелюбно ответила Мерилит с гадкой усмешкой. — Думала, простого заклинания будет достаточно, чтобы спрятать от меня мою добычу?

— На нем мой ошейник, — парировала Хиенна. — Теперь это мой раб!

— Вот и прекрасно, — притворно согласилась Мерилит. — Значит, тебе и кнут в холеные ручки. Снеси ему голову, и у тебя сразу будет фора в одного мара.

Громко зааплодировала ложа, в которой сидели приспешники дочери Меридианы.

Остальные зрители не разделили восторга: местные обычаи велели уважать право собственности, а только что выяснилось, что старшая наследница вытерла о них ноги. Угроза Хиенны тоже вызвала бурю эмоций. Само слово «закон» показалось зрителям

омерзительным, но изощренность наказания для родной сестры большинству пришлась по вкусу. Публика начала перешептываться, обсуждая услышанное. Несколько сотен тысяч демонических шепотков одновременно пробирали до мороза по коже.

— Что же ты медлишь, сестрица? — продолжила саркастически подначивать Мерилит. — Нам его жалко? Ах, да. Мы же всегда были слишком добренькими. Лучше отдай трон мне, забирай своих лакеев, рабов — кого хочешь — и проваливай из Рахэн-ди, как уже однажды сделала.

Хиенна стояла, стиснув в кулаке кнут. Она казалась сжатой гномьей пружиной, готовой полностью развернуться и обрушиться на врагов всей своей мощью. Кнут в ее руках вспыхнул и снова погас. Пуута обернулась к своей ложе в поисках поддержки. Ее глаза встретились с молящими взглядами компаньонов.

— Не надо, — прошептал одними губами Гарб, сжимая в лапах посох.

— Ради дружбы, — выкрикнул Антонио, испугавшись собственной смелости.

— Ради себя, — громко добавил Адинук.

— Ради нас, — оскалил клыки Аггрх.

— Поступи правильно, — послал воздушный поцелуй Михель.

Хиенна отвернулась и посмотрела на кучку дрожащих маров.

— Извините, что прерываю нелегкий моральный выбор, моя госпожа, — раздался у нее в голове голос Муфад'ала, — но вынужден напомнить, что я еще могу понадобиться вам для решения некоторых насущных проблем.

Вторая наследница озорно тряхнула гривой рыжих волос и повернулась к сестре.

— Раб, ты свободен, — смакуя каждое слово, сказала она, не глядя на Муфад'ала, и щелкнула пальцами правой руки.

Кольцо на шее мара тускло мигнуло и открылось с тихим щелчком, прозвучавшим на все ристалище громче удара в набат. Первым движением дьявол сорвал и отбросил от себя подальше ненавистный символ рабства, а вторым открыл портал, шагнул в него и был таков.

— Что ты натворила, идиотка?! — завопила Мерилит, хватаясь за голову. — Он теперь знает расположение этого слоя.

— Это вряд ли, — улыбнулась рыжеволосая. — Рахэн-ди стирает память всем, кто его покидает не через главный выход.

В толпе зрителей началось движение. Некоторые начали выкрикивать оскорбления в сторону Хиенны, но большая часть захлопала в ладоши или щупальца, громко шлепая присосками, посчитав произошедшее тактической хитростью.

Хиенна не стала разочаровывать поклонников, невинно улыбнулась, и взмахнула вспыхнувшим кнутом. Хлесткий удар разом обезглавил двоих пленников. Их головы еще падали, а Мерилит уже вышла из ступора и взмахнула своим оружием, стараясь догнать сестру в страшном состязании. Пленники заверещали и попытались отсрочить неизбежное, уворачиваясь от кнутов. Однако пылающие наконечники настигали одного из несчастных при каждом взмахе. Бедняги не могли вырваться за границы, очерченные смертоносными копьями стражи, и гибли один за другим.

Михель разочарованно отвернулся, не в силах смотреть на хладнокровное истребление жахани. Аггрх напротив с большим интересом следил за происходящим. Остальные наблюдали с разной степенью равнодушия.

Лишь Гарб в целом поддерживал монаха, вспомнив о доброте и милосердии своей богини. С другой стороны, его гоблинская натура давала о себе знать. Шаман внезапно

испытал странное приятное чувство, находясь в безопасности и глядя при этом на страдания чужаков.

— Так нельзя! — напомнил он себе, но чувство не только никуда не делось, но и попыталось стать сильнее.

Гарб нахмурился и попытался изгнать из себя недостойное жреца Бирканитры переживание. Пока гобхат терзался внутренними противоречиями, состязание закончилось.

— Что ж, у нас, кажется, есть победительница! — возвестил Сомбун, когда последний пленник упал, обагрив кровью арену. — Итак, с перевесом в одну голову победила прекрасная принцесса Хиенна. Ваши аплодисменты!

Зрители устроили Хиенне овацию, и принялись освистывать ее соперницу.

— Еще увидимся! — злобно фыркнула Мерилит, в спешке покидая площадку под градом насмешек. — Дура набитая.

***

— Ну, не дуйся, лапочка, — Хиенна ластилась к монаху, сидящему со скрещенными ногами на ковре в ее комнате и старательно делающему вид, что медитирует. — Они бы все равно не выжили.

— Оставь ты этого святошу, — добродушно посоветовал Аггрх и широко зевнул, клацнув клыками. — Поцелуй лучше меня.

— Поцелуй суккубы смертелен, дурачок, — грустно улыбнулась Хиенна.

Михель на долю секунды открыл глаза, метнул на орка неприязненный взгляд, но ничего не сказал и снова вернулся к самосозерцанию. «Так вот в чем дело!» — осенило монаха.

— Как она все-таки смогла проникнуть в твои покои? — встревоженно спросил Гарб. — Я лично устанавливал охранные заклятия в дополнение к твоим.

— Мне кажется, — печально произнесла Хиенна, отвлекшись от попыток достучаться до смертного, — он сам к ней вышел. Ну, не могла она сюда попасть, не наследив.

— Может, это тот хмырь, который мастер порталов? — предположил Бурбалка, на всякий случай оглядываясь. — Кинул сюда окно, втащил рогатого прямо на стадион. И по времени все сходится.

— Нет, — покачала головой принцесса. — Ты сам-то чувствуешь возмущения?

— Не чувствую, — признался Антонио. — А может, он так силен в маскировке?

Хиенна тяжело вздохнула и погладила спину Михеля.

— Этот мар не так прост, как кажется, — сказала она. — Он древнее меня в разы. Думаете, все произошедшее — случайность? Нет, я уверена, он прикидывался таким невезунчиком, все заранее просчитал и обвел всех вокруг пальца. Меня, вас и даже мою сестру. Сейчас он на свободе и, скорее всего, уже дома.

— Не сходится, — усомнился Гарб, потирая нос. — Наша встреча с ним изначально носила случайный характер. И он не мог предвидеть твое появление в Эльжахиме, да и свое попадание в Рахэн-ди тем более. К тому же тут еще и я посохом добавил неразберихи. И вообще, почему он не сбежал еще тогда, когда Михель снял с него ошейник?

— Он не мог, пока владелица ошейника не дала ему свободу, — скривила губы принцесса. — Может, он и не предвидел все, только это точно не помешало ему обратить ход событий себе на пользу. В любом случае не удивлюсь, если тут в ближайшее время появится целая армия маров. Ударить в самое сердце Бездны — да это сиреневая мечта любого аршидука! Шестеро из правителей девяти кругов способны превратить этот слой в

новый круг Эльжахима и объединить его со своим, заметно прибавив в могуществе. Представляете, как нарушится расстановка сил в обитаемых мирах, если у маров появится такой плацдарм? Я поступила безрассудно, поддавшись на ваши уговоры, так что вторжение будет на вашей совести, если что.

Все ненадолго задумались, попытавшись представить себе размеры грозящего бедствия.

— А давайте-ка лучше спать завалимся! — неожиданно предложил Адинук. — Завтра тяжелый день, лучше его встретить во всеоружии, как метель встречают мороженым.

— Спите, а я подежурю, — позевывая, заявила суккуба. — Только я в состоянии не пустить сюда мою сестрицу и ее прихвостней.

— Об этом не беспокойся, — сладко потянулся эльф, хрустнув в конце суставами. — Можно тебя на секундочку?

Суккуба подошла к Адинуку, и бард что-то горячо зашептал ей на ухо. Выражение лица пууты сменялось с удивленного на озорное.

— Да, мой сладкий, — сказала в конце она. — Думаю, этого хватит.

Эльф вместе с принцессой поднялись и вместе вышли за дверь.

— Что? Что они там задумали? — заволновался Аггрх.

— Сходи, проверь, — сонно посоветовал Антонио, уже успевший удобно свернуться калачиком на матрасе в укромном уголке покоев. — Тебе понравится.

— Сомневаюсь, — проворчал орк, тоже устраиваясь поудобнее. — Знаю я их штучки. Особенно этого остроухого. Намешает своих порошочков, а потом шагу ни ступи, чтобы не бабахнуло.

— Вот и правильно, — нравоучительно поднял указательный палец Гарб. — Друзьям надо доверять.

— Понять бы еще, кто точно друзья, — пробормотал орк. — Один рогатый сейчас претендует на это звание только с большой натяжкой, а второго как ни натягивай…

Гарб посмотрел на засыпающего орка, но ничего не сказал, хотя в его собственных глазах застыла тоска. Минут через пять вернулись Хиенна и Адинук. Оба хихикали, как два школьника, подложившие колючку на стул учителю и ожидающие, когда тот наконец усядется.

Шаман вопросительно посмотрел на них. Хиенна поднесла раскрытую ладонь к уху, намекая на сон. Гарб кивнул и последовал примеру остальных.

Погашенный свет не давал полной темноты. В отблесках уличных костров и голубоватого свечения факелов, пляшущих на стене причудливыми силуэтами, виднелась прямая, как стрела, спина Михеля. Монах дождался, пока дыхание у остальных станет ровным, тихо поднялся и вышел прямо сквозь стену, оставив все охранные заклятия совершенно не тронутыми.

Глава 21

До линьки заживет.
Пуутская поговорка

Ночь прошла на удивление тихо. В двери никто не ломился, порталов не открывал, смертных похитить не пытался. Вечный шум палаточного лагеря за окном давно уже стал привычным, и на него внимания не обращали. Утомленные переживаниями и тренировками компаньоны спали как убитые.

Первым проснулся Аггрх. Орк привык вставать рано и упражняться с мечом на рассвете. И хоть рассвет здесь не был похож на лумейский, воин просто не желал изменять привычке. Утренний ритуал включал и посещение отхожего места, от которого раннюю пташку отделял длинный коридор за дверью. Стараясь не разбудить никого из спящих, зеленокожий тихонько поднялся и на цыпочках прокрался к двери.

Защитные заклинания не действовали на тех, кто хотел выйти, поэтому орк спокойно отодвинул массивную кованую щеколду и беспрепятственно выскользнул в коридор. Зов природы был в это утро на редкость силен, поэтому Аггрх, не разбирая дороги, помчался к клозету.

Истошный визг заставил всех остальных компаньонов повскакивать со своих спальных мест вместе с доброй половиной пуутского палаточного лагеря.

— Защищайтесь! — заорали демоны, натыкаясь в суматохе друг на друга. — На нас напали мары!

— Бей маров! — свирепо рычали другие, топорща шипы и размахивая во все стороны когтями.

Первой вскинулась Хиенна. Она стремглав бросилась к двери, за ней метнулся Адинук. Гарб запоздало схватился за посох, а Антонио только сонно приподнял голову с подушки.

— Что там опять? — недовольно пробурчал он.

Интенсивность визга постепенно уменьшалась, сменившись на секунду гробовой тишиной и взрывом хохота через мгновение.

Гарб осторожно выглянул в коридор и не смог сдержать улыбку.

В сумраке дальнего конца коридора смутно угадывалось шесть подвешенных к потолку фигур разной степени шипастости и рогатости, обмотанных паутиной. На потолочной балке рядом с ними восседало огромное темное паучье тело, сноровисто заворачивающее в шелковистый кокон очередную жертву. Судя по отчаянно болтающимся в воздухе сапогам, их обладателем являлся Аггрх, а глухое мычание свидетельствовало об уже заткнутом рте горемыки.

— Он боится пауков? — пытаясь больше не смеяться, спросила Хиенна.

— До жути, — подтвердил эльф, и снова согнулся пополам, не в силах сдерживать смех. — Отпусти уже его, маленькая, это свой. Забыла, что ли?

Милена нехотя начала разворачивать кокон, выпуская добычу. Аггрх коснулся пола и, дико вращая глазами и размахивая руками, понесся в сторону клозета, начисто забыв про валяющийся на полу меч.

— После этой «жути» он будет бояться их еще больше, — протиснулся вслед за Гарбом ехидно ухмыляющийся Бурбалка, успевший застать финальную сцену.

— Твоя питомица подросла, — присвистнул Гарб, глядя на арахниду. — Так должно быть или это опять шутки адских миров?

— Хорошо кушает, наверное, — загадочно улыбнулся своим мыслям эльф.

Паучиха действительно выглядела иначе. Теперь она была крупнее, чем во время ее первой встречи с компаньонами в заброшенном храме. Передние конечности превратились в настоящие клешни, хелицеры стали толще, а остальные ноги заканчивались не прежними лапками, а вполне острыми когтями, с виду способными разорвать любую броню, как бумажку.

Шум за крепостной стеной тем временем немного поутих. Пууты наконец сообразили, что непосредственной опасности нет. На всякий случай они добили раненых, чтобы никто не уполз обиженным, и разбрелись по своим делам, спокойно обсуждая происшествие. Пускай, дескать, стража разбирается — это ее дело.

— Вам смешно, — донесся обиженный голос орка из уборной, — а мне теперь портки надо чем-то отмывать, а воды тут нет.

Милена при этих словах воздела клешни к небу, изображая раскаяние. Затем арахнида проворно спустилась вниз и засеменила к Адинуку. Подобравшись к хозяину, она боднула его головой в бок. Эльф почесал паучиху, и она заскребла лапами по полу от удовольствия. Раздавшийся при этом скрежет заставил подобраться даже Гарба. Затем Милена требовательно потянула барда за полу куртки, указывая клешней на подвешенных под потолком.

— Она тебя признала в новом облике? — поинтересовался Гарб, разглядывая коконы.

— А то! Питомцы любят нас не за цвет кожи, а как лисы любят креветок, — ответил Адинук и добавил, обращаясь к паучихе. — Кого поймала, малышка? Хвастайся уже!

«Малышка», у которой лапы доставали до противоположных стен коридора, бойко поползла обратно и опустила всех пленников на пол. Компаньоны подошли ближе, и арахнида начала освобождать головы от паутины.

Первым оказался обычный дворцовый уборщик. Маленький имп смотрел стеклянными глазами в пространство, не замечая никого вокруг. На его уродливом лице застыла глупая улыбка.

— У Паука-отступника три ядовитых железы, — радостно сообщил эльф. — Яд из одной парализует жертв, из второй — убивает на месте.

— А из третьей? — раздался взволнованный голос из клозета.

— Из третьей превращает в покорного раба, — услужливо ответил Адинук. — Остаток жизни придется провести, защищая потомство прелестницы, у которой такая железа уже выросла. Она как раз набухает перед сезоном размножения. К счастью, охранять маленьких паучков придется недолго. Они быстро вырастут и съедят своего защитника. Из милосердия не иначе, боль-то при этом нарастает с каждым днем, а чувствительность не исчезает. Теряется только чувство реальности.

В туалете раздался сдавленный стон и звук ревущего пламени — сработал смыв.

— Впечатлительный он какой-то, — буднично заметил Антонио, посмеиваясь исключительно про себя.

Второй, третий и четвертый импы-прислужники тоже не подавали признаков жизни, находясь в коматозном состоянии.

— Тут ничего интересного, если не считать вон того — явно шпионил на сестричку. Все равно спит, так что давайте остальных посмотрим, — предложила Хиенна, с любопытством

взирая на оставшиеся коконы.

Тела в них были крупнее и выглядели многообещающе.

Милена посмотрела на хозяина и, получив одобрительный кивок, освободила от паутины голову из пятого свертка.

— Ты ж мой сладкий! — с напускной нежностью всплеснула руками Хиенна. — Крутился рядом с моими покоями среди ночи, а в гости не зашел. Как же так?

— Этот инкуб вчера присутствовал в ложе вместе с Мерилит, — почти не удивился Гарб. — Можно сделать вывод, что он тут осуществлял разведывательную или диверсионную деятельность. Так?

Инкуб испуганно моргнул, опасливо глядя на посох, затем пошарил глазами вокруг, словно искал кого-то, но ничего не сказал и обессиленно прикрыл веки.

— На этих, наверное, не так сильно действует, — объяснил Адинук, — но все равно парализует надолго.

— Давайте смотреть шестого! — суккуба от нетерпения привстала на цыпочки и стучала друг о друга подушечками пальцев.

Милена осторожно разрезала кокон, положив содержимое на пол. Из разрезанной паутины немедленно хлынула темная кровь. Тело внутри издало хриплый стон.

— Михель! — бросился к лежащему Гарб, на ходу пытаясь нашарить на поясе склянку с каким-нибудь из своих целебных зелий.

Монах лежал ничком, и жизнь медленно покидала его тело. В боку несчастного зияла широкая рваная рана, которую он зажимал рукой. Паучиха подползла ближе.

— Назад, мерзкая тварь! — бросилась на нее Хиенна.

Милена обиженно защелкала хелицерами и забралась по стене под потолок.

— Хороший мой, как ты? — пуута склонилась над парнем и нежно провела рукой по его волосам.

Виски у бедняги были припорошены серебром. Михель захрипел и слабо пошевелил левой рукой.

— А на человеков этот яд вообще не действует, что ли? — почесал затылок Адинук. — Миленочка, это ведь не ты его так?

Арахнида затараторила на своем паучьем языке, пока Хиенна и Гарб пытались помочь раненому. Эльф мрачнел все больше с каждым щелчком.

— Что она говорит? — спросил Бурбалка, стиснув руки так, что пальцы покраснели.

— Он приполз под утро уже в таком состоянии. Малышка завернула его в кокон и прижала рану, чтобы кровь не так сильно текла, а тут Аггрх вышел как раз. Я ее просил всех ловить, вот она и…

Из уборной высунулась голова орка. Волосы на ней были слегка подпалены. Увидев тело Михеля, зеленокожий грязно выругался.

— Жить будет? — спросил воин с надеждой, хотя знал наверняка, что после таких страшных ранений люди обычно не выживают.

— Пока сложно сказать, — покачал головой Гарб, вовсю колдуя над рассеченной плотью. — У него еще и рука, кажется, сломана.

Кровь запеклась, но рана все равно выглядела паршиво. Лицо парня выглядело белее простыней в покоях Хиенны, а в уголке рта виднелся розовый пузырек, уменьшавшийся и надувавшийся с каждым вздохом. Дыхание было хриплым и слабым. Михель умирал.

— Вылечи его! — потребовал Аггрх, обращаясь к Хиенне. — Ты можешь!

Суккуба подняла на него глаза, полные слез.

— Я не смогу сражаться…

Однако, судя по решительному шагу к умирающему, возможный проигрыш страшил ее куда меньше, чем смерть Михеля.

— Нужна Дэ? Бери! — Аггрх рванул рубашку, обнажая мускулистую грудь. — Он нужнее там на арене, чем я.

— Мою тоже бери! — подхватился Антонио, приблизившись к раненому.

Хиенна переводила взгляд от одного смертного к другому, не решаясь остановиться на ком-то надолго.

— Нам понадобятся все силы в бою, — сказала пуута. — Если я ослаблю любого из вас, мы проиграем. И я просто… не могу. Вы знаете почему.

— Придется из кого-то взять, — насупился орк. — Выбирай, не тяни!

— А вот из этих нельзя? — махнул рукой в сторону коконов бард.

Хиенна скривилась так, что сразу стало понятно — нельзя.

Аггрх сделал шаг к Хиенне, заставив ту непроизвольно попятиться. Сцена слишком походила на то, что случилось на привале, а в мотивах тогдашнего поступка орка суккуба до сих пор не разобралась. Адинук поднял руку и уперся открытой ладонью в голую грудь орка, не давая зеленокожему пройти дальше.

— Из вас обоих уже недавно выкачали почти все жизненные силы, — серьезно произнес бард. — Вас просто не хватит, да и Хиенна, кажется, против.

— Можно от меня брать, от меня в драке все равно толку мало, — поспешил встрять Антонио.

Суккуба покачала головой.

— Ты не понимаешь своей силы, мой сладкий. Кроме тебя, нам нечем ответить мастеру порталов.

— Тогда все-таки я, — подал голос Аггрх, оскалив клыки в улыбке. — Моим оружием шкуру демонов все равно не пробьешь.

— Повторяю, — возразил Адинук, — не хватит тебя. К чему напрасные жертвы? Хиенна, бери от меня. С луком на короткой дистанции много не навоюешь, а в рукопашной я не силен, как рыба не сильна в каллиграфии.

Избороздившие лоб демонессы морщины разгладились.

— Будь по-твоему, — согласилась Хиенна и потянула барда за собой в комнату, напоследок оглянувшись на неподвижное тело Михеля. — Гарб, дорогуша, не дай ему умереть. Я скоро.

Гоблин даже не посмотрел в ее сторону, сосредоточенно смешивая содержимое трех пузырьков и осторожно проверяя получившуюся смесь на вкус. Его лапы-то увеличились, а склянки остались прежнего размера, требуя повышенной осторожности при работе, и все время норовили выскользнуть.

Аггрх и Антонио стояли, не в состоянии ничем помочь. Бурбалка утирал слезы, а орк тихо рычал и скалил клыки, злясь на Михеля.

— Вот ведь дуралей, — вполголоса сказал зеленокожий.

Минут через десять суккуба вернулась и быстрым шагом подошла к лежащему монаху. Старания Гарба не прошли даром: края раны стянулись и кровотечение остановилось. Тем не менее человек все еще был без сознания. Хиенна решительно оттеснила ловца духов плечиком и улеглась на холодный пол прямо рядом с Михелем.

Компаньоны стояли и молча смотрели на акт целительства. Через пару минут парень застонал уже без хрипов, а спустя минуту распахнул глаза. Рана полностью затянулась, оставив на теле только еще один уродливый шрам. Михель вздрогнул и испуганно посмотрел на лежащую рядом Хиенну. Девушка тяжело дышала, по ее лицу градом катился пот, но в полуприкрытых глазах читалось облегчение.

— Простите меня, — срывающимся голосом сказал мужчина. — Я думал, у меня получится.

— Дурак! — прорычала Хиенна, убедившись в хорошем самочувствии пациента, и замолотила кулачками по его груди. — Идиот! Сволочь! Скотина! Ненавижу тебя!

— Кости только не ломай опять, пожалуйста! — попросил он жалобно, и суккуба застыла с занесенной рукой, а потом без сил упала на грудь монаха, сотрясаясь в рыданиях.

Михель нежно обнял девушку и принялся гладить по волосам.

— Обо мне можете не беспокоится, — донесся до компаньонов слабый шепот Адинука из покоев Хиенны. — Я в порядке, как замок из песка на пляже во время прилива.

Гарб расслабленно выдохнул, остальные последовали его примеру.

***

До начала второй фазы турнира оставалось не больше часа. За окнами толпа уже вовсю спешила занять места на трибунах.

— Так, мальчики, — начала Хиенна, — предстоит нелегкое дело. Не буду обещать, что все получится. На кону наши жизни, и в случае проигрыша не пощадят даже тех, кто добровольно сложит оружие. Если победим, у вас всегда будет высокопоставленный друг в нижних планах, а это само по себе награда. И без подарков тоже не уйдете.

— От твоих подарков, дорогая, у меня голова до сих пор кругом, — прошептал с кровати обессиленный бард, облизывая пересохшие губы.

Хиенна послала эльфу воздушный поцелуй, а Михель метнул на него взгляд, полный отнюдь не благодарности за свое спасение.

— Кое-кто, — сказала она, глядя на потупившего глаза монаха, — облегчил нам задачу, забив декнумкана насмерть кулаками, а потом совершенно бездарно напоролся на коготь телохранителя Мерилит.

— Хорошо хоть коготь не был ядовитым, — буркнул Аггрх, дружески стискивая плечо монаха.

Последний ловко выскользнул из железной хватки орка и на всякий случай сделал шаг в сторону.

— Да виноват я, виноват, — пробормотал парень. — Может, хватит уже?

Хиенна возмущенно топнула ножкой.

— Тебя не учили не перебивать старших? — улыбнулась она. — Мерилит я беру на себя, остальным придется заняться мелэнь, карсунами и приятелями моей сестрицы.

Аггрх потеребил рукоять меча и вытащил его из ножен.

— Мое оружие здесь не поможет, — мрачно сказал орк.

— Да, — охотно согласилась с ним суккуба, подошла к дальней стене и нажала на видимую ей одной кнопку.

Стена разверзлась, открывая за собой огромный темный шкаф. На потолке тут же вспыхнули яркие голубые огоньки, дававшие достаточно света, чтобы рассмотреть богатство его содержимого. В глубине на вешалках угадывались сотни платьев разных фасонов и расцветок. Справа ближе ко входу находился стенд с оружием и доспехами.

— Латы я вам не подберу, конечно, — с сожалением произнесла Хиенна, — а вот пара мечей найдется.

Аггрх вошел в шкаф, завороженно глядя на два клинка, выставленных как будто специально для него на видное место. Темный металл притягивал матовой поверхностью, испещренной сложным узором из прожилок более светлого материала. Пара крупных рубинов на гардах завершала образ по-настоящему дорогого оружия. Один из мечей был короче второго, намекая размерами на вспомогательную роль.

— Это моего брата, — сказала суккуба. — Он бы возражал, если бы я его оружие преподнесла в дар смертному, но сейчас он не с нами и ничего не скажет.

С этими словами пуута жестом пригласила орка взять мечи. Аггрх потянулся к клинкам, благоговейно взял их в руки.

— Легкие! — с удивлением воскликнул зеленокожий, сделав пару взмахов и выпадов. — И заточка полуторная.

В целом орк остался доволен качеством, хотя руки еще не привыкли именно к этим клинкам.

— Любую шкуру пробьешь, — пообещала Хиенна. — Зачарованные доспехи тоже хорошо протыкаются. Пользуйся с удовольствием.

Аггрх вышел из шкафа, прихватив заодно и кожаную перевязь с ножнами для обоих мечей. Ножны, судя по замысловатой рунной вязи на них, тоже были не простыми.

— Мечи в них всегда острые, можно не точить, — пояснила суккуба.

Свирепая физиономия Аггрха светилась довольством, не обещая врагам ничего хорошего.

— Теперь ты, Антонио, — поманила Хиенна Бурбалку.

Бывший призрак послушно вошел в шкаф.

— Эта вещичка прямо создана для тебя, — подмигнула парню пуута, протягивая продолговатую трубку с несколькими отверстиями в корпусе.

— А че это за фиговина? — простодушно спросил Антонио, повертев предмет в руках. — На дудку похоже, а я-то типа ваще не музыкант. Может, лучше ножичек какой?

— Ты смешной, — улыбнулась Хиенна. — На этой «дудочке» и правда можно сыграть ради музыки. Но это все равно, что пользоваться двуручным мечом вместо вилки за завтраком. Называется она «Кунчесахайсухей». Можно просто Кунче.

Бурбалка нахмурил брови, и осмотрел дудку со всех сторон.

— Ключ от Бездны, говоришь? И че он умеет?

— На арене попробуешь, — еще раз подмигнула Хиенна. — Она сама играет — мелодия для каждого разная, но всякий раз получается довольно весело.

Гарб тяжело вздохнул, чем привлек внимание пууты.

— А ты что же, думаешь, что уйдешь без подарка, сахарный мой? — раздался смешок из глубин шкафа. — Погоди-ка…

Хиенна вышла наружу со свертком в руках.

— Эти вещи копились у меня долгие годы, — ослепительно улыбнулась она гоблину. — Пришла пора почистить кладовую от хлама.

Гарб получил сверток и развернул его. Мантия из ткани глубокого синего цвета с непонятными золотыми закорючками, разбросанными по всей поверхности, ощущалась в лапах, как что-то воздушное и невесомое. Магические чувства шамана как будто сошли с ума. Одеяние источало чудовищную по силе волшебную ауру.

— Если бы я не был сейчас в Бездне, я бы попросил меня ущипнуть, — растерянно сказал ловец духов.

Его желтые кошачьи глаза с вертикальными значками часто-часто моргали от удивления.

— Надевай, надевай! — подбодрила его Хиенна. — Мне такая деталь гардероба не пригодится. Да и цвет с фасоном совсем не мои, а тебе в самый раз.

Мантия действительно пришлась впору, словно ее шили специально для подросшего Гарба.

— Как ощущения? — с хитринкой в голосе поинтересовалась принцесса.

— Божественно, — искренне ответил гоблин, ощутив необычайный прилив сил, как физических — вся накопленная за путешествие усталость испарилась — так и магических.

— Не удивлена, — хмыкнула Хиенна. — По легенде, вещичку давным-давно сотворила одна богиня. Она подарила ее подруге, та оказалась рассеянной… В общем со временем, меняя хозяев, этот чар попал в нашу семью. Для меня — вещь совершенно бесполезная. Она раскрывает свои свойства только тем, кто наделен божественной искрой.

— Богиня? — переспросил Михель, прервав медитацию по такому важному случаю.

— Да, а что? — не поняла суккуба. — Я не знаю ее имени. А вот ее подругу-растяпу звали как-то на Б. Бирка… или Бурка…

— Бирканитра! — восхищенно воскликнул Гарб. — Это судьба.

— То посох потеряет, то одежку, — хмыкнул Аггрх, — а нам теперь ходи собирай это все.

Глава 22

У семи властелинов страна в руинах. Больше одного не нужно.
Пуутская пословица

Зрители разразились приветственными криками в адрес Хиенны, когда принцесса вышла на арену в сопровождении группы смертных, как им представлялось, рабов.

На парящей платформе уютно устроились двое распорядителей и вполголоса переругивались, отложив громкоговорители.

— Проспорил! — показал длинный язык коллеге Сомбун. — Я же говорил, она их всех очаровала.

Имп показал свой в ответ. У него этот орган оказался хоть и черным, но не раздвоенным, как того можно было ожидать.

— Быть того не может! — не торопился признавать поражение Таксин. — Даже суккуба королевских-королевских кровей не может подчинить своей воле больше двух разумных-разумных существ, тем более смертных.

— И все-таки посмотри, как покорно они идут на убой, — разумно заметил бармен-ведущий. — Уже не шестеро, как раньше, но четверых она точно сцапала. Достойная властительница будет — я всегда говорил. Сильная.

— Оно, конечно, так, мой волосатый-волосатый коллега, — почесал ногой за ухом Таксин так яростно, что ороговевшие чешуйки брызнули во все стороны. — И все же мне как-то подозрительно.

Сомбун неприязненно смахнул своей громадной лапищей импа с платформы вместе с пригоршней чешуек. Имп заверещал, кувырнулся пару раз в воздухе и погрозил напарнику кулачком, когда смог остановиться головой кверху.

— Подозрительно ему, — беззлобно ухмыльнулся мордатый бармен, спешно подхватил покатившийся по платформе усилитель и приступил к обязанностям ведущего.

Тем временем на ристалище вышли и выползли все участники. Группы стояли на некотором расстоянии друг от друга, вполоборота к соседям, чтобы можно было уследить за их движениями на случай внезапного нападения. Хиенна бросила беспокойный взгляд на отряд двоюродной сестры. Появление в ней новичков вызывало тревогу: эти двое пришли из других слоев.

— Поприветствуем наших претендентов ревом! — сходу начал заводить толпу Сомбун.

Зрители замахали флагами и плакатами с изображениями суккуб, одновременно взревев с воем ураганного ветра. Когда гомон и рычание утихли, Таксин взмыл повыше и заверещал во всю силу своих маленьких легких:

— Да начнется-начнется смертельный поединок!

Соперники пришли в движение, а Сомбун поддержал коллегу.

— Как и раньше, убивать никого не обязательно, но милосердие не в наших традициях.

— Да-да! — кровожадно пропищал зеленый имп. — Покажите когти! Оставьте жалость всякому-всякому сброду из верхних миров!

Не сговариваясь, команды обеих принцесс выбрали себе для начала более слабых соперников.

Напротив Хиенны оказался Манку. Четыре слизняка поменьше трусливо прятались

позади своего старшего сородича, выглядывая из-за его массивного студенистого тела глазками на ниточках, обычно находящихся внутри тела.

— Приветствую тебя, великий Манку, — кротко сказала принцесса, стараясь, однако, сохранить дистанцию между собой и медленно подползающим жирным телом противника.

— Приветствия от всего рода карсунов! — забулькал вожак, слегка приплюснувшись в верхней части тела, что должно было, вероятно, означать поклон. — Пускай принцесса присягнет Манку, и тогда Манку пощадит ее и даже не съест ее рабов. Манку жаль, что так получается, но Манку очень хочет править.

— У меня есть идея получше, — хитро улыбнулась Хиенна, продолжая пятиться вместе со своей командой. — Будь полководцем моей великой армии, о великий Манку. К чему тебе утруждать себя заботами подданных. Ты воин! Веди нас к победе!

Карсун замер, втянул щупальца, оставив только маленькие отростки снаружи. Туловище монстра заиграло разноцветными волнами.

Трудно не волноваться, когда над тобой возвышается ядовитый демонический слизень размером с дом, но компаньоны успели привыкнуть к самым разным чудовищам в нижних мирах, поэтому не выказывали страха. Только Антонио периодически стискивал в ладонях свое оружие, проверяя, не выпало ли, да Аггрх нервно теребил рукояти мечей. Броню они, может, и рубят, а против слизняков вряд ли помогут.

— Не зря вам Гарб успокоительного зелья дал, — безмятежно прокомментировал происходящее Михель, отходя назад вместе с остальными.

— А ты зря отказался его пить! — укоризненно шепнул гоблин. — Это еще и зелье силы.

— Мешает сосредоточиться, — все также спокойно ответил монах. — Мой внутренний покой слишком хрупкая вещь, чтобы рисковать.

Между тем мыслительный процесс в думательном органе твари подошел к концу. Щупальца чудовищного студня удлинились, и он глубокомысленно заклокотал.

— Великий Манку не только воин. Манку еще и отважный исследователь, умный мыслитель, щедрый господин, плодовитый отцемать…

Гарб был готов поклясться, что, если бы у слизня были пальцы, тот начал бы их загибать. Четверка полупрозрачных сородичей оратора, кажется, что-то уловила в настроении вожака, выбралась из-за его могучей туши и выстроилась живым редутом в сторону происходящего в стороне яростного боя между тремя мелэнь и отрядом Мерилит. Одним глазом они продолжили следить за своим командиром, а другой не спускали со второй принцессы.

— Манку хочет, чтобы ему больше не мешали давать потомство, — выдвинул наконец свое главное требование карсун. — Маруна мне это обещала.

— Никаких запретов для великого полководца, — льстиво заверила его Хиенна.

Слизняк надулся, как огромный шар, а толпа недовольно зашумела. Вероятно, для запрета существовали веские причины.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — шепнул из-за спины суккубы Антонио, понимающий суть разговора.

— Веди же нас к славе, великий генерал Манку! — Хиенна пропустила мимо ушей это замечание, продолжив поливать маслом лести огонь самолюбия новоиспеченного военачальника.

Новоявленный полководец, не переставая горделиво раздуваться, развернул один глаз в

сторону сражающихся на манер своей остальной команды. Затем щупальцами он просигнализировал Хиенне, что ее команде стоит атаковать слева, а он со своими зайдет справа.

Неспешно и безмолвно, чтобы не привлечь внимания раньше времени, обе группы выдвинулись в сторону драки. Зрители затаили дыхание, выжидая, к чему же приведет столь коварный сговор.

— Кажется, наши участники решили прибегнуть к гнусной-гнусной уловке! — вдруг раздался пищащий голос Таксина высоко в багровом небе.

На импа с ненавистью уставились сотни тысяч глаз одновременно.

— Мне кажется, коллега, у тебя чешуя вместо мозгов, — прокомментировал высказывание напарника Сомбун. — Ты только что испортил военную хитрость.

Отвлекшаяся от противоборства с Затиди Мерилит показала крылатому ведущему большой палец. Хиенна негодующе погрозила импу кнутом, и тот в притворном испуге демонстративно схватился свободной лапкой за пузо.

Стоило карсунам и второй наследнице подобраться ближе к месту схватки, как ситуация резко изменилась. По условному сигналу Мерилит все мелэнь развернулись и заняли оборону рядом с командой черноволосой демонессы.

— Я тоже умею договариваться, сестрица, — широко улыбнулась Мерилит, указывая на агрессивно щелкающих жвалами огромных черных жуков.

Сражение между ее командой и отрядом Затиди оказалось постановочным, судя по отсутствию ран у участников.

— Уговор! Всех смертных мне! — встала на дыбы матриарх, приоткрывая крылья.

— Всех, кроме одного, — кивнула Мерилит и щелкнула кнутом.

— Двоих, — раздался потусторонний голос мастера порталов.

Антонио испуганно дернулся. Прямо под ним возникло узкое портальное окошко, в которое он немедленно провалился, сложив руки по швам.

— Трусливый гаденыш! — выругался мастер Ченвай и бросился в погоню, через собственный портал.

Теперь команде Хиенны, кроме мелэнь и самодовольно ухмыляющейся кузины, противостояло три пуута, двоих из которых принцесса раньше не видела. Глаза суккубы метались от одного к другому, пытаясь оценить степень исходящей от них опасности.

Первой стояла поджарая тварь с кожей пепельного цвета. Она походила бы на ощипанную человекообразную птицу, если бы не оскаленная пасть с двумя рядами остроконечных зубов. Локти и колени существа оканчивались недлинными зазубренными костяными наростами, но одного взгляда на них хватало, чтобы понять, насколько грозным может быть такое оружие.

Стоящий справа от ощипанного чудища хорошо сложенный гуманоид с бледной кожей, растрепанными серыми волосами и пустым взглядом ничем не отличался бы от обычного высокорослого человека, если бы не покрытые металлическими перьями птичьи ноги и клюв на том месте, где у нормального человека находится рот. Края четырех сложенных крыльев, тоже металлических, проступали из-за широкой спины соратника Мерилит. Он стоял, опершись на меч с широким длинным лезвием, и был готов броситься в атаку по первому взгляду своей госпожи.

От последнего демона оказалось сложно отвести глаза. Статный красавец девятифутового роста стоял практически полностью обнаженный. Только небольшая

полоска материи прикрывала область его тела чуть ниже талии. Абсолютно черная кожа незнакомца притягивала взгляд. Казалось, она просто всасывает свет, теряющийся где-то на ее поверхности. Среди густых смоляных волос на голове смутно угадывались маленькие аккуратные рожки, будто выточенные из обсидиана. Покрытые короткой черной шерстью мускулистые руки существа оканчивались восемью тонкими пальцами с аккуратно подпиленными когтями. В руках пуут держал огромный двуручный меч. Его лезвие изгибалось прямо от эфеса волнами до самого кончика, напоминая ползущую змею.

Ощипанный нервно переминался с ноги на ногу, щелкая зубами и время от времени хлопая скрюченными крыльями без перьев себя по бокам. Двое других стояли настолько спокойно и расслабленно, будто пребывали в ступоре. Михелю, впрочем, хватило и мгновения, чтобы осознать обманчивость подобных мыслей.

— Оружие зачарованное, — предупредил Гарб, взглянув магическим зрением.

— У меня тоже, — недобро усмехнулся Аггрх, поигрывая мечами. — Посмотрим, какие из демонов вояки.

— Их двое, — коротко отозвался Михель, не прерывая дыхательной гимнастики. Насыщенный серой сухой воздух Бездны не слишком-то годился для дыхания смертных, и монаху немного не хватало глубины вдоха. Ситуацию осложняло присутствие поблизости множества пуутов, большинство из которых о водных процедурах слышали только в страшных сказках. Иными словами, смрад стоял невыносимый.

В этот момент у мелэнь сдали нервы. Затиди взмыла в воздух и попыталась спикировать прямо на Гарба. Суккуба мгновенно отреагировала — кончик бича лизнул голову матриарха, и жукообразная тварь рухнула на камень, не долетев футов десять, уже без головы. Гарб рефлекторно отшатнулся. Жучиное тело упало и забилось в агонии, перебирая конечностями. Две других мелэнь ринулись на подмогу, но дорогу им быстро преградили сородичи Манку.

Затем все смешалось. Зрители и даже ведущие, затаив дыхание, ожидали исхода противостояния, пытаясь разглядеть во взметнувшейся пыли, магических вспышках и искрах от скрещенных зачарованных клинков хоть что-то.

Гарб сразу выставил щит мага, но на него больше никто и не думал покушаться. Оставшись в одиночестве, он начал подбадривать себя. «Мне же ничего не страшно! Я почти всемогущ!» — подумал гоблин, накручивая себя. На самом деле сражение все же пугало, но только чуточку.

Шаман чувствовал в себе небывалую силу. За годы тяжелого детства гоблин приучился прятаться или бежать от каждого шороха. Теперь же ощущение собственного могущества будоражило разум. Не было на свете ничего, с чем бы он сейчас не смог бы справиться, и это пьянило.

Внутренним зрением Гарб попытался оценить обстановку. Раньше он бы трижды подумал, прежде чем вмешиваться в такую битву, но сейчас это казалось естественным, как дыхание.

Мерилит сцепилась с сестрой, вероятно, чтобы в очном противостоянии попытаться решить исход дела. Судя по тому, что ей никто не помогал, соперницу она собиралась прикончить собственноручно. Хиенна, казалось, ничуть не возражала, и сестрички катались по арене в демоническом обличье, яростно кромсая плоть друг друга. Гарб посмотрел еще внимательнее и обнаружил вокруг суккуб мощную защитную сферу: помешать им никто и не смог бы.

Михелю в соперники достался ощипанный пуут. Монах пару раз ловко увернулся от локтей демона, а затем поймал его на противоходе и, вложив в удар всю силу, отправил тварь в непродолжительный полет. Демон тяжело рухнул на камень, скрючившись в неестественной позе.

— Это тебе за вчерашнее, — нравоучительным тоном изрек парень, явно намереваясь продолжать воспитательную работу и дальше.

Шрам на месте раны все еще побаливал.

Аггрх скрестил клинки сразу с двумя противниками. Орк чувствовал себя в своей стихии, успевая не только парировать удары демонов, но еще и отпускать шуточки по поводу их внешности. Зелье силы позволяло ему не замечать мощи демонических бойцов, каждый из которых был выше орка на голову и шире в плечах. Пууты потихоньку выходили из себя, не в силах достать наглеца. Нахальный смертный уклонялся от рубящих ударов, норовя в ответ пощекотать острием своего длинного меча незащищенные места на телах врагов.

— Я убью тебя и съем твою печень! — в ярости заревел красавчик с антрацитовой кожей, делая очередной выпад, который орк легко отбил.

— А я тебя еще больше убью, малыш! — оскалил клыки Аггрх, выискивая карими глазами уязвимое место в обороне противника. — Обещаю, это будет не больно, но очень обидно.

Второй противник попытался в этот момент пустить в ход свои крылья, сделал мощный взмах всеми четырьмя и взмыл над головой зеленокожего. Аггрх запоздало сообразил, что по всем законам природы с такой тяжестью на спине не то что летать, а даже ходить должно быть тяжко. Демон плевать хотел на такие мелочи и стремительно спикировал на противника.

Орк кувырнулся вбок, одним мечом отвел змеистый клинок, а другим легко срезал кусок правого нижнего крыла у пернатого. Стальные обломки упали на арену с веселым звоном.

— А тебе идет! — насмешливо заметил орк, все больше провоцируя соперника на необдуманные действия. — Остальные подровнять?

От Бурбалки не осталось ничего, кроме следов портальной магии вокруг, изрезавших всю территорию арены вдоль и поперек. В Шеоле, похоже, шло нешуточное сражение.

Карсуны между тем оттеснили еще живых мелэнь к стене, и зрители, уже не стесняясь, начали болеть за побеждающую сторону. Редкие сторонники Мерилит сочли за лучшее держать свои пристрастия в тайне. Казалось, все скоро закончится.

Никогда прежде Гарб не нападал первым, только защищался, но сейчас в нем взыграла гордыня. «Я большой, сильный и страшный!» — подбодрил он себя. После этого гоблин заключил, что все явно нуждаются в его помощи, а Аггрх больше других. Орк бился сразу с двумя противниками и мог проиграть. На ум шаману первым пришло заклинание паутины, которое он и принялся старательно выплетать.

— Ой, — огорчился гоблин, когда колдовство сработало не столько на противниках орка, сколько на нем самом.

Воин негодующе зарычал, и Гарбу пришлось торопливо поправлять колдовство. В результате зеленокожий запутался еще больше, но и его противники оказались в плотных коконах волшебной паутины.

— Все отлично, — крикнул ему Аггрх. — Мы пока полежим, а ты попробуй усмирить остальных.

С его мнением противники были не согласны, но разорвать заклинание Гарба у них сходу не получилось. Попыток демоны, правда, не оставляли, и орку скоро стало ясно, что путы неминуемо ослабнут через какое-то время.

Гарб переключил внимание на Михеля. Монах зачем-то продолжал пинать ощипанного демона. Тот вяло отмахивался, лежа на камнях, и потухшим взглядом смотрел на вошедшего во вкус мучителя.

— Эй, ты чего? — окрикнул человека Гарб.

Михель и не подумал остановиться. Гоблин заглянул в лицо компаньона и ужаснулся: обычное дружелюбие и безмятежное спокойствие сменилось маской ненависти. Глаза человека налились кровью, изо рта потекла пена.

— Остановись! — закричал шаман, но и это не возымело действия.

Пуут, похоже, собирался испустить дух. Гарбу не испытывал к нему особой жалости, а вот за друга, впавшего в такую ярость, гоблин изрядно испугался.

— Это неспроста, — сказал сам себе ловец духов и наколдовал заклинание паралича.

Михель упал как подкошенный на холодный камень рядом с изувеченным им демоном. Шаман подбежал ближе, стараясь не терять бдительности. Остальные были заняты сражением, но рисковать не стоило.

Голова монаха лежала так, что он видел свою жертву. Глаза задержались на издыхающей твари и наполнились слезами.

— Ты в порядке? — осторожно спросил гоблин, подходя ближе.

— Зачем я так? — с отчаянием в голосе переспросил Михель. — Почему?

— Выясним, — коротко ответил гоблин. — Ты пока полежи немного. Как закончим, будем разбираться.

Гарб прикинул, что сферу вокруг сцепившихся суккуб ему все равно не пробить. Применять посох без крайней необходимости тоже желания не возникло. Гоблин переключил внимание на карсунов. Здесь ситуация складывалась не лучшим образом.

Затиди под шумок отрастила новую голову и присоединилась к сестрам. Слизней было больше, но их плевки не причиняли мелэнь существенного вреда, а от бросков их массивных туловищ, юркие жукодемоны уворачивались. В свою очередь мелэнь уже умудрились отгрызть двум карсунам глаза и щупальца. Тела покалеченных таким образом слизней зловонными слизистыми лужицами расползались по булыжнику арены.

— Манку покарает ваш род! — внутри их вожака все клокотало и бурлило.

Гарб приготовился метнуть в гущу схватки молнию. Огонь у него всегда получался лучше, но ловец духов помнил, что пууты в нем просто купаются. Пока гоблин целился, произошло нечто странное. Карсуны и их враги прекратили сражение и…

— Что? — Гарб за время своих приключений успел привыкнуть к неожиданным событиям, но увиденное заставило его застыть на месте в изумлении.

Карсуны щупальцами нежно поглаживали панцири мелэнь, явно выражая таким образом симпатию. Жукообразные не остались в долгу и хоботками, высунутыми из ротовых отверстий, ласково водили по глазам тех, кому они недавно пытались отгрызть эти органы зрения.

Зрители, похоже, были ошарашены не меньше Гарба.

— Что-что происходит, Сомбун, друг мой? — пропищал где-то высоко в небе зеленый имп.

— Не знаю, — всхлипывая, произнес бармен, — но я чувствую себя очень необычно.

Давай обнимемся? Ты мне вдруг так понравился! Почему я раньше не замечал, какой ты хороший?

Имп стремглав подлетел и упал на грудь коллеге. Так они и застыли в объятиях, со стороны могущих показаться даже чуть более, чем дружескими.

Зрители только и успели, что ахнуть. Затем началось форменное безобразие: трибуны с ревом, слезами, соплями и прочими выделениями полезли друг к другу обниматься, брататься, объясняться в любви и просить прощения за предыдущие обиды.

Рядом с Гарбом открылся портал, из которого выпал изрядно потрепанный Бурбалка. В руках он сжимал дудочку, наконечник которой слегка дымился. Портальная воронка с другой стороны от гоблина выплюнула пуута, в котором с некоторым трудом можно было опознать мастера порталов. Крупный кривоногий лысеющий имп с печальными глазами был полупрозрачен, но теперь вокруг него почти не клубился туман. На его уродливой морде застыло выражение крайнего удивления.

— У нас, уф, кажется, ничья, — пытаясь отдышаться, заявил Антонио.

— Мы решили, пусть другие дерутся, — заявил Ченвай, — а нам с коллегой все пути открыты.

— А че тут происходит? — в недоумении осмотрел арену Бурбалка.

— Я бы и сам хотел это знать, — задумчиво сказал Гарб, нервно постукивая посохом. — Вроде бы все неплохо, но меня терзает странное чувство…

Только суккубы продолжали яростно кромсать друг друга, не обращая внимания ни на кого вокруг.

Гоблин вдруг кожей почувствовал странные изменения вокруг. Магия на арене начала рассеиваться сама собой, будто кто-то высасывал ее через огромную незримую воронку.

Часть 3: Тень над Бездной. Глава 23

Из Элизия да в Эльжахим.
Пуутская поговорка

Два израненных тела слились почти воедино. Зубы, когти, локти, колени — все шло в ход. Не разумные существа, но скорее дикие звери с рычанием рвали друг друга на части. Главный ритуальный бой подходил к своему логическому завершению, и одна из соперниц сопротивлялась уже гораздо слабее, чем в начале. Ее силы стремительно таяли. Остатки былой мощи скупо тратились, чтобы не дать сестре добраться до нежной кожи на горле. Один раз клыки сомкнутся — и сражение окончено.

— Смирись! — прорычала та, что придавила соперницу к горячему камню арены.

— Народ тебя все равно не примет! — сквозь зубы ответила вторая.

— Примет, когда я покажу им твою голову.

Вторая плюнула в ненавистные глаза и в очередной раз попыталась вывернуться. Попытка провалилась. Получив прямой удар в лицо, превративший его в залитую кровью маску, слабеющая суккуба лишилась сознания.

Первая убедилась, что кузина уже не может сопротивляться, и с трудом поднялась на ноги. Тяжело нагнувшись, она дрожащей окровавленной рукой схватила поверженную соперницу за растрепанную и измазанную грязью шевелюру. Обмотав вокруг ладони достаточно волос, принцесса рванула бесчувственное тело кверху и подняла его над скользкими камнями. Триумф был полным.

— Нет! — отчаянно закричал Михель, на котором Гарб как раз остановил действие заклинания. Парень рванулся к любимой, но невидимый барьер отбросил его назад. Монах сделал еще две попытки, прежде чем его придавило к камню, не давая подняться. — Не надо!

— Кто еще посмеет бросить мне вызов! — негромко сказала принцесса, делая паузы между словами, и ее злобный рык услышал каждый пуут в королевстве.

Зрители смущенно потупили глаза. Ни у кого не доставало духу дерзнуть на подобное.

— Поклонитесь своей королеве! — упиваясь победой, произнесла рыжеволосая.

— Я… прощаю… тебя, — сумела прошептать обескровленными губами ее сестра.

Хиенна демонически расхохоталась.

— Ты сейчас можешь только умереть, — без пяти минут королева облизала длинным шершавым языком пересохшие от волнения и соленые от запекшейся крови губы. Тело соперницы обмякло — у Мерилит не осталось сил сопротивляться.

— Чудовище! — раздался крик с трибун.

— Б-у-у! — возгласы неодобрения начали раздаваться то тут, то там, нарастая и набирая силу.

— Отпусти ее, тварь! Нам нужна милосердная королева!

Волна демонического возмущения достигла пика, целый стадион пуутов кричал и требовал жизни и свободы для побежденной.

Хиенна застыла в нерешительности, не совсем понимая, что происходит.

— Но ведь… — успела произнести она, прежде чем сокрушающе мощная магическая волна вырвала из ее руки тело кузины, оставив на память зажатый в кулаке клок волос

угольного цвета.

Мерилит взмыла в воздух на недосягаемую для Хиенны и ее бича высоту. Раны первой наследницы стали стремительно затягиваться, и вскоре румянец вернулся на впалые щеки.

— Нет! — вопль, полный злобы, прорезал царящую тишину. — Нечестно! Так нечестно!

Хиенна упала на арену и забилась в истерике. К суккубе тут же подбежал Михель, намереваясь залечить глубокие порезы на ее коже.

— Поди прочь, куньмо! — враждебно встретила рыжеволосая его приближение.

Монах недоуменно отпрянул, а затем его едва не захлестнуло уже знакомое чувство ярости.

— Отпусти! — со стоном сказал он куда-то в пустоту, ни к кому не обращаясь. — Я не хочу!

Между тем тело Мерилит продолжало меняться с огромной скоростью. Два огромных белых крыла широко распахнулись над ареной, и зрители восхищенно ахнули.

— Королева, истинная-истинная королева! — утирая слезы, всхлипывал Таксин на широкой волосатой груди Сомбуна, утирая кулачком слезы со своих чешуйчатых щек.

Новая повелительница величественно приземлилась, сложив крылья за спиной. На ней не осталось и следа недавней битвы.

— Да что тут происходит-то? — нашел в себе наконец дар речи Аггрх, подходя ближе к Гарбу. — Это опять твои штучки с посохом?

— Боюсь, друзья мои, — певучим голосом произнесла Мерилит, — вы не в ответе за это явление. Я была бы весьма благодарна…

Договорить она не успела: басовитый хохот громовыми раскатами сотряс арену, заставив всех лихорадочно пытаться сохранить равновесие. Вслед за этим позади компаньонов в ярких фиолетовых вспышках возник огромный силуэт Минору.

— Позер! — фыркнула вскочившая на ноги Хиенна. — Как ты посмел все испортить!

— Глупышка, — добродушно ответил древний. — Я смею гораздо больше, чем ты можешь представить. Вам понравилась моя шутка?

— Замена мировоззрения населению целого мира на противоположное — весьма остроумно, — осторожно заметил гоблин. — Только, похоже, это не на всех подействовало.

— Действительно, маленький божок, — сокрушенно схватился за рога Минору. — Каюсь, не доглядел. Потом исправлю, лопни моя селезенка. Или нет — пока не решил. Меня долго не было. Дел, знаешь ли, по самые копыта!

— Что тебе угодно от нас, пришелец из далекого прошлого? — ласково осведомилась королева, с некоторой тревогой поглядывая на черные крылья за спиной титана.

Минору перехватил ее взгляд и горделиво расправил кожистые складки с костяными наростами по краям. Они выглядели так, будто видали лучшие дни.

— Хочешь себе такие же? — улыбнулся титан. — Когда-нибудь верну. Только, может быть, не тебе. Было бы забавно посмотреть на вашу грызню еще разок, когда у обеих будут крылышки.

Не ответив на вопрос, он снова топнул копытом и растворился в воздухе в тот момент, когда Хиенна совершила длинный прыжок в его сторону, намереваясь вцепиться в плоть древнего шутника когтями и зубами. Промахнувшаяся принцесса неаккуратно приземлилась и, кувырнувшись три раза, лицом рухнула на острые камни.

Антонио с Ченваем озадаченно переглянулись, как бы говоря друг другу «ты тоже это видел?», и нырнули каждый в свой портал.

Михель, пошатываясь, подошел к лежащей принцессе и опустился рядом с ней на колени.

— Любовь — это прекрасно, — умилилась Мерилит. — Удивительно чистое чувство, и злобный нрав ей не помеха. Не будем и мы мешать, мои дорогие.

***

— Ты уверен? — спросил Гарб с надеждой в голосе, убирая волосы с высокого лба. Он давно не стригся, и теперь густая коричневая шевелюра спадала на глаза, мешая сосредоточиться. Движение стало уже привычным и даже не раздражало, как прежде.

— Зуб даю! — уверенно подтвердил Бурбалка, безуспешно пытаясь схватить со стола кусочек сухого печенья. — Он мог свинтить только двумя путями: через местный Шеол или куда-то в Эфир.

— Мне представляется, что через Эфир он бы не смог далеко уйти, — пробормотал шаман, припоминая свои приключения у эфирной границы.

— Вот! — подтвердил Антонио, не прекращая попыток полакомиться печеньем. — А в Шеоле мы бы сразу засекли его следы. Значит, он свалил в Эфир и ошивается где-то рядом. Ченвай говорит, что туда портал и не нужен. Но он сам так не умеет. Короче, надо его оттуда выманить и огреть твоей палкой еще пару раз.

— Если бы все было так просто… — грустно произнес Гарб. — Я понял, что все еще не разобрался, как его правильно использовать. Каждый раз эффект получается все печальнее.

— А ты не дрейфь! — посоветовал Антонио. — Или ты думаешь, что из него вылезет еще что-то страшное? Тут страшнее уже некуда.

— Мне бы твою уверенность, — улыбнулся Гарб.

Для тех, кто гоблина не знал, это выглядело, как будто он хищно выставил вперед острый подбородок и полностью обнажил нижний ряд зубов, слегка приоткрыв верхние клыки.

— А если Минору от удара станет сильнее? Посох мне сам сказал, что нестабильно работает. Может произойти любое событие, связанное с откатом магии назад во времени. Или даже не магии, а чего-то большего.

Бурбалка оценивающе посмотрел на шамана.

— Ты точно тот гоблин, которого мы с Каввелем выдернули из родной деревни? — спросил он, не прекращая попыток вытащить из тарелки хоть крошку. — Тот Гарб не боялся экспериментов.

— Я недавно понял, — заметил ловец духов, стуча крючковатыми когтистыми пальцами по посоху. — Иногда лучше не злоупотреблять. Если возникнет угроза нашей безопасности, я без колебаний применю его. Но только как крайнюю меру. Мне хватило разрушенной академии и превращения Каввеля, чтобы осознать, насколько это опасно.

Антонио понимающе кивнул.

— Наверное, мне этого качества недостает, — сказал он, подпирая голову одной рукой. — Пока я был призраком, то все время ставил эксперименты. Я десятки лет потратил на них и наконец смог найти способ сделать невозможное и выбраться из Шеола. Тебе проще. Ты в фаворе у богини, ее сила с тобой. Твори не хочу, но ты все равно боишься.

— Караб! — выругался на гоблинском Гарб. — Я гобхат! Страх у нас в крови. Я только начал учиться его преодолевать, а не убегать без оглядки при первых признаках опасности. Ты хоть понимаешь, что мне всего шестнадцать лет? Я еще пожить хочу!

— Сколько?! — выпучил глаза Бурбалка. — Это как, вообще?..

— Я никому не говорил, — смутился своей вспышке шаман. — Вы бы не поняли.

Несколько минут они провели в молчании, во время которого Гоблин думал о своей опасной силе, а человек о нескольких месяцах путешествий под руководством одаренного подростка.

— Знаешь, — прервал молчание Антонио, — если это ты трус, то я тогда просто ничтожество. Сколько раз ты рисковал собой ради нас?

— Я не считал, — тихо ответил Гарб. — Кроме богини, друзья — это все, что у меня сейчас есть. Не будет вас, и зачем тогда жить? Даже мое племя превратилось в духов. Так что вы самое дорогое для меня. Мне до сих пор стыдно, что я тогда ударил тебя. И, хотя все закончилось хорошо, я не смогу себе простить, если с кем-то из вас опять случится беда по моей вине.

Бурбалка задумался и наконец смог сказать:

— Ты, кажется, открыл мне глаза. У меня тоже не осталось ничего, кроме друзей. Ничего больше, ради чего стоит жить. Сейчас это особенно остро чувствуется, когда двоих не хватает рядом.

— Троих, — поправил его гоблин. — Хиенна все-таки друг.

Человеку наконец удалось подцепить сладость кончиками пальцев, и он с наслаждением отправил печеньку в рот, издав торжествующий клич.

— Как твоя призрачность, не беспокоит? — осведомился Гарб, всматриваясь в лицо парня и пытаясь найти симптомы неведомой болезни.

— Фсе пуфком, — активно двигая челюстями, беспечно отозвался Антонио. — Надо только поработать над техникой. Хотя, последнее время я все чаще куда-то проваливаюсь.

— Воркуете, мальчики? — Мерилит грациозно впорхнула в дверь. — Ничего, что я без стука?

Королева лучезарно улыбнулась. Резкие перемены в ее характере разительно изменили и поведение. Если раньше в каждом жесте наследницы сквозили властность и высокомерие, то сейчас она была само смирение и кротость.

— Ваше Величество, — чуть склонил голову гоблин.

Бурбалка поперхнулся от неожиданности и закашлялся, одновременно пытаясь поклониться. Такая Мерилит ему нравилась куда больше. Он не отдавал себе в этом отчета, но как только перестали действовать ее суккубьи чары, она сразу стала привлекательнее. Антонио никогда особо не тянуло к женскому полу, но сейчас с ним происходило что-то странное.

— Все ли у вас хорошо, мои дорогие? — тихо спросила властительница. — Не испытываете ли вы в чем-то нужды?

— У нас все прекрасно, — поспешно заверил королеву Гарб. — Только нам нужна помощь в поимке и нейтрализации титана Минору, а также в поиске вашей сестры и нашего друга.

— Да, нас тоже беспокоит присутствие в наших владениях существа столь огромной мощи. К несчастью, мы совершенно не представляем, каким именно образом можно усмирить подобное создание.

— А ваша сестра? — спросил шаман.

— Хиенна может что-то знать, но после ее поспешного… — Мерилит на секунду замялась, подбирая слово, — отбытия в неизвестном направлении вместе с вашим другом, мою сестру, наверное, придется долго искать. Если кузина будет осторожна, то даже наша

превосходная шпионская сеть обнаружит ее не сразу. Вторая наследница всегда умела прятаться.

Гарб тяжело вздохнул. Сначала Каввель, теперь Михель. Муфад'ала и Хиенну можно оставить за скобками, но их отсутствие тоже как-то тяготило. Кого компания потеряет следующим?

— Может быть, вы сможете поискать что-нибудь в обители знаний? — предложила королева, вопросительно глядя на Антонио.

— Где-где? — испуганно переспросил он.

— В библиотеке, — улыбнулась суккуба.

Парень немного смутился.

— Да я это, в вашей грамоте-то не силен, — зачем-то решил оправдаться Бурбалка.

— Большинство из нас и даже я тоже не в ладах с древними символами, — простодушно призналась Мерилит. — Зато мастер Ченвай хоть и был немного туманен на этот счет, как обычно, но говорил что-то про ваше магическое родство, скрепленное нерушимой клятвой. Мне кажется, должно получиться.

— Ну, если он так сказал… — нерешительно пролопотал человек.

Гарб подошел к Бурбалке и положил ему свою огромную лапу на правое плечо.

— Я верю в тебя, друг, — сказал шаман. — Поверь и ты в себя и свои силы.

— Постараюсь, — без особого энтузиазма сказал человек. — В конце концов, кроме меня, все равно некому.

— Мы очень тебя просим, — широко улыбнулась парню королева, глядя ему прямо в голубые глаза.

Юноша зарделся и кивнул.

***

Мерилит сама проводила компаньонов до входа в библиотеку, располагавшуюся в другом крыле замка.

— Тут мы вас покинем, — кокетливо подмигнула королева всем, кроме Гарба. — Знания наших предков к вашим услугам. Если что-то понадобится, спросите у смотрителя, а нас зовут дела.

С этими словами суккуба стремительно упорхнула, в буквальном смысле помогая себе сильными взмахами белоснежных крыльев.

— Такое чувство, будто она пока не привыкла ни к короне, ни к доброте, — досадливо поморщившись, произнес эльф. — Раньше она была как-то напористее, что ли.

— Смотри, как бы в ней не проснулась ее обычная жажда деятельности, — сдержанно прокомментировал Гарб, открывая дверь и наклоняя голову, чтобы не удариться о притолоку. — Банальная интуиция… и опыт подсказывают, что даже благие намерения не всегда ведут к положительному результату. Особенно без должных навыков и умений.

Шаман первым вошел в обитель, бегло осмотрев пространство перед собой. Место перед входом освещалось единственным факелом, горящим традиционным для этих мест синим пламенем. Гарб не был уверен, находятся они сейчас ниже или выше уровня земли, но отсутствие окон его не удивило. В темнеющей глубине виднелись ряды стеллажей с огромным количеством книг, рукописей, свитков и фолиантов. Судя по всему, это богатство чистилось от пыли либо весьма нерегулярно, либо здесь вообще не слышали о таком способе ухода за источником знаний.

Гоблин показал остальным, что путь безопасен. За время пребывания в нижних планах

осторожность утроилась как-то сама собой, и теперь даже в дружественном окружении внезапно подобревших пуутов давала о себе знать.

— Пригнись! — крик компаньонов сзади пробудил в гоблине рефлексы, накопленные его предками за сотни поколений.

Шаман в ту же секунду бросился на пол из розового мрамора. Над головой просвистело что-то острое и с неприятным звоном вонзилось в верхнюю часть дверного проема. Гарб вскочил на ноги и выставил щит мага. За его спиной тихонько присвистнул орк.

— Секир-башка, — коротко прокомментировал зеленокожий, с интересом рассматривая небольшой полумесяц из матово-серого металла, до середины вошедший в стену так, что наружу торчали только края. Орк потянулся к убийственной штуковине мечом, намереваясь выковырять ее на память.

— Не трогайте, ради всего-всего святого! — из-за стеллажей послышался взволнованный писк и раздались торопливые взмахи крыльев. — Там яд мэнгмума. Он даже волшебную-волшебную сталь пожирает!

Аггрх поспешно отдернул меч, уже почти коснувшийся цели. Перед компаньонами, шурша крыльями, возник знакомый зеленый имп. На сей раз на нем были очки с толстенными линзами, зрительно увеличивающими глаза летуна, делая их похожими на два крупных шара.

— Таксин? — не теряя бдительности уточнил гоблин.

— Я это, это я! — корча забавные рожицы пропищал чешуйчатый пуут. — Прошу простить-простить за это недоразумение. Гости ко мне нечасто-нечасто заходят. Свои про ловушки знают… а вас, кстати, кто-кто привел?

— Новая королева, — буркнул Антонио, надсадно закашлявшись от пыли, взметнувшейся от развороченного косяка.

Ему в лицо брызнула каменная крошка, и только опять вовремя возникшая неосязаемость помогла избежать ранения.

— Ох, грехи мои тяжкие-тяжкие! — схватился за голову имп. — Не рассказывайте ей, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

— Королева была прям сама чистота, прям сама чистота и невинность… — пропел Адинук. — И однажды друзей она в склеп привела, в темный склеп, где ловушки и живность…

Имп издал смешок, потом схватился за живот и заверещал, корчась, словно в конвульсиях, от смеха.

— Повелительница совсем-совсем не ведает грамоты, — пояснил Таксин, все еще сотрясаясь нутром. — А я живность, я живность!

— Мы тут по делу, — сурово произнес Гарб, рассеивая щит и отряхивая новую мантию от пыли.

— Конечно-конечно, — немедленно согласился с ним зеленый бесенок. — Никто не заходит навестить старого Таксина. Никто-никто! Всем нужны книги! Только книги! Даже доброй принцессе!

— Часто Хиенна тут бывала? — поинтересовался Аггрх.

— Принцесса? — переспросил имп. — Часто-часто. Все время тут сидела, когда была в замке. Не люблю ее.

Адинук рыскал глазами по сторонам в поисках книг с поэзией. Он и сам с трудом понимал, как собирается читать на пуутском, но уже нацелился утащить книгу-другую.

Втайне с ним был солидарен и Антонио, не собиравшийся уходить без какого-нибудь томика заклинаний.

— Потому что она стала злой, а ты подобрел? — уточнил эльф.

— Потому что она таскала-таскала у меня книги! — почти злобно пропищал имп с обидой в голосе, обнажая два ряда тонких, как иглы, зубов. — Раньше мне было все равно, а теперь неприятно-неприятно!

Антонио и Адинук опасливо покосились на оскал малыша. Книги вряд ли принадлежали непосредственно импу, но он, похоже, сейчас слишком серьезно воспринимал свою роль.

— Какие-какие фолианты вас интересуют? — опомнился смотритель библиотеки.

— Самые древние, наверное, — неуверенно откликнулся Антонио.

Гарб подтвердил слова человека кивком.

— Где есть хоть какое-то упоминание Минору, — добавил он.

— Так-так, запрос по критериям поиска, подождите-подождите минуточку, — закатил выпученные от усердия глазенки пуут, наполовину прикрыв их коричневыми кожистыми веками.

Компаньоны озадаченно переглянулись.

— Что это с ним? — спросил Аггрх, с интересом взирая на диковинного библиотекаря.

— Я мысленно перебираю все-все тома, которые могут вам пригодиться, — не прерывая своего занятия, немедленно отозвался Таксин. — Поиск займет некоторое время.

Компаньоны уважительно посмотрели на импа. Тот еще с минуту шевелил губами, а затем широко раскрыл глаза.

— Найдено четыре тысячи сто двадцать три фолианта. В каком-каком порядке желаете просматривать?

Антонио обреченно закрыл ладонями лицо. Гарб озадаченно почесал затылок, а Аггрх с Адинуком прыснули со смеху, глядя на страдания Бурбалки.

— Чтобы их прочитать, нужна прорва времени, а его у нас нет, — глухо сказал Антонио, заставив улыбки сползти с лиц друзей.

— Может быть, хотите как-то сильно-сильно сузить поиск? — предложил Таксин, устав махать крыльями. Он опустился на один из стеллажей рядом, свесил коротенькие ножки и принялся ими болтать. — Например, поиск по очень-очень ключевому слову или упоминанию исторического события.

— Подожди, — недоверчиво выпалил Гарб. — Ты выучил все книги наизусть?

— Так и есть, так и есть! — радостно подтвердил догадку имп, продолжая беспечно болтать зелеными чешуйчатыми ножками. — Все-все книги, от первой до самой-самой последней строчки!

Адинук и Гарб переглянулись в совершенном восхищении.

— А как давно ты живешь? — засомневался Аггрх. — Тут только читать пару сотен лет нужно, а потом все время перечитывать, чтобы не забыть.

— Не расскажу, не расскажу! — снова взлетел Таксин, показывая компаньонам липкий черный язык.

— Может быть, ты просто можешь порыться в памяти и рассказать нам все, что знаешь про Минору? — полюбопытствовал Гарб.

Не ответив, имп пару раз медленно перевернулся в воздухе. Адинук протер глаза и ущипнул себя: крылья бесенка в этом процессе вообще не участвовали. Наконец Таксин

замер в воздухе головой вниз, сложил руки на груди и из-под полуопущенных век обвел компаньонов внимательным взглядом. В его глазах застыло нечто среднее между удивлением и торжеством.

— Вы хотите знать то, что знаю я или книги? — голос пуута был далек от того тонкого писка, которым обычно общаются импы, и звучал низко и хрипло.

— Мы хотим знать то, что знаешь ты, смотритель, — опередив всех, с поклоном сказал Антонио.

Таксин кивнул и, сделав мощный взмах крыльями, вернулся на свой насест.

— Хоть кто-то. Тогда знайте, смертные, что в этих книгах вам не найти нужных сведений, — имп был предельно серьезен вопреки расхожему среди пуутов мнению, что его вид на подобное не способен. — Да и ни в каких других тоже. Тогда и писать-то не умели еще толком.

Все непроизвольно подались вперед, но бесенок предупреждающе вскинул руку и покачал из стороны в сторону вытянутым указательным пальцем семипалой ладони.

— Не подходите, то была не последняя ловушка, — ухмыльнулся он. — Да и я не просто так летаю.

— Напомните мне накрутить хвост этой забывчивой негодяйке Хие… то есть Мерилит, когда мы ее снова увидим, — вполголоса пробормотал Антонио.

— У нее вроде как нету, — усомнился в угрозе Аггрх.

— Я найду, — пообещал человек и вдруг улыбнулся своим мыслям.

Рожа орка на мгновение перекосилась: никак малец нацелился увести у него из-под носа королеву. «Нет уж, дудки. Это мы еще поглядим, дружок». После Хиенны зеленокожему отчаянно хотелось доказать, что он еще ого-го, а вовсе не стареющий ловелас, которому бес в ребро вселился.

Явно услышавший обоих имп заулыбался, снова обнажая жутковатые зубы-иглы.

— Не вините девушку слишком строго, — сказал Таксин. — Откуда ее величеству знать, как тут все устроено, если она здесь с рождения не появлялась? Молодежь не любит учиться, школу и ту прогуливают, всеобщий не зубрят… Слушайте же…

Глава 24

«Идущий дойдет, ищущий найдет, а знающий расскажет».
— Таксин, самый старый имп

Маленький пуут устало облокотился на стопку книг и как-то сразу внезапно постарел. В его чуть прищуренных глазах за толстым стеклом линз смутно угадывалась тысячелетняя мудрость. В тусклом освещении было дело или в том, что он перестал корчить забавные рожицы, но каждый из компаньонов вдруг осознал: этот забавный малыш прожил больше, чем они все вместе взятые. Насколько именно больше, было непонятно, но уж точно не одну тысячу лет по меркам их родного мира.

— Я видел его падение своими глазами, — потускневшим голосом произнес Таксин.

Адинук немедленно извлек из своего заплечного мешка перо, чернильницу и свиток, чтобы закрепить на пергаменте столь удивительный рассказ. Становилось похоже, что старый пуут сейчас пустится в воспоминания об очень отдаленных событиях. Гарб поймал себя на том, что поддакивает словам демона.

— В те далекие времена наши боги еще были богами, а мой народ не был созданиями, внушавшими других расам ужас внешним видом, — с грустью произнес старик и добавил с хриплым смешком, — разве только воинственностью.

Никто не решился прервать наступившую паузу, во время которой имп собирался с мыслями.

— Да, были боги в наше время, — ухмыльнулся своим воспоминаниям Таксин через некоторое время.

Адинук старательно скрипел пером, записывая все слова рассказчика, но неожиданно для себя вывел рифмованное продолжение «могучее, лихое племя» и так увлекся рифмоплетством, что забыл о демоне напрочь.

Тем временем старик продолжил, и остальные компаньоны нити повествования не теряли.

— С частью истории про низвержение в Бездну вы, вероятно, знакомы, — утвердительно произнес Таксин. — Все же знают, как злобные отвратительные демоны напали на добреньких милых смертных, потому что не хотели, чтобы добренькие перестали воевать. Мало кто знает и помнит, почему это произошло. А я вам расскажу. Это все трюки Минору. Его любимый фокус — поменять добро и зло, да еще хаос и порядок местами. Раньше даже какая-то пословица была про это. Эх, не та память стала. Вот книги помню, а это не помню.

Аггрх не мог сказать, что страдал отсутствием интереса, но грозивший затянуться надолго рассказ и мрачная атмосфера подземелья навевали на орка дремоту. Он особо и не старался сдерживать зевки, чем нервировал Антонио. Человеку тоже хотелось спать, но важность момента вынуждала делать над собой усилие.

— Ладно, — не стал вдаваться в подробности пуутского фольклора имп. — Если коротко, то этот гад стравил всех нас со всеми вами. А потом, когда нас затолкали в Рахэнди, как последних злодеев, пришел издеваться. Тут-то ему рога и обломали.

— Хиенна говорила, что он считается прародителем пуутов, — осмелился прервать рассказчика Гарб, пока имп переводил дыхание.

— Принцесска, — презрительно выдавил из себя Таксин. — Начитаются книжек и думают, что все на свете знают. Да в этих томах больше половины такого вымысла, что нарочно не придумаешь! Нет, если он кого и прародил, то расу-другую на Лумее, хотя никто не знает, как он туда пробрался. С некоторыми пуутами еще до низвержения были у него какие-то шашни, но далеко дело не зашло. Его гнусное нутро сразу вылезло наружу, и он начал всех перекраивать шутки ради. Ему хиханьки да хаханьки, а у нас постоянные беды от его козней были.

— А что можете сказать о пророчестве про него? — спросил Антонио.

— «История падений богов и небожителей», том пятнадцатый, глава одиннадцатая, третий абзац сверху, — без запинки доложил смотритель. — Автор пророчества неизвестен, поэтому веры ему особой нет.

Гоблин нахмурился. Неужели ненадежный источник — все, что у них есть?

— Значит, мы пришли к тому, с чего начали? — расстроился Гарб. — Мы почти ничего не знаем.

— Это нормальное для вас смертных состояние, — скрипуче хихикнул пуут. — Минору остановит рука смертного, как же! Боги его не остановили, а рука смертного остановит.

— Пока смертный не остановит его руку, — машинально поправил Гарб.

— Да нет же! — обиделся Таксин. — Я всегда цитирую верно.

— Так Хиенна говорила, — возразил Аггрх, зевая во весь рот. — И тоже нас поправляла.

Имп хотел было возмутиться, а потом хлопнул себя по лбу.

— Вот я старый дурень. Точно ведь, принцесса в своих покоях хранила контрабандные книги, которых не сыскать в этом хранилище. Я их, значит, не читал и содержимого не знаю.

— Без нее нам туда сейчас не попасть, — вздохнул Антонио, с теплотой вспоминая чувство безопасности, за последнее время испытанное только в покоях Хиенны.

С тех пор как Меридиана едва не выпила все его жизненные силы, он стал чересчур беспокойным и отчаянно цеплялся за любую возможность вернуть душевное равновесие.

— А зачем? — искренне удивился Таксин. — Все, что вам нужно, вы уже знаете. Раз есть вторая версия пророчества, значит, схожие видения были у двух разных прорицателей. Это почти гарантирует, что пророчество сбудется.

— Уже сбылось, — сухо указал на неправоту импа гоблин. — Разве что пока не полностью.

Пуут зажмурился и поцокал языком.

— Я точно старый дурень, и правда ведь! — сокрушенно сказал он. — Давайте лучше вернемся к рогам, по которым кое-кто получил. Итак, Минору спустился в Бездну, чтобы поглумиться над нами. Рахэн-ди тогда еще состоял всего из одного или двух слоев. Появлялся гад этот в разных местах нового мира, весь такой неуловимый и недосягаемый, издевался над всеми, кто был поблизости, разжигая еще большую злость в груди пуутов. Подталкивал нас к войне хотя бы с марами, а лучше вообще со всеми. Как, позвольте спросить, если единственное место, куда мы могли попасть напрямую — это первый круг Эльжахима?

— Сдается мне, он своего-таки добился, — пробормотал Бурбалка.

— А? Что? — встрепенулся Таксин. — Значит, не повезло ему однажды — чистая случайность. Перемещался-то он в пространстве хаотично, и угодил аккурат в конюшни самого Иблиса. У единорогов как раз брачный сезон в то время наступил. Ох и крепко его тогда жеребцы лягали! Я сам видел. Он, конечно, тоже многих задавил, силен ведь был

безмерно. Мы совсем оторопели и не лезли туда. Потом он взял и просто — пуф! — лопнул, когда его вожак рогом-то пощекотал. Вот такие дела.

Гарб запустил пальцы в шевелюру, напряженно работая головой.

— Погодите, погодите, — гоблин массировал свои оттопыренные уши и шею, пытаясь выдавить из них все время ускользавшую мысль. — А почему он не смог от единорогов сбежать, как от всех остальных?

— Кто его знает, — вспорхнул с насиженного места смотритель. — У Кхинь кхунов вся сила в хвосте была, у единорогов, само собой в рогах. Волшебные они у них. Может, множество таких рогов в одном месте… Будете его ловить, договаривайтесь с лошадками, раз уж Кхинь кхунов всех перебили. И вот еще что: он хоть и хаотичен по своей природе, но все-таки слишком предсказуемый.

— Спасибо вам, уважаемый! — поклонился Антонио.

— И я благодарю, — очнулся от творческого приступа Адинук. — Хоть и не помню, за что.

— Не за что! Совсем-совсем не за что! Зовите, если захотите почитать или поболтать… — пропищал имп, возвращаясь в привычный образ неутомимого шутника и болтуна, с привычным верещанием уносясь в глубины библиотеки.

Не решившись задерживаться в полном ловушек месте, компаньоны спешно покинули негостеприимную обитель знаний.

***

— Что думаете, друзья? — спросил орк по пути назад.

— Мне кажется, нужно сначала найти Михеля и Хиенну. — заметил Гарб. — С ними у нас будет больше шансов.

— Хиенна умела договариваться с единорогами, — вспомнил Адинук. — Они ее слушались и точно не любят минотавров, как селедка не любит молоко.

— А ты что скажешь? — обернулся зеленокожий к Бурбалке, но того рядом не оказалось. — Га-а-арб! — не своим голосом заорал орк, предчувствуя недоброе. — Найди его срочно! Если этот потомок самки ворга отправился один к королеве, я не знаю, что я с ним сделаю!

— Э-э-э, я попробую, — ответил гоблин, недоумевая по поводу последней части высказывания зеленокожего.

Шаман не был уверен, что поисковое заклинание сработает, но все равно попытался. Уроки Антонио и несколько усердных тренировок все же помогли. Малюсенький светящийся лунным светом клубочек упал на пол и стремительно покатился обратно в подземелья, оставляя за собой полоску медленно исчезающего свечения.

— За ним, — махнул лапой гоблин, и трое оставшихся компаньонов рванули следом.

Клубок долго петлял по коридорам, пока друзьям не стало ясно, что приближаются те самые ворота, ведущие в святая святых замка. Аггрх, памятуя про стража, затормозил первым и жестом призвал сделать то же остальных. Крадучись, компаньоны вышли из-за угла.

Открывшаяся картина надолго отпечаталась в умах очевидцев. Антонио, судя по всему, что-то перепутал и вышел из портала прямо возле сорванной створки. Квви не замедлил этим воспользоваться, и теперь исполинский демон вовсю изливал душу смертному.

— …вот я им читаю стихи, а они все визжат и визжат, — как раз в этот момент сказал шипастый пуут, не обращая внимания на отчаянные попытки одуревшего от вони человека вырваться из удерживающего заклинания. — Я ведь честно стараюсь, мне обидно, что никто

слушать не хочет. Тебе еще почитать?

Загорелое лицо парня исказилось гримасой ужаса и посерело. Истошный крик прорезал высокие своды подземелья. Гарб оценил обстановку и составил необходимое контрзаклинание.

Всю дорогу обратно Антонио трясся, как осиновый лист, а вслед компаньонам летел стихающий плохо рифмованный шепот, перемежающийся всхлипываниями и словами о недооцененном гении.

***

В голове все еще звучал голос Аггрха, устроившего выволочку человеку. «На кой ляд ты туда поперся? Я бы еще понял, если б в спальню королевы, но к этому-то страшилищу зачем?»

На самом деле Антонио про Квви, конечно же, и не думал. Просто охранная система замка вывалила его из портала вместо сокровищницы прямо в гости к этому графоману-переростку, будь он неладен. Хорошо хоть его тоже проняли проделки Минору, и пожирать нарушителя демон не стал, предпочтя психологические пытки или, как он сам считал, задушевную беседу. А ведь такой хороший план был: прихватить побольше предметов первой необходимости, спрятать их в местном Шеоле, пока не понадобятся…

Грустный укоризненный голос Гарба вторил орку: «Жаль, что ты так и не понял, о чем мы с тобой говорили». Антонио и без нотаций все осознал и стыдился своего поведения, но воровские привычки не дали ему просто так взять и пройти мимо бесхозно лежащих груд полезных и совершенно не проклятых чаров. «Я ж для всех старался, и вообще это случайность!» — хотелось крикнуть парню, но он лишь молча шел, потупив взгляд.

Адинук единственный счел происшествие забавным. Он подмигнул и тихо спросил, не планирует ли Антонио повторную вылазку. То ли барду тоже не давало покоя шило в одном месте, то ли он всерьез вознамерился вызвать Квви на поэтический поединок. Учитывая легкое безумие эльфа, остроухий даже имел шанс на победу. Бурбалка, однако, яростно замотал головой. Не хватало еще отхватить паршивыми виршами с двух сторон.

«Я вам всем покажу, на что я способен! Спасу вас всех когда-нибудь, вот что я сделаю!» — подумал человек. — «И тогда вы наконец начнете воспринимать меня всерьез. Кстати, интересная мысль насчет спальни».

***

— Как все прошло? — почти без интереса в голосе поинтересовалась королева, на секунду оторвав взгляд от вороха свитков и бумаг, когда стража распахнула перед компаньонами двери. Столик с причудливым орнаментом, за которым сидела суккуба, был целиком вырезан из отполированной кости какого-то крупного животного. Лицо пууты цветом не уступало желтизне материала стола и выражало глубокую обеспокоенность по поводу содержимого разбросанных на нем документов.

— А как… — не нашелся что сказать Гарб, указывая на документы.

Рассказ Таксина о неграмотности повелительницы явно не соответствовал действительности.

— Крылья, — успокоила его Мерилит, сразу догадавшись о причине удивления. — Я не знаю эти письмена, но понимаю их смысл. Возможности королевы очень велики.

— Нужно искать единорогов, — сообщил все еще немного бледный Бурбалка, пытаясь заглянуть в бумаги.

С виду это были то ли донесения, то ли докладные записки.

— Милые зверюшки, — краешком губ улыбнулась Мерилит. — Только к себе никого не подпускают…

— А мы на них уже катались, — невежливо перебил суккубу Адинук.

Чуть раскосые глаза королевы широко распахнулись от удивления.

— Вы это серьезно? Они же дикие и очень агрессивные! — протянула она. — Был случай, когда эти чудесные лошадки в буквальном смысле затоптали до смерти карсуна в полном расцвете сил, а я вообще не представляю, что способно окончательно убить столь живучее существо. Даже если карсуна расплавить и по чуть-чуть выливать на камни в разных концах Рахэн-ди, он со временем восстановит свою форму и приползет мстить обидчику. А того несчастного уже несколько сотен лет никто не видел.

— Мы ездили на них с Хиенной, — подтвердил Антонио, продолжая вглядываться в донесения.

Мерилит проследила за направлением его взгляда, тяжело вздохнула и провела ладонями по лицу, словно вытирая пот.

— Соседи угрожают вторжением, — сказала она, меняя тему. — Слухи о нашем… состоянии быстро дошли до них. Нам грозит вечное рабство. Рахэн-ди не прощает доброго нрава — это считается слабостью.

— У вас сильная армия? — обеспокоенно спросил Аггрх.

— Недостаточно, чтобы отбить нападение со всех сторон, — с горечью произнесла королева.

— То есть помощи по борьбе с Минору можно не ждать? — уточнил Гарб.

— Скорее, это нам бы стоило спешно искать союзников, — печально кивнула суккуба. — Но и это еще не все проблемы. Мастер Ченвай сообщил, что наши ловцы больше не могут собирать души смертных. Без их Дэ мы обречены: йаамы питаются моей магией. Без внешней подпитки я быстро ослабею, а без них…

Антонио непроизвольно сделал шаг вперед и участливо положил руку на крыло Мерилит. Аггрх хотел остановить наглеца, но передумал, решив последить за реакцией королевы. Монаршая особа дернулась, но больше от удивления.

— Ой! — поспешно попытался убрать руку сконфуженный Бурбалка.

Вместо ответа пуута жадно вцепилась в конечность смертного пальцами обеих рук.

Гарб с удивлением заметил, что пальчики королевы оканчиваются аккуратными и совсем человеческими ноготочками, а вовсе не длинными уродливыми демоническими когтями, как обычно. Привычных рожек на лбу тоже не было.

— Неужели не чувствуешь? — томно спросила пуута.

— А? — покраснел Антонио, но руку вырывать не стал. — Перья под рукой чувствую, пальцы еще мягкие, а че?

— Ты наполняешь меня силой, дорогой! — королева задышала часто и глубоко.

Ее глаза прикрылись, по телу пробежала судорога. Наконец девушка встала и повернулась к ошарашенному Бурбалке, закрыв их обоих от остальных компаньонов. Раздался громкий звук поцелуя.

— Нет! — Гарб одним прыжком преодолел расстояние, отделяющее его от Мерилит.

Крылья резко сложились, обдав шамана волной благоухания. Аромат защекотал ноздри, будоража кровь и навевая приятные воспоминания. Гоблин в растерянности отпрянул. Антонио стоял немного смущенный, но целый и невредимый. Парень часто-часто моргал. На его губах играла шкодливая улыбочка человека, которому только что пообещали райские

кущи, но не после смерти, а прямо здесь и сейчас. Бурбалка до сих пор ощущал аромат дыхания и крепкое прикосновение пухлых чувственных губ цвета спелой вишни к его губам. Пахло цветущей лавандой, благоухало ароматом липы и еще чем-то волнительным и зовущим.

Королева тоже выглядела немного смущенной, и орк сходу понял, что все его планы пошли прахом. Вцепиться от отчаяния себе в волосы и рвать их прямо тут при всех помешала только гордость.

— Но ведь поцелуй суккубы убивает любого смертного! — выпалил Гарб, осматривая человека, не иллюзия ли тот. — Хиенна рассказывала.

— Именно, — подтвердила Мерилит, сладко потягиваясь, подобно кошке. — Только, если вы еще не заметили, я больше не суккуба.

— А кто? — подозрительно осматривая королеву со всех сторон, спросил Аггрх, не показывая, как ему сейчас обидно.

Пуута указала на крылья, место, где были рога, и продемонстрировала пальцы.

— Если судить только по внешним признакам, то я…

— Ангел во плоти! — с восхищением закончил за нее Адинук, лихорадочно, словно боясь не успеть, делающий пометки в своем дневнике. — Служитель богов!

— Настоящий архетипичный селестиал, — констатировал Гарб.

— Богиня, — прошептал Антонио.

Его так раньше не целовали. Он бы никогда и никому в этом не признался, но до сих пор его вообще никак не целовали. И это нежное прикосновение вскружило смертному голову. Он хотел еще и немедленно, а она подмигнула и украдкой послала еще один манящий воздушный поцелуй еле заметным движением чувственных алых губ. Как же прекрасны ее смоляные волосы на фоне белоснежных крыльев и алебастровой кожи, как великолепны жемчужины зубов, как изящны движения тонкого стана, как восхитителен маленький аккуратный носик. Бурбалка поймал себя на том, что начал мыслить образами из поэм Адинука.

Мерилит обвела всех взглядом. В ее глазах плясали озорные искорки.

— Я теперь тивада. Мы были такими раньше! Выгляните наружу!

К окнам можно было и не подходить: некогда вечно багровое небо вдруг ни с того ни с сего окрасилось в пронзительный голубой цвет. Подул легкий ветерок, и до компаньонов донесся свежий воздух, начисто лишенный запаха серы. Запахло свежестью весеннего утра, иголками соснового бора, медоносными травами и недавно прошедшей грозой.

— Смотрите! Смотрите! — закричала Мерилит, и все поспешили увидеть чудо своими глазами.

За стенами замка до самого горизонта простирались золотые с прозеленью поля и изумрудные леса. Где еще недавно река несла вязкую бурлящую жижу коричневого цвета, теперь протекал удивительно чистый и прозрачный ручей.

С десяток пуутов подошли к воде и озадаченно смотрели на это необычное явление, не в силах понять, что происходит. Один из них — шарообразный монстр, утыканный иглами со всех сторон, поскользнулся на крутом берегу и неуклюже плюхнулся в воду, взметнув множество брызг. Его отчаянный рев прервался, когда чудовище полностью погрузилось в ручей.

Удивлению его соплеменников не было предела: наружу вынырнуло уже вполне гуманоидное существо: высокий и немного полноватый мужчина в самом расцвете сил, с

курчавыми черными волосами, правильными чертами лица и немного смуглой кожей. Тело его тускло, но вполне различимо, светилось. Цвет свечения напоминал небеса над головой, но казался куда более насыщенным — не то синим, не то фиолетовым. Мужчина сошел бы за человека или эльфа, если бы не чересчур высокий рост да все те же маленькие наросты на лбу, некогда бывшие рогами.

Превращенный замолотил руками по воде, а затем вдруг успокоился и поплыл, заливаясь радостным хохотом. Словно к нему вернулась память о давно минувших днях, когда его предки еще чувствовали себя в шумных стремительных волнах как дома.

Остальные, недолго думая, попрыгали вслед за сородичем. Потерявшие свой жуткий облик демоны весело смеялись и ощупывали друг друга, пребывая в совершенном восторге.

— Они тоже тивада! Они переродились! — захлебываясь от восторга, рассмеялась королева.

— Вода! Водичка! — радостно завопили Бурбалка и Адинук.

Они бросились к выходу, но Гарб проворно перехватил их.

— Сначала нужно проверить, не ядовитая ли она для нас.

— Интересно, эта животворящая водная артерия отсюда далеко течет? — задумчиво спросил Аггрх, еще больше обнажая торчащие изо рта клыки с легким рычанием.

— Через весь слой, — не уловив подвоха, ответила Мерилит, все еще улыбаясь.

— Значит, Ваше Величество, армии у вас скоро не будет, — клацнул зубами орк, добавив. — Без когтей, шипов и толстой шкуры много не навоюешь, если по-другому не обучены.

Королева рухнула на стул как подкошенная. Ее взгляд затуманился. Девушка положила подбородок на подставленную руку и оперлась локтем о резную столешницу в глубокой задумчивости.

— Мы обречены? И наш новый прекрасный мир тоже? — одинокая слезинка робко показалась из краешка правого глаза королевы, но пуута решительно смахнула ее. — Не позволю! Мы обрели шанс на спасение не для того, чтобы стать рабами!

— Я думаю, стоит попробовать научить ваших подданных боевой магии, — заметил Гарб. — Если они хоть что-то умели раньше, это позволит противостоять любому вторжению.

— Да, колдовать у нас умеет почти каждый, вот только на большинство пуутов магия почти не действует. Нам она нужна для другого, — нахмурилась Мерилит. — И где им прикажешь брать силу для заклинаний? Своей Дэ им не хватит даже на маленький фейерверк. Если только…

Все посмотрели на Антонио.

— Чего? — громко возмутился человек. — Нашли дурачка! Не собираюсь я лапать столько демонов!

— А если я попрошу? — глазами, полными мольбы, посмотрела на него королева.

Отказать было решительно невозможно.

Глава 25

Кислота лавы не теплее.
Пуутская поговорка

Инициация, для которой им отвели помещение недалеко от входных ворот, продолжалась всю следующую неделю. Компаньоны рассудили, что, если Минору никуда не сбежал сразу, значит, он или не может этого сделать, или что-то ищет именно в этом слое Бездны. Раз так, то никуда зловредный титан и не денется, а защита от скорого нападения важнее и неотложнее.

— Следующий! — скомандовал Адинук, запуская очередного ангелоподобного тивада.

Вошел высокий, красивый, немного худощавый мужчина, замотанный в белую простыню — почти все они были такими. Две руки, две ноги, без крыльев. У некоторых на голове по паре шишек в местах, где были рога.

Многим все еще не хватало одежды, хотя после турнира минуло уже две недели. Швеи отчаянно пытались пошить наряды на всех, но не справлялись. Не хватало ни рук, ни материалов. С обувью дела обстояли не лучше. Многие тивада ограничивались только набедренными повязками, сверкая бронзовой кожей и все тем же сине-фиолетовым вечением, но их это не огорчало.

Большинству даже нравилось, что пууты утратили видовое разнообразие и стали похожими друг на друга. Бывшие импы теперь заглядывались на бывших фурий, получая вполне благосклонные взгляды в ответ. Недавнего инкуба вполне можно было встретить в компании скудно одетого перерожденного карсуна.

Последние так и вовсе прекрасно поделились по половому признаку. В буквальном смысле. Из одного гиганского слизняка получалась разнополая пара тивада. Некоторые особо крупные экземпляры разделились аж на шесть-семь ангелоподобных существ.

— Ну, иди уже сюда, — устало протянул руки к визитеру Бурбалка. — Щас пощупаю.

Тивада подошел к человеку, возвышаясь над ним на полторы головы, и доверчиво протянул к нему большие ладони. Бурбалка дотронулся до него своими, и… ничего не случилось. Восемь тысяч семнадцатый. Счастливчиков, принявших дар от человека, насчитывалось раз в сто меньше.

— Абсолютный ноль, — прокомментировал Гарб, присмотревшись внутренним зрением.

Опечаленный селестиал ушел, освободив место для следующей посетительницы. За приоткрывшейся дверью виднелась многоголовая очередь.

— Много их еще? — спросил Антонио, с тоской в глазах глядя на полноватую женщину-тивада.

Миленькая хохотушка — все, что про нее можно было сказать. Чуть ниже ростом, чем мужчины, чуть полнее, такая же смуглая. На их фоне не слишком светлокожий человек казался куда более бледным. Бурбалке даже беглого взгляда на вошедшую хватило, чтобы Мерилит вознеслась на недосягаемую высоту в его глазах. Хохотушка слишком проигрывала в сравнении. А еще его королева обещала встречу вечерком. Наедине. Только эта мысль позволяла продержаться до сих пор.

— Тысячи, — не обнадежил эльф и вышел за дверь объявлять, что на сегодня прием

окончен.

По толпе пробежал разочарованный вздох. Чтобы народ не роптал, бард достал лютню, вскарабкался на каменный парапет и начал исполнять лучшие баллады собственного сочинения. Мужчины сразу почему-то заторопились по своим делам, а женщины уходить не спешили и пожирали певца глазами. Постепенно по их рядам пошли шепотки, доносящиеся до чутких ушей остроухого.

— Какой красавчик! — сказала одна. — Наши мальчики совсем не такие. Темненькие, а у этого волосики светленькие, глазки зелененькие. Прелесть!

— Жалко, росточком не вышел, — добавила другая, но на нее зашикали.

— Мал да удал! Зато смотри, какая кожа чистая да белая, — подбоченилась третья, та самая полная хохотушка. — Такая только у королевы и есть. Уж я бы с ним потанцевала.

— Да где тебе, толстуха! — заметила четвертая. — Интересно, у него только рост маленький? Уши-то вон какие длинные.

Адинук слушал эти разговоры и удивлялся. Так его еще никогда не принимали. Обычно, стоило наземникам увидеть темную кожу исполнителя, как его сразу гнали в шею от греха подальше.

— Песни, конечно, ничего, — услышал он восклицание очередной барышни, — но выглядит он куда лучше, чем поет. Ладненький такой, весь изящненький. Хоть поглазеть есть на что. А сзади он тоже симпатичный, видел кто-нибудь его тыл?

Для барда не существовало худшего оскорбления. Так принизить его талант! Он прервал пение на середине и быстро вернулся во дворец, оставив разочарованных поклонниц снаружи. Внутри его встретили вопросительные взгляды компаньонов.

— Что там? — встревоженно спросил Гарб.

— Катастрофа! — возопил Адинук, заставив гоблина вскочить и судорожно вцепиться в посох. — Немедленно верни все, как было! На меня теперь смотрят, как на кусок мяса.

— Что именно тебя не устраивает? — вечно угрюмая физиономия Аггрха на миг осветилась саркастической улыбкой.

Орк развалился в кресле, закинув ногу на ногу, и покачивал сапогом. Одной рукой он подпирал скулу, а пальцами второй почесывал густую черную бороду. Растительность удачно скрывала несколько шрамов, делая зеленокожего не таким свирепым с виду. Он очень рассчитывал вскоре применить это изменение внешности себе на пользу.

— Все! — выпалил эльф и театрально спрятал лицо в изящных ладонях. — Все не устраивает! Я не хочу так жить! Музыка — это все, что у меня есть. Если им нужен я, но не нужна музыка, я предпочту смерть!

— У тебя же есть паучиха, — небрежно заметил зеленокожий. — Ей играй! Нет бы радоваться, что хоть так воспринимают. Меня вон некоторые вообще категорически сторонятся, но я же не ною по этому поводу. Есть и другие радости в жизни.

— А ведь точно! — обрадовался Адинук. — Спасибо тебе, орчуля!

Лусид быстрым шагом направился в свою комнату, бормоча «только она одна меня понимает и ценит».

Когда эльф ушел, Аггрх постучал себе пальцем по виску.

— Никогда не понимал, что у этих бардов в голове.

— Не ты один, — пожал плечами Гарб.

Антонио ничего не сказал. У него слишком сильно болели руки.

***

На следующий день Адинуку пришла в голову блестящая идея.

— А давайте и мы попробуем накладывать руки на тивада? Если получится, работа пойдет быстрее, как корабль при попутном ветре.

— Гипотетически… — начал Гарб, но осекся, вспомнив про то, как он выглядит, употребляя незнакомые для собеседников слова. — Короче, очень маловероятно, что получится быстро проверить. Даже если предположить, что кто-то из нас обладает теми же способностями по передаче энергии, нужно дотронуться именно до того тивада, который может ее воспринять. Поскольку, в среднем только один из сотни восприимчив, на это уйдет полдня для каждого из нас. При этом отсутствие результата не гарантирует, что кто-то из нас лишен данной способности. Просто может так случится, что еще не подвернулся под руку нужный приемник энергии. Нужно потом прошедшего через нас подводить к Бурбалке для подтверждения.

— Поддерживаю, — сразу согласился с ходом рассуждений шамана Аггрх, поглаживая бороду большим и указательным пальцами правой руки. — Хотя, попробовать все равно стоит.

Бард почесал маленький изящный нос и удивленно воззрился на орка.

— Почему же? — спросил он. — Гарб, вроде, убедительно доказал, что это такая же пустая трата времени, как поедание прошлогодних сосновых шишек.

— Во-первых, — зеленокожий нравоучительно поднял палец вверх, — это действительно может сработать, хотя я в этом сомневаюсь — шанс маленький.

— А во-вторых? — уточнил Антонио, выглядящий немного помятым после предыдущего дня и несостоявшегося по вине Мерилит ночного отдыха.

Помятым, но ничуть не расстроенным.

— Во-вторых, не одному же тебе девок лапать, — осклабился орк. — Я тоже хочу.

Адинук поморщился при воспоминании о вчерашнем концерте.

— Хочу напомнить, что среди них встречаются и мужчины.

— Вот их сами и трогайте, — великодушно махнул лапищей орк, оставив по такому случаю удобное кресло. — Остальных можете вести ко мне.

Час спустя счет получивших силу от ладоней Антонио перевалил за десяток. Остальные могли похвастаться нулем, а орк еще и парой дюжин пощечин, две из которых даже достигли цели.

Первую тивада — смуглую широкобедрую брюнетку с выдающимся во всех смыслах бюстом орк попытался пощупать именно за грудь.

— Хам, — процедила дама сквозь зубы на пуутском, глядя суженными глазами на лапищи орка.

Ее правая ладонь широко размахнулась и смачно съездила ухмыляющегося нахала по щеке. После оскорбленная женщина резко развернулась на месте и удалилась с высоко поднятой головой.

В ответ на возмущение компаньонов воин принялся настаивать, что трогать «пациенток» нужно непременно за ягодицы или грудь, иначе «сила не найдет нужного пути». Друзья пожали плечами, мол, дело твое, но лучше бы ты голову поберег.

Понятное дело, далеко не все пациентки восприняли такую процедуру как должное. Королева, конечно, приказала всячески содействовать смертным, но это было за гранью даже для вдруг ставших законопослушными тивада.

— Пора закругляться, — заявил зеленокожий, потирая щеку после второго меткого

попадания по ней тяжелой женской ладони. — Совершенно бесполезное занятие.

При этом хитрец светился от предвкушения: с десяток назначенных свиданий он себе все же обеспечил. Неизвестно, на что именно клевали некоторые местные красотки — на приближенный к королеве статус или просто его непохожесть на местных парней. Только теперь график бывшего гладиатора оказался расписан на неделю вперед. Жизнь, кажется, налаживалась.

— Полностью согласен, — Адинук уже тоже не горел желанием продолжать.

«Пациентки» и даже некоторые «пациенты» оказались сами не прочь потискать смазливого эльфа, и несколько раз ему пришлось отбиваться от чересчур назойливых приставаний. Бард начал всерьез тосковать по временам, когда его внешность скорее отталкивала, чем привлекала.

***

Еще час спустя Гарб признал, что именно руки Бурбалки и только они могут напитать бывших пуутов силой.

— Наверное, тут дело в сочетании ряда факторов, — наконец сдался шаман. — Есть большая доля вероятности, что влияние оказывается как твоей частичной нематериальностью, так и возможностью путешествовать по мирам. Также все это дополняется тем фактом, что ты смертный. Передается чужая энергия через проводника в твоем лице. Вопрос только в том, чья именно сила черпается извне. Я даже не уверен, что это именно Дэ, а не какой-то другой вид силы.

— Если где-то прибыло, значит, где-то столько же убыло, — глубокомысленно добавил Аггрх.

— Главное, чтобы сюда не заявились хозяева всей этой мощи, — Бурбалка сидел на стуле, полностью вымотанный безумным испытанием, выпавшим на его долю.

Руки парня горели огнем и налились такой тяжестью, будто он не просто трогал множество красивых высокорослых тивада за руки или плечи, а по меньшей мере таскал мешки с камнями. Со счета он сбился в первый же день. Через него прошли тысячи тивада, многие из которых получили огромный запас энергии для колдовства.

— Не все ли равно? — спросил Адинук, выглядя при этом совершенно не от мира сего. — Подумайте лучше, не опустошается ли таким способом какой-нибудь чудесный беззащитный мир, полный, например, милых маленьких разумных волшебных говорящих пони.

Компаньоны переглянулись, как бы ища в глазах друг друга подтверждения, что это бред и таких миров не существует.

— Или не вернутся ли пууты завтра в свое привычное состояние, и у некоторых из них хватит мощи, чтобы свернуть горы, — мрачно поддакнул Аггрх, заставив остальных по-новому взглянуть на ситуацию.

— Я старался даже не думать о такой вероятности, — неспешно произнес Гарб. — Но в этом случае мы хотя бы сможем вернуть обратно Михеля и Хиенну.

Компаньоны сошлись на том, что время покажет.

С подданными Мерилит между тем происходили разительные перемены не только во внешности.

— Так, не толпимся! Не толкаемся! Записываемся в список и тихонько стоим в очереди, не нарушая общественное спокойствие! Ровнее! Еще ровнее! — звучало то тут, то там.

По замку сновали писцы с перьями в руках и приклеивали на мебель и прочие предметы

интерьера инвентарные номера, помечая что-то в длинных свитках. Все происходило в полнейшем порядке, без лишней суеты и шума. Знакомые с обратным поведением местных жителей, компаньоны поудивлялись немного, а затем привыкли.

— Часть пророчества насчет порядка хаосу, похоже, тоже сбывается, — заметил в один из дней Гарб. — Надеюсь, что остальное также свершится достаточно скоро.

Еще одно изменение бросилось в глаза почти сразу после превращения демонов в тивада.

— Лови! — звонкий детский голос раздался во дворе, заставив компаньонов дружно выглянуть из окна.

Среди тивада, выстроившихся во дворе замка, сновали бойкие смуглокожие ребятишки.

Вскоре звонкий детский смех наполнил мрачные коридоры замка и пространство вокруг него. Похоже, компаньоны раньше просто не замечали демонических отпрысков, принимая их за пуутов меньшего размера. Детишки были миловидные — просто загляденье. Их веселые игры и беготня заставляли лумейцев еще острее чувствовать свою ответственность за судьбу здешних обитателей.

Вскоре стало ясно, что все население Антонио перетрогать не сможет: либо времени не хватит, либо руки отвалятся. К тому же даже среди тех, кому магическая энергия все-таки досталась, действительно способных к боевой магии тивада оказалось не так и много. С показавшими достойные результаты начали занятия Гарб и Мерилит.

— Что будем делать с остальными? — Гарб подозвал к себе Аггрха, и орк неохотно оторвал взгляд от посылающей ему воздушные поцелуи из двора замка очередной бронзоволицей и чернобровой красотки со светящейся кожей. Слухи разносились быстро, а репутация сердцееда вполне устраивала воина. Разве только он начал задумываться, хватит ли ему здоровья на всех желающих. Приступы головной боли давно его не беспокоили, и Аггрх с радостью бросился в пучину гедонизма, пока была такая возможность.

— Что тут думать! — сказал он. — Надо их обучить военному делу.

— Вот ты и займись, — безапелляционно заявил гоблин. — Кроме тебя, сам понимаешь, некому. С Мерилит я уже договорился. Приказ подписан.

Аггрх не был уверен, что это хорошая идея. У соблазненных им дам могли найтись поклонники или даже мужья. Вдруг кто-то из них решит отомстить. Все же зеленокожий согласился, потому что панически боялся он исключительно пауков.

***

— Равняйсь, смирн-а-а-а! — голос орка разнесся над плацем.

Ради такого дела он даже выучил несколько команд на пуутском, чтобы солдаты хотя бы частично понимали его без переводчика.

В нелегком деле муштры у новоиспеченного генерала неожиданно обнаружились помощники. Аггрху даже не пришлось ничего организовывать. К моменту его выхода из дворца стройные шеренги новобранцев уже стояли на том месте, где не так давно проходил турнир. Трибуны разобрали, но ровная площадка осталась.

Орк вышел, оглядел свое «воинство» и насчитал тысяч десять тивада. На их смуглых ангельских лицах выражалась полнейшая покорность и мысль «Ну, если так надо…». Аггрх оценил крепость тел солдат и пришел к выводу, что для боя они годны, если как следует обучить.

— Я сделаю из вас бойцов, сосунки! — крикнул он, и толмач сразу перевел слова генерала.

Перед строем неловко топтались оба давешних соперника по арене. Изменения во внешности этих двоих после купания оказались несущественными. Разве что птицедемон стал птицеангелом и лицом теперь был больше похож на обитателя Лумеи. У темнокожего великана так и вовсе исчезли только когти да злобный презрительный прищур сменился доброжелательной улыбкой. Оба увальня просто лучились добродушием.

— Так вы двое еще здесь! — обрадовался им как родным зеленокожий. — Надеюсь, мечом махать не разучились?

Оба утвердительно, хоть и немного нерешительно кивнули.

Тивада выполняли все команды четко и дисциплинированно. Шагали в ногу, поворачивались, ложились и вставали… все было хорошо, пока дело не дошло до обращения с оружием.

Как оказалось, подавляющее большинство из них после перерождения обрело склонность не только к порядку, но и к пацифизму, граничащему с легкой придурковатостью.

— Всем взять мечи и повторять за мной! — отдал приказ орк, указывая на стойки с оружием, стоящие неподалеку.

Толпа не шелохнулась.

— Не понял, — прорычал орк, сам схватил несколько клинков и втиснул их в ладони солдат. — Вас Михель до меня учил, что ли? А ну отставить мягкотелость!

Процесс пошел веселее. Вскоре все, кому хватило мечей, взяли их в руки. Остальные довольствовались палками.

— Сейчас будем учиться делать выпад, — сообщил орк и показал нужные движения. — Разойтись и всем тренироваться. Вы двое исправляйте ошибки новобранцев.

Выпады армия научилась делать довольно быстро. Парирование и уклонение тоже, но как только дошло до тренировочных боев… Тивада просто отказывались поднимать оружие на своих собратьев.

Орк негодующе рычал и скрипел клыками. Шрамы на его лице налились кровью от возмущения, но заставить огромную толпу — из которой, по мнению генерала, вполне получилась бы отличная ударная сила — учиться применять оружие по назначению никак не выходило.

Двое помощников тоже не особо помогали. Оба прекрасно фехтовали с Аггрхом, демонстрируя обучаемым приемы и навыки, но вообще не желали делать то же самое с другими тивада.

— Осмелюсь доложить, — начал Тиргилон, рослый темнокожий детина, — что мы очень мирные создания. Теперь, когда мы вспомнили о нашей природе, нам сложно вот так вот прибегать к насилию.

Аггрх в крепких выражениях рассказал все, что он думает по этому поводу, и продолжил занятия.

— Черти вы полосатые! — в сердцах заорал орк на новобранцев, старательно стоящих навытяжку после очередной провалившейся попытки отработки хотя бы одного удара на живом партнере. — Я вам покажу кузькину мать!

Кузь-кой в орочьем народе прозвали личинок жука, который является страшным вредителем кукурузы. Сие растение на Лумее составляет основной рацион орков-земледельцев. Любому зеленокожему с пеленок известно, что взрослые особи Кузь-ки неплохо переносят зимнюю стужу, зарываясь глубоко в землю. Угрозу показать мать Кузь-ки

— то есть взрослую самку жука — надо понимать просто как обещание закопать на пару дней по самую шею в землю. Это довольно распространенное среди орков наказание для буйных голов. Вот только откуда переводчику было знать о подобных тонкостях?

Толмач старательно пытался переводить непонятные даже для него выражения, угадывая значение по общему смыслу. На последних словах он не смог подобрать аналог, побледнел и перевел дословно, нервно сглотнув. По стройным рядам пробежал испуганный шепоток.

Тивада хоть и заметно подобрели, но робости перед смертным не испытывали… до этих самых слов. Кто такая мать Кузьки? Кто такой сам Кузька, наконец?! Ответов переводчик не дал, и неведомое доселе для почти неуязвимых демонов липкое чувство страха неизвестности поселилось в их умах. Они стойко перенесли обиду на то, что их обозвали чертями. Да появись перед ними хоть пять файлаков из Эльжахима, они бы не дрогнули, но эта таинственная кузькина мать…

Обучение сразу начало продвигаться семимильными шагами, и Аггрх не мог нарадоваться на старательность своих рекрутов. Превозмогая отвращение к необходимости лупить ближнего своего со всей дури тяжелыми, а иногда и острыми предметами, тивада делали все, лишь бы не увидеть родительницу загадочного Кузьки.

Недели тренировок и муштры, конечно, было совершенно недостаточно для создания боеспособной армии, зато железная дисциплина радовала. Оной немало поспособствовал указ Мерилит о всеобщей воинской повинности. Страсть к исполнению законов перевешивала все остальное. Тивада, ознакомившимися с волей королевы, неожиданно овладевал столь мощный порыв патриотизма, что от природного миролюбия не оставалось и следа. Возможно, не последнюю роль сыграло наказание в виде исключительной меры, предусмотренное за уклонение от призыва и невыполнение приказов командиров.

Аггрх, однако, тосковал. Несмотря на успехи у дам, которых только прибавилось из-за его новой роли в обществе, орк продолжал чувствовать себя обделенным. Воспоминания о предложениях Большого Лю все чаще всплывали из глубин памяти на поверхность сознания. Стоило согласиться, и в распоряжении зеленокожего оказались бы все блага, какие он пожелает. И в ответ ведь нужна была совершенно малюсенькая услуга, даже души в счет уплаты не требовалось. Может, стоило принять условия?

— Те, кого ты называешь друзьями, — подчеркнул голосом последнее слово Большой Лю, — все равно предадут рано или поздно, так или иначе, тем или иным способом. Я дам тебе время на размышления. Хорошенько подумай, ведь не каждому выпадает такой шанс в жизни.

И орк думал. Снова и снова он прокручивал в голове тот разговор. Такие мысли изрядно расшатывали едва установившееся душевное равновесие и снова воскрешали головную боль, которая, казалось бы, уже отступила. Воин срывал приступы дрянного настроения на солдатах, но это, похоже, только шло дисциплине на пользу.

В общей сложности зеленокожему генералу удалось худо-бедно натренировать десять тысяч триста пятьдесят семь воинов, — они тут же пересчитались и доложили о своем точном количестве, — которые не стали бы разбегаться при виде вторгающихся несметных орд злобных демонов. В свою очередь немногочисленные бронники и оружейники, трудившиеся день и ночь, смогли кое-как обмундировать и вооружить этих несуразных вояк. Запасы сырья и материалов вскоре истощились, так что годное оружие досталось не всем, но и безоружным хватало работы по укреплению обороны замка.

— Неплохо по меркам Лумеи, — имея в виду количество, прокомментировал успехи орка Адинук.

— Чует мое сердце, этого будет маловато, — откликнулся Аггрх, не отвлекаясь от созерцания стройных марширующих рядов. — В реальном бою их любой мало-мальски грамотный противник в порошок сотрет. Хотя, насколько я знаю, пууты всем тактикам предпочитают лобовую атаку, и это наш шанс.

— Не забывай про магов и йаамов, — напомнил Антонио, продолжая возлагать руки на подходящих к нему пуутов.

Один взгляд на бесконечную очередь удручал.

— Это все, что у нас есть, — безмятежно сказал Адинук, проверяя, не провисает ли тетива лука. — Хотя можно придумать кое-что еще, — загадочно улыбнулся он.

***

Чистое голубое небо на горизонте раскололось огромной пурпурной расселиной.

— Вот оно, началось, — без энтузиазма сообщила компаньонам Мерилит, указывая на необычное явление и прижимаясь к Антонио. — Моих сил не хватило, чтобы сдержать открытие портала.

Гигантская прореха в пространстве между слоями Бездны продержалась около получаса, а потом свернулась. Спустя еще полчаса до замка дошел сильный гул, повыбивавший все стекла на верхних этажах башен цитадели.

Командиров, имеющих хоть какое-то представление о тактике, не связанной с простым наскоком на врага и управлением армией, не было. Поэтому общее командование королева поручила Аггрху, подтвердив его полномочия и официально назначив главнокомандующим. Орк, впрочем, другого и не ожидал, когда спешно пытался превратить толпу мирно настроенных тивада в грозную боевую силу.

По такому случаю местный мастер даже сплел для новоиспеченного генерала прекрасную кольчужную рубаху с длинными рукавами и капюшоном из редкого в Рахэн-ди мифрила. Изделие из серебристого металла идеально село на тело воина, подчеркивая все бугры мышц.

— Ух ты, легонькая какая, — покрутился Аггрх перед зеркалом. — Наверное, не больше фунта и весит. Мастер, прими мое восхищение.

Орк не зря похвалил умельца. В кольчуге навскидку было не меньше пятидесяти тысяч колец двойного плетения. Если зеленокожий правильно помнил, то на Лумее такие вещи стоили непомерно дорого и делались на заказ по полгода или даже дольше. А тут за каких-то три дня! Не иначе магия поработала.

— Знамо дело, — хмыкнул кузнец, осматривая довольного клиента. — Будут жалобы, заменю по гарантии. Надо только будет заполнить формы Ф-61 и З-93, а еще предъявить удостоверение личности и справку о внесенной госпошлине.

— В смысле? — не понял Аггрх, но мастер уже удалился, что-то бурча на пуутском про разведенную в стране бюрократию.

Рубашка доставала генералу до середины бедра. Голень прикрывали сапоги из толстой кожи. Для сносной защиты не хватало приличного шлема и поножей, но у большинства солдат и того не было. Орк аккуратно одернул рубаху, стянул ее на талии поясом, надел поверх старый кожаный нагрудник и в таком виде вышел к армии на торжественный смотр.

— Это как это? — растерянно пробормотали некоторые солдаты после объявления глашатая. — Что ж получается, теперь не самки командовать будут?

— Сами вы самки! — обиделся кто-то. — Попрошу уважительнее относиться к женщинам!

— Но… — не сдались первые, — ведь это ненормально, чтобы было, как у маров, когда командуют мужчины.

— Эй, в соседнем слое, сказывают, как раз самцы у власти и ничего, живут же как-то!

— Разговорчики! — прервал их переводчик, которому генерал дал подробные инструкции по поводу таких настроений. — У вас есть королева, и командует тут она. Генерал просто выполняет ее волю. Вопросы?

Вопросов больше не было. Четкость и однозначность приказов вкупе с возникшей у тивада одержимостью порядком сделали свое дело.

— Каковы будут ваши приказания, генерал? — обратился к Аггрху Тиргилон.

Все взоры устремились на командующего. К орку неожиданно пришло осознание, что от его действий зависит судьба если не целого мира, то целого народа.

— Высылайте разведчиков, — решительно сказал зеленокожий, гордо выпятив грудь. — Я хочу знать, численность врага, его возможности — все, что может оказаться полезным. Нужна карта местности. Себя пока не выдавайте. Пусть противник пребывает в неведении как можно дольше. Если есть летуны из переродившихся импов, задействуйте их.

***

Квимиаль носил титул тхана. В теории это означало, что он ведет свой род от богов. На самом деле он сам когда-то… наверное. Он не помнил точно, что было до изгнания. Полустертая память тоже считалась частью наказания: силишься что-то вспомнить, но не можешь, хотя точно знаешь, что помнить должен. Тхан знал лишь одно: сейчас он командует армией вторжения. Его это устраивало.

Генерал взгромоздился на массивный замшелый валун, стоящий на скале и нависающей над входом в омерзительную долину, полную красок, среди которых преобладал зеленый цвет. Командующий экспедиционным корпусом сто двадцать шестого слоя не мог похвастаться высоким ростом, уступая в этом отношении даже простым солдатам. Правда, те в основном передвигались на двух ногах или лапах, а он использовал все четыре конечности. Его короткие лапки ловко цеплялись за малейшую неровность, позволяя демону оставаться в любом положении и на любой поверхности сколь угодно долго.

В этом слое командовали самки, в его — самцы. Столкновение давно назревало. И вот наконец повод нашелся. Изначально тхан понимал, что в соседнем слое все будет иначе: другие солдаты, другие обычаи, другая живность. Однако таких сюрпризов война Квимиалю еще не преподносила.

— Л-лорд-командующий, — несмело обратился к нему один из штабных импов, слегка заикаясь в присутствии начальника, славившегося скверной привычкой пожирать тех, кто приносит плохие вести. — Мироходцы клянутся, что мы попали, куда следует. Ошибки быть не может.

— Знаешь, на чем я вращал мнение твоих мироходцев? — Квимиаль мотнул продолговатой головой и впился в подчиненного взглядом крохотных черных глазок. — Видишь вон те зеленые штуки внизу? Это вот, по-твоему, что такое?

Имп с трудом сглотнул, всей чешуйчатой поверхностью шкуры ощущая угрозу. Длинный подвижный нос командира перемещался то влево, то вправо, с шумом втягивая воздух и выдавая ярость, бушующую в груди прославленного полководца.

— Это т-т-трава, к-к-кажется, — с трудом выдавил из себя помощник.

— К-к-кажется ему, — передразнил импа командующий, неистово дергая шипастым хвостом из стороны в сторону. — Тут все зеленое! Даже этот камень, будь он трижды по пятьсот сорок четыре раза проклят до самой середины! Где ты в Рахэн-ди видел подобное?

— Но ваше ж-ж-жестокосердие, — робко возразил имп, — если бы это была Лумея, тут было бы полно вкусных смертных. Да нам пуутам и не положены перемещения в срединные миры, не говоря уже о верхних.

— Не умничать тут мне! — вызверился Квимиаль, втайне признавая правоту сказанного.

Его армию послали не просто прогулки ради. До владыки дошли слухи, что королевой в соседнем слое каким-то чудом стала чересчур добрая пуута. В такой ситуации против вторжения даже сам Иблис возражать бы не стал. Да и излишков населения как раз накопилось на маленькую победоносную войну.

Настолько удобные случаи присоединить к своим владениям соседские земли подворачиваются нечасто, так что тут и думать было нечего. Народ новую королеву вряд ли поддерживает, и завоевание представлялось делом легким. Всего-то и нужно совершить быстрый бросок к столице через портал, перебить гвардию йаамов, изловить королеву и доставить ее к владыке для ритуального поедания. На первый взгляд все просто.

— И все-таки что-то тут не так, — пытаясь осмыслить непонятную метаморфозу, произнес командующий.

Квимиаль считался одним из старейших пуутов в своем слое. Повоевать ему довелось и в Эльжахиме, и в разных частях Рахэн-ди. Генерал подавлял восстания и усмирял непокорных, брал штурмом цитадели и разбивал врага в открытом бою. Но за всю долгую карьеру ни разу не сталкивался ни с чем подобным. Тхан умел вселять страх в сердца своих воинов и ужас в сердца врагов, никогда не ведая этого чувства сам. И все же сейчас его разум глодала странная тревога.

Яркое полуденное светило — тоже диковинка для вторгшейся армии — сияло высоко в бездонном голубом небе, заставляя непроизвольно вжимать головы в плечи тех пуутов, у которых они были. Остальные первое время просто вжимались в землю от страха. В Рахэн-ди всегда царит багровый полумрак, а это нечто невероятное и… волнующее.

Давным-давно, в доисторическую эпоху, Квимиаль видел похожее светило. Воспоминания были крайне смутными, но отчего-то приятными. Где он мог такое видеть? При каких обстоятельствах? Проклятая память за огромный срок настолько износилась, что образы на ум приходили разрозненные и разбегались от узнавания, как юркие паразиты от зубов. Разум подсказывал командующему, что родной мир до изгнания походил на этот, но демон старательно отгонял от себя эти мысли. Не может того быть и все тут!

Имп терпеливо махал крыльями чуть позади командира, стараясь не привлекать лишнего внимания. Над его головой стремительно промелькнула тень. Глаза бесенка, не слишком привычные к такому яркому освещению, заметили только движение. Даже этого хватило, чтобы ком подступил к горлу. Что приготовил для них этот странный слой? Кто тут летает так быстро, что его невозможно увидеть?

Квимиаль повернул глаз и посмотрел на свое пестрое воинство, толпой бредущее по лесу сзади. На самом деле он даже точно не знал, сколько в войске солдат. Тридцать или сорок тысяч? Может быть, даже пятьдесят. Совершенно недостаточно для атаки на Эльжахим, но вполне хватит для захвата соседнего слоя. Почти вся армия состоит, конечно, из импов-стихийников и пишааков. Одни с крыльями, другие без них. Без крыльев крупнее.

Сами мелкие и взрываются после смерти, нанося серьезный урон врагу.

Разноцветные чешуйчатые тела импов мелькали в воздухе то тут, то там, создавая хаос на ровном месте. Пишааки не отставали, суетясь с безумным хохотом под ногами у более крупных солдат. Относись их вид серьезнее ко всему, эти мелкие пакостники давно бы захватили всю Бездну.

Серые головы осадных мупунов виднелись позади. Эти медлительные твари волоклись на своих тонких ногах, еле-еле поспевая за остальными. Сотня инкубов магов и бойцов-рукопашников с мечами и в зачарованных стальных латах, множество рогатых фурий без доспехов, пара сотен прелестниц суккуб, парочка вечно недовольных всем огромных декнумканов, какие-то живые комья грязи, стайка ползучих щупалец — для некоторых видов генерал даже не знал названий. Разношерстный сброд, которому обещали награду. Для успеха должно было хватить и таких, но увиденное здесь путало все планы.

— Выступаем, — наконец указал Квимиаль лапой в сторону долины. — Замок в той стороне.

Деваться-то все равно некуда. Обратный портал получится открыть только после захвата королевы, а пешком топать к переходу в свой слой — лапы сотрешь.

***

— Чтоб вас всех разорвало на мелкие кусочки! — бесновался тхан после донесения об очередном нападении. — Что значит «враг неуловим»? Хоть кого-то вы должны были успеть растерзать!

Неприятель действительно появлялся бесшумно из непролазных для пуутов зеленых зарослей, густо торчащих из земли на всем протяжении маршрута, и так же бесшумно отходил. Небольшие группки демонов регулярно отставали от основной массы, служа превосходной мишенью для нападения.

Для огромной армии такие потери не казались слишком серьезными, но очень подрывали боевой дух. Страх поселился в сердцах демонической орды. И все же свирепые бойцы упорно продвигались к цели. Загадочный враг может убить, а генерал в случае чего сделает то же самое, но гораздо болезненнее. Гнева лорда-командующего они пока боялись больше.

Тем не менее, нападения не только всякий раз наносили серьезный урон, но и отличались разнообразием. Предугадать, откуда в очередной раз атакует загадочный враг и каким именно способом, было невозможно. То скала обвалится прямо на головы ничего не подозревающим бойцам на привале. В другой раз сверху упадут огромные валуны прямо из воздуха и подавят с десяток-другой нерасторопных пуутов. Вылетавшие на перехват импы успевали заметить только мелькающие на фоне облаков шустрые крылатые тени.

Любые попытки прорицателей хоть как-то заглянуть в нужную область страны натыкались на глухую черную стену — явная работа королевы. Квимиаль не мог даже предположить, что тут есть другие настолько сильные маги, и радостно потирал лапы: так глупышка скоро истощит силы, и ее можно будет брать вообще без боя. Йаамов-то тоже ее магия питает!

Разведка показала свою совершенную бесполезность: население словно испарилось, побросав норы и жилища. Специалисты по порталам дохли или сходили с ума, стоило им отправить в Шеол на разведку свои проекции. Неужели изменения в слое настолько катастрофические? Генерал решил не гадать и просто продвигаться вперед к цели. Иного пути все равно не было.

— Там разберемся, главное добраться до замка, — решил он, не веря, что кто-то, кроме маров, может противостоять его войскам.

Остальные слои Бездны извечным врагам попросту никак не миновать. Значит, это не их рук дело.

Хуже всего оставалась ситуация с продовольствием. За короткое время работы портала много еды с собой никто взять не мог. Бойцы с удовольствием ели тела павших в бою товарищей, но на всех этого не хватало. Остальные пытались перейти на подножный корм, но зеленая дрянь, которой солдаты набивали желудки, только вызывала приступы жестокой боли. Дичь же при одном только появлении пуутов разбегалась во все стороны без оглядки.

В один из светлых периодов суток, когда странный огненный шар в небе опустился за край мира и воздух между деревьев заполнился странными белыми испарениями, вызывающими приступы обжигающего кашля при каждом вдохе, охотникам удалось настичь громадное животное. Спина существа была сплошь покрыта иголками. Оно медленно передвигалось на коротких задних лапах по лесу, ломая деревья, и не обращало внимания на суету под ногами.

Голодные пууты попытались добраться до сочного мяса зверюги, напав скопом, но та лишь встала на четвереньки, брезгливо разбросала нападавших кривыми когтистыми лапками и свернулась колючим клубком, став совершенно неуязвимой. «Псих-псих», — фыркнул гигант на прощание, просунув нос сквозь отверстие в иголках и сдув несколько особенно назойливых «букашек».

Проще всего приходилось импам, ловившим своими длинными липкими языками кусачих полосатых мух и прочих насекомых, которых тут водилось великое множество. Долго, однако, так продолжаться не могло.

***

В один из дней в узкую теснину, по которой с маниакальным упорством двигался к цели Квимиаль со своей многострадальной армией, хлынули потоки отвратительной прозрачной ледяной воды. Лорд-командующий предвидел засаду в этом месте и не послал в расселину всех солдат сразу. Однако он совершенно не был готов к тому, во что превратился его авангард.

Никогда прежде пуутам не приходилось сталкиваться с таким количеством воды. Ветераны множества сражений отчаянно молотили когтистыми руками, лапами и щупальцами по обжигающе холодным волнам, уходя с головой в пучину. Где-то там в глубине буруны швыряли их тела со страшной силой о камни, не оставляя ни единого шанса выжить. Квимиаль с грустной усмешкой взирал на печальную судьбу доброй четверти своей орды.

— Это достойный противник, — негодующе прорычал он, в бессильной злобе кроша хвостом скалу позади себя. — Я окажу ей честь и лично выгрызу ее поганую…

Закончить фразу, рассчитанную больше на поддержание духа подчиненных, а не предназначенную для коварных недругов, генерал не успел. С командного пункта было прекрасно видно, как далеко внизу в долине мощный поток начал вышвыривать на пологий песчаный берег обезображенные трупы солдат.

— Да что же это такое?! — только и смог ошарашенно вымолвить видавший виды полководец.

Тела представляли собой отвратительное зрелище, вызывая приступ еле сдерживаемой тошноты. Лишенные всякой защиты — чешуи или толстой шкуры — останки с настолько

голой и тонкой кожей, что сквозь нее едва не просвечивали внутренности, разбросало на огромное расстояние. Зрелище произвело гнетущее впечатление.

— Похоже на то, как выглядят селестиалы, Квимиаль-тхан, — упавшим голосом заметил один из штабных импов, вылетевший из стайки сородичей и неосмотрительно приблизившийся к командиру.

Пасть Квимиаля стремительно распахнулась, выстрелив в сторону наглого летуна длинным языком. Бесенок перепугано заверещал и быстро исчез в глотке генерала со сдавленным хрипом, втянутый внутрь с невероятной силой.

— Это иллюзия, — пресек любые попытки развить тему лорд-командующий, пристально глядя на остальных. — Хитрые негодяи хотят нас запугать, но нас больше, и мы крупнее. Враг будет разбит!

Под тяжелым взглядом его множества глаз, каждый из которых вращался сам по себе так, что Квимиаль мог смотреть одновременно на всех, офицеры вжали головы в плечи и не рискнули что-либо возразить, а с последними словами генерала, прозвучало троекратное, хоть и не слишком стройное «Чийо![1]».

[1] Ура! (пуут.)

Глава 26

Лучше одна душа в когтях, чем сто на Лумее.
Пуутская пословица

Полчища кровожадных демонов с каждым днем подбирались все ближе к уютному маленькому замку, стены которого тивада перекрасили в белый цвет. Друзья с тревогой следили за перемещениями передовых отрядов врага при помощи лазутчиков.

— Их все еще дофига, — Антонио пребывал в подавленном состоянии.

Наложение рук на время пришлось прекратить. «Бедные ласты», как он сам выразился, распухли и просто перестали повиноваться. Из-за вынужденного постельного режима Бурбалка хандрил и все больше поддавался панике. Тревожился он при этом не за себя, прекрасно понимая, что в любую секунду сможет скрыться через портал и отсидеться где-нибудь в укромном месте.

Ему неожиданно полюбился этот мир, вдруг ставший таким красивым. Солнце, небо, трава и деревья, сладкие запахи цветов и фруктов, милые и дружелюбные тивада — все это было куда лучше и приятнее, чем Лумея с ее болотами, гнусными городами, полными нечистот, злыми колдунами, мрачным Подземьем, кишащим опасностями…Этот мир нужно защитить любыми способами. В этом мире он хотел остаться, хоть и не говорил пока никому об этом тайном желании. Тут была Мерилит. В первую очередь Антонио беспокоился о ней. Королева нужна демонам, но они ее не получат, пока он жив.

— Переживаешь? — понятливо подмигнул Аггрх, попутно подписывая какое-то очередное распоряжение из внушительной стопки бумаг, потому что тивада отказывались делать что-то существенное без письменного приказа. — Все пока идет по плану. Они голодают и напуганы. Даже если их главный — полнейший идиот, то ему все равно придется отступить.

— А если наоборот, — тренькнул по струнам лютни Адинук, мечтательно глядя в окно, — нашими именами, быть может, назовут улицы.

— Если будет что называть. Молись, чтобы не закончить жизнь в чьем-то желудке. Пусть это будет безымянная братская могила на худой конец! — жалобно простонал Антонио, пытаясь воздеть к небу хотя бы одну руку.

— Отставить панику, — тихонько рыкнул Аггрх. — Эх, как бы нам сейчас пригодился Каввель с его-то командирским опытом. Целый пиратский флот это вам не шайка неумех, которые меч удержать нормально не могут. Каввель бы их живо…

Вошедший Гарб услышал последнюю фразу и быстро осмотрел присутствующих: что у них на уме? Мысли про Каввеля постоянно преследовали его самого, и только более насущные проблемы позволяли иногда отвлечься. Все бы ничего, но в умную голову шамана последнее время стали закрадываться сомнения, сможет ли без Каввеля вообще состояться окончательный сбор посоха Бирканитры. К тому же гоблин просто соскучился по простодушному увальню. В минуты сомнений тот всегда словом и делом поддерживал «капитана», и сейчас Гарбу этого очень не хватало.

— Их основные силы уже на расстоянии дневного перехода, — сообщил шаман. — Мои маги сообща смогут их кое-как задержать, но на демонов ударные заклинания почти не действуют. Хотя камни на головы все еще работают неплохо, только попасть сложно.

— В бою на открытой местности нам не выстоять, — откликнулся орк. — Всех, кто не может воевать, нужно увести подальше. Для обороны мне тут нужно где-то пятьсот-шестьсот бойцов. Все равно, если прорвутся, нас ничто не спасет, а пока враг снаружи, больше и не нужно. Остальные пойдут с населением. Адинук, у тебя все готово?

— Да, мой генерал, — хитро улыбнулся эльф.

***

— Вот ведь коварные трусы! — Квимиаль висел вниз головой на ветке дерева, обвив вокруг нее хвост.

В прямой видимости находилась королевская резиденция, но ее вид не сулил ничего хорошего.

Жалкая правительница даже не выслала никого сразиться, как подобает порядочным пуутам, а просто засела в цитадели вместе со своим отребьем, которое только и умеет, что бесчестно нападать из засады. Непонятно, правда, куда подевалась большая часть обитателей слоя. В замок все население бы просто не поместилось. Не могли же они просто все вместе собраться и куда-то уйти. Или могли? Но ведь на протяжении всего пути армия так и не наткнулась ни на единого мирного местного жителя! Такую пропасть пуутов невозможно заставить что-то делать одновременно, тем более эвакуировать. Непонятно и из-за этого страшно.

Ослепительно белая крепость сверкала в солнечных лучах, заставляя все глаза лорда-командующего жмуриться при одном только взгляде на неприступные укрепления. Замок на холме, рвы с ядовитой водой по периметру, поднятый мост на массивных цепях и высокая зубчатая стена, донжон в центре, окруженный второй стеной с башенками поменьше, и длинная извилистая тропинка наверх, окаймленная крутыми склонами базальтовых скал. С нее наверняка больно падать. Присмотревшись, командующий увидел еще и подозрительную дыру в арке за мостом. Наверняка из этого проема на головы атакующим льется что-то несовместимое с жизнью.

— Отправьте туда парочку импов на разведку. Пусть сверху посмотрят, что внутри.

Двойка чешуйчатых бесят отправилась на задание буквально через минуту. Не успели они миновать крепостную стену, как оба рассыпались прямо в воздухе снопом искр.

— Р-р-р! — скорее для виду рявкнул тхан. — Отправьте сразу сотню, и пусть они взлетят повыше!

Бесята полетели навстречу неведомой опасности, неохотно помахивая крыльями. Семь наиболее отчаянных смельчаков первыми достигли стены. Вся семерка разом взвизгнула и тут же взорвалась. Еще с десяток взлетел выше с тем же результатом. Остальные благоразумно повернули назад.

Генерал задумался. Длительная осада грозила полным истощением, а штурм таких укреплений — гибелью большей части, а то и всего войска. С виду крепость словно вымерла, но генерал отлично понимал, что это не так.

— Делайте, что хотите, но мост должен упасть, — распорядился Квимиаль, понимая, что в любом другом месте штурм обречен еще до начала.

Штабисты засуетились, раздавая приказания. Нарочные полетели во все стороны, донося волю командующего до всех подразделений. Сигнальщик протрубил длинным хоботом атаку, и вперед выдвинулись дальнобойные бойцы — мупуны. Лес заканчивался на значительном расстоянии от стен крепости. Этого пространства как раз хватало, чтобы снаряды дальнобоев не теряли разрушительной силы, а они сами чувствовали себя

относительно защищенными от возможной вылазки осажденных.

Передвигались мупуны на восьми изогнутых почти под прямым углом тонких с виду, но прочных ножках, пружинивших при каждом шаге. Короткие мускулистые шеи «осадных орудий», увенчанные приплюснутыми серыми головами, напомнили бы Каввелю акульи, если бы минотавр мог сейчас это видеть. Длинная задняя часть тела при этом выступала за задние ноги футов на восемь-десять, волочась по земле и оставляя на ней широкую вдавленную полосу.

— Пошевеливайтесь, жуки навозные! — пропищал их крылатый командир-имп, по совместительству служащий наводчиком.

Мупуны чуть бодрей доползли до места, где заканчивались деревья. По сигналу чудовища развернулись к цитадели задом и привычно положили головы на передние лапы. По следующей команде зады медленно начали приподниматься, одновременно с этим напрягаясь и увеличиваясь в размерах. Имп громко чихнул, и мупуны от неожиданности выстрелили в сторону замка твердыми коричневыми комьями.

— Раздолбаи! — заорал командир, когда ядра полетели не в мост, а расплющились о крепостную стену в разных местах, не отколов от кладки ни кусочка. — Целиться кто будет?

Поймав языком пролетающего мимо жука и немного успокоившись, имп набрал побольше воздуха и закашлялся от боли в груди. Это был уже не первый случай, и бесенок всерьез начал беспокоиться о своем здоровье. Мупуны терпеливо ждали команды. На правила им было плевать, но они знали, что наказание за стрельбу без приказа может быть суровым. Боялись, разумеется, вовсе не наводчика.

Наконец прокашлявшись, бес заметался от одного стрелка к другому, выравнивая задние части бойцов и наводя их на цель хриплыми отрывистыми командами.

— Эй ты, тупомордый! Левее давай! — распоряжался он. — А ты, квадратная голова, чуть выше! Так, хорошо!

Дело свое наводчик знал: следующий залп пришелся прямо в верхнюю часть цели. Ни один заряд не попал в держащие мост в поднятом положении цепи, но следующая корректировка должна исправить это маленькое недоразумение.

Наблюдающий за обстрелом издалека Квимиаль нервно потирал передние лапы, держась за ветку задними. Он все еще висел вниз головой — так легче думалось. Рядом замер в томительном ожидании ударный отряд инкубов, суккуб и декнумканов, возвышающихся над верхушками деревьев. В задачу элитного подразделения входил быстрый прорыв обороны, как только опустится мост и будут разбиты ворота. Декнумканам же следовало выламывать все двери на своем пути.

Третий залп перебил цепи. Четвертый и пятый уничтожили последнюю преграду между лордом-командующим и его очередным триумфом.

— Канг-на[1]! — взревел Квимиаль-тхан, чуть не рухнув с ветки от предвкушения.

В эту авантюру генерал ввязался только по одной причине: правитель обещал назначить его управляющим завоеванным слоем. Пууты не слишком-то склонны сдерживать свои клятвы, но Квимиалю благоволил сам Принц боли Иблис после недавней успешной кампании против маров, и в случае чего можно было рассчитывать на поддержку великого и ужасного. Попытайся правитель отказать тхану в награде, верховный пуут с радостью бы разрешил Квимиалю сожрать сердце самого правителя со всеми вытекающими последствиями. Полководцу очень хотелось наконец осесть где-нибудь в комфорте и покое, чтобы отдохнуть от бесконечных сражений вечной войны, и этот шанс он упускать не

собирался.

Громилы также издали громогласный рев и бросились в атаку, огромными скачками покрывая расстояние, отделяющее их от входа во внутренний двор цитадели. Пятьсот колен[2], триста, сто…

— Ну же! Ну! — шептал полководец, сжимая и разжимая в нетерпении когтистые лапы.

Толпа добежала до моста. В этот момент неведомая сила подхватила Квимиаля — и наступила тьма. Последнее, что увидел прославленный тхан — что-то шустрое, зеленое и очень крупное. Он отчаянно попытался пошевелиться, но не смог. Мышцы словно окаменели и налились непереносимой тяжестью. Сквозь пелену, закрывающую голову, генерал услышал панические вопли штабных импов.

— Что же их могло так напугать? — удивился он, цепенея. — Целую армию самых свирепых существ в обитаемых мирах!

Импов можно упрекнуть в легкомысленности или тупости, но не в трусости или отсутствии желания рвать врага на части своими острыми зубами и когтями. Эти бесята боялись только Квимиаля, но что-то их сейчас напугало настолько, что они не бросились спасать командира.

Его куда-то несли. Крики стихли и отдалились, уступив место тихому шелесту и плеску волн. Последнее заставило тхана похолодеть. Он бы с превеликим удовольствием сжался в комочек, но тело все еще не слушалось.

Вода. Почему Квимиалю так страшно при звуке журчания этой прозрачной субстанции? Ответ очевиден — яд. И все-таки старый воин силился найти другое объяснение в своей памяти, но главное воспоминание все время выскальзывало из объятий разума. При этом тхан продолжал испытывать странную тягу к источнику своего страха. Нестерпимо хотелось нырнуть в освежающую прохладу, покориться и принять неизбежное. Если вода убьет его — пусть будет так, лишь бы это произошло как можно скорее.

И все-таки Квимиаль боялся не за жизнь. К моменту того страшного проклятия он уже был древним, хоть сейчас и не помнил столь незапамятные времена достаточно хорошо. Генерал, однако, привык к своему нынешнему существованию и не желал в нем что-то менять. Вода же сулила перемены. Не всякая вода, а именно эта.

***

Бой в воротах утих, не начавшись. Как только интервенты лишились главаря, их наступательный порыв резко ослаб. Ударная группа успела добраться до рва, пробежала по мосту и попала под холодный душ, пролившийся из верхней части ворот. Вода произвела ошеломительный эффект на демонов. Громилы превратились в рослых гуманоидов со смуглой бронзовой кожей, излучающей едва заметное голубоватое свечение. Сверкая на солнце обнаженными телами, они малодушно отступили к лесу, где их тут же разорвали на куски голодные и все еще кошмарные сородичи.

— Давай этого гада сюда, — распорядился Аггрх, вытаскивая один из зачарованных мечей из ножен и опасливо отодвигаясь от Милены.

Ее тело, покрытое краской разных оттенков зеленого, позволяло отлично маскироваться от добычи в лесу.

— Он не гад, — мягко поправила зеленокожего Мерилит. — Просто ему не повезло находиться по ту сторону восприятия мира.

— Ах, простите мои армейские манеры, Ваше Величество, — подчеркнуто вежливо ответил генерал. — Только я сомневаюсь, что неприятель проявит такое же великодушие,

буде нам доведется попасть в плен, и не употребит в пищу наши бренные тела без лишних разговоров.

Королева бросила на орка недовольный взгляд, но промолчала.

Арахнида скинула добычу со спины на круглый каменный стол и, щелкнув челюстями, подползла к Адинуку. Эльф ласково потрепал паучиху по голове и подставил волшебную суму, чтобы питомица могла спрятаться.

Орк аккуратно, стараясь не подпортить пленнику шкурку, разрезал острием меча кокон.

Взгляду компаньонов предстало диковинное существо. Длинная почти крысиная морда со множеством глаз в верхней части плавно переходила в узкое тело, покрытое густым черным мехом. Хвост по длине почти не уступал туловищу и оканчивался утолщением, похожим на навершие шипастой булавы. Командующий вторжением лежал неподвижно, но его глаза с ненавистью взирали на пленителей, весьма выразительно обещая им страшные кары за столь постыдное беспомощное состояние.

— Пока не впечатляет, — категорично высказался Аггрх, оценивая небольшие размеры пленника.

— Мал да удал, — заметил Адинук, делая себе маникюр пилочкой, позаимствованной у королевы.

В бытность темным эльфом такие мелочи, как краса ногтей, его мало заботили, но изменившийся облик обязывал поддерживать статус высокородного пресветлого лусида. Его это забавляло настолько, что бард даже начал причесываться.

— Это сам Квимиаль, — сообщила Мерилит, не спуская с лежащего полководца глаз. — Он однажды сожрал целую когорту маров, дерзнувших напасть на него в бою. Одним глотком.

Компаньоны взглянули на противника с гораздо большим уважением. Аггрх проникся уважением настолько, что сразу замахнулся мечом, чтобы как можно скорее покончить с вероятной угрозой. Только окрик Мерилит не позволил ему завершить начатое.

— Не сметь! — возмущению королевы не было предела.

Ладонью правой руки она сделала один быстрый пасс, и силовая волна сбила зеленокожего с ног, вырвав клинок из руки и отбросив его к противоположной стене.

— Э? — потирая ушибленный бок, переспросил орк, недоумевая по поводу такой резкой реакции.

То ли белокрылой королеве сильно претило убийство беззащитного пленника, то ли у нее имелись более веские причины не желать ему смерти.

— Квимиаль не просто потомок благородного рода, — грудь Мерилит бурно вздымалась, выдавая сильное волнение. — Он тхан.

Поскольку это мало что объяснило, компаньоны продолжили смотреть на королеву с непониманием.

— За смерть любого тхана, если это не ритуальное убийство, совершенное равным по силе или старшинству пуутом, явится наказывать лично Иблис со своей дружиной, — вдруг раздался голос Антонио, который как раз показался в дверях.

Он отдыхал в своей комнате, но решил, что обязан быть рядом с Мерилит в момент опасности.

— А, раз так, лучше его не трогать, конечно, — согласился Аггрх, потирая слегка искривленный нос с горбинкой, свернутый давным-давно на арене и не до конца вправленный обратно. — Давайте просто уговорим его уйти вместе с армией.

Неизвестно, сколько бы еще компаньоны препирались, если бы «парализованный» неожиданно не вскочил и не прыгнул со стола сразу на потолок. Все бросились врассыпную, а Квимиаль издал короткий смешок.

— Сме’ртные, селестиалы, вода, зелень к’ру’гом… — прохрипел пленник, говоря на всеобщем с небольшим, но заметным акцентом.

Он раскачивался на присосках своих лапок и не проявлял агрессии. — Будьте вы все п’рокляты. Одно’го не пойму, как вы умуд’рились п’ри’ручить мэн’гмуму п’ри всем п’ри этом, да еще такую здо’ровенную? И почему она не п’рев’ратилась до сих по’р во что-то подходящее этому ми’рку?

— Кстати, да, — наклонился Аггрх к Адинуку, не спуская глаз с Квимиаля. — Как ты теперь с ней управляешься, когда она такой стала?

Бард кивнул. Соломенные волосы эльфа выбились из-под обруча на голове, и Адинук торопливо принялся запихивать их обратно.

— С нежностью и лаской, — ответил он с застенчивой улыбкой. — Я ведь тоже изменился, но это не мешает Миленочке меня любить.

Мерилит вернулась к столу, над которым висел тхан, и почтительно обратилась к нему на пуутском. Тот ответил. Завязался неспешный диалог.

— Что она говорит? — шепнул шаман Бурбалке, держа посох и магию наготове.

Аггрх и Адинук придвинулись ближе, тоже надеясь услышать перевод.

— Рассказала ему правду, как стала королевой, — прошептал в ответ Антонио. — Про нас рассказывает и про Минору тоже.

Квимиаль при упоминании древнего недоверчиво защелкал языком. Потом, видимо, что-то сопоставил в уме и легонько зарычал.

— Говорит, надо поймать эту сволочь и распылить по всей Бездне окончательно, — хмыкнул человек. — Предлагает помощь своих войск, а она отказывается.

— Правильно делает, — шепнул Аггрх. — Демонам верить нельзя.

— Да, я бы тоже не стал мне дове’рять, — громко прохрипел Квимиаль. Слух у него, по всей видимости, был еще лучше, чем зрение. — Но я ‘расскажу, почему моя экспедиция тепе’рь не имеет смысла.

— Валяйте, коллега! — фамильярно предложил орк, подобрал упавший меч и не вложил его в ножны, оставив в руке.

Квимиаль намек понял и прикрыл веки. Означать это могло все, что угодно. Мерилит, однако, кивнула и улыбнулась, успокаивая компаньонов: драки не будет.

— Королеву выбрал народ, и мне придется с этим смириться, — генерал вновь заговорил на пуутском.

Ему тяжело давался разговор на чужом языке, и демон попросил переводить его слова для смертных. Мерилит пересказывала смысл, а Антонио время от времени вставлял подробности, которые владычица иной раз сознательно опускала.

— Мы думали, что новая королева просто съела старую и впитала ее силу, как это обычно происходит. Тут же случилось совершенно другое, чего мы никак не ожидали. Значит, легко забрать власть не получится. Да и куда моей маленькой армии воевать с целым слоем? Разве только ваши пууты превратились не пойми во что, но это уже совсем другое дело. Я хочу изловить Минору и заставить его вернуть все, как было. Если не получится, пускай Принц боли разбирается с бардаком, который вы тут устроили.

Квимиаль немного помолчал, а затем заговорил снова.

— Есть еще одна причина мне верить, — сказал он с тяжелой одышкой. — Здешний воздух плохо на меня действует. На всю мою армию. Так что в наших интересах убраться отсюда поскорее.

— Если хочешь быть здоров — закаляйся, — пропел Адинук и предложил, коварно потирая руки. — Может, их просто искупать? Сразу легче дышаться будет, как дышится тропическому лесу после песчаной бури.

Квимиаль ловко спрыгнул на стол, приземлившись на все четыре лапы и заставив Аггрха рефлекторно отшатнуться и выставить вперед меч. Тхан лег на брюхо, положив мордочку на передние конечности, как иногда делают собаки, и посмотрел на всех одновременно исподлобья.

— Наши цели пока совпадают, смертные, — прохрипел он, — но от воды прошу меня избавить. Я видел, что она делает с подобными мне, чтобы отказаться сразу. Лучше я побуду в своей шкуре.

— Насколько я понимаю, вам что-то мешает открыть портал обратно, — прервал молчание Гарб. — Так ведь?

— Верно, — подтвердил догадку Квимиаль. — Мерзейшая Мерилит препятствовала нашему появлению здесь так сильно, что запечатала все выходы.

— Ваше Величество, — сдерживая усмешку, сказал Аггрх, — вас не затруднит вернуть тхана и его войско в ту дыру, откуда они повылезали?

— Не могу, — произнесла королева с явным сожалением. — Для этого нужно лишить Минору крыльев. Он поглотил мою мать и забрал ее силу. Когда я получила свои перышки, мне передалась лишь половина власти над слоем. Распечатать выходы в одиночку у меня не получится, хотя я уже пыталась.

— Бурбалка, а у тебя как с перемещениями? — спросил Гарб, повернувшись к Антонио.

Человек пожал плечами и взглядом показал на забинтованные руки. Гоблин знал, что для открытия порталов конечности не нужны, и сделал вывод, что парень просто не в состоянии попробовать.

— Итак, ко'ролева, — снова перешел на всеобщий Квимиаль. — П'римите ли вы мое п'редложение?

Мерилит колебалась. Эмоции отражались на ее лице, сменяя друг друга.

— Иблис не потерпит ни меня, ни мой народ в его нынешнем виде, — наконец сказала она к явному удовольствию тхана. — Я вынуждена пойти на временный союз с тобой, Квимиаль. Ты помогаешь нам найти и уничтожить Минору, а мы не препятствуем возвращению домой тебя и твоей армии.

Тхан неторопливо поднялся и почесал себе брюхо языком, не спуская трех глаз с королевы.

— Думаю, нам нужно скрепить договор кровью, чтобы нельзя было нарушить условия нашей маленькой сделки, — продолжила Мерилит, поморщившись от бестактности командующего.

Пускай он древнее и, может быть, могущественнее, но она все еще королева!

Квимиаль немедленно вернул язык обратно в пасть.

— Я не… — начал было он, но зашелся в приступе кашля, после которого в ярости соскочил со стола на мозаичный пол и злобно прошипел на пуутском. — Будь по-твоему, девка, но ты заплатишь за это унижение, клянусь хвостом.

Для пуута любая клятва, которую нельзя нарушить, всегда оскорбительна.

[1] Вперед! (пуут.)

[2] Пуутская мера длины, равная высоте от земли до коленной чашечки Иблиса. Иблис постоянно растет, так что мера непостоянная и время от времени пересматривается. (прим. авт.)

Глава 27

«Судхайский куньмо тебе собрат **[1]** *!»*
— Квимиаль-тхан

Гарб с большим интересом наблюдал за общением представителей двух почти полностью противоположных миров. Тивада очень быстро изменились как внешне, так и внутренне. Перерождение заставило вспомнить что-то давно забытое и сбросить с себя все демоническое, как бесполезную шелуху. Они сразу приходили на зов о помощи, тепло относились к детишкам, с состраданием смотрели на пуутов, сравнивая свои прекрасные тела с уродливой внешностью демонов и жалели последних. Тивада стали заметно счастливее и радовались каждой прожитой минуте.

Пууты в свою очередь с нескрываемым ужасом взирали на ангельских созданий. Голые мягкие туловища, прикрытые лишь тонкими полосками ткани, не давали никакой защиты от ужасов внешнего мира. Демонам было совершенно непонятно, как можно жить в таких условиях и не трястись от страха. Никто из них не желал себе подобной участи, и все отчаянно хотели поскорее вернуться домой.

Армия пуутов страдала, как никогда еще не доводилось страдать демонам. Део и правда обрек их род на вечные мучения, но в своей мудрости Вседержитель создал мир, в котором ни один пуут никогда не нуждался в пище. Дикие твари давали вдосталь мяса умелым охотникам, а лавовые источники всегда утоляли жажду. Ничего этого теперь не было. Дичь стала куда проворнее и пугливее, а приятную лаву сменила отрава.

Сердобольные тивада искренне пытались облегчить страдания несчастных, стараясь накормить всех голодных. Никто не знает, как им это удалось, но за короткий срок туземцы вспомнили, что такое обрабатывать поля и какая в этом нужда.

Первый урожай поспел за неделю. Тивада философски приняли это как часть чудес своего нового-старого мира и немедленно занялись заготовкой зерна. Хранилища ломились от даров природы, а фрукты, ягоды и грибы в несметном количестве находились в лесах и фруктовых рощах.

К несчастью пришлых пуутов, вся эта отличнейшая снедь совершенно не шла им впрок. Свежеиспеченный хлеб вызывал лишь отвращение, а от ягод животы болели еще сильнее, чем прежде. Возможно, дело было просто в отсутствии привычки. Однако сами тивада на плохое самочувствие не жаловались.

— Мяса! Дайте мне мяса! — самая распространенная мольба в эти дни вызывала лишь сочувствие у местного населения.

Тивада совершенно утратили потребность в животной пище и отказывались ее добывать для армии интервентов. Маги тхана тратили последние силы на превращение продуктов, принесенных им в дар, в живую плоть, которую могли переварить желудки пуутов. Только это кое-как удерживало солдат от голодного бунта.

До инцидентов пока не доходило. Ужас, внушаемый Квимиалем, не ослабел даже после пленения доблестного генерала, повелевшего под страхом жутчайшей из казней не трогать ни пальцем, ни когтем, ни щупальцем никого из тивада или их союзников. И все же становилось очевидным, что долго так продолжаться не может. Не страхом единым в армиях демонов поддерживается боевой дух.

— Нам обещали несметные богатства и славу! Где это все, я вас спрашиваю? Тхан привел нас сюда умирать, говорю я вам! — услышал как-то своим чутким слухом Квимиаль жалобу одного из своих ветеранов.

Его мнение поддержали гневными криками сослуживцы, и генерал быстро удалился, скрежеща зубами от бессилия.

Положение усугубляло отношение офицеров к своим подчиненным и даже к равным себе по рангу.

— Прикиньте, — с некоторым удивлением рассказал компаньонам Антонио, которому не составляло труда шпионить за пуутами из Шеола, — они там реально меряются своим происхождением. У кого род древнее, кто богаче. Старшие офицеры у них ни в грош не ставят младших. Говорят, типа, те недостойны им даже когти на задних лапах лизать. И младшие тоже горазды поизмываться над простым солдатом. Рядовой для них типа грязи под ногами.

— Вот ведь какая штука получается, — задумчиво произнес Аггрх, прикидывая что-то в уме. — Их разбить еще проще, чем я думал. Наносим один мощный удар по начальству, и остальные побегут без оглядки.

— Так мы уже разок такое провернули, — с мягкой улыбкой напомнил Адинук, любовно поглаживая котомку с Миленой.

Орк тоже вспомнил про паучиху и поежился от поползших по коже мурашек. Хвала всем богам, что эта кошмарная тварь, которую боятся даже демоны, оказалась на нужной стороне. Сейчас она по крайней мере слушается хозяина. Какое счастье, что Минору не удалось подправить ей нрав, как пуутам!

Компаньоны сидели в штабе, устроенном в светлом тронном зале. Кажущиеся невесомыми колонны из белого мрамора добавляли освещенности и оптимизма при принятии решений. Большой овальный стол посередине давал возможность вдумчиво и сообща обсуждать тактику и стратегию.

Трон из рубиновых черепов убрали, и теперь его место занимало деревянное кресло, обитое зеленым бархатом. Мебель пустовала. Мерилит все чаще отсутствовала по делам государства, оставив на откуп смертным вопросы войны, мира и поимки Минору. Остальные тивада тоже старались лишний раз не беспокоить друзей королевы, лишь изредка присылая нарочных со срочными донесениями.

В воздухе материализовалась портальная воронка, выплюнувшая с тихим шелестом всасываемого воздуха Ченвая. После поединка с Антонио мастер порталов успел восстановиться. Компаньоны вновь видели перед собой нечто полупрозрачное и расплывчатое, разительно напоминавшее Бурбалку в его бытность бестелесным духом по возвращении на Лумею. Лишь Гарб, глядя магическим зрением, мог смутно разглядеть все того же маленького злобного демона. Мастер стал одним из немногих, кто наотрез отказался купаться.

— Приветствую вас, смертные, — просипел пуут.

Ему, как и вторгшейся армии, нелегко давалось пребывание в этом обновленном мире, но держался чанай гораздо лучше остальных.

— Чем порадуешь, учитель? — чуть прищурив глаза, спросил Бурбалка с небольшой паузой между словами.

Сказано это было вполне будничным тоном, но внимательный знаток человеческих интонаций сразу бы смог уловить в этих словах целый ворох невысказанных эмоций. Тут

было и чувство легкого превосходства, сдобренного некоторой настороженностью, и даже липкий налет страха, все еще таящегося в глубинах подсознания бывшего ученика чародея. Картины пребывания в теневом плане по милости коварного демона неизгладимо врезались в память. К счастью для Антонио, Ченвай находился не в том состоянии, чтобы обратить на это внимание.

— Вести превосходные, мой лучший ученик, — ответил мастер, не заметив подвоха. — Мои лазутчики выследили беглого титана. Он устроил себе логово днях в десяти пути отсюда, если идти пешком. Раньше там были дикие пустоши с целым комплексом пещер посередине, а теперь все сплошь горы, поля да леса. Хотя пещеры никуда не делись.

— Хорошая работа, — похвалил шпиона Аггрх. — А не сбежит он оттуда?

— Это вряд ли, — сипло хохотнул Ченвай. — Мы за ним немного понаблюдали, осторожно, чтобы не спугнуть. Он много времени проводит, скорее всего, где-то в Эфире, а поесть иногда выпадает наружу. Ему тоже нужно питаться! Значит, он уязвим. Мы его из Шеола хорошо видим, а сам он к нам не ходит. То ли брезгует, то ли не умеет. Так что, если напасть внезапно, ничего не успеет сделать.

***

Взревели луженые глотки полковых музыкантов, забили барабаны и воинство пуутов, слегка пошатываясь от истощения, выступило в самоубийственный последний поход. Во всяком случае, именно так его охарактеризовал один из офицеров. Выражение тут же шустрым импом разлетелось по армии, не прибавив мужества и без того павшим духом и изрядно поредевшим полчищам. Демоны шли с непоколебимой решимостью приговоренных к смерти, гордо выпятив грудь и дерзко задрав хвосты, у кого они были.

— Желаю удачи, — коротко напутствовала тхана Мерилит.

Квимиаль только небрежно фыркнул в ответ.

Никто из тивада не дерзнул записаться в проводники для армии голодных захватчиков, всерьез опасаясь за свою жизнь. Двум сильным магам по приказу королевы пришлось отправиться вместе со свитой Квимиаля для сопровождения тхана и его войска к логову Минору. Возразить они не посмели, и остальные смотрели несчастным вслед, грустно покачивая головами. «В последний путь пошли», — подумал каждый из местных жителей то ли про волшебников, то ли про всю армию разом.

— Мы пойдем другим путем, — обронил Бурбалка, глядя вслед удаляющемуся облаку пыли, поднявшемуся за бредущими демонами.

Руки человека совсем восстановились, и лишь легкая припухлость в районе кистей напоминала о совершенном им подвиге. Свершение хоть и не сильно пригодилось на войне, зато позволило тивада направить полученную энергию в мирное русло, изрядно облегчив им жизнь в новом обличье.

В отличие от пришлых пуутов Антонио, как и его демонический учитель, без видимых усилий мог уходить в шеольный мир, перемещаясь в любую точку слоя по своему желанию. Дальше он соваться просто боялся, но признаваться в этом никогда бы не стал.

— Ну, колдуй уже, — не то попросил, не то скомандовал Аггрх, убедившись, что вражеская армия все-таки покидает негостеприимный для нее край.

— Все готовы? — больше для порядка спросил Бурбалка, окидывая товарищей взглядом.

Адинук беззаботно что-то напевал, всем своим видом показывая, насколько ему плевать на грядущие опасности. Гарб нервно стискивал лапами посох, а Аггрх деловито ощупывал отполированную поверхность рукоятей своих новых мечей, как бы пытаясь найти в них

изъян. И все же в его позе читалось даже большее напряжение, чем у гоблина. У каждого на поясе висела сумка с припасами, а кое-что попало и в бездонную торбу: Гарб последнее время предпочитал излишек нехватке.

— Подождите! — Мерилит окрикнула друзей с балкона своих покоев.

Компаньоны замерли, и королева при помощи магии спустилась к смертным на крепостную стену, откуда те собирались продолжить свой путь. Взмахи белоснежными крыльями совершались скорее для красоты, чем действительно помогали лететь.

Всем досталось на прощанье по скользящему поцелую в щеку. Аггрх разочарованно скривился, вспомнив, что сумел снискать расположение только незнатных особ. Адинук тут же просветлел лицом и принялся яростно скрипеть пером, выводя рунами что-то рифмованное в своих записях. Гарб впал в весьма задумчивое состояние, потирая место, которого коснулись женские уста.

Антонио достались крепкие объятия и дополнительный поцелуй в губы чуть в стороне от остальных компаньонов. Прошлую ночь они опять провели вместе, поэтому слова королевы не стали неожиданностью.

— Обещай мне, что вернешься, — прошептала девушка. — Я буду ждать!

— Конечно, свет глаз моих! — ответил человек. — Вернусь, что бы ни случилось. Я люблю тебя!

Мерилит крепко прижалась к нему, и парень не увидел смесь сожаления и печали, тенью пробежавшие по ее лицу.

— Если увидите ее, — как ни в чем ни бывало отстранилась Мерилит и обратилась ко всем сразу, — передайте, что дома ей всегда рады. Что бы ни случилось, вы тоже всегда будете желанными гостями в моем королевстве.

— Моя королева! — склонил черноволосую голову человек, одновременно открывая портал позади стоящих поодаль компаньонов.

Крылатая дева еще долго стояла на стене после того, как пространственная воронка схлопнулась. Кончики белых крыльев, плотно сложенных за спиной, трепетали от сильного пронизывающего ветра, заставляя властительницу периодически пошатываться, с трудом удерживая равновесие. Несколько слезинок скатилось по ее бледным щекам, и непонятно было, ветер ли тому причиной.

***

— Эй, меня кто-нибудь слышит? Помогите! — крикнул Гарб.

Лишь завывания ветра ответили гоблину. Компаньоны находились на дне неширокого котлована. Почва внизу и возвышающиеся над головами стены состояли сплошь из пересохшего белого суглинка с бурыми прожилками. Под ногами белело множество полуистлевших костей, которые рассыпались от одного прикосновения. Где-то наверху — футах в семидесяти — в расширяющейся горловине виднелись облака, стремительно несущиеся по своим делам. Солнце уже садилось, и его лучи с неохотой заглядывали вниз, скудно освещая дно колодца.

— Ченвай дал эти координаты, — произнес Антонио, озадаченно потирая затылок.

— Если ты все сделал правильно, — беспокойно озираясь, сказал Аггрх, — то это очень похоже на ловушку.

— Мы опять поверили демону, как черепаха поверила крокодилу, — Адинук прищурил глаза и извлек из колчана стрелу.

Никто не знал, где он постоянно пополняет запас, но снаряды у эльфа еще ни разу не

закончились.

— Собственно говоря, технически ты совершенно прав, — поддержал барда Гарб, на всякий случай пытаясь нашептать пару защитных заклинаний. — Этот чанай находился вне слоя, когда Минору творил безобразия с личностями его обитателей. Так что он полноценный демон-пуут со всеми вытекающими из этого последствиями. Но если он идет против воли королевы, то она тоже в опасности.

Бурбалка погрозил небу кулаком, злясь, что его так легко одурачили. У остальных поводов пенять на себя было не меньше, но Антонио этот негодяй обвел вокруг пальца не в первый раз.

— А если нет? — многозначительно хмыкнул орк, на которого проделки Минору не подействовали, и он остался все тем же циничным скептиком.

— Ты че несешь? — вскинулся Бурбалка, сверкнув голубыми глазами. — Да ты просто завидуешь! Она никогда бы… зачем ей это вообще?

— И еще ревную немного, конечно, — охотно согласился Аггрх и почесал мясистым пальцем рубец от ошейника на шее. — Только я тебе друг, а друзей в беде не бросают. Открой глаза наконец! Она не сказала на прощание, что тоже тебя любит. Это раз. Она старательно избегала обсуждения Минору. Это два.

— И она тебе отказала, это три. Твои слова ничего не доказывают! — возразил человек, но уже не так уверенно. — И вообще, если ты такой умный, че ж ты это все там на стене не высказал ей в глаза?

— Друзья, хватит! — вырос между ними эльф. — Не позволяйте низменным чувствам встать между вами. Мы уже потеряли из-за этого Михеля.

Гарб навис над ними сбоку, сурово сопя, и спорщики нехотя разошлись по разным сторонам воронки. Бурбалка осознавал, что в словах орка есть доля истины, отчего ему было вдвойне обидно. Аггрха вдруг кольнуло чувство стыда. Обиды обидами, но Антонио-то не виноват в том, что влюбился не в ту особь.

— Прости. Надо было как-то помягче, — сквозь зубы процедил зеленокожий.

За всю жизнь он извинялся от силы три раза, и не сказать, что каждый следующий давался легче.

— Ладно, проехали, — вспомнил разговор с Гарбом Антонио. — Друзья — это все, чтс у нас осталось.

— Давайте как-то выбираться, — предложил гоблин.

Аггрх первым решил попытать судьбу и успел сделать по крутому склону целых пять шагов. Почва предательски раскрошилась и начала осыпаться под ногами. Орк оступился, взмахнул руками в попытке зацепиться за что-нибудь, и съехал вниз по склону лицом вниз.

— Портал? — с надеждой спросил он, смущенно отряхиваясь и отплевываясь от грязи, забившейся в нос и рот.

Антонио что-то сосредоточенно зашептал, глядя в пустоту. Через минуту он досадливо топнул ногой.

— Не выходит.

— Было бы странно, если бы получилось, — прокомментировал Адинук, всаживая стрелу с белым оперением в стену на высоте своего роста. — Иначе смысл тогда в ловушке для того, кто умеет перемещаться твоим способом?

Вторая воткнулась рядом с первой, третья и четвертая пошли выше. Колчан так и не опустел окончательно, а склон был утыкан до самого верха своеобразной лесенкой. Эльф

проверил прочность нижней «ступеньки», повиснув на ней. Немного глины осыпалось вниз, но обвала не произошло.

— Меня выдержит? — спросил Аггрх с сомнением глядя на упражнения остроухого.

— Я даже насчет него не уверен, — ответил Адинук, кивая в сторону куда менее габаритного Антонио. — Когда выберусь, попробую там закрепить веревку.

Щуплый бард скинул с плеч лук с колчаном и заплечный мешок, ловко подтянулся и зацепился за следующую ступень. Компаньоны с тревогой следили, как худощавый ловкач в потертом, а теперь еще и грязном, камзоле карабкается все выше. Стрелы в трех футах от края торчали под очень острым углом книзу, позволяя только повиснуть, но никак не подняться выше. Адинук добрался до них, отважно подпрыгнул и ухватился за оперение верхней ступеньки.

— Маленький шажок для эльфа, — пропел он, раскачиваясь из стороны в сторону, — но такой огромный скачок для…

Договорить бард не успел. Руки держались крепко, а глина подвела. Стрелы вместе с приличным куском почвы с шумом отвалились от стены, отправляя эльфа в непродолжительный полет на дно ямы.

— Ловлю! — крикнул орк, пытаясь спасти остроухого от неминуемой гибели.

Эльф на огромной скорости рухнул прямиком в подставленные руки Аггрха вместе с комьями глины, забарабанившими по черепушке воина. В последний момент Гарб попытался заклинанием удержать Адинука от падения, но ничего не вышло. От удара эльф и орк упали и покатились по дну ямы, не сбив с ног Антонио только из-за его очередного приступа неосязаемости.

— Я бы на твоем месте, — охнул Аггрх, поднимаясь и потирая ушибленные места, — с этим не боролся. Очень полезная способность.

Бурбалка охотно согласился бы с зеленокожим, если бы уже не спешил вместе с Гарбом на помощь Адинуку. Бард лежал лицом вниз и не подавал признаков жизни. Шаман осторожно перевернул эльфа на спину, втайне надеясь, что не сломан хотя бы позвоночник. Эльфы славились тонкостью костей, что обычно компенсировалось повышенной ловкостью и относительно небольшой массой тела.

— Если я умру, вы позаботитесь о Миленочке? — бесстрастно поинтересовался Адинук, пристально глядя на встревоженных друзей немигающими зелеными глазами.

— Чтоб тебя! Живой! — с облегчением выдохнул гоблин, убирая обратно в карман на поясе зелье заживления ран.

— Не знаю, что у тебя в бутыли, но я бы сейчас глотнул чего-нибудь успокоительного, потому что это было так волнительно, — пытаясь подняться, ответил эльф.

Со второй попытки ему это удалось. Глазам друзей предстала неестественно согнутая правая рука остроухого, которую тот принялся с любопытством рассматривать.

— Я надеялся, что хруст мне послышался, — пробормотал орк.

— Надо же, — громко сообщил Адинук, делая вид, что ему совсем не больно. — Она отказывается мне повиноваться, и это после всего, что мы пережили вместе! Как прикажете теперь играть на лютне? Про лук тоже придется забыть. Никому не нужен безрукий бард? Теперь я могу только петь, как ворона в клетке.

— Был безухий, стал безрукий, — не удержавшись, съязвил Аггрх. — Главное, чтобы не безголовый.

Совместными усилиями на изувеченную руку наложили шину из подручных

материалов. Аггрх был опытным скитальцем, и в его пожитках нашлось все необходимое. Адинук держался стойко, но стоило первому шоку пройти, как эльфу пришлось несладко, хоть он изо всех сил старался этого не показывать. Гарб накачал пострадавшего своими снадобьями, и боль немного утихла.

— Что будем дальше делать, други мои? — поинтересовался у всех орк, когда с перевязкой покончили. — Целители нас бросили, так что раненый член команды ничем не поможет. Порталы не работают, вылезти по старинке без магии тоже не получилось. Есть еще предложения?

— Выпускайте Милену, — слабым голосом отозвался Адинук, заставив Аггрха похолодеть.

Гарб помог эльфу снять волшебную котомку с плеча, осторожно развязал тесемки и положил открытую сумку, как обычно делал сам бард, на землю. Ничего не произошло. Все вопросительно уставились на Адинука, а орк смог отлепиться от стены, в которую вжался, ожидая появления кошмара.

— Ты ее не раздавил, когда падал? — спросил зеленокожий, всем сердцем желая услышать утвердительный ответ.

— Это вряд ли, — ничуть не сомневаясь в своей правоте, ответил эльф. — В котомке портал, ведущий в большую комнату в маленьком искусственно созданном мире. Там моя девочка в полной безопасности, как жаркое в животе.

— Вот порталы-то и не работают, — подтвердил Гарб, когда его собственная волшебная сумка не среагировала на заклинание. — Похоже, мы застряли. Здесь зона мертвой магии, и моя тоже не функционирует.

Завывающий волком ветер наверху заглушал звуки дыхания компаньонов, позволяя хорошенько все обдумать.

Старик в молодом теле тяжело вздохнул и зарылся руками в густые черные волосы на голове. Затем Антонио прижал ладонь ко лбу и издал нечто среднее между стоном и протяжным мычанием. Это опасно, опасно, опасно, черт возьми! Он не хотел туда возвращаться. Он только что опять смог вернуть себе тело. Но разве есть другой выход? Не помирать же в этой проклятой яме! Кровь быстрее заструилась по венам, а сердце колотилось все сильнее. Друзья в опасности, Мерилит в опасности! Сейчас или никогда!

«Ну, вот твой звездный час, старый ворюга», — подумал Бурбалка. — «Иди и спаси их всех!»

— Я вытащу нас, — твердо сказал он, извлекая из-за пояса Кунче и внутренне содрогаясь от страха. «Даже если придется умереть для этого», — добавил он мысленно.

Внешне человек ничем не выдал охватившее его волнение. Друзья ведь могли попытаться его остановить, если бы заподозрили, что Бурбалка собирается сделать.

[1] Судхай — дыра, окраина (пуут.). Презрительное прозвище, присваиваемое пуутами новому слою Рахэн-ди при его появлении. (прим. авт.)

Глава 28

Для познания мира пользуйся разумом, для познания себя — сердцем, для познания прошлого — памятью.

Из наставлений Адриана Велмсли, первого учителя Антонио

«Ключ от бездны» прильнул к губам так же страстно, как влюбленные прижимаются друг к другу после вынужденной недельной разлуки. Раздалась нежная, словно журчание ручейка, мелодия. Она обволакивала и настраивала на безмятежный лад. Троица слушателей непроизвольно подалась вперед, стараясь не упустить ни звука. Ноты почти осязаемо проходили сквозь них, лаская слух и вызывая чувство непередаваемого восторга. Адинук даже и думать забыл о боли в руке.

В момент достижения слушателями наивысшей точки наслаждения, когда, казалось, еще чуть, и сладостная истома охватит их тела и повалит в изнеможении на землю, инструмент издал пронзительный вой. Компаньоны схватились за уши, пытаясь заглушить кошмарно-уродливый звук, настолько резким оказался переход.

— Прекрати это! — заорал не своим голосом бард, музыкальный слух которого оказался оскорблен сильнее всего.

К тому же он единственный не мог воспользоваться сразу обеими руками для самозащиты.

Антонио прекратил играть и растворился в воздухе вместе с инструментом. Друзья растерянно переглянулись, ошеломленные и адской какофонией, и исчезновением товарища.

***

Холод забирается в самое нутро и покрывает внутренности льдом. Холод проникает в глубины души, пытается выдрать ее из тела и высосать без остатка. Мрак залепляет глаза кромешной тьмой, и не дает возможности посмотреть по сторонам. И все же даже здесь есть свет: душа смертного своим божественным сиянием разгоняет сумрак, не давая тому окончательно взять верх. Свет неяркий, едва уловимый. Темнота жадно его впитывает, извергая в ответ сотни мельтешащих теней всех оттенков черноты, сдобренные дюжинами более светлых разновидностей серого. Они заполняют пространство, играя с разумом как кошка с мышкой. Эта игра предвещает неминуемую гибель глупому живому существу, дерзнувшему здесь оказаться.

Бурбалка попытался выдавить охвативший его страх. Тот самый парализующий ужас, который впервые испытал тогда еще совсем юный и неопытный воришка, с год проучившийся у чародея премудростям колдовского ремесла и толком не познавший мир, но уже успевший хлебнуть в своей недолгой жизни горя.

— Мироходец ты или нет? Не будь слабаком! Сам ведь пришел, по доброй воле! — хлопнул себя по щеке Антонио.

Больно. Человек посмотрел на руку, в которой все еще был зажат ключ. В мире теней дудочка поросла маленькими кривыми шипами, больно впившимися в кожу.

— Шрам останется, — подумал Бурбалка, убирая бесполезный сейчас инструмент в сумку на поясе. — Если выживу, конечно.

Прошло секунд десять, а он уже чувствовал усталость. Теневой мир высасывал из смертного Дэ пускай и не так активно, как при первом посещении, но все же достаточно

успешно. Защита помогала, хоть он и ослабил сам себя кровопусканием. Эх, сколько же времени потрачено на подготовку к этому путешествию. Долгие годы страха перед неизбежным возвращением — а в глубине души Бурбалка откуда-то всегда знал, что этот момент когда-нибудь настанет — человек учился. Он учился защищаться и давать сдачи. Осталось понять, поможет ли это сейчас.

Антонио попробовал опознать место, в котором находился. В теории Умбра столь же сильно повторяет Шеол, насколько сам мир духов напоминает материальную вселенную. На практике найти прямое сходство с миром живых оказалось непросто.

— Я ушел сюда из ямы, — спешно пытался сообразить Бурбалка, хотя мысли немного путались, и составить логическую цепочку оказалось непросто. — Значит, тут должна быть яма.

Котлована поблизости видно не было, как и следов друзей. Кругом простиралась равнина, насколько хватало глаз. Порождения тьмы, казалось, тоже не подкрадывались из глубин темноты. Антонио знал, что это только видимость. Они уже спешат, распознав смертного, как морские твари, почуявшие раненую плоть в воде.

Человек сделал несколько шагов вперед и воспарил, легко оттолкнувшись от того, что дома назвал бы землей. Здесь он мог летать, а в полете ненасытность этого мира ощущалась не так сильно.

Дерзкая тень набросилась из ниоткуда.

— Вкуснятина! — с восторгом прошептала сущность, и ее слова эхом отразились от невидимых глазу стен.

Язык твари не относился ни к одному из известных, но Антонио все понял. Тень сделала быстрый оборот вокруг парящего человека и попыталась напасть на добычу сзади. Отхватить кусок пожирнее Бурбалка ей не позволил.

— Получи, — он с почти садистским удовольствием применил то единственное, но очень эффективное оружие, что у него сейчас было.

Порождение тьмы заверещало, испытывая ужас, который должен был бы испытывать сам смертный. Еще мгновение, и от поглощенного обитателя теневого мира не осталось и следа, а человек сам стал наполовину тенью. В прошлый раз ему не хватило ни знаний, ни опыта, ни характера, чтобы побороть страх и задержаться в Умбре дольше минуты. Хотя время тут текло только для него. Даже того, что случилось в прошлый раз, с лихвой хватило для весьма неприятной и непрошенной трансформации. Сейчас Антонио повторил ее осознанно и с куда большей эффективностью.

— Пожалуй, больше не стоит дергать судьбу за хвост, — решил призрак, пытаясь открыть портал.

План удался на славу, и задерживаться в этом опасном месте не стоило. В Шеоле предстояло разобраться, что делать дальше.

Первая попытка провалилась. Бурбалка непонимающе проверил, хватает ли ему сил. Поглощенная тень должна была пополнить его запасы настолько, чтобы било через край. Внутренние ощущения подсказывали, что так и произошло, но пространственное окно упорно не желало открываться. Паника осторожно заглянула в разум мироходца и сразу попыталась устроиться там со всеми удобствами.

— Ну же! Давай! — закричал со злобой Антонио, но магия перемещений оставалась глуха к своему адепту.

— Надо же, сколько страсти! — голос резанул по слуху, словно кто-то поскреб

железным прутом по стеклу.

Из темноты выплыл мастер Ченвай собственной персоной. Расплывчатую фигуру демона окружала дюжина аморфных субъектов, больше похожих на привидения, чем на пуутов. Во мраке мира теней их и без того пугающий облик стал поистине устрашающим. Сумрак не давал хорошего обзора, но позади них смутно угадывались очертания других таких же тварей.

— Че надо? — сухо осведомился Антонио.

— И даже не спросишь, как и зачем мы тут оказались, ученик? — голос Ченвая царапал восприятие омерзительным скрежетом.

— И как же ты тут оказался с ворохом своих прихлебателей, учитель? — с отвращением процедил Бурбалка, понимая, что закипает.

Злоба перешла к нему от поглощенной тени, как и в прошлый раз, и стала переполнять настолько, что человек был готов броситься в драку. Позже это должно пройти, но пока хотелось напасть просто так, без повода. Правда, повод парил поблизости и, скорее всего, нагло ухмылялся, хоть этого и нельзя было разглядеть. Да и драка могла окончиться печально для зачинщика.

— Отличный вопрос, мой самый юный и талантливый ученик, — гаденько захихикал мастер порталов. — Ты мне нужен как раз в такой форме, поэтому после твоей трапезы я не мог не оказаться рядом. Остальным тоже будет полезно поучиться.

— И какого лешего я тебе понадобился? — все больше раздражаясь, спросил человек.

В ответ Ченвай протянул к Антонио руку, больше походившую на щупальце и состоящую из теней. Бурбалка инстинктивно отпрянул, и скорее почувствовал, чем увидел, как на том месте, где он только что находился, осталось зиять дыра. Сама материя теневого мира оказалась рассечена, обнажая абсолютную пустоту. Антонио откуда-то знал, что там совсем ничего нет. Отверстие в пространстве быстро затянулось, а Ченвай картинно вздохнул.

— Что же ты бежишь от своей судьбы? — ласково зашептал демон на пуутском, пытаясь дотянуться до ученика. — Ты превзошел все мои ожидания. Я ведь не ждал тебя здесь так быстро. Первое время я даже сомневался, что это именно ты, человечишка, но после проверки все сошлось. Иди же ко мне и не трать больше свои способности попусту.

Антонио изо всех сил бросился прочь от опасности. Позади раздался вой, от которого у Бурбалки могли бы встать волосы дыбом, если бы они все еще у него были.

— От меня не уйдешь, — понеслось ему вдогонку.

Крик сопровождался каркающим смехом десятков призрачных существ. Антонио чувствовал, что Ченвай не отстает, но и не догоняет. Как будто, специально гонит куда-то.

— Растянуться шире! Берите в кольцо!

Жертву охватило смятение. Загонщики гоготали и улюлюкали позади, а смертный мог только догадываться, зачем он им понадобился.

— Че я вам сделал? — в отчаянии закричал Бурбалка, когда понял, что бежать от погони у него больше нет ни сил, ни желания.

Смертный остановился и повернулся к приближающимся преследователям местом, где раньше было лицо. Ченвай со своими учениками замедлился и остановился поодаль.

— Лучшим вопросом сейчас будет, чего ты еще не сделал, смертный, — тон мастера порталов был ласков, но за ним угадывалось нетерпение. — Ты прошел сквозь миры, недоступные для остальных. Ты даже провел за собой живых друзей и хочешь увести их

обратно, не так ли?

— Ну, типа да, и че? — ответил Бурбалка, стараясь держать безопасную дистанцию.

— Знаешь ли ты, глупыш, что ни одно живое существо не может создавать порталы для путешествий живой плоти между материальными мирами? Внутри мира — сколько угодно, а между… Даже боги на такое не способны! Есть природные пространственные переходы в местах истончения ткани пространства — Создатель недоработал. Они тщательно охраняются, и про них мало кто знает. Именно через них идет вялая торговля между вселенными. Новые дыры создать можно, но через них пройдет немного и уж точно не плоть. У тебя же получилось то, о чем другие и не мечтают!

— Не может быть! — искренне удивился человек. — А сам-то? Типа я не помню, как ты в круге призыва стоял, а я гасил треножники!

— Глупый смертный не понимает своей силы, учитель, — прокаркал один из учеников Ченвая. — Просто сожри его!

Мастер сделал одно движение теневым щупальцем, и приспешник в буквальном смысле растворился во тьме.

— Не люблю, когда сбивают с мысли, — неторопливо продолжил Ченвай, убедившись, что остальные больше не посмеют подать голос. — Я все же попробую объяснить, если больше ни у кого нет возражений. Все, что вы смертные видите, «призывая» пуута или мара — проекцию их разума, выдергиваемую из Шеола. Аватар, так сказать. Его можно пленить, но только временно. Материальное тело всегда остается дома в безопасности. Любое путешествие между материальными мирами — это только путешествие проекции. Во всяком случае, так было принято считать раньше. Твои порталы создают дыры в сущности мироздания, позволяя перемещаться, минуя все запреты.

— А боги? — спросил заинтригованный новым знанием Бурбалка.

— Боги не исключение, — усмехнулся мастер. — Думаешь, они всемогущи? Как бы не так! Разве посылали бы всемогущие боги кого-то вместо себя делать за них грязную работу? Не проще ли явиться во всем своем величии, щелкнуть пальцем или моргнуть глазом, чтобы свершилась их воля? Тут и спорить не о чем — проще. Раз они так не делают, значит, вход в мир смертных для божков закрыт, а аватар — дело затратное, для особых случаев. Вот и приходится твоему дружку гоблину, например, брать в лапки волшебный посох и сеять хаос во исполнение воли кого-то там из его проклятого пантеона.

— Но ведь во времена исхода… — робко подал голос человек.

— Даже во времена изгнания, — перебил его демон, — ни один бог не появился в мире смертных лично, кроме Део. Аватары вели нас и вас в бой. Они же были проводниками для смертных при исходе на Лумею. В те времена еще существовал работающий портал, поэтому смертных и удалось через него провести. Затем его запечатал лично Део, навсегда оградив ваш мир от вторжения извне, как он думал. Был еще один, через который потом прошли орки, но и его быстро закрыли. Мне всегда было интересно, может ли хоть кто-то во вселенной перемещать не только товары, но и материальную оболочку живого существа между мирами.

Бурбалка пытался не утратить бдительности, но ласковый голос Ченвая убаюкивал, и призрак с головой погрузился в повествование.

— Я многие тысячи лет искал ответ на свой вопрос и наконец нашел его, — продолжил мастер. — Тени.

— Тени? — словно под гипнозом повторил человек.

— Они самые, — подтвердил Ченвай. — Обитатели Умбры. Не все, разумеется, иначе непременно произошло бы их массовое нашествие. Только самые сильные.

— Но ведь они нематериальные и неживые! — вздрогнул Бурбалка, пробуждаясь от навязчивой дремоты.

— Вздор! Материя имеет много форм, — хмыкнул пуут, показывая человеку «щупальце».

Еще миг, и конечность приняла вид человеческой руки, затем крыла с когтистой лапой, как у импа.

— Тень может стать любой из них, если захочет. Надо только немного ее сгустить в правильном направлении. Самые могучие из умбритов могут путешествовать, куда им угодно. В любое место, где есть хоть какой-то свет.

— Без света нет и тени, один лишь мрак, — кивнул призрачной головой Бурбалка.

— Так и есть, ученик, — согласился Ченвай, возвращая себя в исходное состояние. — Как ты уже успел убедиться, тени легко меняют форму, но могут быть вполне плотными и осязаемыми, когда им нужно. Вопрос состоял в том, как обрести их свойства, оставаясь собой.

— Отпить из нее, — уверенно сказал Антонио.

— Верно, — подтвердил мастер порталов. — Слопать тень оказалось довольно легко. Вот что удивительно. Умбра — единственное место для нас пуутов, не считая Эльжахима, конечно, куда можно переместиться во плоти, но лишь двое за все время моих исследований смогли оттуда выбраться: я и ты. Однако есть кое-что удавшееся только тебе.

Бурбалка тихо засмеялся, от чего приспешники Ченвая отскочили вглубь темноты на пару футов. Лишь сам мастер застыл на том же месте в полной неподвижности.

— Значит, там в Рахэн-ди всего лишь твоя проекция? Вот умора! — хохотал Антонио, заходясь все больше и больше. — Всех за нос водил столько времени. Эти неудачники, значит, даже отсюда не смогли вылезти? Ой, я не могу!

— Не надо смеяться над убогими, — словно тихий шелест листьев на ветру, раздался ровный голос мастера Ченвая. Ученики возмущенно зароптали, но окрик учителя «Тишина!» заставил их уменьшиться в размерах и еще глубже спрятаться во мраке. В итоге в озаряемом свечением Бурбалки пространстве остались только двое.

— Они слабы, а мы нет, но тьма все равно возьмет свое, ученик, — зловеще прошелестел Ченвай. — Сколько бы ты раз ни возвращал себе тело, оно будет терять плотность, пока снова не станет тенью.

— Мне какой-то вывод нужно из этого сделать? — человек на долю мгновения испугался, но тут же вернул самообладание.

Ченвай глухо вздохнул. Пляшущие вокруг тени устремились к нему на вдохе и, беззвучно вереща, понеслись прочь при выдохе.

— Тебе не повезло больше них, — пояснил мастер. — Просто ты присоединишься к нам позже.

— Серьезно? Зачем же я тебе тогда сейчас? — хмыкнул Бурбалка.

— Затем! — рявкнул Ченвай, разом утратив всю вкрадчивость. — Как ты выбрался из Шеола? Отвечай, не то растворю в тенях!

Антонио встрепенулся и дернулся было наутек. Тут же вспомнив, что бежать некуда, пересилил себя и как можно спокойнее заговорил.

— Для начала ответь мне на вопрос, — голос человека слегка дрожал, но так, что даже

сам он не понял, от волнения или ярости. — Это место такое нечестивое, что я отсюда портал открыть не могу, или это твоих поганых лап дело?

— Место такое, — коротко ответил мастер, ожидая продолжения.

— А, ясно тогда, — тихо произнес Бурбалка и безуспешно попытался почесать нос по привычке. — Ты спрашиваешь, как я выбрался? Я и сам толком не понял. Давай попробую рассказать с самого начала. Итак, я съел тень и открыл портал в Шеол, а потом начал скитаться по разным местам…

Человек неторопливо рассказывал свою историю, а страшный демон терпеливо слушал и не перебивал, надеясь найти в рассказе зацепку, дающую ему надежду на избавление от мрака Умбры и тоскливой пустоты Шеола.

Антонио тем временем не переставал думать. «Порталы не открываются, бежать не могу — догонят», — соображал загнанный в угол парень. — «Тени! Что тени? Тени можно сгустить! Но как? Ты сам видел, как это делается! Думай, простофиля, не то сгинешь ни за что ни про что!» Он не сомневался ни на секунду, что Ченвай не оставит его в живых.

«Да он же меня боится, хоть и не показывает виду!» — осенило Бурбалку. — «Почему? Что я могу с ним сделать, если он здесь хозяин?»

Глава 29

«И идя долиной теней, не убоюсь я зла, ибо в этой долине нет твари более страшной, нежели я».

— Антонио Хосе да Сильва

Ченвай понимал, что его ловушка надежно захлопнута и выбраться из нее невозможно, поэтому не спешил. Бурбалке он все равно лично навредить не мог: нерушимая клятва, опрометчиво данная человеческому призывателю, сковывала его. Мастер порталов убедился в этом еще во время боя в шеольном мире. Так что торопиться некуда, ведь смертный от страха сам выбалтывает все, что знает. Язык у него, что хвост у мелэнь — метет без остановки. Только даже среди небылиц можно найти крупицу бесценного знания, надо только послушать и подумать.

— … тут он, значится, обернулся быком, а я типа такой… — продолжал нести околесицу Антонио, все больше раздражая приспешников учителя.

У Ченвая времени было сколько угодно — он давно научился не только не отдавать энергию Умбре, но и черпать ее для своих целей из этого поистине бесконечного источника. Угасание от голода ему не грозило. Не грозило оно и его ученикам. Мир теней давно их изменил. Теперь они больше походили на здешних обитателей, приобретя заодно и нетерпеливость, присущую всем теням.

Рассказ затянулся, и постепенно даже угрозы всесильного Ченвая начали им казаться не такими и ужасными. Особенно если сравнить с возможностью наброситься на вкусного смертного и отведать хотя бы частичку его естества — сколько успеешь урвать в общей свалке.

— На место! — скомандовал мастер порталов, заметив движение сзади, но приказ запоздал и не возымел никакого эффекта.

Призрачные пууты, опьяненные сиянием смертной души, отбросили сомнения и набросились на жертву голодной стаей диких зверей.

— Назад, идиоты! — ярость Ченвая не знала границ.

Если они сожрут человека, секрет будет утрачен. Мастер порталов взмахнул щупальцами, мгновенно соединив двух приспешников с Умброй. Остальные пронеслись мимо, рыча и завывая на разные лады в предвкушении пиршества.

— Вперед, идиоты! — почти обрадовался такому исходу Бурбалка.

Схватка предстояла нешуточная, но он знал, кто выйдет из нее победителем. Нападай сейчас Ченвай вместе со всеми — человеку крышка. Мастер порталов, однако, вовсе не спешил присоединиться к атакующим, и у призраков не оставалось ни малейшего шанса.

Годы тренировок и экспериментов в Шеоле, Лумее и Рахэн-ди, а затем внезапное воспоминание и озарение сделали свое дело. Антонио проворно уклонился от первого налетевшего демона, пропустил мимо себя и силой мысли удлинил руку. Призрачная конечность змеей воткнулась в сгусток темной энергии сзади, разорвав его надвое и впитав содержимое. Умбре не досталось ни капли.

Издав торжествующий вопль, парень освободил руку-щупальце, удлинил вторую и обрушился на налетевших пуутов, выпуская на свободу накопившуюся ярость. Задние ряды еще напирали, а передние слишком поздно успели сообразить, что жертва стала охотником.

Бурбалка остервенело кромсал прозрачные невесомые тела до тех пор, пока кроме него и Ченвая на поле битвы не осталось никого.

— Ничья? — поинтересовался Антонио больше для порядка, присматриваясь к противнику.

С человеком начало твориться нечто необычное, и он пытался прислушаться к ощущениям. В этот момент Бурбалка услышал в своей призрачной голове торжествующий… даже не крик, а всплеск эмоций. Нечто могущественное попыталось слиться с ним, стать единым целым со смертным и поглотить его. Не вышло.

Как только теневые щупальца достигли точки наивысшего свечения — души, они словно вскрикнули. Будто получили страшнейший ожог, и отпрянули в ужасе. Недалеко — туда, где можно было терпеть присутствие отвратительного света. Сам свет как будто стал приглушеннее. Тьма силилась задавить его и не могла сделать этого полностью. Пока не получалось. Отойдя от первого потрясения, Бурбалка внезапно «узрел» учителя и осознал: бояться тут уже нечего.

— Досадное недоразумение, — сипло ответил мастер порталов, ничуть не выдав собственный страх, и снова щелкнул теневым щупальцем, как кнутом, возле собеседника. — Думаешь я забыл, как твой жалкий наставник вызвал меня во второй раз и неделями пытал? Пришел твой черед, раз я не в силах отомстить ему. Продолжай рассказ, а не то…

Бурбалка искренне рассмеялся и увеличился в размерах.

— И что ты мне сделаешь? — ехидно спросил он, клубясь вокруг «учителя» сгустками мрака едва ли не чернее самой сути плана теней. Тусклый свет смертной души лишь подсвечивал темную суть гигантского облака, впитавшего силу нескольких десятков демонов и помножившего ее на мощь Умбры.

Ченвай запоздало понял, как сильно просчитался.

— Поможешь мне выбраться из Шеола? — жалобно спросил он. — Я не в силах тебя заставить, но ты моя последняя надежда.

— Ищи дураков, — фыркнуло облако мрака, по привычке еще хранящее в недрах сознания остатки человечности.

Тень постепенно брала верх, затмевая слабый смертный разум, и Антонио поплыл прочь, удаляясь от места сражения. Мысленно он был уже далеко.

— Постой, о великий! — воскликнул Ченвай, пытаясь привлечь внимание направляющегося прочь Бурбалки. — Если я расскажу про всех, кто тебя предал, ты даруешь мне свою помощь?

Облако мрака сгустилось в форме гигантской человеческой фигуры рядом с хлипким призрачным пуутом, враз почувствовавшим себя неуютно.

— Я слушаю тебя, — голос лишь отдаленно напоминал задорные, почти мальчишеские интонации, хорошо знакомые компаньонам Антонио.

— Мерилит! — быстро произнес демон, в ужасе прижавшись призрачной головой к черной земле Умбры. — Это все она! Она заключила сделку с Минору, чтобы заманить вас к нему. Он пообещал ей вернуть все, как было. Сделать наш слой таким, каким он был до него.

— Я разберусь с предательницей, — раздался сверху голос, больше похожий по звуку на гномью боевую трубу. — Еще что-нибудь?

Слова мастера порталов воскресили в Антонио воспоминания, взбудоражившие чувства, почти уничтоженные тенью до этого.

— На самом деле он не собирается ей помогать, — Ченвай изо всех сил лебезил перед

тем, кого еще несколько минут назад считал лишь ступенькой к своему возвышению. — Ему зачем-то нужен божественный посох и его носитель, а на нас он плевать хотел.

— Интересно, — вслух задумалось облако. — Здесь не работают обычные порталы, но я чувствую, что могу легко уйти в любое место, словно между мирами есть большие удобные пробоины. Как же все-таки могуча тень, и как же могуч я, ее проводник. Нужно столько всего сделать, так много успеть…

— Так ты поможешь мне? — с надеждой спросил мастер порталов.

— Конечно, помогу, — звук голоса Бурбалки отчего-то показался Ченваю самым страшным, что он слышал в своей долгой жизни. — Иди же ко мне, я освобожу тебя.

Ченвай заголосил в испуге и бросился бежать. Через портал из этого места уйти нельзя, так что рассчитывать пуут мог только на свою скорость.

***

— Кто-нибудь что-нибудь понял? — осторожно спросил Адинук, когда силуэт Бурбалки окончательно растворился в воздухе.

— Вот же беспокойный стервец! — недовольно пробормотал Аггрх, почесав затылок. — Небось, опять вляпается в передрягу.

— Если мои умозаключения не подводят, — высказался Гарб, устало опираясь на посох, — то он переместился весьма нетипичным для смертных способом. Предельно экстремальная амплитуда антимагических колебаний в этом месте затрудняет более тщательный анализ сложившейся ситуации, но путем несложных сопоставлений на базе хранящихся в моей памяти знаний о возможности перемещений физической оболочки между обитаемыми мирами я могу сделать вывод о неволшебной природе путешествия нашего друга. Во всяком случае, чар Бурбалки не использует Дэ в качестве источника питания.

Сидящий на глиняном дне ямы Адинук издал пару протяжных стонов ближе к концу речи гоблина. Вероятнее всего, напомнила о себе сломанная рука, но Аггрх подумал, что тирада Гарба тоже могла отчасти послужить причиной.

— Ты так и не научился говорить нормально! — подтвердил его догадку эльф.

— Я волнуюсь, — потупив желтые кошачьи глаза, ответил гоблин. — Когда я волнуюсь, я забываю нужные слова.

— Если по-простому, куда наш компаньон ушел? — спросил Адинук, исподлобья глядя на ловца духов. — Бросил нас, как ястреб мышь?

— Если не использовать в объяснениях терминологию, то… я могу только догадываться, — вздохнул Гарб, делая извиняющийся жест лапой. — Вот примерно так, наверное, перемещается и Минору, только без музыкальных инструментов.

— Не думаю, что он нас бросил, — подал голос орк. — В нашем отряде предателей нет. Михель с Хиенной нас не предавали, и Каввель тоже.

Гарб внимательно посмотрел на зеленокожего.

— Откуда ты знаешь? — спросил он, наклонив голову чуть набок в характерном гоблинском жесте, выдающем сомнение.

Отросшие коричневые волосы свесились на плечо, заставив Гарба вздрогнуть. Он выровнял голову обратно, не отрывая взгляда от компаньона. На вечно угрюмой физиономии Аггрха застыло смущение.

— Ну, я верю в это, — уклончиво ответил он.

— Мне кажется, ты что-то не договариваешь, — без обиняков заявил гоблин.

— Спор… — выдавил из себя признание орк, — с Большим Лю. Он, кажется, все еще в силе. Если кто-то из нас предаст, я об этом сразу узнаю.

— Я надеюсь, ты не догадался оформить его в виде связующего контракта? — изумленно поднял брови кверху ловец духов. — Наподобие той сделки, что мы заключали с Анделефтом? Соглашения с нижними мирами редко идут на пользу смертным.

Аггрх хрипло рассмеялся и закашлялся.

— Я похож на слабоумного? — чуть ли не оскорбился воин, раздраженно потирая зачесавшийся широкий нос.

— Друзья, — вмешался Адинук. — Как выбираться-то будем?

Компаньоны переглянулись, осознавая безвыходность своего положения.

— Тихо! — вдруг шикнул эльф, острый слух которого не раз выручал его из беды. — Я слышу голоса.

— Я тоже, — раздраженно пробормотал орк, — причем постоянно. Но ведь твой фонтан иссякает только когда ты пишешь!

— Бу-бу-бу, — добродушно ответил эльф, который все прекрасно услышал.

Аггрх все же обнажил зачарованные мечи и жестами предложил остальным прижаться к стенам ямы. Адинук тотчас последовал приглашению, а Гарб пропустил слова воина мимо ушей и принялся негромко напевать на гоблинском восхваления праматери. Силу посоха ничто блокировать не сможет. Аггрх напрягся, потому что все прошлые разы молитвы шамана-жреца приводили к очень серьезным последствиям.

— Перестань! — немного злее, чем стоило бы, шикнул воин. — А то мы так вообще домой никогда не вернемся.

Гарб озадаченно посмотрел на него, но к просьбе прислушался и умолк. Разрушительная сила Гобмобома действительно вынуждала его сдерживаться, но порой гоблин забывал о своих новых возможностях. «Надо научиться самоконтролю, как у Михеля», — сделал он для себя пометку на будущее, если оно все же наступит.

Голоса между тем приближались, и теперь все оставшиеся компаньоны слышали их отчетливо.

— Ты слышишь это, скудоумная бесовка? — раздался сверху голос монаха. — Это точно был жрец! Я его завывания из тысячи узнаю. Там должны быть и остальные.

— Глухотой не страдаю, смертное ничтожество! — парировал голос Хиенны, сопровождаемый тихим ржанием единорогов и громким звуком поцелуя. — Кто из нас теперь скудоумный? Разве не я говорила, что ждать появления наших смертных можно только здесь?

Гарб ущипнул себя. Боль совершенно отчетливо дала понять, что это не сон. Добрейшей души монах оскорбляет свою возлюбленную пууту, а та в ответ его целует!

— Эй там, наверху! — крикнул он. — Поцелуй суккубы все еще смертелен?

— Для других все еще да, — выглянула из-за края голова Михеля. — Что, остолопы, опять попались на уловки демонов? Я ведь предупреждал, что им верить нельзя.

— Чья бы корова мычала, — шепнул друзьям Аггрх и громче добавил. — Вытаскивать нас собираешься?

Вместо ответа сверху упала веревка как раз достаточной длины, чтобы каждый из пленников мог выбраться. Первым наверх втащили Адинука, как наиболее пострадавшего. Пока гоблин с орком по очереди карабкались наверх, монах пошептал над сломанной рукой остроухого и привел ее в порядок. Вероятно, Вседержителя ничуть не заботил характер

последователя, и целительная сила рук человека не покинула.

Выбравшись, Гарб бросил оценивающий взгляд на блудных компаньонов. Хиенна, ничуть не утратившая обворожительности, была одета в облегающий походный костюм из черной кожи. «И не жарко же ей в нем», — отметил про себя гоблин. Рожки все еще терялись в копне рыжих волос, собранных сзади в косу. Глаза цвета сочной хвои постоянно сверкали гневом так, что возникало немедленное желание убраться у демонессы с дороги.

Михель — все тот же скромный парень лет двадцати семи в латанном-перелатанном монашеском балахоне, темноволосый с проседью, с родинкой на правой брови и орлиным носом, большую часть времени смотрел преданными карими глазами на демонессу. Как, впрочем, и она на него. Монах молча кивнул Гарбу, словно этим можно выразить и радость от долгожданной встречи, и извинения за отлучку, и сожаление, что не всех компаньонов удалось собрать вместе.

Позади Михеля и Хиенны паслось стадо иссиня-черных иблисовых единорогов. Лошадки чмокали губами, фыркали и что-то жевали, хотя вокруг, кроме камней, ничего не было. Их огненные гривы упоенно ерошил довольно прохладный ветер-свистун, и Гарб невольно поежился от очередного порыва.

— Где этот бесплотный шельмец? — окинув троицу взглядом, полным высокомерного презрения, поинтересовался Михель. — Трижды проклятая Хиенна твердит, что отсюда нельзя уйти через портал.

— Хитрюга использовал ключ, — высказала догадку суккуба и, увидев подтверждающе кивнувшего Гарба, добавила. — Я не знаток таких перемещений, но вряд ли он ушел к марам.

— Откуда ты знала, что нас нужно искать здесь и сейчас? — сменил тему Аггрх. — Мы, конечно, рады, но выглядит подозрительным совпадением.

Хиенна неопределенно повела плечом и хмыкнула.

— Вас должен был кто-то рано или поздно заманить в единственное место в слое, откуда нельзя выбраться без посторонней помощи. После моего отбытия это стало лишь вопросом времени. А то, что мы сейчас сюда подъехали, так это столько занял путь от цитадели. Считайте себя везунчиками. Попади вы сюда раньше — умерли бы от истощения. Позже — нас бы тут уже не было.

Михель недобро посмотрел на спутницу и обнажил зубы в попытке улыбнуться.

— Были бы, — погрозил он суккубе пальцем. — Если бы выжили. Вообще, мы сюда ехали охотиться на Минору. Лошадкам кто-то шепнул, что его видели в этих краях, а они поделились с нами. Они тут единственные, кому можно верить, когда дело касается древнего пакостника.

— Они разговаривают? — удивился Аггрх, бросая на единорогов заинтересованный взгляд.

— Только со мной, — сообщила Хиенна немного раздраженным тоном. — Раньше это доставляло мне удовольствие, а сейчас они меня доводят до истерик потоком лошадиных сплетен. Как будто мне интересно, у какой кобылы в табуне грива красивее!

Мы тоже сюда пришли за Минору, — осторожно сообщил Гарб, следя за реакцией парочки.

Единороги одобрительно заржали. Самый крупный жеребец, как раз подходящий Гарбу по размеру, подбежал к гоблину и нежно потерся об него иссиня-черным боком.

— Уважают тебя, — ревниво заметила пуута и топнула ножкой, обутой в ботфорт с

красивой жемчужной отделкой в верхней части раструба. — Меня они только терпят после проделок Минору. Я стала злиться по малейшему поводу, и это выводит меня из себя еще больше. Их почему-то тоже, так что мне приходится сдерживаться.

— Не тебе одной, эгоистичная ты дрянь! — сказал Михель.

Ближайший к нему единорог немедленно попытался укусить человека, едва не задев при этом ядовитым рогом. Монах привычным движением уклонился и сделал пару шагов к Хиенне. Суккуба тут же бросилась к нему в объятия и звонко поцеловала в губы. Единорог сразу вернулся к табуну, не выказывая больше агрессии.

— Это сейчас что было? — Аггрха распирало от любопытства.

— Им не нравится, когда мы ругаемся, а поцелуи воспринимают как знак примирения, — скривилась Хиенна. — Надо признаться, мне так понравилось это занятие, что я иногда даже специально провоцирую.

Михель плотно сжал губы, чтобы не сказать очередную грубость.

— А это… — намекая на поцелуй, похлопал себя по лицу Адинук.

— Это самое странное, — откликнулась пуута. — Михель по глупости первым полез целоваться, но ничего не произошло. Мы после этого и помирились, хотя я его какое-то время терпеть не могла… после турнира. Я до этого очень боялась, что с ним может случиться что-то нехорошее. Ведь поцелуй суккубы смертелен, как вы знаете. Раньше я переживала, а потом стало все равно, ну и все как-то легко прошло.

— У меня было так погано на душе, — подтвердил монах, присаживаясь рядом с отдыхающим бардом. — Я подумал, что лучше умру, чем без любви, ну и…

— Я бы тоже сейчас попробовал, — пошутил орк, запамятовав, при каких обстоятельствах он свел этих двоих вместе.

— Рискни здоровьем! — с такой угрозой в голосе хором ответили влюбленные, что зеленокожему пришлось еще пять минут извиняться и доказывать, что он ничего такого не имел в виду.

Аггрх на всякий случай попятился, едва не рухнув обратно в яму. Гарб шустро схватил зеленокожего за плечо и помог восстановить равновесие.

— Так вы нас не предали? — прервал затянувшееся выяснение отношений Адинук, силясь высмотреть в облике парочки признаки злодейских помыслов.

— Нас всего лишь немного… озлобило, — подобрал слово Михель. — Ее чуть больше, меня чуть меньше. Мы боремся с этим, но не всегда получается. Мы оба думаем, что наше состояние еще не повод отказываться от союзников и друзей.

Хиенна молчаливым кивком подтвердила сказанное, презрительно плюнув в сторону человека.

— Как ты ее выносишь? — озадаченным шепотом спросил Адинук, сидящий рядом с Михелем. — Она сейчас копия моих сестричек. Не лицом, конечно. Мои-то куда симпатичнее.

— Раньше было хуже, — полуулыбка скользнула по лицу монаха. — Сейчас старается исправиться. Но даже тогда она не вела себя и вполовину так мерзко, как бывшая женушка в год перед моим послушничеством. Так что я все вытерпел довольно легко.

Эльф уважительно похлопал человека по плечу здоровой рукой.

Пейзаж вокруг сильно отличался от окрестностей столицы. Компаньоны стояли на широком каменном плато без каких-либо признаков растительности. Футах в тридцати от них начинался обрыв. Далеко внизу виднелась извилистая горная тропинка, теряющаяся в

туманной дымке, за которой смутно угадывался густой хвойный лес. Там же рядом находилось другое плато, куда больше размером. Мимо него свои воды нес стремительный речной поток, берущей начало где-то высоко в горах.

Аггрх отвернулся от края и посмотрел на скалу позади. Горный массив величественно нависал над крошечными смертными, а его вершины терялись в облаках. Среди них смутно угадывалась огромная снежная шапка, венчающая самый высокий пик. Пока компаньоны сидели в яме, ничего такого видно не было. В скале недалеко от них зиял узкий темный провал.

— Вон там его логово, — махнул рукой монах.

Все испуганно посмотрели в сторону утеса, словно ожидали появления Минору в ту же секунду. Древний титан явиться не соизволил.

— Антонио ждать будем? — поинтересовался Адинук, на всякий случай оглядываясь.

— Потом он или сам нас найдет, или на обратном пути еще заглянем в яму, — бросил Михель, не поворачивая головы. — Мы ему сейчас все равно ничем не поможем.

Воссоединившиеся компаньоны согласились с монахом и осторожно побрели в сторону неизвестности. Единороги нерешительно потоптались снаружи и вернулись на плато, дав негромким ржанием понять, что их в эту темень не заманишь даже кусочком сладенького.

Глава 30

«Живи сегодняшним днем и радуйся, что пока жив. Завтра ведь может и не наступить. Только не забывай строить планы, иначе пропадешь уже сегодня».

— Минору

Подскальное пространство не особо отличалось от подобных мест на Лумее: все тот же мрак, духота и сырость. Стойкий запах соли щекотал ноздри и облегчал дыхание. Несмотря на это долго находиться в спертом воздухе все равно не хотелось. Вскоре обнаружилась и причина запаха, когда гоблин заметил несколько соляных столбов в отдалении. Сталактиты вызвали у Гарба недоумение, потому что взяться им было абсолютно неоткуда. Вода не настолько давно появилась в этом мире, чтобы успеть сотворить такое.

Постепенно разговоры смолкли: компаньоны ступали осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Кто знает, где может нанести удар коварный титан. Невесть откуда взявшаяся среди скал сухая ветка хрустнула под ногой Михеля, едва не заставив взвинченные до предела нервы компаньонов взорваться бурей эмоций.

— Осторожней, недотепа! — зашипела Хиенна, толкнув монаха кулачком в спину.

— Сама такая, — буркнул парень, всматриваясь в непроглядную темень, которую не мог полностью разогнать даже шарик волшебного света, наколдованный Гарбом. Здесь его магия по-прежнему работала, давая чувство защищенности.

Наконец узкий ход расширился, и путникам открылась просторная пещера. Прорва светлячков копошилась на стенах и обеспечивала достаточно желтого света, чтобы можно было прочитать пергамент, не напрягая глаза. Мерцал тускло-зеленым и растущий повсюду мох, придавая пещере некую таинственность. Бурный ручеек, журчание которого друзья услышали еще шагов за двести, нес свои воды через пещеру, огибая лишь массивное возвышение из соли в самом ее центре. На «троне» восседал десятифутовый двурогий великан без одного уха на бычьей голове, закинув одно копыто на другое. От Каввеля его отличал разве что фиолетовый цвет глаз и периодически пробегающая между рогов искра схожего лилового оттенка.

Титан держал в правой, покрытой короткой черной шерстью руке живого саблезубого кузнечика салатового цвета размером с крупную лумейскую кошку. Древний бросил взгляд в сторону посетителей и вскинул свободную руку в приветствии застывшим от неожиданности компаньонам.

— Ахой, перворожденный и прочие смертные, и даже тебе пуута, — жизнерадостно воскликнул он, отправляя неистово сопротивляющееся насекомое в рот целиком.

Компаньоны остались на своих местах, не зная, что предпринять. Титан, очевидно, знал об их появлении заранее, но попыток сбежать не делал, явно уверенный в собственной безопасности.

— Хотите кузнечика? — гостеприимно указал он на своеобразный террариум из крупных кристаллов соли, на дне которого копошились родичи только что съеденного. — Сочные, хрустящие. Пальчики оближешь!

Не дождавшись ответа, Минору хмыкнул и потянулся еще за одним для себя. Крылья за его спиной обвисли рваными тряпочками и выглядели еще более жалко, чем прежде.

— Обожаю это место, — чавкая, продолжил он. — Все здесь получилось, как я люблю,

клянусь ластами Тритона. Таков был мой собственный мир до его уничтожения пуутами. Я бы даже тут остался, если бы не громадье планов. Месть, знаете ли, сама себя не свершит. Вы, кстати, зачем, пожаловали, сухопутные? Или вам мои переделки не по вкусу?

— Мы пришли остановить тебя, древний, — прищурившись, заговорил первым Михель.

— Зачем, позвольте спросить, а главное, как? — взял еще одно насекомое титан. — Мне даже не нужно напрягаться, чтобы вас прихлопнуть, а ежели у вас есть некое секретное оружие против меня, то треугольный бом-брамсель вам на фок, а не тушка Минору. Я просто отдам швартовы, и глазом моргнуть не успеете. Я всегда умел бегать, иначе бы давно изничтожили. Не для того я возрождался с такими трудностями, чтобы сразу бездарно пережить еще одно падение.

Компаньоны переглянулись и посмотрели на Гарба. Тот отчаянно вцепился в посох, словно опасаясь, что бесценный предмет могут отнять.

— Я разумное и цивилизованное существо, — продолжил Минору. — Куда разумнее и цивилизованнее вас, между прочим. К чему насилие? У меня нет на вас обид, как пока нет и резона с вами драться. Можем договориться полюбовно, салаги! А если кто из вас подскажет, как избавиться от этих надоедливых морских словечек, еще и награжу. Я и так, и сяк стараюсь, но избавиться не получается. Что я такого съел?

— Ты переродился из пиратского капитана, приятель, — подсказал Аггрх. — Это он в тебе говорит. Верни нам минотавра, и забудешь про морской язык.

— Дело говоришь, мелюзга, — сверкнул фиолетовой молнией между рогами титан, явно вдохновленный идеей. — Вот видите, можно же нормально общаться, если захотеть.

Минору поднялся на ноги и сладко потянулся.

— Так верни нам нашего друга, — попросил Адинук, потирая место перелома, сросшегося молитвами монаха, но все еще дающего о себе знать. — Он все равно проклят богами, как кошка, на которую наступили ночью. Зачем тебе чужое проклятье?

Бычья морда древнего перекосилась от ненависти. Титан вытянул шею и оглушительно зарычал, впервые заставив присутствующих испытать страх. Было в этом рыке нечто совсем не бычье, хищное. Особенно сильно поджилки затряслись у Хиенны, для которой звук оказался не просто рычанием дикого зверя, а чем-то гораздо большим, будоражащим древние, как сам пуутский род, воспоминания.

— Дай угадаю! Так, это был минотавр… Подлец Торгарон? — рокочущий голос Минору прозвучал гораздо тише по сравнению с рыком.

— Он тоже участвовал, — подтвердил Гарб, единственный из всех слышавший историю проклятия от Каввеля целиком.

— Верну, — твердо пообещал титан, опустив голову. — С этим у меня тоже счеты. Избавить моего потомка от проклятия Торгарона будет за счастье. Только не все так просто.

— Ты чего-то не можешь, всесильный древний? — с кривой усмешкой спросила суккуба.

— У всех есть ограничения, даже у богов, — рыкнул титан. — Мне подвластно многое, но далеко не все. Вашего приятеля я не могу вытащить из себя, не заменив его кем-то из других своих потомков. Среди вас случайно не затесался достойный?

Суккуба схватилась за голову. Михель легонько потряс ее за плечо, вопросительно заглядывая в искаженное яростью лицо.

— Она пыталась нас защитить! — отвесила себе пощечину Хиенна. — От всего этого.

— О чем ты? — осторожно спросил шаман, искоса посматривая на Минору.

Тот стоял и с любопытством разглядывал страдающую суккубу.

— Мать… приемная! — скрежетнула зубами пуута. — По ее приказу уничтожали Кхинь кхунов! Только они были потомками Минору в нашем слое, и она об этом знала. Она знала и в одиночку боролась, но пророчество все равно сбылось, и я в этом виновата!

— Будет уже! — примирительно поднял открытые ладони кверху древний. — Пророчества — это такие штуки, которые сбываются, как бы ты ни пытался их перехитрить. Чем больше пытаешься, тем быстрее они сбываются. Это я подкинул Део идейку, а он взял и воплотил. Правда, умно придумано?

Гарб выпрямился и заглянул в глаза существу, некогда общавшемуся с самим Создателем.

— Кто же ты все-таки? — спросил он, напряженно держась за посох и собираясь его применить, если ответ его слишком испугает.

— Я? — коротко хохотнул Минору, а потом погрустнел. — Вы действительно не знаете? Они грозились стереть всю память обо мне, но я никогда не думал, что у них получится… С другой стороны, я теперь не завишу от орды почитателей.

Титан горделиво выпрямился и прищурил и без того маленькие глазки.

— Кто я? Льстивое слово тут, намек там — и тщеславный, но не слишком умный брат Люцифер возомнил себя равным Создателю. По моему наущению началась вторая великая война. Это мои старания ввергли пуутов в пучину страдания в Бездне! Я змей искуситель! Я Миноруаррригаурандар!

— Не может быть! — громко прошептала Хиенна, а остальные повторили эту фразу много раз в своей голове.

— Ага, — шепнул Адинук. — Драконы не гоблины. Они всегда любили труднопроизносимое имечко да подлиннее, чтоб их.

— Да, мои маленькие, — улыбнулся одними губами Минору. — Я первый и последний из великих драконов. Пускай меня лишили божественной искры, пускай я пока не могу предстать перед вами в своем истинном обличье, но я все еще силен. И теперь я знаю и умею куда больше, чем прежде.

Адинук охнул и яростно заскрипел пером.

— Конечно, — вскользь заметил эльф. — Куда нам тягаться с третьим по могуществу существом во вселенной.

— Четвертым, — поправил его дракон. — Вы забыли Бирканитру. Она хоть и из правнуков Део, но равных ей не было даже среди его детей, если не считать Предателя.

У Гарба от неожиданности подкосились ноги.

— Ее почти никто не помнит, — дрожащим голосом произнес шаман. — Имя Праматери покрыто позором, а ее почитатели подвергаются гонениям.

Минору разразился очередным продолжительным раскатистым рыком, который на этот раз больше походил на смех.

— Серьезно? — спросил наконец древний. — Вот ведь невезучая. Тут или рассеянность, или доброта опять с ней приключилась. То-то я думаю, накидка и посох не при ней.

— Ну вот, а ты еще не хотел быть чемпионом гоблинской богини, — эльф шутливо толкнул Аггрха локтем в ребра.

Орк в ответ оскалил клыки, но ничего не сказал.

— Кстати, а не поделитесь секретом, о чем там говорилось в пророчестве? — вкрадчиво поинтересовался перводракон.

— Там о возвращении Минору, — не стал вдаваться в подробности Адинук, хитро прищурившись.

— И все? — немного разочарованно уточнил древний.

— Ага, — легонько кивнул эльф, чтобы соломенные волосы снова не упали на глаза.

Древний сделал вид, что поверил, еще раз потянулся и расправил обрывки крыльев, заставив суккубу заиграть желваками на скулах.

— Я бы и рад с вами еще поболтать, но тут неподалеку бродит армада пуутов, а мне как-то не улыбается связываться с толпой кровожадных и голодных отщепенцев, — произнес Минору, немигающе глядя на Гарба. — Мне ненадолго понадобится вот эта штукенция. Обещаю вернуть сразу после применения.

Гоблина словно огрели плетью. Хотя он и предполагал такой исход, но все равно оказался к просьбе не готов и растерялся от неожиданности.

— Нет, — глухо откликнулся шаман, не желая даже слышать о притязаниях на собственность Бирканитры.

— Жаль, — с искренним сожалением произнес Минору. — Мне этот посох должны были поднести на блюдечке, а не в таком ершистом виде. От перворожденного жреца я другого ответа не ждал, но у меня есть выгодное предложение.

— Перворожденного? — переспросил гоблин, наконец заподозрив что-то странное в этом слове.

Дракон демонстративным хлопком прикрыл глаза руками.

— Что вы, смертные, вообще знаете? — простер он ладони к Гарбу и потряс ими в воздухе. — Ты пуута тоже не в ладах с историей?

— Мы живем в изоляции по твоей милости, — холодно парировала Хиенна. — Многого не знаем про другие миры.

— Конечно-конечно, ваши охотники за душами наверняка слепнут и глохнут в процессе охоты, — иронично заметил Минору. — Бирканитра первой из богов вылепила из глины смертные игрушки и вдохнула в них жизнь, назвав детьми. Потом мои потомки сотворили драконов. Только после этого другие правнуки Део узрели, как это здорово — наплодить себе уйму детишек, заселить ими маленький уютный мирок и наблюдать за их копошением. И быть для них всемогущими. Очень, знаете ли, тешит самолюбие, особенно когда собственные братья и сестры сильнее, и от них регулярно перепадает затрещина-другая. Иные так и вовсе творили просто, чтобы не отличаться от остальных. А уж когда додумались воевать с помощью детишек, вообще веселье началось. Хотя бы это-то вы должны знать! Это же произошло до вашего падения.

— Хапуг-то правду тогда сказал в Льонасе, — шепнул Гарбу Михель, но гоблин завороженно смотрел на перводракона и не обращал ни на что другое внимания.

Ящер окинул всех победоносным взглядом. Убедившись, что должный эффект слова произвели, он решил закрепить успех.

— Разумеется, плоды трудов малышки вышли по образу и подобию ее — одаренные, умные, верные, смелые и упертые, как сам Део.

— Ты сейчас точно про гоблинов? — не поверил Аггрх.

Минору непонимающе уставился на орка.

— А! Ну да, — сообразил он. — Раз девочку ее создания позабыли, то и порода должна была захиреть без должного надзора. Бог, вкладывая себя в сотворение смертных, отдает им часть своей силы, которую те ему потом возвращают. Если повезет, то вернут гораздо

больше, чем было дано изначально. Если не повезет, как случилось с Нитти, то творец и его смертные начинают угасать. Однако, как я вижу, достойные экземпляры все еще встречаются.

— Благодарю за откровенный рассказ и комплименты, — очнулся от ступора Гарб, — но посох я тебе все равно не отдам. И не смей больше так называть Бирканитру!

Древний шумно втянул воздух ноздрями, все еще не желая менять тактику.

— Как хочу, так и называю, — беззлобно ответил Минору. — Она моя двоюродная внучка, в конце концов.

При виде вконец ошарашенного гоблина, морда дракона приобрела благостное выражение.

— Предлагаю взаимовыгодный обмен, — торжественно объявил он, топнув копытом.

От этого трон позади древнего раскололся надвое и осыпался мелкой крошкой к ручью, заставив орка отступить на шаг и машинально схватиться за мечи.

— Говори, — тихо, но угрожающе потребовал продолжения шаман.

— Я уже предлагал сделку кое-чьей сестричке, — Минору кивнул на побагровевшую Хиенну, — но она свою часть уговора выполнить не сумела. Она, видите ли, решила не мараться и доверила все бездарному посреднику. Он и ее предал, и вас, и меня наверняка собирается. Я вас пуутов за такое и не люблю. Короче, нужно ненадолго открыть основной выход из Бездны, а потом обратно запечатать, чтобы отсюда не полезла наружу ваша пуутская братия.

— Вижу, к чему ты клонишь, — потер подбородок лапой Гарб. — Разве нельзя просто уйти?

— Это я как раз могу легко, — скривился Минору, как будто напоминание о его могуществе саднило, как заноза. — Только у Бездны есть особое свойство, стирающее память всякому, кто из нее выходит через другие двери. Мне бы не хотелось испытать на себе его действие. Знай я о нем раньше, ни за что бы сюда не явился, но очень хотелось тогда позлорадствовать.

Хиенна вздрогнула, припомнив свое перемещение в Эльжахим. Ей еще, скорее всего повезло родиться пуутой, иначе бы до сих пор не помнила, как ее зовут.

— Ну что, я не слишком многого прошу? — подмигнул дракон. — Я уйду, и можете про меня забыть. Ваши миры меня больше не интересуют. Если хочешь, маленький жрец, можешь даже сам открыть врата, но у тебя может силенок не хватить.

— Что взамен? — мрачно поинтересовался гоблин.

— Я так понимаю, моих откровений не хватило в качестве оплаты, — всплеснул руками древний. — Узнаю творение Бирканитры. Жадность у вас в крови. Чего бы вам всем хотелось?

— Верни все, как было раньше! — выпалила суккуба, озвучив самое сокровенное желание.

Минору с гаденькой улыбкой прищурил один глаз.

— Насколько раньше? — уточнил он. — До сотворения сего мира или до моих маленьких правок?

— До твоих проделок, — сказала Хиенна. — Мне не нравится быть злой.

— Тьфу ты, сардина недовяленая! — выпятил губу дракон. — Я-то думал мы о собратьях беспокоимся… Дитя ты неразумное! Быть злым или добрым — выбор каждого из нас. Свобода воли — высший дар Создателя и смертным, и богам, и даже таким

отверженным, как вы пууты. Не в моих силах отменить его дар. То, что тебе не нравится быть злой, как раз и подтверждает это. Только слабые духом легко поддаются на мои трюки.

Адинук радостно заскрипел пером. Конспект уже не влезал на свиток, и он успел достать второй.

— Подождите, — не отрываясь от записей, произнес эльф. — Значит, все те тивада на самом деле добрые, как день?

— Это вряд ли, — улыбнулся Минору. — Разве только часть из них с радостью приняла свою истинную природу. Остальные просто слабохарактерные и легко пойдут за вожаком. Каков вожак, такое и стадо.

— Интересно, интересно, — пробормотал эльф, почесав кончиком пера щеку, оставляя на ней чернильный след. — Чем же тогда объясняется отсутствие изменений в Аггрхе? Гарба-то явно посох уберег, а меня безумие. Неужто сила воли?

Орк расслышал реплику и недовольно фыркнул. Не слишком ли остроухий обнаглел, чтобы усомниться в боевом товарище? Затем воин и сам задался тем же вопросом, и ему вдруг стало как-то не по себе. Догадка лишь пощекотала краешек сознания своей неприятно скользкой сутью, но даже этой доли мгновения хватило, чтобы вздрогнуть.

— То есть можно просто силой воли сбросить наваждение? — спросил тем временем Михель.

Дождавшись утвердительного кивка, монах тут же уселся медитировать. Хиенна так просто не сдалась.

— Пока я еще не преодолела навязанное тобой состояние, — спокойным тоном произнесла суккуба, — мне не интересна будущая судьба моего племени. Только вот потом, я уверена, участь моего королевства мне не будет безразлична. Его нельзя оставлять таким.

Минору согласно кивнул, улыбнувшись одной половинкой губ.

— Примерно то же самое травила твоя черноволосая сестричка, — дракону, видимо, надоело стоять, и он уселся обратно на выросший позади него соляной трон. — Рассказывала, как ей нравится новый облик и доброта, но Иблис не позволит, Иблис не потерпит и не простит, это не в природе пуутов… Иблис-шмиблис. Какое мне дело до братца и его отродий? Он свое уже получил. Приятно только, что хоть кому-то нравятся плоды моих трудов! Это, между прочим, дар за мое возрождение. Я помог им вернуть изначальный облик и даже память, так они еще чем-то недовольны.

— Значит, ты не собираешься ничего менять? — устало спросил Гарб.

Гоблина этот разговор и обилие свалившихся на его голову новых знаний успели порядком утомить.

— Я, кажется, уже говорил, что получившийся мир напоминает мне мой собственный, — наморщил лоб Минору. — Нет, не буду, хоть меня и противоестественно тянет помочь вашей странной банде. Наверное, это остаточное от предыдущего носителя тела.

— Тогда какой смысл нам тебя отсюда выпускать? — задала резонный вопрос Хиенна.

Древний издал рычание, разом сбившее с суккубы тонкую броню уверенности, которой успел укрыться ее разум за время разговора.

— Мне по нраву твой уютный мирок, но, если не будет другого выхода, я разнесу его по камушку, якорь мне в бухту!

Идея поразила гоблина раскатом грома. Одна мысль упрямо лезла в голову, словно ее кто-то настойчиво подсказывал. Шаман только никак не мог ее сформулировать. Наконец

она нашла путь к языку.

— Постой! — попросил Гарб. — Если тебе нравится мирок, ты бы не согласился его… сохранить для себя, когда твоя месть свершится?

Минору посмотрел на гоблина с удивлением.

— Признаюсь, у меня были такие мысли, — произнес он, — но я вряд ли доживу, чтобы насладиться успехом.

— Тем не менее, должен заметить, что, имея место для безопасного отдыха и потенциальное пристанище, планировать месть проще, — продолжил шаман, мысленно себя поздравив. Похоже, ему повезло дернуть за правильную ниточку в переплетении мотивов падшего бога. — Может быть, мы можем сделать что-то прямо сейчас?

— Дело говоришь, адмирал! — согласился после некоторого раздумья Минору. — Есть один способ, но для него нужна помощь твоего посоха, и это не обсуждается. Быть может, жрец моего дражайшего родителя тоже изъявит желание поучаствовать для ускорения?

— Вообще не жажду, — нахмурился Михель.

Монаху совсем не хотелось помогать отверженному богу. Однако, немного подумав, Михель рассудил, что пути Вседержителя неисповедимы. Творец просто не передаст свою силу для нечестивого деяния. С тяжелыми предчувствиями мужчина все-таки дал согласие.

***

Гарб был необычайно взволнован. Придуманное им самим решение пугало до дрожи в ногах. Масла в огонь подливало то, как охотно Минору поддался на уговоры. Коричневая шерстка по всему телу рефлекторно вздыбилась, делая гоблина пушистым. Правда, под мантией этого никто не мог увидеть.

— Надо все как следует обдумать, — начал шаман сам с собой мысленный диалог, внутренне разделяясь на несколько разных личностей.

Такому способу мышления его научил когда-то один из духов. Оно частенько позволяло взвесить все за и против, чтобы больше не колебаться при принятии решения.

— Хочется ли нам, чтобы все получилось? — поинтересовалась председательствующая личина, обычно сохраняющая нейтралитет в обсуждении.

Выглядела она как суровой наружности гоблин в судейском парике и малиновой мантии, стоящий за трибуной и изредка постукивающий по ней деревянным молоточком.

— Безусловно, — тут же согласились все остальные стороны.

— Тогда давайте взвесим все за и против.

— Применение посоха подвергает опасности всех, причем снова, — первым взял слово малютка гоблин, обычно отыгрывающий роль внутреннего труса.

Гарб всегда представлял его в виде трехлетка, еще не заслужившего право на ношение одежды. Такой образ нисколько не мешал персонажу иной раз выдвигать дельные предложения.

В этот раз остальные привычно зашикали на него, мол, опять ты начинаешь.

— А что я не так сказал? — возмутился малыш. — Да, я всегда опасаюсь и предлагаю сбежать. Но ведь это нас еще ни разу не подводило. Такая тактика чаще всего приводит к выживанию. Для нашего вида это самая приемлемая модель поведения почти в любой ситуации. Посох опасен, а результат его применения непредсказуем. Я за то, чтобы не пользоваться им до сборки всех частей и получения подробных инструкций по его применению от высших сил.

— Бегство не всегда рационально, — заметил шаман, отвечающий за житейскую

мудрость.

Высота этой личины составляла четыре обычных гоблинских фута. Шаман всегда носил ритуальную маску и одежды из кроличьего меха.

— В этот раз мы будем делать все не сами, а под контролем значительно более опытного заклинателя. Разве не интересно посмотреть, что получится? — подала голос личность знахаря-алхимика, символизирующая любознательность.

Интересный тип, вечно обвешанный пучками сушеных трав, из-за которых даже толком не видно, во что он одет.

— И это с большой долей вероятности поможет нам спасти всех, — добавила личность жреца, отыгрывающего помимо ревнителя веры роль верного друга. — Согласитесь, что тивада нуждаются в защите, и мы ее сможем обеспечить. Нам самим ритуал тоже пойдет на пользу. Если этот слой Рахэн-ди станет отдельным миром, то Бездна не сможет стереть нам память, когда мы сможем уйти.

Жрец, понятное дело, весь в белом. Его лапы постоянно молитвенно сложены, а мордочка лощеная такая: прям видно снизошедшую благодать.

— Разумно, — заметил председатель. — Есть ли возражения?

— Разумеется, есть! — завопил малыш-гоблин. — А что, если ритуал пойдет не так, или Минору его вообще проведет по своему усмотрению? Или вот, посох опять даст побочный эффект?

Остальные личности немного помолчали, обдумывая контраргументы.

— Такое действительно может произойти, — осторожно начал шаман. — Однако мы должны учитывать и вероятность того, что никакого результата вообще может не быть, и все останется без изменений. В этом случае у нас два варианта безопасного исхода против одного потенциально опасного. Опять же, что именно плохого может случиться? В крайнем случае слой вернется в свое исходное состояние.

Остальные согласились, но не трусоватый малыш.

— Ты забыл четвертый, — напомнил он. — Все может полететь в тартарары, а мы не сумеем этому помешать. И еще пророчество это тоже наверняка как-то замешано.

— Если все получится, — проигнорировал его жрец, — все компаньоны нам будут очень благодарны и точно помогут завершить сбор посоха.

— Успех поможет нам возвыситься, — подытожил гоблин огромного роста, отвечающий за гордыню.

Личность была новая и Гарб еще не успел придумать ей название. Немного отвлекшись, он решил, что назовет ее полубогом или просто божком. Новичок внешне представлялся десятифутовым увальнем, одетым в мантию синего цвета, расшитую золотом, с посохом в лапах — точь-в-точь нынешний Гарб. Разве что морда этого типчика изображала самое высокомернейшее высокомерие, которое только можно представить.

— Но ведь… а если кто-нибудь пострадает? — робко возразил малыш. — Если мы сами пострадаем?

— Наша самооценка, мелюзга, однозначно пострадает, если мы этого не сделаем, — тут же откликнулся божок. — Нам стоило больших усилий, чтобы начать думать о себе не как о грязи под ногами окружающих, а как об уважаемой личности. Отступить сейчас, значит потерять уважение друзей и свое собственное я. Гоблины должны перестать трусливо бежать. Вы все слышали древнего. Мы перворожденные!

— Умываю лапы, — сказал малыш. — Вы меня уже давно не слушаете, но молчать не

имею права. Только попомните мои слова: мы еще об этом пожалеем. Надо о последствиях думать! Кто из вас их хоть как-то прогнозировал?

Остальные снова оставили его слова без внимания.

«Все же придется это сделать», — мысленно подвел итог Гарб, отрываясь от раздумий.

Его ноги продолжали подгибаться, а лапы похолодели от напряжения.

«Я справлюсь, чтобы Бирканитра могла гордиться мной и всеми своими детьми. Я переборю свой страх ради друзей, я не дрогну перед опасностью ради невинных заложников Минору. Я Гобхат, и это звучит гордо!»

Шаман сделал глубокий вдох и прошествовал к месту ритуала.

Глава 31

Всегда рядом, можно увидеть, но нельзя потрогать.
Загадка про тень

Теперь роли поменялись. Ченвай улепетывал без оглядки, а Бурбалка догонял. Бывший смертный не спешил, ведь это ему больше ни к чему. Теперь он не мог умереть и имел в запасе вечность. Из далеких глубин памяти до него спорадически долетали отголоски воспоминаний о друзьях, оставленных в яме. Он помнил, что пришел сюда ради их спасения, но образ с компаньонами в ловушке никак не хотел занимать важное место среди задач, поставленных самой его новой сутью. С каждым мгновением старое теряло значимость, а новое увлекало и захватывало все сильнее и сильнее.

Мастер порталов наконец добрался до заветной границы, за которой прыжку в Шеол уже ничто не мешало.

— Главное успеть! — подгонял он себя. — В Шеоле тебе меня не догнать, чудовище!

Бурбалка лениво выждал, пока пуут откроет пространственные врата. Парень сейчас одновременно ощущал начало суетливых действий демона, их результат и даже процесс извлечения энергии тени из хранилищ, сокрытых в призрачном теле маленького уродливого существа. Немногие посвященные называют такую темную энергию Тэ в противоположность божественной силе Дэ.

Бессмертного на миг позабавило, что Ченвай до сих пор считает себя пишааком. Эти крупные пууты приходятся родственниками импам в той же степени, в какой хобгоблины состоят в родстве с гоблинами. Призрачный человек отметил этот бесполезный теперь факт в сознании и тут же забыл про него.

Зрение как таковое его оставило. Антонио теперь ничего не видел, но начал воспринимать окружающий мир всем своим лишенным осязаемости телом. Оно улавливало малейшие колебания энергий и различало их лучше, чем глаз смертного различал цвета.

— Глупыш, — ласково подумал Бурбалка. — Ты даже не понимаешь, что уже един с нами. Ничего, скоро поймешь, а пока веди меня к ней. Веди, чтобы я не сбился с пути.

Одна великая цель, сохранившаяся от той смертной оболочки, все еще затмевала собой остальные. Рядом с ней даже поставленные Умброй не казались важными. Хозяин будет злиться, но это тоже может подождать. У главной цели есть имя: Мерилит. Почему-то сейчас это казалось важнее всего на свете.

Частички вещества тени стараниями демона медленно и аккуратно разрезали ткань мироздания, оставляя на его поверхности плохо заживающие раны. Пока их еще слишком мало, но пройдет время… Совсем не важно, сколько его пройдет. Это будет нескоро, но, когда в запасе вечность, можно и подождать. Важен только результат: Умбра проникнет повсюду. Даже туда, где ей совсем не рады. Даже туда, откуда постоянно гонят светом.

Сгусток черноты беззвучно растворился в тенях Умбры, чтобы так же тихо появиться в сумраке местного Шеола вслед за отчаянно бегущим от своей участи пуутом.

***

Проводники покинули армию Квимиаля задолго до конца пути. Вот они только находились рядом и указывали дорогу, а через мгновение исчезли. Если бы тхан не считал свой рассудок все еще здравым, а память крепкой, то решил бы, что съел их сам и не помнит

об этом прискорбном обстоятельстве. Однако за многие тысячи лет голова генерала не подводила ни разу, и подобное исчезновение выглядело по меньшей мере странным. Они просто испарились. На мгновение ему показалось, что перед исчезновением тивада тени как-то странно заплясали в солнечных лучах.

— Иблис знает что такое, — произнес Квимиаль, шаря глазами вокруг в поисках пропажи.

Войско уныло брело на некотором расстоянии от своего командира и вряд ли могло послужить причиной происшествия. Спрятаться посреди огромного поля выгоревшей травы тоже было негде. Оставалось списать все на мистику, к которой тхан питал неприязнь с незапамятных времен. Впрочем, после зеленой растительности и текущей повсюду воды он такому уже не удивлялся.

Третьи сутки никакая провизия не попадала в желудки бойцов, и даже самые стойкие начали роптать. Боевой дух безнадежно покинул кучку некогда могучих воинов, и желающих следовать за полководцем совсем не осталось. Однако в отсутствие выбора, армия продолжала движение, пока Квимиаль сам не остановился.

— Довольно! — в ярости закричал он, лупцуя себя хвостом по впалым от голода бокам. — Подать сюда мироходцев. Сколько их осталось?

— Штук пять где-то, — неохотно отозвался последний из живых адъютантов, довольно крупный для импа летун.

Квимиаль сделал в памяти зарубку больше не питаться подчиненными без крайней нужды. В этом походе они подозрительно быстро заканчивались.

Специалистов по порталам притащили к генералу и бросили перед ним на выжженную землю. Все пятеро пишааков предпочли оставить свои распростертые чешуйчатые тела в золе и не поднимать головы, лишь бы не оказаться выше полководца, стоящего на четырех лапах. Тхан осмотрел свою последнюю надежду и полной грудью вдохнул ядовитый воздух отвратительного мира. К его удивлению, приступа удушающего кашля не последовало.

— Нам нужен портал, — не стал ходить вокруг да около Квимиаль, обращаясь к пятерке перепуганных магов. — Если получится сразу домой — будете купаться в золоте. Если к логову врага — пощажу. Не справитесь — разрешу солдатам вас сожрать. Все равно больше проку от вас никакого.

Мироходцы послушно вскочили, чтобы попытаться сотворить хоть что-то. Раньше ни одна из их попыток не увенчалась успехом. На этот раз они ни на что и не надеялись, но решили потянуть время напоследок. Уродливые существа, полностью покрытые чешуей цвета меди, встали в кружок, образовав пентаграмму. Они стояли на своих коротких задних лапах, опираясь на толстые хвосты, и размахивали длинными тонкими когтистыми лапками, монотонно бубня одним им известные заклинания. Через какое-то время случилось чудо.

Пространственная воронка сверкнула алым и из точки за долю мгновения развернулась в полноценные врата, способные принять остатки некогда великой армии.

***

Огромная тень совершенно беззвучно неслась по пустым пространствам шеольного мира, покрывая колоссальные расстояния за очень короткое время. У тени была цель, и она знала, где ее искать. Слишком далеко! Тень очень боялась опоздать и неслась все быстрее, делая короткие остановки только для охоты.

В Шеоле обитают вкусные духи. Самые вкусные из всех — призраки умерших гоблинов. Милые, совершенно невинные, безобидные и всегда полные Дэ создания. Один такой дух

мог утолить голод надолго. Всякий раз очень хотелось остаться, продолжить охоту и слопать всех этих маленьких аппетитных зверьков. И все же никакой голод не мог заставить тень забыть о цели. Однажды случайно столкнувшись с ней, тень ощутила помимо обычного зова Умбры еще и другое чувство: жажду мести. Умбра звала, и этот зов не прерывался ни на мгновение, но месть вдруг показалась важнее. Чувство оказалось неожиданно приятным. Настолько приятным, что заслонило собой все остальное.

Тень упорно продвигалась вперед, остервенело продираясь сквозь барьеры между мирами. Переходы из одной части Шеола в другую давались особенно тяжело. Тень теряла большую часть себя во время таких рывков. Приходилось останавливаться для охоты и лететь дальше, как только силы восстанавливались.

Уже скоро! Осталось недолго. Больше никаких границ, всего один прыжок, и цель постигнет кара за все ее преступления. Проклятый братоубийца будет уничтожен!

***

— Послушай старого морского быка! — раздраженно обратился Минору к Гарбу, вцепившемуся в посох мертвой хваткой. — Твое сопротивление делу не поможет, а ритуал сам себя не начнет. Ты собираешься отдавать игрушку или нет?

— Ничего не могу с собой поделать, — пытаясь разжать лапы, с усилием произнес гоблин.

Крючковатые пальцы крепко обхватили древесину и словно срослись с ней. Оба заклинателя стояли в центре пещеры. На месте, где еще недавно красовался трон, теперь солью и кровью был нанесен сигил. Множество надписей на древних языках покрывали его поверхность, намечая мощь будущего обряда.

— Ясно, — резюмировал дракон, почему-то улыбаясь и барабаня пальцами обеих рук по кончикам рогов. — Защита работает даже у частично разобранного посоха. Раз так, придется тебе солировать в круге. Хоть ты уже и не совсем смертный, но все же далеко не бог. Хватит ли у тебя силенок? Я пытался обойтись без вас недолговечных, но не получается.

— Я постараюсь, — стиснул зубы, сказал Гарб и вошел в центр сигила, осторожно переступив все начертанные знаки.

Михель занял место в одной из вершин, а Минору встал напротив.

— Итак, повторю, чтобы никто не запутался и не сомневался, — сказал дракон, и голос его впервые задрожал, показывая сильное волнение. — Такие сложные фокусы я до сих пор не проворачивал, и результат может нас всех, мягко говоря, не устроить. Божественное мне недоступно, но я могу пользоваться другим источником силы. Мы совместим мою силу и волю с силой и волей моей внучки Бирканитры через ее проводника Гарба. Форму нашим усилиям придаст воля Всеотца, если на то, конечно, будет воля его. Всем все ясно? Если повезет, то наших совместных усилий хватит, чтобы вырвать этот слой из жарких объятий Бездны раз и навсегда.

Гарб согласно кивнул. Михель кивнул с неохотой, будто заранее ожидал неудачу или чувствовал подвох. Адинук, Аггрх и Хиенна забились в самый дальний угол пещеры ближе к выходу, но никому из них даже не пришла в голову мысль подождать снаружи.

— Начали! — зарычал древний.

***

Мерилит недовольно поморщилась: мраморные полы в коридорах башни опять кто-то измазал слоем отвратительной коричнево-зеленой слизи. Мягкая и липкая субстанция успела местами подсохнуть и покрыться коркой, так что отчищать ее придется долго.

— Шорк! — звонко крикнула королева.

— Я здесь, Ваше Величество! — не замедлил явиться на ее зов статный тивада с изумительно красивым лицом.

Полыхающий на щеках красавчика яркий румянец не могла скрыть даже смуглая кожа. Слуга испытывал к королеве не только верноподданнические чувства, как, впрочем, и большая часть мужчин его народа. Сама ее величество после отбытия смертных пребывала в некотором замешательстве по поводу такого к себе отношения. В некотором роде, ей даже льстило, что каждый тивада готов не раздумывая продолжить с ней королевский род, но уж слишком это тяготило ее царственную особу.

К тому же Мерилит все еще испытывала вину по отношению к Антонио, отправленному на верную гибель. Смертный ей нравился. Даже немножечко больше того, но государство должно быть превыше всего. Пока королева отвергала любые знаки внимания со стороны подданных. Слишком мало времени прошло, и пожар ее собственных чувств еще не угас. Траур, опять же, стоило соблюсти хотя бы для собственного успокоения.

— Сколько еще осталось таких пуутов в этом замке? — возмущенно поинтересовалась Мерилит. — Я, кажется, приказала их всех переловить и искупать. Силой, если потребуется.

Купание, конечно, будет лишним, если Минору выполнит свою часть сделки. Но если нет, то терпеть грязь в своем замке она больше не намерена.

— Виноваты, Ваше Величество! — вытянулся по стойке смирно Шорк. — Мы насчитали не более двадцати семи особей, и только что обработали подвальные помещения. Часть пуутов обитает в вентиляционных ходах, что затрудняет поимку, но мы работаем над этим вопросом.

— Мне кажется, вы хорошо только считать и умеете, — обиженно надула пухлые алые губки королева. — С другой стороны, если тот прохвост не обманул, скоро все станет, как прежде.

— Прохвост, Ваше Величество? — недоуменно произнес слуга.

— А как его еще назвать? — рассеянно глядя в окно, заметила Мерилит. — Пришлось отдать ему сокровище, но это того стоило, я думаю. Как только он получит свое, мы вернем свое. И все станет нормально.

— Не понимаю, Ваше Величество, — пробормотал Шорк. — О каком сокровище вы говорите? Вы точно получите взамен что-то столь же ценное?

— Лучше тебе не знать, о ком я, — туманно сообщила Мерилит и отвернулась.

Повелительница тивада смущенно потеребила черные волосы, заплетенные в косу. Они смотрелись на фоне ее светлой кожи, как портал во тьму. Правильно ли так поступать? Маленький смертный ей действительно нравился, но не более того. Если положить на одну чашу весов судьбу королевства, а на другую симпатичного парня, пускай и наделенного большой силой, то выбор очевиден. В конце концов он всего лишь чужак и даже не благородных кровей. Почему же мысли о нем все еще не дают покоя? А может… Нет, это не она. Не любовь. Откуда бы ей взяться?

Мерилит вздохнула. Его удивительно легко удалось соблазнить. Хоть она это сделала и не как суккуба, но это накрепко привязало к ней бедного мальчика. Было приятно использовать его неожиданную силу. Такой милый, такой доверчивый. Как-то даже жалко, что ли. Может, все-таки можно было его оставить? Минору передал через Ченвая, что нельзя. Только с помощью его силы все можно вернуть на свои места.

Вдруг ей показалось, что пространство вокруг пошло рябью, и на стенах заплясали тени,

как от переменчивого света факелов. Однако на улице светило яркое солнце, и таким теням было решительно неоткуда взяться.

— Шорк? — осторожно позвала она слугу. — Ты это видел?

Шорк ничего не смог ответить, потому что в этот момент прямо в его живот воткнулось тонкая призрачная нить. Тивада лишь отчаянно хватал ртом воздух, пока жизненные силы стремительно покидали его. Королева застыла в изумлении при виде, как ей показалось, медленного убийства подданного. На деле все заняло не более пяти секунд.

Как только безжизненное тело рухнуло на пол, пространство снова пошло рябью, и прямо из воздуха на Мерилит шагнул Антонио. Королева отпрянула, сперва не узнав юношу: облик смертного сильно изменился со времени их недавней встречи.

Ее Величество всмотрелась в некогда приятные черты и ужаснулась: призрачное лицо без единого намека на человечность и материальность взирало на нее глазницами, полными мрака. Эта чернота клубилась, напомнив ей постоянно меняющегося Ченвая.

— Как ты… что случилось? — пробормотала она, отступая еще на шаг.

Ее крылья рефлекторно взметнулись вверх в попытке защитить повелительницу.

— Нравится? — спросил Бурбалка, и его голос прозвучал так потусторонне, что у Мерилит забегали мурашки по коже. — Для тебя старался. И что же я получил взамен? Противно. Кругом обман. Он пропитал все вокруг. Даже мрамор в этом зале сделался липким и скользким от вездесущей лжи.

— Кем же ты стал, хороший мой? — золотистые глаза королевы беспокойно забегали.

Антонио в ответ рассыпался клубами мрака, равномерно заполняя собой весь коридор, вынудив Мерилит отступить к лестнице, а затем соединился снова уже в другом месте.

— Куда же ты, свет моих дней? — спросил он. — Разве не ты хотела защитить подданных? Разве не ты клялась мне в вечной любви? Вот он я, готовый уничтожить любую опасность. Никакой Иблис отныне не в силах помешать нам! Даже сам Део больше не властен надо мной, ибо я несу в себе частицу изначального хаоса, который древнее и сильнее Део. Вместе мы победим кого угодно.

— Не говори так! — в страхе попросила Мерилит. — Я не хотела такого для тебя.

— Не говорить, что я желал связать с тобой свою жизнь и судьбу, а ты предала меня? — сделала шаг вперед призрачная фигура.

Королева испуганно попятилась, нащупывая ногой ступеньку, но не смея повернуться к призраку спиной.

— Не говорить, что я передал тебе и твоим подданным великий дар, которым вы пока не знаете, как пользоваться по назначению? — продолжил призрак, делая еще шаг. — Не говорить, что я не откажусь от своих планов, даже если вы не желаете быть их частью? Не говорить, что я все равно прощаю тебя, потому что ты для меня дороже самой тени, хоть ты и не поймешь смысла этих слов? Я обещал вернуться, и вот он я! Что же ты, не рада, любимая?

В отличие от залитого солнечными лучами коридора, до лестницы свет не доставал, поэтому слизь на ней высохла не до конца. Нога пятящейся королевы поехала назад на сколькой ступеньке. Мерилит попыталась сохранить равновесие и неловко взмахнула крыльями, чем сделала себе только хуже. В узком пространстве винтовой лестницы созданный вихрь закрутил сестру Хиенны и отправил ее в полет над ступеньками головой вниз. До Бурбалки донесся звук глухого удара и хруст костей. Призрак рванул вперед, и сквозь него из темноты лестничного провала, лениво кружась, пролетело три белых пера,

украшенных узором из капелек крови.

Даже все еще обитающий в недрах замкового подземелья Квви содрогнулся, услышав душераздирающий крик, последовавший за этим.

Глава 32

«Правила нужны только прямым линиям и простым смертным. Я создан нарушать порядок и сеять хаос, а потом менять их местами по прихоти своей».

— Минору

Горы Твамкланг, полчаса до рассвета

Зеленоватое сияние заполнило сигил, заливая ярким светом стены пещеры вместе с фигурами участников и наблюдателей. Монотонное пение Гарба сопровождалось бубнящими звуками молитвы Вседержителю и низкими, почти неслышными уху вибрациями, производимыми Минору. Все сливалось в странную гармонию звуков, которой, однако, чего-то не хватало.

Дракон стоял, скрестив руки на груди. Фиолетовая искра между его рогов переросла в полноценную молнию. Воздух вокруг него трещал, и запахло, как после грозы. Крылья древнего совсем сморщились, превратившись в несколько торчащих из спины костей с ошметками кожи.

— Ничего не выйдет, — вдруг сказал Минору, прерывая ритуал.

Свечение прекратилось, и все звуки стихли.

— Почему? — подбежала к сигилу Хиенна с вопросом. — Что мешает?

— Я недооценил хозяйку слоя, — шумно вздохнул падший бог. — Пока она в силе и противодействует нашим стараниям, не хватает буквально чуть-чуть. Будь с нами хотя бы еще один божок, мы бы преодолели ее сопротивление, а так…

Суккуба понурила голову, а затем вскинула ее и прищурилась, потирая подбородок. Загадочная полуулыбка играла на губах рыжеволосой красавицы.

— Чтобы сломать спину декнумкану, когда тот нес гору, хватило камушка размером с коготь, — сказала она. — Насколько мал камень, нужный сейчас для успеха?

— Небольшой, наверное, — пожал плечами дракон. — Откуда мне знать?

— В этом сигиле есть угол для еще одного заклинателя, — решительно заявила пуута. — Я займу его.

— Исключено, — отмел ее притязания Минору. — Ты не проводник божественной воли, и сама не божество. Пожалей друзей, потому что отскребать твои останки от стен я им помогать не собираюсь. Это не моя вахта!

— Любовь моя, — раздался голос Михеля, — не нужно. Ты исцеляла эльфа и потратила часть сил. Ритуал будет опасен для тебя. Может быть, стоит вернуться в замок и рассказать твоей сестре о нашем плане?

— Мне кажется, он прав, — поспешил поддержать его Гарб.

Хиенна за секунду сменила облик на демонический.

— Докатились, мне уже смертные указывают. Я все еще наследница этого слоя, Иблис вас побери! — топнула она ногой. — Пускай во мне не вся сила, но частью ее я владею.

— Воля твоя, — равнодушно отозвался дракон. — Становись тогда.

Адинук, Аггрх и Гарб бросились уговаривать принцессу, но суккуба осталась непреклонна. Девушка лишь подошла к Михелю, грациозно ступая между магических рисунков, и страстно поцеловала человека в губы.

— Посмотрим, на что еще способна сила истинной любви, — проронила она вполголоса, отворачиваясь, чтобы занять свое место.

Монах застыл на месте в своей вершине сигила, не в силах пошевелиться. Он успел узнать Хиенну достаточно, чтобы понять бесполезность дальнейших уговоров. Принцесса так решила и решение не поменяет несмотря на всю опасность. Тоска застыла в глазах Михеля. Орден велел уничтожать демонов и дьяволов, а не помогать им. Для Минору не было классификации, но человек чувствовал, что древний куда опаснее всей Бездны вместе взятой. Монах ради любви уже успел просто переступить через все, чему его учили. Если отнять ее сейчас, что останется? И все же он был готов идти до конца. Ради нее.

***

Плато Тхирабшунг, десять минут до рассвета

Портал выплюнул Квимиаля посреди большого каменистого плато. Бурый шершавый камень повсюду, и ничего другого. Несколько увядших травинок разнообразия не вносили. Впереди в паре миль высоченный горный пик стыдливо скрывал где-то за облаками свою макушку. За ним в отдалении смутно угадывались другие, более низкие вершины.

Футах в пятистах справа бурная река стремительно несла вперед свои ядовитые воды. Ровный шум их падения, доносящийся откуда-то дальше по течению, давил на уши, но не раздражал. Лишь пугал немного своей неотвратимой мощью. Позади виднелась уползающая вниз в цветущую долину дорога. Там осталась вся отвратительная зелень лесов и полей.

Дышалось здесь на удивление сносно несмотря на густую водяную взвесь, накрывшую вершину горы и медленно сползавшую вниз по склону к подножию. Яркое небесное светило собиралось вот-вот выглянуть из-за гор, окрашивая их вершины в цвет отвратительных растений, которые генерал видел в садах у тивада.

Вслед за полководцем из врат вышли остатки его армии. Жалкие крохи — едва ли десятая часть от тех войск, которые он привел с собой. Хватит ли их, чтобы справиться с Минору?

— Адъютант, отчет! — бросил он, не оборачиваясь.

Крысиное тело полководца вытянулось в струнку в сторону гор. — Говорить правду. Обещаю не наказывать.

— Осталось тысячи две пишааков, лорд командующий, — подлетел к нему последний выживший помощник, слегка ободренный словами генерала.

Квимиаль прикинул, какая от них польза. Пишааки — самый распространенный вид пуутов после импов, конечно же. Тела этих небольших, ростом до пяти футов, тварей покрыты крепкой чешуей, обычно цвета бронзы, но встречаются и зеленые, и желтые. Размер, конечно, не имеет значения. Они достаточно свирепы в бою и часто побеждают куда более крупных врагов, беря количеством. Короткие задние лапы дают превосходное толчковое усилие, позволяя далеко прыгнуть и уронить противника. Добивают уже упавших врагов обычно кривыми когтями на очень длинных руках. Иногда пускают в ход несколько сотен острых игольчатых зубов. Перед смертью красиво взрываются.

— Кто еще?

— Сотни две импов, пять фурий, два мупуна, десять чатакармов, много хмасудавов и так еще по мелочи, — ответил имп. — Большие потери по дороге были.

— Негусто, — разочарованно протянул тхан.

Импы — те же пишааки, только с крыльями и мельче. Шестифутовые фурии

предпочитают биться копытами и раскидывать противников рогами. Пользы от них иногда меньше, чем вреда. Войдя в раж, эти бестии с бычьими головами могут подавить и своих. Мупуны жрут камни и «плюются» ими на большие расстояния. В остальном бесполезны, потому что неповоротливые. Восемь тонких ног с трудом хватает, чтобы нормально двигаться. Оторви одну — и нет бойца, пока не отрастит новую.

— Чатакармы — это вообще кто? — спросил генерал. — Он не помнил даже такого названия.

— Это вон те с «крыльями», — указал направление хвостом адъютант. — Наемники из тридцать-какого-то слоя.

Квимиаль посмотрел в нужную сторону. Десяток бурых, сливающихся с камнем плато клювоголовых созданий с огромными костистыми наростами на локтях, которые издали действительно можно принять за крылья, паслись неподалеку. Они переминались на своих крепких птичьих ногах и периодически стучали клювами по камню, что-то выискивая среди редких травинок. Одна из птичек резко взмахнула головой и размозжила огромный валун. Каменная крошка полетела во все стороны, и чатакармы всей стайкой бросились ее клевать с воодушевленным клекотом. Квимиаль потянул носом и даже с такого расстояния ощутил стойкий запах падали, исходящий от этих созданий.

— Сойдут, — вздохнул генерал. — Вроде, крепкие.

— Еще какие! — хохотнул имп. — Декнумканы, пока еще были живы, решили поиграть ими. Ну, как обычно декнумканы играют: берут кого-то и рвут пополам. С одним попробовали, а потом удирали от всей стаи. Тот, кого они рвали, гонял их дольше всех по округе.

— Хмасудавов кормили? — вдруг вспомнил Квимиаль.

— Нет, конечно, — погрустнел имп. — Самим жрать нечего.

— Это хорошо, — одобрил командующий. — Злее будут.

Хмасудавы — верные спутники любой армии пуутов, определяли своих по запаху и обычно не трогали. Врагам иногда хватало одного вида своры огромных зверей, размером с небольшой холмик, чтобы начать бегство. Лумейцы нашли бы в них определенное сходство с леопардами, волками и скорпионами одновременно. Тело гибкое и пятнистое, как у больших лумейских кошек, голова волчья, а хвост от скорпиона. Разве только ни у леопардов, ни у волков нет такой толстой шкуры без единого волоска. Ловкость, сила и яд вместе с полным отсутствием страха — убийственное сочетание на поле боя. Добавьте приправу в виде терзающего их не первый день голода, и остальную армию можно на поле боя даже не выпускать.

В целом не так все и плохо, ведь дело придется иметь всего с одним противником. Каким бы могучим он ни был, даже с такой потрепанной армией ему не совладать.

Тхан каким-то внутренним чутьем распознал, что враг неподалеку.

— Бойцы! — обратился он к выжившим ветеранам многих баталий. — Пробил час нашей славы. Если мы прикончим врага рода пуутова, Иблис щедро наградит нас всех. Выжившим никогда больше не придется воевать ради пропитания. Отступать нам некуда. Враг не оставил для нас никакого выбора, кроме сражения. Готовы ли вы идти в бой и не бежать при первых признаках опасности? Этот выбор за вами! Только я еще помню времена, когда вы наводили ужас своей свирепостью на любого врага и сами были неустрашимы. Не посрамите вашу честь и славу сейчас. Да, мы устали и страдаем от голода, но победа все равно будет за нами, потому что иначе нас ждет только смерть и забвение. Победа или

смерть!

— Победа или смерть! — нестройным хором отозвались воодушевленные солдаты.

***

В пяти милях от плато Тхирабшунг, полчаса до рассвета

Семифутовый дьявол-жахани в блестящих золотом волшебных латах осторожно высунул рогатую голову из маленького, на удивление легко открывшегося портала. По его красной коже струился пот: опаснее деяния за годы своей длинной жизни он еще не совершал. Кажется. Его красивое лицо выражало смесь страха и серьезности. Черные волосы на голове были аккуратно уложены так, чтобы ничто не напоминало, в каком состоянии они находились еще несколько часов назад.

До жахани донеслись обрывки мыслей толпы пуутов. Он вернулся обратно и, не закрывая пространственное окно, послал команду магам на сотворение больших врат по тем же координатам. Нападение должно произойти внезапно. У выделенного ему подразделения-файлака есть только один шанс на успех, и им необходимо воспользоваться прямо сейчас, пока лазейку не успели залатать. Лишь слаженные и четкие действия — гарантия успеха против превосходящих сил.

***

Горы Твамкланг, рассвет

Сигил сотрясся вместе с пещерой, стоило заклинателям вернуться к ритуалу. Мир снаружи как будто начал рушиться, но Минору и не думал останавливать обряд. Все шло по его замыслу. Дракон все время не сводил взгляда от миниатюрной полупрозрачной карты вселенной, висевшей в воздухе перед его глазами. На ней Рахэн-ди в данный момент рвала на части их объединенная сила, и нужный слой вот-вот должен был оформиться в отдельный мир.

— Как думаешь, нам крышка? — громким шепотом спросил Адинука орк, чтобы случайно не расстроить творящееся чародейство.

— Не знаю, братец, — рассеянно ответил эльф, скрипя пером.

Его волновали только записи, а не шатающиеся стены и уходящий из-под ног пол.

Оставшись наедине, оба прижались друг к другу спинами, инстинктивно ища защиты у товарища. Оба осознавали собственное бессилие, но откликались на это по-разному. Орка такое состояние бесило, а эльф относился ко всему философски.

За неимением другого занятия, бывший гладиатор погрузился в невеселые мысли. Не так давно после смерти сына ему казалось, что все кончено и жизнь больше не имеет смысла. Потом Аггрх примкнул к этому нелепому отряду и постепенно привязался к новым товарищам. Им было все равно, какого он рода и племени, и это подкупало.

Да, орк иногда злился то на беспечность Бурбалки, то на напускную ненормальность эльфа, то на опрометчивость гоблина. Последнее время он еще бесился от конкуренции за принцесс, но в конце концов стал относиться к этому проще. Все-таки женщин много, а друзей куда меньше. Их недостатки с лихвой перекрываются достоинствами. Только с ними он перестал бояться за свою спину. И то злосчастное пари лишь подтвердило, что компаньонам можно доверять. Но что теперь будет?

— Я вот что думаю, — снова зашептал Аггрх, стараясь отвлечься, — как теперь жить-то на Лумее после всего, что с нами было?

— Не уверен, что мы туда сможем вернуться, — заметил Адинук, каллиграфическим почерком выводя руны.

От исписанных свитков Миленочке уже, наверное, стало тесно в ее котомочной вселенной. Хотя, кто знает, сколько туда можно поместить. Сам эльф внутри никогда не был и даже не знал толком, сколько там всего на самом деле лежит. Примерно такой же бардак царил и в его голове.

— Как это не сможем? — вскинулся зеленокожий. — Антонио нас всех вытащит. В крайнем случае Гарб что-то опять придумает с посохом. Вон, Минору тоже какой-то выход знает.

— Ему я не верю, — невозмутимо отозвался бард.

— Ну, знаешь! — обиделся орк. — Мог бы хоть немного подыграть, чтобы я успокоился.

— Подыграть? — оживился эльф. — Это можно.

С этими словами он заглянул в котомку, что-то прошептал, и огромная черная клешня услужливо подала ему наружу лютню. Орк побледнел от неожиданности, но сдержался и не заорал.

Адинук дотронулся до струн, и его пальцы озарило то же зеленоватое свечение. Зазвучал мотив, поразительным образом попадающий в такт со звучанием из сигила и дополняющий его до полноценной мелодии.

— Получилось! — ликующе взревел Минору, когда карта исчезла, знаменуя удачное завершение ритуала. — Как ты догадался, смертный?

Он обращался к недоумевающему барду, только что повторившему звук, сопровождавший сотворение Рахэн-ди, чему лично Минору был свидетелем.

— Оно само как-то вышло, — в недоумении посмотрел на свои руки Адинук. — Я играть-то толком не могу, перелом еще не сросся нормально.

— Не важно, салаги! — дракон пританцовывал от восторга. — Наша взяла, якорь мне в глотку!

Крыльев на его спине больше не было.

— Воздуха! — тихим шепотом попросила Хиенна, теряя сознание.

Михель успел подхватить суккубу на руки и бросился к выходу. За ним поспешили и остальные: уж очень любопытно стало, какие перемены миру принес их воплощенный замысел.

***

Плато Тхирабшунг, пять минут после рассвета

— Ноги Иблиса! — Квимиаль после страшного землетрясения первым поднялся на свои четыре лапы и одним из первых заметил перемены.

Из образовавшихся повсюду расселин в скалах выползали сотни ящеров самых разных цветов и оттенков: красные, оранжевые, ядовито-зеленые, грязно-серые и даже черные… Их свирепый вид и количество не сулили ничего хорошего.

Издалека размеры тварей оценить было сложно, но навскидку самая мелкая достигала тридцати колен или доброй сотни лумейских футов. Первые драконы уже расправили перепончатые крылья, и воздух загудел под их мощными взмахами. Взошедшее солнце ласкало лучами длинные змеиные тела, отражаясь от брони из чешуек и слепя замерших от зрелища демонов.

Пууты запрокинули головы в небо, очарованно следя за маневрами ящеров. Те же

азартно гонялись с ветром наперегонки, словно это был их первый в жизни полет, и пока ни на что не обращали внимания. Каждый из них парил, сложив вдоль тела четыре крепких лапы под брюхом и вытянув вперед длинную тонкую шею. Оная заканчивалась небольшой почти прямоугольной головой, с продолговатой, сужающейся к краю пастью, полной зубов. Впалые бока крылатых гигантов давали прозрачный намек, что очень скоро их обладатели начнут поиски пищи.

Один из драконов — кроваво-красный красавец с песочно-золотистым отливом чешуи — стремительно пронесся мимо и издал протяжный горловой рык. Он летел низко прямо над армией Квимиаля, высматривая что-то внизу. Из его зубастой пасти, струились колечки дыма, на выдохе превращаясь в маленькие фонтанчики пламени.

Генерал успел заметить, что весь хребет ящера покрыт гребнем из шипов, по форме похожим на пирамидальные крыши домов в столице первого слоя. Каждый шип был темнее остального тела и состоял из сотен отдельных острых чешуек, торчащих в разные стороны. Длинный хвост оканчивался треугольным костяным наростом. Квимиалю вдруг вспомнилось, что некоторые из них ядовиты.

Дракон зашел на второй круг и спикировал вниз, выставив вперед две задние лапы. Обе конечности имели по четыре пальца. Рептилия растопырила их и выпустила наружу огромные серповидные когти. Ящер стремительно пронесся над пуутами, выхватил из их рядов отчаянно заверещавшего пишаака и зажал его между торчащим назад длинным пальцем и тремя передними.

Пуут и не думал сдаваться. Пишаак вытянул длинные передние лапы и попытался разжать лезвия когтей, впившихся в его тело. Дракон негодующе рыкнул и, изловчившись, с размаху вонзил в спину демона свой хвост. Хищник продолжил набор высоты, а маленькая хвостатая тушка скрылась в пасти зверя, взорвавшись напоследок ярким снопом искр. Ящер недовольно заворчал, как будто в проглоченном блюде оказалось слишком много специй. Ощутимого вреда взрыв ему не причинил. Сверху на головы товарищам съеденного посыпались маленькие обгоревшие чешуйки.

— Портал! Портал! Полслоя за портал! — испуганно крикнул тхан, но заклинатели уже сотворили по пространственному окну каждый для себя.

Четверо из пяти даже успели в них нырнуть, а пятого сцапал когтями еще один налетевший дракон.

— Занять круговую оборону! — завопил в отчаянии полководец.

Он понимал, что выстоять горстке его солдат против такого количества могучих волшебных тварей невозможно, а бежать некуда, но все же собирался продать свою жизнь подороже. Странное видение на секунду затмило разум Квимиаля: он в облике могучего крылатого воина разит огненным копьем древнего гигантского ящера. Помотав головой, тхан отогнал наваждение и зарычал. Его рык подхватило тысячи три глоток — больше воинов не осталось.

***

Горы Твамкланг, десять минут после восхода солнца

— Что там происходит, друзья? — слабо спросила Хиенна, придя в себя. Голова девушки покоилась на груди Михеля, и монах гладил ее по рыжим волосам между рожек. — Что мы натворили?

Адинук осторожно заглянул в долину и похолодел от увиденного. Драконы на Лумее

если и водились, то давно вымерли. Предания гласили, что и в других мирах их давным-давно повывели. Здесь же далеко внизу армия пуутов безжалостно истреблялась огромной драконьей стаей. Ящеры кружили над сбившимися в кучку демонами и по очереди пикировали вниз, почти всякий раз унося в когтях трепыхающуюся жертву.

Несколько попыток закончились для чешуйчатых гадов плачевно, но общий счет был явно не в пользу пуутов. Спасала поредевшую армию только устойчивость к огню, присущая всем демонам. Сколько драконы их ни поливали жарким пламенем, пууты только просили еще, ненасытно высасывая на лету живительные горячие струи.

— Эх, какой скорбный день! — прошептал эльф, пытаясь нащупать лук.

— Происходит рождение нового порядка из хаоса Рахэн-ди! — громко и торжественно объявил Минору, враз переместившийся на скалу довольно далеко от выхода из пещеры, оказавшись в недосягаемости даже для стрел Адинука. — Вот и еда для моих детишек появилась точно по расписанию, как я и планировал. Благодарю вас за неоценимую помощь. Я так доволен, что готов сохранить ваши жалкие жизни. Выбирайте мир, куда вас отправить. Думаю, вы захотите вернуться на Лумею, но мало ли.

— Разве наш уговор уже не действует? — прокричал обеспокоенный Гарб.

Минору нежно погладил рога, слегка наклонив голову.

— Наш что? — удивленно переспросил древний. — Разве я что-то обещал?

— Ясно, — ледяным тоном сказал гоблин и принялся напевать молитву Бирканитре.

Древний расхохотался. Над его головой пролетела пара драконов, обдав всех запахом гари. Их яркая угольная чешуя чернильными кляксами выделялась на фоне лазурного неба, заставляя смертных неосознанно вжимать головы в плечи. Оба проревели что-то нечленораздельное на драконьем. Минору задрал голову и рыкнул в ответ, приветствуя свои порождения.

— Не трудись, дитя Бирканитры, — ласково сказал он, вновь обратив внимание на смертных. — Ты надолго лишил свою праматерь сил. Она ничем тебе сейчас не поможет.

Шаман впервые за долгое время окончательно потерял самообладание. Он в ярости отшвырнул посох и начал выписывать в воздухе пассы обеими лапами. Магии на этот раз ничто не помешало, и под местом, на котором только что стоял змей, взорвался небольшой вулкан. Минору, казалось, того и ждал. Древний возник за спиной у гоблина, обхватил его обеими руками и исчез вместе с добычей, прежде чем кто-то успел вмешаться.

***

Недалеко от плато Тхирабшунг, десять минут после восхода

— Это не Бездна! — сварливо упрекнула Муфад’ала серхенги, следя за файлакирами, строящимися в колонну для марш-броска. — Ты уверен, что координаты правильные?

В какой-нибудь армии смертных название ее чина звучало бы как тысячник или, скорее, тысячница. Командующих мужского пола называли «серхенг», но среди жахани такие встречались крайне редко, отдавая первенство в вопросах войны женщинам.

— Не помню я ничего толком, Рахимана, — огрызнулся краснокожий, совсем неподобающим для чиновника столь высокого ранга образом. — Может, тут так все и выглядело. По моим записям, это должна быть самая настоящая Бездна. Дыра, какую поискать, совершенно без следов цивилизации и населенная дикими тварями. Также все подтверждает общеизвестный факт, моя дорогая, что нам, кроме Бездны, никуда прямого входа нет. След от рабского ошейника разве не доказательство? Где еще жахани могут

обратить в раба?

Общаться приходилось словами, а не мыслями. Зачарованные шлемы мешали передаче образов на расстояние, а снимать защиту не полагалось по инструкции в целях безопасности.

— Доказательство, — согласилась с доводом адамантовой крепости представитель аршидука. — Только со времен твоих записей тут кто-то неплохо поработал с рельефом и ландшафтом. Очень напоминает один из благословенных миров, не могу вот вспомнить, какой именно. Давно я их видела последний раз.

— Я тоже, — поморщился свеженазначенный алхаким[1] нового потенциального круга. — И пахнет тут так странно. Чем-то очень знакомым.

Серхенги осмотрела окрестности и остановила взор на построенных войсках. Элита из элит, полк бессмертных воительниц в тускло-серых латах стоял, готовый по первому взгляду Рахиманы или ее начальника подавить любое сопротивление пуутов на пути аршидука, а заодно и алхакима к могуществу и славе.

Обычные войска Эльжахима довольствуются простой кольчугой и традиционным коническим шлемом, способным выдерживать удары когтей. Большего от них и не требовалось в рядовых стычках с пуутами. Доспех элиты был полным, закрывая все части тела от ударов, но достаточно гибким и легким, чтобы не сковывать движений. Рифление и гофрирование во многих местах добавляли зачарованному металлу прочности, а наложенные чары даровали защиту от стихийного воздействия.

Даже шлемы сделаны почти полностью закрытыми, хотя дышалось в них всегда легко благодаря действию специальных заклинаний. Особый восторг у серхенги всегда вызывали латные ботинки, не только защищающие копыта, но и позволяющие не терять равновесия почти в любой ситуации. Такая защита давала серьезное преимущество в бою, хотя и стоила неприлично дорого. В данном случае аршидук сразу увидел потенциальную выгоду и раскошелился.

— Есть мысли, в какую сторону нужно выдвигаться? — спросила Рахимана.

— Туда, — махнул рукой с недавно сделанным маникюром в сторону гор Муфад'ал, специально снявший латную перчатку, чтобы все могли видеть аккуратные чистые коготочки. — Там было много мыслей, и почти все панические. Это нам на руку. Идем пешком, не привлекая внимания магией.

***

Шеольный мир в районе гор Твамкланг, время не имеет значения

Вырваться не получилось: руки древнего держали крепче тисков. Гарб напряг мускулы еще раз, и едва не оказался раздавлен.

— Вот, так хорошо, — швырнул его на леденяще-холодную землю Шеола Минору. — Здесь никто не помешает, так что дальше не пойдем.

Шаман в этом мире чувствовал себя почти как дома, но нахождение здесь во плоти все-таки еще не успело войти для него в привычку. Он приподнялся, удивившись легкости тела. Во время путешествий через шеольный мир вместе с Бурбалкой, они проводили тут не больше десяти секунд. Сейчас гоблин в полной мере смог воспринять блеклость красок мира духов, услышать завывания ледяного шеольного ветра и почуять запах тлена и разложения. Вонь казалась не слишком характерной для обители духов, но времени для выяснения ее источника не нашлось.

— Не дергайся, маленький, — предостерег Минору, сверкая фиолетовыми глазами. —

Если ты вдруг уверовал в собственную неуязвимость, то помни: без посоха ты никто и звать тебя никак. Хотя кое-что полезное в тебе все же есть. Уж не знаю, как ты заполучил искру такого размера, но она мне очень пригодится. Я сейчас ее достану, и мы навсегда попрощаемся.

Гарб понял, что имеет в виду дракон, и коричневые волосы на загривке поднялись дыбом от ужаса.

— Ты не посмеешь! — прошептал гоблин, трясясь как осиновый лист.

Теперь он понимал, что ему ничего противопоставить такому могущественному противнику.

— Еще как посмею, — сверкнул фиолетовой молнией между рогами змей в обличье минотавра. — Так, посмотрим. Если сделать надрез вот тут, то ее можно извлечь через…

Древний рывком сдернул рога со своей головы, и они немедленно обернулись в ручищах боевой секирой. Черная кровь потекла по его голове, но он даже не подумал обратить на это внимание. Гарб увидел, как огромное сверкающее лезвие занеслось над ним, и зажмурился. Не почувствовав боли, он удивленно приоткрыл свои желтые глаза с вертикальными зрачками и посмотрел наверх.

Дракон все еще стоял с поднятым лабрисом и тяжело дышал. Кровь продолжала струиться по бычьей морде. Щеки титана покрылись запекшейся черной массой, а глаза светились красным. Занесенная рука дрожала от напряжения, но никак не могла опуститься.

— Пока смертный не остановит его руку, — вспомнил Гарб.

— Что ты там вякнул, самозванец? — прорычал дракон, пытаясь левой рукой вырвать секиру из правой. — Думаешь, тебе поможет какой-то смертный?

— При всем неуважении, — с достоинством ответил гоблин. — Кто-то сам говорил, что чем больше пытаешься отсрочить пророчество, тем быстрее оно сбывается.

— Что?! Что в нем такого было? — натужно заревел Минору, делая рывки левой рукой.

Правая упорно не поддавалась.

— Я бы даже сказал, два пророчества, — охотно сообщил Гарб, приходя в себя. — Или две версии одного. Два в одном, так сказать. Это все уже не важно. Важно только то, что тебе сейчас придет конец. Не знаю, правда, от моей лапы, или еще кто-то поможет.

С этими словами шаман принялся колдовать. Пускай он без посоха, но волшебства в нем все еще хоть отбавляй благодаря мантии. И по неподвижной и беззащитной цели очень тяжело промахнуться.

Минору попытался переместиться, но неведомая сила приковала его копыта месту, не давая даже пошевелиться.

[1] Губернатор (гад.)

Глава 33

«Мне довелось заметить, что некоторые боги — те еще мрази. Хорошо, что они бывшие».

— Адинук, светлый эльф

Где-то на границе между частями Шеола

Дорогу закрыло неожиданное препятствие. Только что этой стены не было, и вдруг она возникла из ниоткуда. Тонкая и не такая прочная, как остальные, но с каждым мгновением она становилась все более непробиваемой.

— Вперед, пока еще не поздно! — тень быстро проделала в пространственной материи дыру и устремилась в нее.

Последний рывок дался легче предыдущих, и фантом остался доволен. Со времени своего появления, он успел обрести индивидуальность и даже сумел восстановить некоторые отрывочные воспоминания о своей прошлой жизни. С каждым пройденным барьером его сила росла. Рос аппетит, нарастало и желание отомстить.

— Сейчас бы пару вкусных духов, — мечтательно прошелестела тень, наращивая скорость полета.

Впрочем, мысли о еде все равно затмевались ощущением, что цель уже совсем рядом. Вот ей и можно будет перекусить. Спустя мгновение полет прервался.

— Это он! — радостно воскликнул фантом и бросился на ничего не подозревающую жертву.

***

Шеольный мир в районе гор Твамкланг

Гарб решил не изобретать что-то замысловатое, а ограничиться простым и проверенным огненным шаром, и вдруг осознал, что не может его сотворить.

Технически, каждое заклинание творится умелым сплетением какого-нибудь природного элемента и Дэ. Самые могущественные маги способны соткать сеть из двух-трех стихий. Так Гарбу неплохо удавался вулкан, состоящий из земли и огня. Однако, если не наносить простых силовых ударов, даже для самых элементарных заклинаний огня требовался хоть какой-то его источник неподалеку. Поблизости такового не оказалось.

Гоблин зарычал. Вокруг много воздуха, но эту стихию Гарб всегда обрабатывал с трудом. Земля? Можно попробовать, но что? Тут у него возникала мысль, что если сейчас убить Минору, то и с минотавром можно будет попрощаться навсегда. Такой вариант ловец духов отмел сразу.

— Каввель! Ты слышишь меня? — позвал он с надеждой.

Упущенную возможность спасти друга гоблин бы себе никогда не простил.

Ответом ему было глухое мычание, сорвавшееся с губ Минору. Смертный внутри дракона, похоже, слышал прекрасно, но полностью перехватить контроль над телом не мог. Шаман заметался в поисках решения.

Будь в лапах посох, гоблин бы непременно огрел им древнего по макушке. Разумеется, прошептав для начала молитву, чтобы подействовало наверняка, пускай и с неизвестным

результатом. Однако посох остался в Рахэн-ди, или какой там мир получился после злосчастного ритуала. Как извлечь Каввеля из Минору особенно без вреда для первого, Гарб не имел ни малейшего представления.

Налетевший сверху вихрем плотный сгусток тени прервал пантомиму.

— Х-с-с-с! — донеслось до шамана.

С этим шелестящим звуком фантом бросился на перводракона, а Гарба едва не вывернуло наизнанку от тошнотворного запаха гниющей плоти. Древний надрывно закричал, едва тень дотронулась до него, и завалился набок. Лабрис отлетел в сторону. Гоблина же охватил ступор: теням не место в Шеоле, даже по соседству с нижними планами. Духи из его племени рассказывали про тень, но шаман считал, что речь шла о Бурбалке.

Между тем, пришелец потянул к упавшему титану ниточки, могущие сойти за руки, и присосался ими к кровоточащим ранам на месте рогов. С каждым глотком энергии, тень все больше становилась похожей на минотавра, а Минору все больше терял плотность.

— Пусти! — с усилием открывая рот, произнес дракон. — Оба ведь сдохнем.

Каввель внутри, кажется, осознал правоту древнего, и отпустил. Минору немедленно перешел от состояния беспомощности к активному нападению. Он руками сбросил отростки тени со своей головы и сразу же боднул противника лбом. Фантом отпрянул, и Минору нанес уже магический удар. Гарб внутренним зрением увидел, как древний поглощает обидчика, не только возвращая свою энергию, но и впитывая чужую.

— Выметайся! — зарычал дракон, и исторг из себя пиратского капитана.

Гарб замер, с нарастающим восторгом глядя, как от тела Минору отделяется нематериальная сущность в форме минотавра. Она со свистом отлетела подальше и начала обретать плотность. Полностью материализованный Каввель в полете сделал кувырок. Ловко приземлившись рядом с лабрисом, он подхватил его и сразу развернулся к титану.

— Ты мне тоже сразу не понравился, крыса ты сухопутная! — возрожденный пират сделал пару пробных взмахов секирой, проверяя, все ли в нем готово к бою. — А ты еще подавишься тем, что проглотил.

Гарб радостно вскрикнул, и минотавр поприветствовал шамана наклоном головы.

Древний стоял, тяжело дыша. Его облик теперь меньше напоминал человекобыка и больше походил на проглоченную тень. Буйволиные рога снова торчали из черепа, но стали темнее ночи, а между ними изредка проскакивала искра абсолютно черного цвета.

— Двое на одного теперь? — наконец смог произнести Минору. — Думаете, вы мне ровня, мальки кальмарьи? Я вас просто… Да что за невезение такое? Это ж надо умудриться одного пирата поменять на другого.

— Попробуй! — дерзко ответил Каввель и побежал к титану.

Как бы ни был быстр минотавр, но дракон оказался проворнее, и легко уклонился от нападения, просто переместившись в сторону. Проглоченная тень в отличие от предыдущего пленника не мешала ему двигаться. Гоблин вышел из ступора и тоже начал колдовать.

— Так, надо использовать землю, — подумал он. — Что же выбрать?

Завалить противника грунтом? Он перемещается для этого слишком быстро. Каменные шипы отпадают по той же причине. Каменная кожа? Только если на себя. Землетрясение? Так можно всех убить, а Минору просто телепортируется. Окаменение!

Гарб наконец выбрал заклинание и начал выделывать пассы лапами. Вот только чем изощреннее колдовство, тем больше на него требуется времени. Для наложения окаменения

требовалось хотя бы секунд тридцать. Минору не предоставил такой роскоши.

— На тебе! — нанес он хлесткий удар снизу в челюсть гоблина.

Недоплетенная магическая сеть рассыпалась горсткой оранжево-зеленых искр. Гарб еще падал, а древний уже подскочил к минотавру и издевательски легко всадил кулак ему в печень. Рогатый воин взревел и попытался достать дракона секирой. Минору легко отпрыгнул и затанцевал вокруг противника, не позволяя дотянуться до себя и не спуская глаз с валяющегося шамана.

Гарб едва не потерял сознание от первого же пропущенного тумака и растянулся на шеольной земле в полуобморочном состоянии. Здесь она была мягче камней на плато в материальном мире, но все равно вышло жестковато. Более выносливый Каввель стойко держался минут пять, но надолго его тоже не хватило. Минотавр пропустил сильный удар по затылку и потерял сознание.

— Вот и все, — отдышавшись, радостно рыкнул Минору. — Сначала один, потом второй.

Вокруг ослабленного ударом Гарба начали расти кристаллы соли. Выглядели они в точности, как и в материальном мире. «Откуда здесь соль?» — недоуменно посмотрел по сторонам гоблин, но так и не нашел источник заклинания. Внутреннее зрение показало, что магия совсем не та, к которой привык смертный. Минору плел заклинание вообще без Дэ. Источник его силы был другим — он не призывал элемент, он творил его из ниоткуда!

Соль быстро разрасталась, начиная накрывать гоблина сверху своеобразным куполом. Когда наружу осталась торчать только голова, титан задумался.

— Может, без секиры попробовать? — произнес он вслух, обращаясь сам к себе. — Пожалуй, стоит.

Ловец духов попытался пошевелиться, но соляные кандалы надежно сковывали движения.

— Вот теперь точно конец, — подумал он с грустью.

Титан просто неподвижно стоял, а от Гарба к нему потянулись светящиеся нити. Божественная искра покидала гоблина и медленно перетекала в бога, лишенного ее тысячелетия назад. Тело гоблина начало съеживаться и уменьшаться в размерах, а древнего увеличиваться и приобретать черты, характерные для драконьего племени.

— Полундра! — вдруг белугой заорал Минору, пытаясь стряхнуть с себя десятка три юрких и очень цепких существ. Присмотревшись, Гарб с удивлением увидел в шеольном сумраке знакомые морды.

— Звонос‌л? — удивленно пробормотал гоблин. — Мирзиск? Зелва? Вы мне помогаете? Откуда вы тут?

— Как положено… нормальным мертвым гоблинам, мы… живем в мире духов, — ответил брату Звонос‌л, прерываясь на то время, пока Минору делал очередную попытку сбросить надоедливую мелюзгу.

Духи гоблинов впивались призрачными когтями и зубами глубоко в тело падшего бога, и все его попытки проваливались.

— Колдуй! Где твой посох? — прокричал Мирзиск. — Мы его так долго не удержим!

Минору принялся кататься по земле, и духам пришлось несладко, хотя хватки они не ослабили.

— Вызови его! Позови по имени! — подсказал шаману кто-то из сородичей.

— Ну, конечно! — Гарб хотел бы хлопнуть себя по лбу за то, что сам не догадался, но

соль все еще сковывала ему лапы. — Гобмобом, явись на мой зов!

Чар не замедлил появиться, пускай не собственной персоной, а в виде шеольной проекции. Хоть здесь он и не разговаривал, но сразу же продемонстрировал разумность, двумя ударами раздолбив соль вокруг своего владельца. Выждав, пока Гарб поднимется, он втиснулся шаману в ладонь и требовательно затанцевал. Гобмобом не ощущался плотным, но его осязаемость не вызывала сомнений.

— Да, дружок, — согласился гоблин. — Давай покажем ему, из чего сделаны дети Бирканитры. Услышь меня великая Праматерь…

Гимн-молитва произвел на духов поразительный эффект. Они заметно подросли, отчего Минору сразу потерял равновесие и упал, подминая под себя часть напавших призраков. Остальные принялись с остервенением рвать титана на части. Гарб подрос вместе с ними почти до шести футов. Великанская стать осталась для него в прошлом, и волшебная мантия волочилась по земле, оказавшись немного не впору.

Тело древнего встрепенулось. Последовавшая темная вспышка расшвыряла всю гоблинскую рать в стороны. Минору поднялся и гулко заговорил. Каждое слово отзывалось в воздухе эхом, а выглядел он снова минотавром.

— Я пришел только за Каввелем, — произнес потусторонний голос с тихим шелестом, и до Гарба дошло, что слова исходят вовсе не от дракона.

Вселившаяся тень взяла верх над обессиленным и израненным титаном.

— Отдай мне предателя, и я пощажу их! Отдай мне братоубийцу! — добавил фантом в теле Минору, протягивая темные щупальца сразу ко всем сородичам Гарба.

Гоблины отчаянно заверещали, узнав отправившую их в ад тварь. Никто из них не успел избежать хватки порождения Умбры.

Шаман взглянул на друга, лежащего без сознания, перевел взгляд на вопящих от ужаса соплеменников и зарычал не хуже дракона. Посохом не дотянешься — расстояние футов тридцать. Магией бить долго и рискованно.

— Миноруаррригаурандар! — с трудом выговорил он, боясь ошибиться хоть в одном звуке.

Этого хватило, чтобы тело титана неподвижно застыло. Древний все еще сопротивлялся и охотно отозвался на свое имя.

— Пока рука смертного не остановит его, — процитировал с ухмылкой гоблин и метнул в дракона посох, как копье.

Гобмобом хоть и не был остро заточен и сбалансирован, но прилетел прямиком в лоб Минору. Теневые щупальца тут же вспыхнули яркими зелеными кострами и осыпались пеплом. Загорелось и тело дракона.

— Нет! — зарычал падший и исчез в клубах смрадного сизого дыма.

Посох самостоятельно вернулся в лапы Гарба, и шаман нежно погладил резную поверхность древесины. Гобмобом потерся о шерстку гоблина в ответ.

— Ну вот, а говорил, тобой драться нельзя, — с усмешкой произнес Гарб, пытаясь определить потери среди призрачного воинства.

Выяснилось, что никто серьезно не пострадал, и только Каввель все еще не пришел в себя.

— Стоп, какая еще рука? — запоздало удивился гобхат и недоверчиво посмотрел на свои ладони. — Лапа же!

***

Плато Тхирабшунг, разгар нападения драконов

— Так, источник запаха нашелся, — елейно произнесла Рахимана, глядя на бойню в долине впереди. — Я весьма счастлива, собрат алхаким, что ты привел нас в это место. Не кажется ли тебе, что, когда вон те милые ящерки покончат с пуутами, они еще не будут достаточно сытыми и займутся нами?

— Кажется, — смущенно буркнул Муфад'ал. — Предлагаешь поспешное тактическое отступление?

— Ты велик в своей мудрости, собрат алхаким, описывая спасительное бегство столь красивыми словами, — из-за шлема было невозможно понять, какое у серхенги в этот момент выражение лица, но произнесено все было совершенно серьезным тоном. — Прикажешь настроить портал домой?

— Если в такой ситуации ты не в состоянии принять правильное решение сама без прямого приказа, то…

— Обижаешь, повелитель, — хмыкнула дьяволица в зачарованных доспехах. — Пять попыток уже сделали, пока ты тут любовался побоищем.

Муфад'ала словно ужалил песчаный горихвост.

— П-п-попыток? — задрожала его нижняя губа.

Рахимана молча кивнула и оперлась обеими руками на длинный меч, воткнутый в каменистую почву. По оружию периодически пробегали зеленоватые всполохи, а камень возле лезвия зашипел и начал плавиться. Описание катастрофы не нуждалось в словах.

— Что мы еще можем предпринять? — робко спросил жахани.

Из-под забрала золотистого шлема не было видно лица, но серхенги позволила себе его представить и презрительно ухмыльнулась.

— Ты же алхаким этого круга, — напомнила Рахимана, пожав плечами. — Командуй. Мы готовы умереть за дело Эльжахима, но лично я предпочла бы пожить еще хотя бы пару тысяч циклов.

Муфад'ал сглотнул и затравленно посмотрел по сторонам. Темный густой лес справа казался едва ли не опасней драконов впереди и бурной реки позади. Влево уходила неширокая горная тропка, теряющаяся в туманной дымке.

— Я сгоняю туда на разведку, — махнул рукой алхаким. — Вы затаитесь здесь. Можете даже окопаться, если получится. В бой вступать только для самозащиты.

Серхенги слегка склонила голову в знак подчинения. Даже такое подобие решимости со стороны вчерашнего библиотекаря ей нравилось больше, чем его обычное поведение. Все-таки она ожидала от такого начитанного жахани большего. Хотя бы знания тактики и стратегии, что ли. Неужели он не читал учебников по военному делу?

***

Горы Твамкланг, разгар бойни

Хиенне стало хуже. Михель, позабыв обо всем на свете, усердно молился Вседержителю, стоя на коленях, но исцеление все никак не наступало. Мог ли Део отвернуться от своего служителя в наказание за нечестивый ритуал? Человек даже не желал думать о такой возможности. Не тот ли самый Создатель сам даровал ему силу на подобное? Михель продолжал неистово молиться несмотря ни на что. Или, прервался он на мгновение, это наказание за запретную любовь? Гнев потихоньку нарастал в монахе.

— Может быть, дело в любви? — вдруг осенило человека. — Конечно!

Он принялся покрывать поцелуями лицо и руки возлюбленной, жадно впился в ее посеревшие губы своими. Это тоже не помогло, и приунывший монах вернулся к молитвам. Они пока еще давали хоть какую-то надежду.

Аггрх с Адинуком искоса поглядывали то на поле боя, то на друзей, не зная, что предпринять. Все вокруг окутывал довольно плотный слой облаков и тумана, но кое-что виднелось в просветах.

Ящеры до поры не обращали на компаньонов особого внимания. Через какое-то время одного из хищников отклонило от курса мощным порывом ветра. Лимонно-желтая туша в попытке выровняться сменила направление полета и понеслась прямо на Адинука. Змеиные глаза широко раскрылись, когда дракон увидел соломенноволосого барда. На морде читалось мечтательное «давненько я не едал свежей эльфятинки». Ящер вытянул вперед задние лапы и выставил вперед чудовищные когти, каждый из которых мог бы проткнуть барда целиком.

Адинук быстрым движением отшвырнул в сторону котомку, сорвал с плеча лук и извлек из колчана стрелу. Левую сторону ему прикрывала отвесная скала. Аггрх выхватил мечи и занял позицию справа от товарища в надежде успеть приложиться по вражине, если стрелок промахнется или стрела не причинит вреда. Дракон видел все движения добычи, но не придал им значения. От жертв его отделяли считанные секунды полета, а их жалкое оружие не способно справиться с его непробиваемой чешуей и древней, почти безграничной мощью.

Острое жало стрелы вошло в брюхо прямо в стык между чешуйками. Неглубоко, потому что кожу дракона тоже просто так не пробьешь. У ящера вдруг все начало расплываться перед глазами. Он уже не видел, как орк с эльфом бросились прочь от падающего прямо на них тела. Стофутовая туша прочертила брюхом по скале, зацепилась за края широкой ямы, сделала сальто и полетела вниз с противоположной стороны площадки, закидав все вокруг прочной чешуей лимонного цвета.

Орк с кряхтением отлепился от базальта и поднялся на ноги, отряхиваясь от пыли. В кожаном нагруднике прямо по центру зияла прорезь с неровными краями. Из дыры во все стороны торчала пакля разодранного поддоспешника. Адинук покачал головой, слегка морщась от занывшего после выстрела места перелома.

— Ты цел? — спросил он.

— Орочьи кости просто так не ломаются, хотя синяков будет много, — с кривой ухмылкой ответил зеленокожий щупая абсолютно целую мифрильную кольчугу внутри. — Надо же, подарочек Мерилит спас мне жизнь. Я бы расцеловал красотку, да, боюсь, Антонио не оценит искренний порыв моей широкой души. Ну, и она нас, вроде как, предала.

Воин нагнулся, подобрал одну из чешуек и повертел ее в мясистых пальцах.

— Крепкая, — оценил он качество, потирая квадратную челюсть свободной рукой. — Стрелы отравлены, я полагаю?

— Яд мэн’гмумы смертелен, — передразнил сражающегося внизу Квимиаля бард. — Не то чтобы он подал мне идею, о которой я сам не думал, но напомнил о ней в нужный момент. В Подземье яды применяют чаще, чем некоторые дышат.

Краем глаза орк увидел шевеление позади Адинука и чуть не сорвался с обрыва, непроизвольно сделав шаг назад. Он никогда не сможет привыкнуть к пауку такого размера. Милена как раз в этот момент решила покинуть убежище и вылезла из котомки. Увидев балансирующего на краю орка, она, не тратя время на раздумья, совершила прыжок и ловко отдернула друга своего хозяина от края.

— Да не бойся ты ее так! — пожурил воина Адинук. — Ты же летать не умеешь, как дельфин!

— Тебе легко говорить, — зеленокожий поежился, стуча зубами вовсе не от испуга, а от холода.

Он буравил Милену своими глубоко посаженными карими глазами.

— Ты с пауками полжизни прожил, а меня в детстве заставляли их есть в воспитательных целях. А потом хозяин однажды в шутку сказал, что их родня когда-нибудь придет мне мстить.

— Б-р-р, — сказал бард, зарываясь обеими руками в волнистые соломенные волосы. — Даже у нас до такой жестокости не опускаются. Ты это, прости нас с Миленочкой. Если бы раньше знали, то не стали бы тебя так часто тревожить.

— Забыли, — тихо произнес орк, прикрыв веки. — Я постараюсь не бояться хотя бы ее, хотя это чертовски сложно. Я даже готов на секунду поверить, что мы друзья.

Он постоял так еще с минуту и добавил:

— А можно она все-таки посидит внутри?

Паучиха обиженно щелкнула жвалами, потерлась головой о ногу эльфа и уползла обратно в котомку.

Михель сидел все это время, не меняя позы, даже когда в него на полном ходу падала драконья туша. Человек все еще тщетно пытался исцелить возлюбленную, и лишь в самый последний момент, словно отмахиваясь от надоедливой мухи, мощным ударом мозолистого кулака подправил траекторию полета досадной неприятности. Туша, отброшенная незримым импульсом, пронеслась мимо.

Из тумана с тихим ржанием вышли единороги, еле слышно цокая копытами по камням плато, и обступили лежащую суккубу. Хиенна слабо им улыбнулась, получив в ответ порцию уже возмущенного ржания — лошадки не могли поверить, что с их подругой приключилась беда. Вдруг весь табун возмущенно зафыркал и повернулся рогами в сторону тропы, укрыв за спинами жеребят.

В тумане раздался лязг металла, и через секунду на плато вышел огромный жахани, закованный в сияющие золотистые доспехи с копыт до рогов.

— Муфад'ал? — не поверил своим глазам Адинук, каким-то чудом узнав прибывшего за поднятым забралом.

— Бисму кулель ашрари[1]! — ахнул в ответ латник, снимая шлем.

По его красному инфернальному лицу стекали крупные капли пота.

Библиотекарь не привык к прогулкам по горным тропам да еще в доспехах. Белые зрачки расширились, делая черные глаза дьявола похожими на нарисованные неумелым художником.

— Как вы попали в Великий Разлом, друзья мои смертные? Я смутно помню, как мы стали невольными зачинщиками мятежа, а потом…

Лошадки подозрительно смотрели на жахани, прикидывая, скинуть его в пропасть сразу или стоит все же немного выждать.

— Тебе память отшибло, что ли, лишенец? — вскинулся Аггрх. — Ты же сам сбежал во время турнира. Хиенне даже спасибо не сказал за свободу.

— Меня освободила из рабства эта пуута? — поразился алхаким, пытаясь рассмотреть за крупами единорогов лежащую суккубу. — Я в долгу перед ней. Чем я могу помочь?

— Опять он о долге, — хмыкнул Аггрх.

— А чем можешь? — поинтересовался Адинук. — У нас тут драконье нашествие. Представляешь, Минору-то оказался перводраконом.

Дьявол застыл с открытым ртом.

— Мои записи не дали полноты картины, — пожаловался он. — Позвольте порыться в вашей памяти, чтобы войти в курс дела.

— Валяй, — беспечно разрешил эльф.

Муфад'ал зажмурился и мысленно потянулся к разуму барда. С содроганием он высвободился из полубезумных бредней, яркими образами мелькающих в голове эльфа вперемешку с грудами рифм разной степени паршивости, и отчаянно помотал собственной. Сбросить дурман, царящий в разуме Адинука, получилось не сразу.

— Все так плохо? — робко спросил алхаким.

— Возможно, даже хуже, — подтвердил орк. — Хотя, может, и лучше. Он далеко не все видел, поэтому часть наверняка нафантазировал.

— Надо что-то делать, друзья мои! — выхватил огненный меч из ножен жахани.

Единороги испуганно отпрянули, едва не затоптав Михеля с Хиенной. Монах, утратив самообладание, сильно шлепнул ладонью по крупу ближайшего жеребца, оказавшемуся самым крупным в табуне. Тот взвился на дыбы и бросился на Муфад'ала как на главного виновника переполоха.

— Мамочка-прародительница! — отпрыгнул в сторону невезучий дьявол, роняя шлем.

Мгновение отделило его прыжок от участи быть сброшенным вниз с семисотфутовой высоты.

В этот момент на краю обрыва материализовался Минору, объятый странным зеленоватым свечением. Единорог уже не успевал затормозить, и с разгона всадил рог прямо в появившегося древнего.

Силы удара хватило, чтобы первый из драконов вместе с вожаком табуна рухнули со скалы вниз. Адинук жадно ловил взглядом последние мгновения жизни падшего бога, мысленно ругая себя, что взял слишком мало свитков про запас. Минору в полете красиво взорвался зеленым снопом искр. Жеребец, освободивший рог, неожиданно расправил невесть откуда взявшиеся за его белоснежной спиной крылья цвета снега и воспарил к солнцу. Табун призывно заржал. Услышав с небес ответный призыв, лошадки взяли разбег и последовали за вожаком в небо.

[1] Во имя всего нечестивого! (гад.)

Глава 34

«Ну, какой же это геноцид? Вот если бы мы их всех поголовно истребили… А так это всего лишь простое маленькое массовое убийство».

— Квимиаль-тхан

Алхаким вернулся в расположение файлака довольно быстро. Серхенги сразу заметила перемены в поведении начальника. Изменилась даже походка, как будто Муфад'ал за десять минут отсутствия пережил целый ворох приключений и враз помудрел. Доспехи покрылись пылью и уже не выглядели парадными из-за нескольких заметных опытному глазу царапин и вмятин.

— Атакуйте драконов, живо! — коротко распорядился он. — Я за подмогой, вернусь быстро.

— Собрат алхаким! — возразила Рахимана. — Это против правил. По закону мы должны воевать с нечестивыми пуутами, а не помогать им.

— Это новый мир, тут не место старым глупым законам! К тому же нам выгодно им помогать, — бросил напоследок жахани и быстро нырнул в собственноручно сотворенный портал.

Серхенги проводила его озадаченным взглядом, не понимая, где в чужом мире, полном пуутов, командир собрался искать помощь, и что вообще происходит. Впрочем, приказы не обсуждаются.

— Вы слышали алхакима! — крикнула она. — За Эльжахим!

***

— Михель, ты как? — участливо спросил Аггрх, глядя на монаха, отчаявшегося спасти Хиенну.

Суккуба умирала у него на руках, и никакие молитвы не помогали. Ритуал забрал всю ее силу. Жалких остатков не хватало для поддержания жизни, а молитвы, исцеляющие тело, не могли вылечить ту часть пууты, которую можно было бы назвать душой. Человек поднял голову. По небритым щекам стекли две скупые слезинки.

— Почему? — спросил он не столько у орка, сколько обращаясь к кому-то выше. — За что?

Кулаки парня сжимались и разжимались, а взгляд застыл на камне перед ним. Зеленокожий счел за благо вернуться назад к Адинуку. Эльф наблюдал за ходом битвы, делая пометки в очередном свитке. Обзор у остроухого был прекрасный, позволяя во всех подробностях рассматривать, как драконы истребляют демонов. Иногда он срывал с плеча лук и прицеливался. Чаще просто опускал лук, но пара стрел все же унеслась куда-то вниз. Хоть результат и не был виден, но Аггрх почти не сомневался, что эльф где-то делает зарубки, пускай не на самом луке, и сейчас в том месте должна появиться еще парочка больших и жирных.

— Ну, что у нас тут? — поинтересовался орк больше из желания с кем-то поговорить.

— Наших бьют, — ответил эльф, не отрываясь от записей и макая перо прямо в волшебную котомку.

— Наших?

— Пуутов, — пояснил бард, продолжая делать записи.

Воин решил, что не хочет узнавать, откуда у барда такой неиссякаемый источник чернил в карманной вселенной.

Армия Квимиаля внизу поредела еще больше, но все еще была многочисленной. Маленькие чешуйчатые прыгуны-пишааки и крылатые импы как наименее защищенные сбились в огромную кучу в центре. Стофутовые ящеры не могли атаковать разом и нападали на центр круга по одному-двое, делая заход за заходом.

— Воздух! — верещал какой-нибудь имп, и вся толпа ничком падала на камни.

Дракон, разгоняя воздух перепончатыми крыльями с ревом проносился мимо, выставив вперед задние лапы с растопыренными когтистыми пальцами. Иногда чудовищу удавалось кого-нибудь сцапать своими когтями размером с меч, но чаще заход оканчивался провалом.

— Пли! — кричал наводчик.

Пара выживших мупунов послушно выгрызала камни своими серыми акульими головами, тужилась и посылала через отверстия в длинных хвостах снаряды вдогонку налетчику. В плато скоро образовалось множество достаточно широких углублений, в которых с большой поспешностью начали прятаться бесята помельче. В этом бою проку от них все равно никакого не было, а жить хотелось отчаянно.

Первое попадание снаряда точно в голову крылатому гаду встретили всеобщим ликованием. Серебристая туша камнем рухнула вниз, прокатилась по склону, процарапав гребнем широкую колею в камне плато, и неподвижно замерла, чуть-чуть не дотянув до бурного речного потока, низвергающегося в пропасть ниже по течению. Радостный крик пуутов сотряс округу, но быстро заглушился рассерженным ревом с небес.

Драконы, что бы про них ни рассказывали, сообразительностью противникам не уступали. Спустя три сбитых ящера с десяток их сородичей выстроились клином и с нарастающим гулом спикировали прямо на мупунов. Маневр оказался настолько молниеносным, что Квимиаль только и успел проводить взглядом летящие во все стороны ошметки тонких серых ног своих последних дальнобойных солдат. Вместе с конечностями те лишились точек опоры и беспомощно распластались на камнях плато, конвульсивно дергая сочащимися бесцветной кровью обрубками.

— Убью! — с ненавистью зарычал тхан и бросился в гущу своих бойцов.

Его юркое крысиное тело замелькало среди ямок с бессильно ворчащими пишааками. Черный мех командующего вздыбился, увеличив его в размерах едва ли не вдвое. Генерал выбрал удобную позицию между двух ямок и приготовился к прыжку.

В очередной заход полетел болезненно-белый дракон. Этот экземпляр отличался от других более упитанным туловищем. С виду оно было таким же змеиным, но казалось толще, чем у его сородичей. Вытянутая вперед пасть скалилась двумя рядами зубов, с которых капала белесая слюна. Молочная жидкость сдувалась ветром и растворяла все, на что падала с тихим шипением. Квимиаль выждал, пока враг схватит одного из несчастных солдат, и прыгнул так высоко, как никогда в жизни.

Взмыв прямо рядом с удивленным ящером, генерал распахнул пасть и выстрелил в сторону хищника тонким шипастым языком. Белый гад попытался уклониться и даже выпустил из когтей трепыхающуюся добычу. Язык тхана удлинился и расширился на конце. Образовавшаяся воронка начала с режущим слух свистом втягивать воздух. Дракон отчаянно забил крыльями, но неумолимая сила продолжала всасывать его в чрево врага, не давая возможности улизнуть. Ровно семь секунд спустя гигантская по сравнению с телом Квимиаля туша полностью исчезла в его желудке.

— Как он это делает? — зашептались пишааки, на мгновение позабыв о панике.

— Не знаю! Может, у него там портал?

— Точно, а внутри целая вселенная.

— И желудок размером в Бездну!

— Три желудка, говорю вам. У него их там три!

Драконы сменили тактику. Три ящера принялись кружить над местом, в котором занял оборону командующий армией врага. Они не опускались достаточно низко, чтобы до них можно было дотянуться, но и не поднимались слишком высоко, отвлекая внимание.

Остальные переключились на внешний периметр обороны.

Рогатых фурий сожрали первыми. Бесстрашные бестии бросились кромсать летящего на них ящера, и тот одним ударом расправился со всей пятеркой, резко развернувшись в воздухе. Утыканный крепкими треугольными шипами хвост просто смел воительниц, разбросав их тела в разных направлениях футов на пятьдесят. Приземлиться им оказалось не суждено. В каждую еще в полете впились безжалостные зубы пятерки других хищников.

Клювоголовые чатакармы сражались куда успешнее. На их стайку спикировал дракон с чешуей цвета лазури. Этот ящер прекрасно осознавал, что из-за такого окраса его почти не видно на фоне неба, и рассчитывал на внезапность. Птицеголовые стояли, опустив клюву книзу, и как будто вообще не ждали нападения. Однако стоило лазурному бандиту подлететь ближе, как все десять «птичек» враз образовали подобие вертикального гномьего хирда. Гномы в таких случаях выставляют вперед копья, прикрываясь щитами, а демоны дружно подняли вверх свои острые локти-крылья.

Дракон подлетел и попытался ухватиться когтями за одну из птичек. В следующий миг он заорал благим матом от боли, лишившись когтей на обеих задних лапах, и обдал обидчиц облаком ледяного пара. Волшебная заморозка пуутам ничуть не навредила. Они только издали радостный клекот. Самая крупная оттолкнулась крепкими птичьими лапами и догнала дракона прямо в воздухе. Ящер решил перевернуться на лету, чтобы сбросить наездницу, придраконившуюся точно ему на загривок. Та, не теряя времени, нанесла быстрый точный удар в основание черепа гада и спрыгнула. Лазурный рухнул вниз, и счет стал примерно шесть к тремстам.

— Кра? — спросила победительница у своих товарок, растопырив убийственные локти.

— Кра! — последовал дружный ответ.

И тут птички заметили яркие лазуревые чешуйки, разлетевшиеся от павшего ящера по плато. Все десять наперегонки бросились клевать их, не разбирая дороги. В какой-то момент два чатакарма вместе вцепились клювами в особенно красивую чешуйку. Ни один из демонов не хотел уступать, и вскоре вся стая дралась уже друг с другом, не обращая внимания на происходящее вокруг.

Глядя на это, Квимиаль только горестно покачал головой и совершил еще один рискованный прыжок, пытаясь дотянуться языком до врага. Почти получилось. Генерал осмотрелся. Высоко в небе парило еще сотни три ящеров. По крайней мере столько можно было увидеть под облаками. Сколько их еще там выше, даже думать было страшно.

Периметр остались держать хмасудавы. Исполинские создания отчаянно прыгали вверх, пытаясь добыть себе корм. Они не ели неделю и теперь при виде столь близкой, но такой далекой трапезы пришли в неистовство. На впалых пятнистых боках этих «собачек» во все стороны торчали ребра. С жутким воем волчьих голов эти полуразумные демоны, продолжали бесноваться на земле. Их скорпионьи хвосты нервно ходили из стороны в

сторону, и драконы, глядя на них, не рисковали даже пролетать мимо, держась на безопасном расстоянии.

В целом ситуация складывалась совсем не в пользу потрепанной, уставшей и голодной армии пуутов.

***

Внимание орка привлекло движение в долине неподалеку от места сражения.

— Что это? — удивленно вскинул он кустистую бровь.

Стройными рядами на поле боя вышел целый полк жахани. Похожих солдат орк уже видел в Эльжахиме хоть и при других обстоятельствах. Все в дорогой броне, почти как у Муфад'ала, только серой. Агграх насчитал не меньше тысячи бойцов.

— Не подвел чертяка, — пробормотал Адинук, продолжая писать.

Подошедшее подкрепление не стало прорубаться к гибнущим пуутам. Вместо этого воины выстроились в каре, разместив в центре ровно пятьдесят чаровниц.

В отличие от латниц, полностью покрытых зачарованной серебристой броней, эти инфернальные создания не утруждались ношением тяжелых железок. Наряд боевой колдуньи у жахани отличался изысканным кроем и дорогим бархатом пурпурного цвета с белой меховой оторочкой по плечам. Мантии укрывали их стройные тела от шеи до самых копыт и были расшиты золотыми узорами в виде геометрических фигур непременно правильной формы. Золотые диадемы с самоцветами венчали лбы красавиц чуть выше рогов и не давали черным как смоль волосам спадать на красные лбы. Такие подробности смог разглядеть только Адиинук. Орк как ни старался, видел с такого расстояния только маленькие фигурки.

Отсутствие шлемов позволяло чародейкам общаться мысленно, поэтому пассы они творили в тишине, пронизанной полной сосредоточенностью. В сторону драконьей стаи с нарастающим шумом полетела партия пылающих оранжевых шаров — Эльжахимское пламя. Заклинание для обитателей девяти кругов наименее затратное, поэтому решили проверить его действие на ящеров в первую очередь. Пуутам оно никогда серьезного вреда не причиняло, но для другого врага могло сгодиться.

Сюрприз обрушил вниз сразу три обугленные драконьи туши. С небес раздался негодующий рев, в котором слышалась жажда мести.

— Щиты! — немедленно скомандовала Рахимана, и с десяток чародеек сотворили вокруг файлака переливающийся всеми цветами радуги пузырь.

Около сорока ящеров самых разных расцветок обрушили на маленькую армию жахани град стихийных ударов. Радужный щит выдержал, хотя и немного потускнел.

Разочарованно рыкнув, драконы развернулись и пошли на снижение. Мечи и длинные копья жахани не вызывали у них таких опасений, как скорпионьи жала и крепкие кошачьи лапы хмасудавов.

— Построение три! — последовала команда, и гвардия седьмого круга приготовилась стоять насмерть.

Файлакиры перестроились. Половина из них сомкнула ростовые щиты, сделанные из того же серебристого металла, что и доспехи. Остальные выставили из-за щитов двенадцатифутовые металлические пики, до этого поднятые вверх. Теперь острия оружия чуть-чуть не доставали до стенок пузыря.

Все сорок рептилий разом приземлились футах в тридцати от радужного щита, окружая небольшой дьявольский отряд. От мощных взмахов их крыльев в воздух взметнулись облака

пыли и на какое-то время изнутри защитного контура ничего не было видно.

— Держать строй! — на всякий случай подтвердила приказ Рахимана.

Файлакирам и без того было ясно, что только пики и магия пока сдерживают врагов. Гиблый оказался поход.

Пыль еще не успела толком осесть, когда началась атака. Первый драконий хвост цвета мускатного ореха хлыстом вылетел из пылевого облака, беспрепятственно проник сквозь радужный барьер и с размаху врезался в щиты гвардейцев. С громким «Бам-м-м!» он отскочил и убрался обратно в завесу, волоча за собой шесть пик и оставляя кровавый след. Раздался обиженный рев. Следом тут же прилетел залп из разных стихий — щит выдержал, но потускнел еще немного.

— Сменить щит! Бить заклинаниями по площадям! — серхенги давно не сталкивалась с таким противником, но воспоминания начали робко просачиваться в ее сознание.

Она уже сражалась с драконами, и память услужливо подсказала ей оптимальную тактику против гигантских, но немного неповоротливых тварей.

Чародейки послушно поменялись. Десять из них сотворили новый щит, десять опустили руки для короткого отдыха. Остальные снова прибегли к уже проверенному заклинанию огненного шара. Тридцать шаров понеслись в разных направлениях за пределы их островка порядка в бушующем вокруг океане хаоса. Оранжевое пламя осветило испуганные морды драконов.

Ящеры заметались по плато в надежде увернуться. Большинству удалось, но шестеро из них вспыхнули яркими факелами и после короткой, но мучительной агонии навсегда затихли. Остальные взмыли в воздух. Урок был получен.

Файлак взорвался криками радости.

— Не терять бдительности! — заорала Рахимана. — Это только начало!

Воительница в доспехах цвета хризолита оказалась права: сверху посыпались огромные валуны.

— Мара! — коротко выругалась серхенги, ведь от этого у файлака не было защиты.

Если бы ругательство услышал кто-нибудь из компаньонов, то их бы накрыло осознание, откуда пууты взяли слово для обозначения своих извечных врагов.

Драконы не сильно заботились о точности попадания камней. С недосягаемой для заклинаний высоты целиться сложно, но свою задачу такая тактика выполняла. Радужный щит не мог остановить летящие куски скал.

— Бам! Шмяк! — от одной из чародеек не осталось и мокрого места.

— Дзинь! Бум! — пали сразу две воительницы из оцепления.

Даже доспехи не спасли. Рахимана обхватила шлем руками в латных перчатках и издала протяжный стон.

— Есть другие заклинания? Что-то дальнобойное или защитное? — обратилась она к чаровницам.

Девицы в расшитых мантиях спокойно рассредоточились, чтобы их не придавило всех разом одним булыжником.

— Нужна минута, — снизошла до ответа словами Алишай, аршимаг файлака, не прерывая своего занятия.

Пока чародейки плели заклинание, на злосчастный отряд упало больше двадцати валунов. Файлакиры дисциплинированно стояли, смыкая ряды, как только в них пробивалась брешь.

— Только бы получилось! — Рахимана была готова даже на молитву богам в качестве отчаянной меры.

Такие страшные потери случились с ее подразделением впервые. Слишком много бесценных жизней отдано за каких-то пуутов. Непростительно! Бессмертные не должны умирать. Каждый такой случай — трагедия. Столько смертей — трагедия, кратная количеству павших соратниц в этот скорбный день.

— Ну, алхаким! — погрозила она кулаком в сторону гор. — Ты теперь наш должник навеки.

Светло-серый с желтоватым оттенком полупрозрачный купол начал медленно накрывать весь файлак.

Несколько валунов беззвучно ударились о купол и рассыпались в пыль.

— Слава Эльжахиму! — выдохнула серхенги.

Ящеры сбросили еще несколько камней, а затем снова попробовали стихийные удары. Убедившись, что добраться до столь ершистых врагов они пока не могут, драконы заревели и переключили свое внимание на пуутов. Десяток все же остался сторожить жахани, пресекая любые попытки выбраться из-под купола.

***

— Ты, кстати, там внизу помочь не хочешь? — хитро прищурив зеленые глаза, спросил Адинук у Аггрха.

— И чем я там помогу? Беготней, криками? Мне размахивать мечами, пока мной из жалости не пообедает ящерица-переросток? Ты со своим луком и то больше пользы приносишь.

— Там любой клинок на счету, — бард пощекотал горбинку на носу пером, — но ты прав. Если тебя сожрут, это делу не поможет.

— Гарба на них нет, — нахмурился орк, задумчиво потирая свою квадратную челюсть. — Минору вон лопнул, а этим все нипочем.

— Угу, — согласился эльф. — Посох без Гарба ничем не поможет, хотя…

Орк замер, переваривая услышанное.

— Посох, — Аггрх загорелся идеей. — Может ли им пользоваться любой последователь Бирканитры или только избранный?

— Попробуй и узнаешь, — улыбнулся бард. — Защитник ты богини или брехло пустозвонное?

Не успел орк сдвинуться с места, как в ходе сражения произошли перемены. Между позицией сбившихся в круг пуутов и защитным куполом жахани развернулись портальные врата. Из них сразу же посыпались воины тивада. Сотни высоких, стройных, смуглолицых и мускулистых солдат в совершенно отвратительных доспехах, зачастую сделанных из какого-то металлического хлама и тряпья, смотрелись…

— Безумно, — пробормотал Адинук. — Даже по моим стандартам это безумие. Их просто всех сожрут.

Аггрх молча кивнул. Бойцы, которых он столько тренировал воевать с демонами, совершенно не подходили для борьбы с драконами. Часть тивада вообще не имела доспехов, прикрывая свои тускло светящиеся тела исключительно маленькими круглыми щитами, сделанными из дерева и обитыми кожей. Мечи держала в руках едва ли половина из них. У остальных можно было рассмотреть и вилы, и топоры, и даже просто обструганные деревянные колья. Также выделялась группа воинов, вооруженных длинными в рост самих

тивада суковатыми дубинками с большими заостренными железными наконечниками и железными кольцами, торчащими сбоку.

— Построиться! Защищать магов! — командующий ими темнокожий увалень так уверенно и четко раздавал приказы, что заслушалась даже Рахимана, удивленно взирающая на это необычное подкрепление сквозь щели в куполе.

Впрочем, ее опытный взгляд оценил бесполезность прибывшего контингента.

— Мясо, — прокомментировала она. — По крайней мере есть шанс, что ящерки наедятся и отстанут от нас.

Однако странные воины все прибывали, запруживая пространство на плато. Драконы, оценивая обстановку, временно прекратили нападения и на всякий случай взмыли повыше. Когда на плато набралось достаточно много пехотинцев тивада, портал начал с шипением выплевывать боевых магов. Для работников тайных искусств одежду подобрали получше. Наряд остальных бойцов состоял из коротких коричневых кожаных штанов, белой полотняной рубахи и натянутой поверх нее кожаной жилетки, в некоторых случаях прикрытой стальной кольчугой или кожаным нагрудником и сапог с высоким до колена голенищем. В то же время мантии магов были пошиты из красной парчи и бархата. Сразу стало очевидным, кто в их войске ударная сила.

Рахимана растерянно попыталась сопоставить отсутствие Муфад'ала, прибытие нового войска и внешний вид этих существ. Одухотворенной красотой они походили на эльфов, чертами лица на людей, а ростом и телосложением на самих жахани, если не считать у последних чрезмерно волосатых ног и копыт.

— Как ему удалось привлечь на свою сторону тивада и где он их взял? — прошептала она, чувствуя, как внутри нарастает ненависть.

— Ты же слышала, сестра, — сказала аршимаг Алишай, вставая рядом, — это новый мир. Ты же еще помнишь время до изгнания, когда мы сами походили на них?

Серхенги кивнула с мрачным выражением на красном инфернальном лице. Когда-то и они были такими же прекрасными. Даже не дети Део, а всего лишь слуги Люцифера и его братьев, вынужденные безропотно последовать за господами в бессрочную ссылку. Она до сих пор не понимала, в чем лично ее вина, кроме верности господину. От этого злоба только усиливалась.

Ненависть и жалость к себе захлестнули Рахиману. Эти твари своим видом неосторожно посмели напомнить жахани об утраченном рае, и они за это поплатятся. Надо только сперва покончить с угрозой в небе.

Драконы увидели, что серьезную опасность вновь прибывшие могут представлять разве что количеством, и решили полакомиться в первую очередь ими. Сразу с десяток ящеров спикировал с выставленными вперед задними лапами в надежде подцепить себе на обед вкусный кусок плоти.

Воины в символических доспехах расступились, давая дорогу заклинателям. Больше сотни магов в мантиях разбились на небольшие группки по десять-двадцать участников и принялись колдовать. Залп самых разнообразных заклинаний невообразимой мощи понесся в оторопевших и уже не успевающих изменить траекторию рептилий. Кого накрыло молнией, кого сразу несколькими огненными шарами, кто-то попал под кислотный дождь.

— Кузькина мать! — заорали тысячи глоток, когда каждая из десяти туш рухнула, не долетев до цели.

— Моя школа! — по небритой щеке орка потекла одинокая слезинка.

Боевой клич долетел до его ушей даже с такого расстояния.

С рассерженным ревом десяток ящеров — сколько поместилось на узком пятачке между пропастью и прибывающими тивада, которые выстроились полумесяцем перед порталом, — грузно опустились на некотором расстоянии друг от друга, опять взметнув в воздух ударами могучих крыльев облака пыли. Они собирались повторить ту же тактику, что их собратья уже безуспешно применяли против жахани: удар хвоста и прорыв разомкнутого строя противника. Больших щитов и длинных тяжелых пик у тивада не наблюдалось, поэтому здесь это должно было сработать.

— Вперед! — скомандовал Тиргилон, и «рожки» полумесяца рысцой выгнулись в противоположную сторону, охватывая приземлившихся драконов с боков.

Центр построения, вооруженный теми самыми деревянными дубинками с железными наконечниками, выставил оружие вперед густым железным лесом. Из пылевого облака в их сторону выстрелил длинный чешуйчатый хвост яркого морковного цвета. Строй не дрогнул, и дракон заголосил от боли, когда его конечность почувствовала на себе сеанс отнюдь не лечебного иглоукалывания. Десяток воинов тивада со сломанными костями и пробитыми головами отлетели назад, но строй тут же сомкнулся, не оставляя просветов.

Между тем фланги под прикрытием пылевой завесы подобрались к остальным вражинам вплотную и с боевым кличем дружно обрушили град ударов дубинами и мечами на животы, крылья и лапы застигнутых врасплох чудовищ. Пусть они не всегда пробивали прочную чешую и кожу, но и этого хватало, чтобы свалить неприятелей на начинающий становиться скользким от крови камень и не дать им взлететь. Добивали упавших всем скопом.

Когда пыль осела, удивлению Рахиманы не было границ.

— Вы это видели? — восторженно заорала она уже без всякой командирской невозмутимости в голосе, указывая на вновь сомкнутый полумесяц воинов тивада, перед которым кучками лежало восемь истерзанных драконьих туш.

Только двум удалось вырваться. Около сорока ангелоподобных смуглых бойцов отдали свои жизни в этой атаке: ящеры не сдались без боя и дорого продали свои жизни.

— Что ж, достаточно небольшие потери, — прикинула в уме серхенги. — Если учитывать их пародию на доспехи, это серьезный успех. По весу убитых так они даже в плюс вышли.

Тивада между тем все прибывали и прибывали. Драконы, увидев растущую угрозу, снова взмыли повыше над полем боя, чтобы оценить расстановку сил.

«Интересно, — подумал Аггрх, — насколько эти крылатые гады хорошо соображают. Если они достаточно умны, то это сражение все равно закончится большой бойней. Пропадут ведь без меня мои солдатики. Как бы ты поступил на моем месте, сынок?»

Адинук краем глаза посматривал за напряженной работой мысли компаньона и не вмешивался, позволяя тому принять решение самостоятельно.

Орк знал, как бы поступил в такой ситуации его сын. Полуорк не раздумывал бы ни секунды, как не колебался он и в тот раз перед смертью от магического истощения. Тогда он отважно занял место Гарба в вершине сигила, жертвуя собой.

«Знаю, я никогда не был достоин тебя, но я постараюсь исправиться».

— Я туда, — твердо сказал зеленокожий, подобрал валяющийся посох и бодро припустил в сторону сражающихся. Ноющая боль у него в висках отступила, освобождая место упоению, которое сулила битва.

— Наконец-то, — облегченно выдохнул эльф шепотом, выпуская очередную отравленную стрелу куда-то вниз.

Между тем среди драконов в небесах началось что-то вроде совещания. Из облаков доносились звуки, которые можно было бы принять за спор. В небесах препирались так долго, что бард успел заскучать. Он периодически посматривал на Михеля и Хиенну. Суккуба, кажется, окончательно потеряла сознание, и монах силился сделать хоть что-то для поддержания в ней жизни. На его лице застыла маска отчаяния.

Нападения прекратились, и Аггрх успел добежать до тивада, которые приветствовали своего генерала восторженными криками. Посох немного сковывал движения зеленокожего, но сильно поднял боевой дух. Почему-то радовались даже пууты, зализывающие раны поодаль, и воительницы-жахани под своим защитным куполом.

Темнокожий верзила Тиргилон, лучащийся добродушием, распахнул объятия, сгреб орка в охапку и приподнял над землей.

— Теперь мы им зададим жару! — крикнул Аггрх бойцам, и солдаты разразились троекратным «ура!» в ответ, хоть большинство не поняло ни слова.

Когда орк снова ощутил под ногами твердую почву, то сразу начал раздавать приказы через Тиргилона.

— Магам создать защитный контур от стихий и ударов хвостов. Они любят хвостами лупить, вы же уже видели! Есть кирки? Ройте окопы. Здесь камень рыхлый и хорошо крошится! От атак с воздуха лучше защищаться из укрытия. Йаамов почему не захватили с собой? Как перестали работать?

Тивада засуетились, выполняя приказы. Вновь почувствовав себя в своей стихии, Аггрх приободрился и на время забыл о всех бередящих душу проблемах. Мечи бесполезными украшениями болтались в ножнах. Настоящее оружие он крепко сжимал обеими руками, и оно не сулило ничего хорошего любому, кто сунется.

Судя по реву, донесшемуся с небес, ящеры приняли какое-то решение.

— Улетают! — разочарованно протянул Адинук, провожая взглядом удаляющиеся силуэты в облаках со своего наблюдательного пункта.

— Если они расселятся по миру в таком количестве и отложат яйца, — мрачно заметил молчавший до этого Михель, заставив барда вздрогнуть от неожиданности, — здесь лет через сто только они одни и останутся.

Как оказалось, монах не терял связи с реальностью и все это время следил за происходящим.

— Летуны с лучшим оружием за ними! — выкрикнул орк.

Он пришел к той же мысли, что и компаньоны наверху, и его несвежее лицо покрылось сеточкой морщин от осознания. Не все битвы можно выиграть, сражаясь с врагом в открытом бою. Рептилии это поняли первыми и поспешили ретироваться.

На перехват вылетела стайка летунов, в которых с трудом можно было узнать переродившихся импов. Чешуйчатые и обнаженные прежде тела теперь были одеты в обтягивающие шелковые небесно-голубые трико с прорезями для крыльев. Сами крылья сверкали на солнце целомудренной белизной перьев и даровали их обладателям небывалую прежде скорость и маневренность. В остальном летуны отличались от соплеменников только необычайно развитой мускулатурой в области плеч и шеи да чересчур низким ростом.

Крылатые тивада преградили улетающим ящерам путь, и в небе разыгралось новое

сражение, за которым снизу следило больше двадцати тысяч пар глаз.

— Мне кажется, или их меньше? — спросил Михель, обращаясь к Адинуку.

Монаху стоило больших усилий интересоваться реальностью, но он пытался отвлечься от охватившего его отчаяния.

— Значительно, — подтвердил зоркий как сокол эльф, — но драконы по ним не попадают. Почти.

С неба дождем посыпались вниз драконьи туши, изредка сопровождаемые хлипкими и часто обугленными до черноты телами тивада. К счастью для зрителей, драконий дождь выпал чуть в стороне от места сражения.

— Уйдут ведь! — всплеснул руками орк, искренне переживая за исход битвы.

Малочисленные летуны шустро носились по небу, что есть мочи рубя драконьи головы зачарованными мечами. Вот только их было всего пятьдесят, а оставшихся драконов в шесть раз больше. К тому же рептилии решили вступить в бой, и ряды их врагов начали таять.

Бегство могучих ящеров казалось неизбежным, но с неба вдруг раздалось громкое ржание.

— Лошадки! — радостно захлопал в ладоши бард, бросая перо.

Десятки белокрылых рогатых молний сбоку атаковали уносящийся вдаль драконий клин, возглавляемый матерой янтарно-желтой самкой с большим роговым наростом над глазами. Предводительница низко рыкнула, и ящеры рассредоточились, нарушая единый строй. Они разбились на небольшие группы, разлетевшиеся в разных направлениях.

Однако единороги летали слишком быстро для тяжелых ящеров. Пока дракон делал один взмах крыльями и поворачивал бронированную шею, заметив движение сбоку, в него уже втыкали рог с другой стороны под лопатку или снизу в брюхо.

Ящеры в панике заметались туда-сюда так, что отблески их разноцветной чешуи начали слепить наблюдателей. Три армии стояли, задрав головы, и следили за развернувшимся сражением. Рептилии только мешали друг другу и часто сталкивались. Единороги заходили снизу и сбоку, низко наклоняя белогривые головы и бодая гадов своими крепкими волшебными рогами в самые незащищенные места. Одного удара хватало, чтобы дракон тут же складывал крылья и пикировал с высоты вниз, разбиваясь насмерть о камни или утопая в бурных водах горной реки. Каждую победу единороги отмечали дружным издевательским ржанием.

Предводительница явно превосходила остальных сородичей размерами и, скорее всего, умом. Пока остальные кое-как отбивались от наседавших единорогов и летунов тивада, она отчаянно вспарывала кожистыми перепончатыми крыльями воздух в надежде оторваться от преследователей. На ее длинной зубастой морде читалась суровая решимость выжить, наплевав на остальной драконий род.

В первые же секунды атаки единорогов драконiха взвилась выше морозного холода облаков и направилась обратно к ледяным вершинам гор. Там ее сначала надежно укроет туман, а после какая-нибудь из сотен расселин в скалах. Спрятаться и переждать. Месть можно отложить, ведь десяток яиц королевской породы уже на подходе.

Королева негодовала на прародителя. Минору обещал, что при их возрождении еды будет вдосталь — с этим он не подвел — и она будет безопасной. Со вторым обещанием вышло совсем по-другому. Повелительница драконов даже не успела толком перекусить, когда пришлось спасаться бегством. Янтарные крылья с черными прожилками при этой мысли забились еще сильнее. Она отомстит, потому что драконы ничего не забывают.

В этот момент расширившийся от ужаса вертикальный черный зрачок в желтом глазу заметил движение маленькой фигурки, стоящей на широкой площадке чуть ниже вершины самой высокой горы. Зазубренные чешуйки на гребне рефлекторно встопорщились, делая спину драконихи похожей на огромный кактус. Утробный рев, в котором слились страх и ненависть, пронзил туманный воздух.

Отравленная стрела с тихим свистом прилетела точно в цель и воткнулась прямо в глаз последнего дракона. Огромное янтарное тело со сложенными крыльями и беспомощно болтающимися лапами понеслось с нарастающей скоростью вниз. Тяжелый удар донесся до Адинука почти беззвучным хлопком и взметнул вверх снежный фонтанчик на склоне горы.

Живые ящеры закончились, как и само сражение. Армии на земле и в воздухе разразились ликующими криками и победным ржанием. Это была славная победа для всех, но недавние союзники вдруг осознали, рядом с кем они стоят.

***

Духи соплеменников Гарба почти не пострадали в схватке. Они немного испугались, но чувствовали себя вполне счастливыми и здоровыми. Мощь посоха не только насытила их, но и значительно прибавила сил. Призраки радостно носились вокруг своего спасителя, обдавая его потоками холодного шеольного воздуха и тихо шелестя благодарности.

Шаман убедился, что с собратьями все в порядке, и переключил внимание на Каввеля, не забывая подглядывать внутренним зрением в материальный мир. Драконы терпели поражение, и это радовало. Разве что еще предстояло найти способ вернуться обратно, но гоблин не сомневался в успехе.

Минотавр уже оклемался и сидел, трогая себя пальцами-бочонками за коричневую кожу на разных частях тела, как будто не верил, что все на месте. Он гладил себя по шерстке на руках и ногах, словно это доставляло бывалому пирату ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Убери эту штуку от меня и больше никогда с ней ко мне не подходи, а то я тебя сам ей огрею, — строго сказал Каввель, исподлобья глядя на Гарба своими выпученными сапфировыми глазами, а потом широко улыбнулся.

Гоблин послушно спрятал посох за спину, но Гобмобом решил иначе. Выскользнув из лап шамана, «символ веры» стремительно подлетел к не ждущему подвоха пирату и несильно тюкнул его по лбу между рогов. После чего нарочито медленно вернулся к владельцу. Каввель погрозил пальцем, но его морда все равно сияла довольством: после заточения в теле Минору минотавр был счастлив снова почувствовать себя живым.

— Спасибо, что не стал кидаться магией, — слегка склонил рогатую голову пират. — Я его, конечно, держал, но отдавать концы было ой как неохота. Если когда-нибудь выберемся отсюда и вернемся домой, я всем тауросу расскажу, какие гоблины на самом деле.

— Это я должен тебя благодарить, друг мой, — ответил Гарб. — Если бы не ты, мы бы тут не стояли.

Минотавр криво усмехнулся половиной рта.

— Пока я сидел в Минору, у меня было время подумать, — заявил он. — Я раньше жил как-то неправильно.

— Ты в порядке? — уточнил Гарб, пристально вглядываясь в бычью морду друга.

Прежде надменное выражение морды минотавра за время пребывания в теле перводракона как будто испарилось.

— Никогда себя лучше не чувствовал, — ответил Каввель и громко фыркнул ноздрями. — Пришло время меняться.

— В смысле? — забеспокоился гоблин.

Что могло взбрести в голову тауросу за время вынужденного заключения в теле древнего прародителя? Каввель внимательно посмотрел на гоблина.

— Погоди, ты какой-то маленький стал. Я ж тебе до плеча не доставал. Хотя, какая разница? Я вдруг понял, что мы минотавры всегда кичились своим происхождением. Среди моего народа ходит легенда, что мы рождены с великим предназначением, и потому лучше всех остальных. Если оно всегда было в том, чтобы отдать свое тело Минору, штурмовой кошкой ему по бом-брамселю, то невелика честь. Гордиться тут нечем.

— Так теперь ты станешь наконец лучше относиться к остальным? — обрадовался шаман.

— Ясен бриз! — звучно загоготал пират, запрокинув голову. — Ко всем, кроме людишек и эльфов. С их братом все равно надо вести себя осторожно. Сколько раз бывало… Хотя Михель, вот он молодец, и Антонио тоже не совсем пропащий. Хм, и Адинук тоже ничего, вроде. Выходит, и их порода… да ведь? Что-то я запутался.

Гарб хотел ответить, но не успел. Из сумрака Шеола прямо на них выплыл Ченвай. Демон дрожал всем телом и поминутно озирался. При виде пуута, духи бросились врассыпную, но он не обратил на них никакого внимания. Казалось, он вообще замечал только смертных и не особо отдавал себе отчет, где находится.

— Он здесь? Он был здесь? — встревоженно спросил мастер порталов.

В шеольном мире Ченвай выглядел не таким переменчивым, как в Рахэн-ди, больше напоминая обычного пишаака с огромным уродливым ртом, полным зубов, чешуйчатым хвостом и длинными когтистыми передними лапами.

— Если ты о Бурбалке, то его здесь нет, — осторожно произнес гоблин, сопоставляя в уме сказанное Минору с пленением в яме.

По всему выходило, что Ченвай и есть тот, кому Мерилит поручила предательство.

— Хорошо, хорошо, — затараторил мастер, не переставая озираться. — Увидите его, бегите, если успеете. А хотите, я вам портал открою? Вдруг у вас получится? У меня никогда не получается.

Гарб хотел сначала вежливо отказаться, но едва он передумал, как из сумрака к Ченваю протянулись черные призрачные нити. Они мгновенно сорвали с демона все оболочки, оставив только тень. Маленький юркий сгусток тьмы метнулся вбок и скрылся на просторах Шеола, безумно хохоча. Вслед за этим к ошеломленным друзьям приблизилось облако черноты и, сгустившись до человеческих очертаний, остановилось перед пораженными компаньонами.

— Здрасьте! — сказала фигура, гулким замогильным голосом.

***

Последним портал покинул довольный собой Муфад'ал и закрыл пространственную дверь щелчком пальцев, не оборачиваясь. Жахани не принимал участия в сражении, но обеспечил пламенной речью безоговорочную поддержку тивада, а своей магией работу портала для переброски подкрепления в нужную точку.

Тивада приветствовали появление воина в золотистых латах бурными аплодисментами, но не спешили терять бдительность. Почти не понесший потерь файлак во главе с Рахиманой настороженно застыл, ожидая приказа. Пууты зализывали раны и тоже выжидали. Одна искра — и напряжение перерастет в пожар очередной бойни. Кто здесь кому союзник, а кто заклятый враг?

Муфад'ал снял шлем, делая доступными для взглядов всех желающих черные курчавые волосы и красную кожу. Несмотря на протестующие жесты серхенги он мысленно позвал на переговоры командиров армий-победительниц. Квимиаль явился с выпяченной колесом грудью, гремя шипастым навершием хвоста по камням. Хвост волочился за ним по земле, а сам тхан хромал на три лапы из четырех. Жахани поприветствовал его и темнокожего тивада Тиргилона, совершив круговое движение поднятой кверху ладонью правой руки по всем правилам этикета Эльжахима.

— Предлагаю мир, — без предисловий заявил он.

— Перемирие? — недоверчиво переспросил Квимиаль.

Тхан не понаслышке знал о расчетливой природе маров и не мог представить, что длительный мир может принести им несравнимо большую выгоду, чем война на уничтожение кровных врагов.

— Мир без претензий и контрибуций, со… братишка, — широко улыбнулся алхаким после небольшой заминки. — Нам всем теперь предстоит долго жить вместе на этой земле, и мне бы не хотелось портить отношения бессмысленной враждой и ненавистью, которая к новому миру не относится.

— Что ты несешь, мар недоделанный? — Квимиаль не хотел оскорбить собеседника, но фраза вырвалась сама по себе.

— Позвольте мне пояснить, — вмешался Тиргилон, поспешив сгладить возникшую напряженность. — Появлению драконов предшествовало сильное землетрясение. Оно всего лишь явилось следствием того, что наш мир навсегда отделился от Рахэн-ди. Во время катаклизма погибла наша королева. Это дело рук древнего титана Минору.

— Чем докажешь? — насупился тхан, нутром понимая, что его вряд ли обманывают.

Такую чушь еще поди выдумай.

— У нас есть загадка. Что может быть слаще халвы? Ответ: только дружба после вражды, — сказал жахани пустился в долгое повествование.

Он подробно рассказал о недавних событиях, память о которых сам почерпнул в голове полубезумного барда.

— Создатель дал нам шанс исправиться, — подытожил Муфад'ал. — Я вижу в сотворении нового мира его волю. По его воле мы все находимся в месте, лишенном древних проклятий, наложенных на наши народы. Так давайте не упустим такую возможность и заживем дружно, как подобает разумным существам. Просторов этого мира всем хватит. Здесь не должно быть места только для ненависти. Я обещаю, что мы изгоним это чувство из себя как можно скорее, хотя нам это сделать тяжелее всего. А вы?

— Врешь! — безапелляционно заявил все еще не убежденный тхан.

— Произносить неправду не в природе моего народа, — с достоинством ответил алхаким. — Мы можем утаить истину, но не произносим лжи. С помощью правды манипулировать куда приятнее. Если вы этого не понимаете, то ваша голова полна камней. Все сказанное мной — правда. И я действительно считаю, что мир для нас выгоднее.

— Если все так, как ты говоришь, — потянул воздух носом Квимиаль и закашлялся, — я не вижу для себя другого выхода. Хотя все равно мне здесь не выжить.

Тиргилон тепло улыбнулся коллеге, но не рискнул похлопать его по плечу. Во-первых, наклоняться пришлось бы слишком низко, а во-вторых, тхан мог воспринять это как оскорбление.

— Я тоже был пуутом, тхан, и переродился, окунувшись в реку, — сказал тивада. —

Если ты преодолеешь страх, то очищающие воды помогут и тебе, а может быть, и марам. Это было бы чудесно, если бы мы смогли стать единым новым народом, населяющим этот мир.

Квимиаль после испытанных лишений и так уже приготовился пасть смертью храбрых, поэтому купания страшился даже меньше, чем появления нового выводка драконов.

— Я готов нырнуть в воду, — заявил Муфад'ал. — Попробую. Вернее, начнем с моей армии. На всякий случай, а то мало ли.

— Для вас вода не яд, — хмыкнул Квимиаль, потирая единственной здоровой лапкой усики на крысином носу. — Но я готов рискнуть. Терять мне уже нечего.

Когда с сомнениями покончили, командиры все еще с недоверием друг к другу, но полные решимости, отправились каждый к своим солдатам для оглашения результатов.

— Берегись! Сзади! — внезапно передал Тиргилону мысль жахани.

Тивада обернулся в сторону новой угрозы и остолбенел. Та часть его народа, что владела магией, вдруг набросилась на своих менее одаренных товарищей подобно диким зверям. Облик безумцев тоже изменился. Тивада пришлось столкнуться не со своими сородичами, а с самыми настоящими порождениями тьмы. Все, кто получил энергию-Тэ от рук смертного мироходца, обернулись живыми сгустками мрака, повторяющими их прижизненные очертания.

***

— Антонио, это ты? — окликнул компаньона Гарб. — Как тебя так угораздило?

Шаман отказывался верить, что это странное существо когда-то дружило с ними. Когда Гарб впервые повстречал Бурбалку, то нисколько не сомневался, что это немного необычный, но дух. Кем он стал теперь, гоблин не знал. Внутреннее зрение показывало лишь мрак и черноту.

— Я был им недавно, — ответил призрак голосом, почти лишенным эмоций.

Лишь едва уловимые нотки грусти проскальзывали в его интонациях.

— А я был Минору, — добродушно сообщил минотавр, — и Гарб меня вылечил. Хочешь, тебя тоже попробуем?

Призрачная фигура издала пронзительный звук, больно резанувший по ушам.

— Я вас все еще помню, — все так же без эмоций сказал Бурбалка. — Вспомнил, когда увидел. Вы были друзьями. Друзьям не место в мире духов. Уходите, пока не стало поздно! Друзьям нужно домой.

Посох тревожно задергался в лапах Гарба, и гоблину пришлось крепко его стиснуть.

— Мы не уйдем без тебя, — возразил шаман.

— Оставьте меня, — глухо отозвался фантом. — Мне больше нет места среди живых. Я един с тенью, а у нее свои планы.

— Разве ты не хотел остаться с Мерилит? — Гарб очень боялся того, что может произойти с другом, если Гобмобом до него доберется, поэтому сдерживал оружие из последних сил.

Бурбалка страшно закричал, словно его душу и тело терзала нечеловеческая мука.

— Ее больше нет! Зачем мне теперь жить? Я подарю Умбре всех, из-за кого она умерла! — Бурбалка принял форму облака и растворился в воздухе.

Магическое зрение Гарба показало ему какие-то нереальные картины из мира плоти. Только что там происходило братание победителей, а сейчас одни снова бились с другими.

— Что происходит? — невозмутимо полюбопытствовал Каввель.

— Ничего хорошего, — ответил Гарб, хватаясь за вырывающийся Гобмобом обеими

лапами. — Он в беде, да и мы тоже.

Негромкое покашливание позади заставило компаньонов испуганно обернуться. Дух в шаманском облачении парил неподалеку, с любопытством взирая на минотавра с гоблином сквозь прорези в ритуальной маске.

— Не ожидал вас увидеть в таком месте, друзья, — произнес он, и Гарба поразили знакомые нотки в голосе духа.

— Рэкс? — спросил гоблин с надеждой.

Дух полуорка раскланялся, подтверждая догадку, а посох внезапно успокоился.

Глава 35

Есть преступления, за которые не берут даже в ад, а есть подвиги, после которых не пускают в рай.

Трактат о мироустройстве

Два шамана негромко беседовали, обмениваясь новостями, а Каввель чуть поодаль размахивал лабрисом, отрабатывая удары. Минотавр прислушивался к разговору, но особо не встревал.

— Значит, ты продирался за тенью Аина всю дорогу от Лумеи? Не может быть! — не поверил своим ушам Гарб.

— А какой мне смысл говорить неправду? — после смерти Рэкс стал значительно спокойнее.

При жизни любое сомнение в его правоте привело бы к рыданиям и последующему самопроизвольному стихийному выбросу. За это племя орков, где молодой полуорк занимался шаманским ремеслом, за глаза даже прозвало его плаксой.

— Мне просто трудно такое вообразить, — на всякий случай поспешил успокоить коллегу Гарб. — Путешествие сквозь всю вселенную через прорехи в пространстве, созданные тенью…

— Я и сам, признаться, не сразу сообразил, куда мы мчимся, — смущенно ответил дух сына Аггрха. — Только здесь не успел ее… его догнать.

Каввель сделал чуть более сильный выпад, чем следовало, и едва не упал из-за силы инерции. В Шеоле все весило значительно меньше.

— Тут его уже Гарб догнал, — усмехнулся гигант. — Дубиной по лбу. Можно сказать, двух акул одним гарпуном. Спасибо тебе, дружище! Если я чего и боялся в жизни, так это призрака брата после смерти. И за Минору спасибо!

Гоблин смущенно пошаркал ногой.

— Не буду обманывать, — сказал он. — Я спасал в первую очередь себя, хотя, конечно, очень рад, что получилось и с тобой.

— Ты, малыш, растешь, — заметил Каввель. — Когда мы повстречались, ты бы юлил, но никогда бы не сказал такого. Только ты даже себе не признаешься, что уже научился рисковать жизнью ради других.

— Я это еще там на Лумее заметил, — улыбнулся призрачными губами дух полуорка.

— Скажи мне, Рэкс, а почему ты не в Шамбалыне? — спохватился Гарб. — Разве не туда попадают праведные орки после смерти?

— Это немного грустная история, — скривился плакса, и его тонкий силуэт пошел рябью. — Одноглазый на своем суде посчитал, что я мало того что полукровка, так еще и умер позорно для порядочного орка — не в бою, а от истощения. Вот меня и прогнали. В других богов я не верил, и они мной не заинтересовались. Демоны с дьяволами тоже почему-то побрезговали. Наверное, я им невкусным показался. Сунулся, правда, один охотничек, получил от меня на орехи. В общем попал я прямиком в Шеол. Наловчился тут истреблять всякую нечисть. Она и запасы мои пополняет, и пользу я так, наверное, приношу. Дальше вы знаете.

Гарб попытался осмыслить сказанное, потому что в его голове созрела новая картина

мироустройства, не вписывающаяся в привычные представления обитателей Лумеи о вселенной.

— Так что нам делать с Бурбалкой? — обратился он к обоим собеседникам.

— А он теперь кто или что? — уточнил Рэкс.

— Вроде как стал тенью, а вроде, и не совсем, — задумчиво протянул гоблин.

— Если считать его простой тенью, то у меня найдется управа.

— Подождем, — ответил шаман. — Он ведь сюда вернется, а мы его встретим. Я все-таки пока тоже навыков не растерял. Будь он тенью или духом, я с ним совладаю даже в одиночку, а уж с тобой вместе и подавно.

***

Битва разгорелась нешуточная. Муфад'ал не остался в стороне от новой напасти и приказал своим войскам прийти на помощь тивада. Глядя на это, и Квимиаль с пуутами вступились за оставшихся селестиалов.

На беду, даже зачарованные мечи и острые когти порождениям мрака оказались нипочем. Оружие просто проходило сквозь бесплотные сущности, не причиняя им никакого вреда. Только огонь отпугивал их немного. Зато ответные выпады призрачного воинства, если не удавалось увернуться, начисто лишали сил. Вскоре поле боя оказалось усеяно неподвижными телами отважных, но неловких и обессиленных бойцов. Остальные продолжали сражаться, отвлекая на себя внимание врага от магов.

Чаровницы жахани сумели подобрать заклинание, причиняющее теням хоть какой-то вред, и принялись швыряться ими в порождений Умбры. Каждое попадание испаряло одну тень, но попасть в юрких врагов случалось редко. К тому же часть теней быстро начала плести ответные заклинания, и вскоре волшебницам пришлось бросить все силы на создание защитных щитов для себя и своих воинов.

Эльф выждал немного, широко раскрытыми глазами глядя на разворачивающуюся драму, а затем повернулся к Михелю.

— Ты помогать собираешься? — с наигранным возмущением спросил он, внимательно следя за реакцией монаха. — Или корона свалится?

— Ради чего? — поднял глаза человек, не переставая гладить суккубу по волосам.

Он снова сидел, положив голову демонессы себе на колени. Принцесса уже не могла говорить. Ее глаза закрылись, и лишь слабо вздымающаяся грудь позволяла понять, что пуута все еще жива.

— Ради того, что ей ты помочь не можешь, — с жаром ответил бард, вставая в театральную позу.

Троу широко расставил ноги, встряхнул соломенными волосами, разметав их по плечам и пафосно вытянул руку в сторону Михеля.

— Ты еще можешь помочь им. Разве тени не твоя специальность?! Орден для тебя стал совсем пустым звуком?! Одумайся!

Монах вздрогнул. За последние пару часов он растерял значительную часть веры во Вседержителя и желания жить. Единственное, чего он пока не утратил, так это стремления помогать всем нуждающимся. Особенно если это связано с нечистой силой. Этому послушников в Старом Ордене учат едва ли не с порога.

— Там тени? — спросил он, словно пробудившись от сновидений.

— Сотни, — подтвердил Адинук. — Иди и задай им жару.

Михель аккуратно подложил свою походную сумку под голову возлюбленной и

поднялся, разминая затекшие от долгого сидения конечности. Монах уже сделал шаг в сторону спуска, но в следующее мгновение его лицо омрачилось.

— Ты просто хочешь остаться с ней наедине, — обвинил он эльфа, сверля его колючим взглядом своих карих глаз.

— Ч-что? — поперхнулся Адинук от неожиданности.

— Ты сам и не собирался спускаться. Думаешь я не помню, как ты набивался к ней в постель? — Михель сделал шаг к компаньону, и тот невольно отодвинулся назад.

— Что ты несешь? — ахнул бард. — От моих стрел там никакого проку не будет. А в тот раз я же тебя спасал!

Это было чистой правдой. Эльф не стал добавлять, что тогда ему действительно хотелось еще разок пережить неземное наслаждение, но вовсе не ради плотского удовольствия. После первого раза он написал сразу несколько баллад, а вдохновение его посещало достаточно редко, чтобы упускать уникальную возможность. Скажи он это сейчас, и монах бы немедленно попытался столкнуть его с утеса.

— Врешь! Ты даже сейчас только и ждешь, пока я уйду, чтобы… чтобы… — у Михеля не нашлось слов, чтобы продолжить.

Ему оказалось больно даже представить, что могло бы произойти в его отсутствие.

— Я вижу искренность в твоих словах, — возразил Адинук, бледнея еще больше, от чего его кожа приобрела алебастровый оттенок. — Что с тобой случилось, друг? Ты утратил свой дар? Клянусь всеми колечками в бороде Хьялти, что не замышлял ничего подобного!

Монах тяжело опустился на одно колено, опершись на него обеими мозолистыми ладонями. Косматые темные брови человека нахмурились, а лицо застыло маской боли.

— Вседержитель оставил меня, как я оставил его. Поэтому я не могу отличить твою ложь от правды.

— Чепуха! — не согласился бард. — Хозяин Света не просто так носит свой титул. Пока в тебе есть свет, он будет частью тебя. Ты просто сильно расстроен, вот и не можешь сосредоточиться.

— Хотел бы я тебе поверить, — горестно сказал Михель и зажмурился, сдерживая слезы, затем распахнул глаза и резко поднялся. — Пусть будет так. Меня все еще зовет долг. Если я погибну там внизу, значит, Он отвернулся от меня. Но если я выживу и узнаю, что ты хотя бы дотронулся до нее…

— Я присмотрю за ней, но издалека, — твердо пообещал Адинук.

Человек молча развернулся и побежал вниз с нарастающей скоростью.

Бард тяжело вздохнул и дописал последнюю строчку в последнем свитке. Больше места для записей у него не осталось. Спрятав рукопись в котомку, Адинук занял удобное место у края утеса, с которого открывался самый лучший вид на поле боя, и принялся сочинять новую балладу, стараясь сразу заучить ее наизусть.

— Подходить нельзя, значит, — через пару минут после начала наблюдения произнес эльф, обернувшись, чтобы бросить на лежащую суккубу быстрый взгляд. — Жаль. Я вот все спросить тебя хотел, да как-то не получалось наедине остаться. А такие вопросы лучше задавать с глазу на глаз, глядя в глаза. Ты же сейчас, наверное, и ответить толком не сможешь. Так ведь?

Суккуба по-прежнему недвижимо лежала, но ее грудь продолжала вздыматься.

— Я так и думал, — продолжил безумный бард. — Молчишь. Так я спрошу, раз ты не возражаешь. Вот ты мне как женщина скажи. Хотя нет, лучше как суккуба или даже как обе

сразу. Почему мужчины из-за вас постоянно делают глупости, как раки, которые вылезли из проруби на мороз и машут клешнями на торговца свежей зеленью?

Эльф прислушался к своим мыслям и улыбнулся, глядя на поле боя.

— Даже я чуть не потерял из-за тебя голову. Так ведь не потерял же, потому что она и так потеряна! И смысла не было. Мне ведь совсем немного осталось. Чуточку. Мы же вернемся когда-нибудь домой. А там останется дописать всего ничего. Каких-то сто с небольшим, и материала уже хватает на добрую сотню…

Адинук обеспокоенно повел ухом и обернулся. На мгновение ему показалось, что молчунья уже и дышать перестала.

— И все же надо бы тебе как-то помочь, — пробормотал бард, и встал на четвереньки.

Затем он уткнулся лбом в шершавый камень утеса и вознес молитву единственному богу, который всегда был готов его выслушать.

— О великий Хьялти, обладатель самой красивой бороды в обитаемых мирах, взываю к тебе! О повелитель каменных сводов, благородных металлов и вечно пьяных заносчивых карликов с длинными бородами и коротким терпением, услышь мой зов! Даруй своему недостойному слуге еще одну крупицу твоей бесконечной мудрости! Как вылечить вот эту девицу?

***

Аггрх сражался в первых рядах. Он видел, что обычным оружием делу не поможешь, и попробовал применить посох.

— На! — заорал он, нанося удар. — Еще хочешь?

Оружие было великовато даже для его роста, но и тени вдруг стали медлительными в его присутствии. Первое столкновение отбросило цель назад на пару десятков футов.

— Неплохо, — обрадовался воин такому эффекту. — А чего еще ты можешь?

Умбриты обступили зеленокожего со всех сторон и потянулись к нему своими призрачными конечностями. Орку пришлось спешно закрутиться вокруг своей оси, зажав посох обеими руками. Врагов разметало во все стороны, но они снова направились к нему.

— Как там правильно-то?! — в отчаянии крикнул воин. — Во имя великой Праматери!..

Пускай молитва не повторяла слова гоблинского шамана дословно, но мольба Аггрха сработала. Следующее попадание не только уничтожило тень, по которой заехал орк, но и отбросило всех ее соседей на добрых тридцать футов.

— Бирканитра, ты лучше всех! — радостно закричал орк.

Видя результат, ближайшие к нему тивада подхватили клич, хотя и не понимали слов. Зато прекрасно помнили, кто учил их махать мечом и ходить строем. Слаженность вышла потрясающая.

Следующий удар посоха отправил в небытие всех теней на расстоянии пятидесяти футов. Тут уже и пууты с жахани присоединились и закричали приветствие гоблинской богине. Враги, заметив такое развитие событий, стали просто облетать Аггрха стороной. Подросшим посохом легко управлялся Гарб-великан, но орк еле-еле мог им размахивать. Для него Гобмобом был шестом. Сколько зеленокожий ни старался ударить еще хотя бы одну тень, ему просто не хватало скорости.

Порождений Умбры на поле сражения оставалось еще немало. В этот момент к сражающимся присоединился Михель. Монах ворвался в битву штормовым вихрем, и каждый удар его крепкого кулака или ноги непременно достигал цели. Каждое его движение заставляло противника или осыпаться вниз пеплом, или воспарять вверх струйкой дыма.

Человек оказался слишком быстр для умбритов: они просто не успевали увернуться от молниеносных выпадов. Одна слишком шустрая тень изловчилась и все же смогла коснуться предплечья человека. Остальные порождения мрака издали скрежещущий звук, празднуя победу. Человеку следовало упасть без сил. Однако Михель лишь недовольно поморщился и отправил недруга в небытие хлестким ударом пятки, сопровождаемым свистящим звуком и зеленоватой вспышкой.

Спустя десять минут чаровницы файлака, Михель и Аггрх устроили треугольник, в вершинах которого находились они, а в середине метались тени тивада. Количество врагов таяло с нарастающей скоростью, и вскоре они перестали суетиться и замерли посередине. Аггрх подал знак, и вершины «углов» начали одновременно сближаться, чтобы сообща добить нечистую силу.

Тени сбились в кучку. В их гуще возникло движение, и из середины, в одну секунду всосав всех, кто находился внутри, выплыло облако мрака размером с небольшой курган. Загонщики замерли в нерешительности.

— Я рад приветствовать вас, друзья.

Потусторонний голос Бурбалки произвел ошеломляющее действие на всех, кто его услышал, за исключением Михеля и Аггрха. Тивада попадали в обморок прямо там, где стояли. Остальные бросились бежать не разбирая дороги. Даже встретившаяся на пути некоторых бегущих река не остановила их.

Первыми бурных вод достигли пишааки. Они резво скакали, отталкиваясь от бурого камня плато длинными передними лапами и помогая короткими задними и хвостом. За ними подоспели похожие на безумную помесь волков с кошкоскорпионами хмасудавы. Вместе они прыгнули в реку, мгновенно перерождаясь в ангелоподобных тивада и высоких коренастых собак алебастровой масти соответственно. Всех прочих пуутских воинов к этому моменту уже перебили.

Следом в воду нырнули дьявольские воительницы в мерцающих серебром доспехах. Тяжелые зачарованные латы стоили многим моментально переродившимся жахани жизни, утаскивая бедняг на дно.

Часть из тех, кто все еще не мог сдвинуться с места, завыла от ужаса, от которого бедняги попросту не могли убежать. Поле боя наполнилось их жалобными криками и стонами.

— Так и знал, что это твоих рук дело, порождение тьмы! Я уже тогда подозревал, что с тобой не все чисто! — все еще слегка задыхаясь после ураганного размахивания конечностями, жестко сказал монах. — Надо было тебя еще в том склепе изгнать.

— Погоди ты, экзорцист-недоучка, — перебил его Аггрх, упирая посох в землю. — Антонио, это ты или уже не ты?

— Это я и уже не я, — не добавило ясности облако мрака, — но я многое вспомнил, когда проглотил своих приспешников. Что-то в них сделало меня гораздо ближе к прежнему мне.

Попыток наброситься на них существо не делало, но ни орк, ни тем более монах не теряли бдительности.

— И зачем ты явился в наш мир? — осторожно спросил зеленокожий, вставая между призраком и готовым к бою Михелем.

— Ваш? — замогильно усмехнулся Бурбалка. — Ваш мир не здесь.

Аггрх согласно кивнул. Он сейчас был готов согласиться с чем угодно, лишь бы это

потустороннее порождение осталось дружелюбным. У него имелись более чем веские причины не допускать драки между компаньонами, оформленные в виде спора с Большим Лю.

Бурбалка сгустился до человекообразной фигуры. Светило яркое солнце, но он так сильно поглощал вокруг себя свет, что пространство перед посланцем Умбры выглядело совершенно неосвещенным.

— Я почти един с тенью, — потусторонним голосом заметил он. — Хозяин хочет, чтобы я кромсал плоть миров, пока он не сможет сам перетечь в них и захватить…

После этих слов Михель, не в силах больше сдерживаться, сделал рывок вперед. Аггрх тут же стукнул посохом оземь, и монаха отбросило на прежнее место. Бурбалка при этом даже не шелохнулся.

— Закончишь мысль? — подбодрил его орк.

— Да, — спокойно кивнула фигура. — Мне не интересны желания хозяина. Я хотел только быть вместе с ней. Я бы нашел способ, но…

— Что случилось? — предчувствуя недоброе, задал вопрос Аггрх, перехватывая Гобмобом так, чтобы можно было применить его без задержки.

— Мерилит умерла, — взвыл призрак. — Я поклялся соединить с хозяином всех, кто был рядом. В наказание.

— Хиенна тоже умирает, — глухо сказал монах. — Может, и мне пойти тропой мести?

Облако мрака мгновенно обогнуло Аггрха так, что тот и глазом не успел моргнуть, и оказалось подле Михеля. Прежде, чем монах успел отреагировать, призрачные руки подхватили его и взмыли с ним в воздух.

— Где? — услышал человек страшный еле слышный шелест у уха.

Монах указал направление и через три секунды полета оба уже стояли на плато рядом с Адинуком, находящимся в странной позе, и неподвижной Хиенной. Жизнь еще теплилась в теле суккубы, но каждое мгновение приближало неизбежный конец.

— Мне жаль, друг, — сказал Бурбалка. — Ее недуг неизлечим обычными средствами. Есть способ помочь, но вы вряд ли ему обрадуетесь.

— Ты сделаешь ее тенью? — лицо Михеля перекосилось от смеси надежды и отвращения.

— Не сразу, — прошелестел призрак. — Она сможет ходить, говорить, дышать и любить, как когда-то делал и я. Она сможет прожить с тобой всю твою жизнь и даже дольше, но рано или поздно соединится с моим хозяином. Хочешь ли ты для нее такой участи?

На монаха стало жалко смотреть. С протяжным стоном он рухнул на колени перед возлюбленной, больше всего на свете желая, чтобы она сейчас ожила. Михель закрыл лицо руками.

— Решай быстрее, пока она дышит, — поторопил Бурбалка. — Я ничего не смогу сделать с мертвым телом. Я уже пробовал с Мерилит. Для бессмертных без божественной искры загробной жизни не предусмотрено и смерть окончательна.

Михель оторвал руки от лица, взглянул на любимую и поднялся с колен. Ветер развевал его густые черные с проседью волосы, а карие глаза светились решимостью.

— Лучше достойная смерть, чем такая жизнь, чудовище! — сквозь зубы процедил он и нанес резкий удар ногой с разворота по облаку мрака за спиной.

Бурбалка с грустной ироничной улыбкой наблюдал, как монах, двигаясь медленнее

улитки, заносит ногу. За это время можно было тысячи раз остановить человека или просто уклониться, но призрак не захотел. К чему вся эта скорость, если ее не хватило в тот самый нужный раз в башне замка? Жажда мести вдруг оставила его, а хозяин перебьется. У Умбры в запасе вечность для поиска нового острия своей воли. Может, новый слуга окажется более послушным. К тому же после обещания отдать Умбре всех виновных, начать стоило с себя.

Нога наконец долетела до цели и отправила аватар мира теней в небытие.

— Он все-таки был другом, — осуждающе покачал головой Адинук, вставая на ноги.

Где-то далеко внизу одинокий зеленокожий воин с посохом в руках потерял сознание от разорвавшей виски головной боли.

***

— Силы небесные! — нахмурился Рэкс. — Он там лишился разума? Призрак же очевидно подобрел и очеловечился!

Ловец духов не знал, что и ответить. Он, как и коллега шаман, прекрасно видел все произошедшее, но никак не мог помешать.

«Уж если даже Михель не смог себя контролировать, то чего же тогда ты хочешь от нас? Нам как учиться сдержанности и самоконтролю?» — завопили в голове гоблина его воображаемые личности.

Гарб стиснул зубы и мысленно приказал им заткнуться.

— Пришвартованы мы теперь в Шеоле до скончания времен, — огорчился минотавр, когда ему пересказали последние события в мире плоти. — Я так и не научился перетаскивать живых между мирами. Только с вещами такое иногда работало.

Гоблин тоже приуныл: без способностей Бурбалки они обречены. Гобмобом снова требовательно затанцевал в лапах. Гарб выпустил его на свободу, и посох подлетел к месту, с которого переместился призрак. Там он очертил круг на земле и воткнулся в центре.

— Постойте-ка, — воскликнул Рэкс. — Он ведь был не просто тенью, а практически воплощением Умбры.

— Да, и что? — не понял Гарб.

— А то, что я следовал за тенью Аина через прорехи в мироздании, — сказал дух полуорка. — Меня вряд ли выпустят в мир живых, а у вас должно получиться. Ваш Бурбалка рвал ткань миров, где и как хотел. Дыры от обычных теней сразу затягиваются, а это окно еще должно действовать.

Гобмобом заплясал в центре круга, всем своим видом показывая, что сказано верно.

— Что ж, — потер подбородок гоблин. — Попробовать стоит, от нас не убудет.

Глава 36

«Не может же все время не везти!»
— Муфад’ал Невезучий

Шлем оказался на удивление велик, и его пришлось снять. Стоило провести рукой по голове — и стало ясно, почему так произошло. Рогов не было! Второе потрясение, граничащее с шоком, пришло от созерцания рук с бледно-розовой кожей — не иначе местная болезнь. Надо бы показаться лекарям. Коготки с аккуратным маникюром в давке расплющились. Муфад'ал не видел, кто мог так беспардонно оттоптать руки своему командиру, но обвинять никого не хотел. В конце концов тогда все спасали свои шкуры.

Бежал тогда и он в совершенном смятении, сам не понимая от чего. Потом — бурный поток, много обжигающей ледяной воды, а после снова провал в памяти. Боли не было. Никакой. Даже давящая внутренняя тоска, питающая привычное всепоглощающее чувство ненависти ко всему на свете, ничем не напоминала о себе.

— Давно не чувствовал себя так прекрасно, — мысленно отметил жахани, окончательно созрев, чтобы подняться на ноги.

Рядом с ним на песчаном берегу лежала незнакомая симпатичная тивада в светлых доспехах. Форма ее лат смутно напоминала положенную по армейскому уставу элитную экипировку седьмого круга, но доспехи такого цвета в Эльжахиме не носят. Шлем со знаками различия на девушке отсутствовал, и алхаким невольно залюбовался правильностью черт. Будь она чуть более краснокожей, и Муфад’ал мог бы даже почувствовать влечение. Пожалуй, даже нечто большее.

Воительница пошевелилась и открыла глаза. Увидев склонившегося над ней алхакима, девушка вздрогнула и потянулась к ножнам. К счастью, меча в них не оказалось.

— Кто ты? — спросила она, пятясь на четвереньках, и жахани при звуках ее голоса неожиданно накрыла волна осознания.

— Йалаха мин айхиратэн! — выругался он от неожиданности.

Муфад'алу нравился его старый облик. Быть похожим на местных обитателей вовсе не хотелось, но свершившегося, похоже, уже не воротишь.

— Собрат командир? — недоверчиво задала вопрос серхенги, вскинув от удивления брови и широко распахнув чудесные васильково-синие глаза.

Понимание случившегося незамедлительно пришло и к ней.

— Похоже, собратья теперь устарели, — потер совершенно гладкий безволосый подбородок алхаким. — Зови меня лучше по имени.

Рахимана поднялась на ноги, пошатываясь, подошла к успокоившейся водной глади и склонилась над ней, пытаясь рассмотреть, на что она стала похожа. Отражение не разочаровало. Особенно ей понравились длинные светлые волосы. У жахани они всегда были черными и не отрастали длиннее вытянутого указательного пальца вместе с когтем.

— Могло быть и хуже, — улыбнулась она, внимательно рассматривая начальника.

Новая внешность подходила этому красавчику даже больше, чем прежняя. К тому же Муфад’ал за последний день стал куда мужественнее и увереннее в себе, чем вызывал симпатию у опытной воительницы. Когда командир не размазня, подчиняться приятнее.

— Надо разобраться, как у нас с потерями, — вспомнил о своем отряде Муфад'ал. —

Что с врагом?

Постепенно все позорно бежавшее воинство за исключением утонувших снова начало осторожно стягиваться к долине, где три народа сообща одолели сначала драконов, а затем сражались с порождениями тьмы. Следов посланца Умбры нигде не было видно, и выжившие по праву начали считать себя победителями. Про Минору никто и не вспомнил.

— Теперь точно мир, — подмигнул алхаким Тиргилону.

Тивада приветствовал его кивком головы, ничуть не удивившись изменениям, случившимся с жахани. Он пошарил в своей сумке и выудил из нее скрипку со смычком. Торжественно, словно совершая какое-то таинство или ритуал, темнокожий увалень взял инструмент и тронул смычком струны. Полилась жалостливая мелодия.

Скрипка рыдала в руках командира тивада, словно оплакивая павших. Муфад’ал стоял и заворожено слушал, не обращая внимание на собирающихся вокруг них солдат. Впервые звуки музыки не вызвали в нем панического ужаса. Оказывается, хорошая игра вполне вписывается в гармонию вселенной. И почему от нее по щекам течет соленая влага?

— Это все так странно, — сказал высокий коренастый мужчина с необычайно рельефной мускулатурой, пробираясь с противоположной стороны сквозь образовавшуюся толпу.

Он слегка прихрамывал на обе ноги, а его левая рука безвольно свисала вдоль тела. С некоторым трудом и только по голосу Муфад'ал опознал в очень скудно одетом незнакомце Квимиаля. Тот вдыхал свежий воздух полной грудью впервые за долгое время и наслаждался моментом.

— Мы все-таки объединились, — радостно подвел итог Тиргилон, опуская инструмент. — Предстоит долгий путь, и я с радостью предлагаю вам пройти его вместе.

— По рукам! — немедленно согласился Муфад'ал.

Квимиаль тоже принял условия, хоть и не так охотно, с настороженностью глядя на бывшего жахани. Тхан все никак не мог поверить в его искренность.

Многое предстояло сделать. В первую очередь устроить похороны и уговорить прыгнуть в воду всех, кто еще этого не сделал, чтобы принять их в дружную семью тивада. Несмотря на предстоящие трудности новый мир уже обрел прочный фундамент в виде соглашения трех командиров.

Адинук закончил наблюдение и отвернулся. Больше смотреть было не на что.

***

Аггрх очнулся среди павших. Вокруг валялись истерзанные тела тивада и пуутов. С десяток туш драконов неподвижными разноцветными чешуйчатыми холмиками возвышались неподалеку и уже, кажется, начали пованивать даже в прохладном горном воздухе. Лучи местного светила пригревали слишком сильно.

Несмотря на слабость и дрожащие руки и ноги, орк поднялся, опираясь на посох. Его тут же вырвало. Радостный оглушающий крик «Он предал!» все еще звучал в ушах, как будто зеленокожий услышал его только что.

— Не уберег дурака, — горько подумал он, — и сам подставился.

Посох задрожал в лапах, как будто требуя внимания.

— Тебе чего надо? — устало спросил Аггрх. — Бой закончен, потери сосчитаны.

Гобмобом не унимался и потянул его к очищенному от тел кругу. Орк нехотя подошел, и посох сам направил его руки для удара собой о камни. Высеченные из тверди искры переросли в яркую вспышку, и перед глазами воина возникли нечеткие очертания его

погибших друзей. Они шагнули к нему, и на секунду за их спинами Аггрх рассмотрел машущего ему рукой сына.

— Рэкс, я иду к тебе, мальчик мой! — прошептал орк и упал на колени.

Смерть явилась за ним вовремя, хоть он и представлял ее иначе. Зеленокожий зажмурился, ожидая развязки.

— Хорош валяться, старый пройдоха! Эта поза недостойна воина и ревнителя веры! — раздался над ухом голос Каввеля.

Сильные руки оторвали его от земли и легонько встряхнули, а затем аккуратно поставили на ноги.

— Посох отдай! — требовательный голос Гарба окончательно привел орка в чувство.

Он разлепил глаза и узрел обоих компаньонов рядом с собой.

— Живые мы, живые! — радостно сообщил ему минотавр.

Руки разжались сами собой, и сознание покинуло орка повторно.

***

Михель успел добрую сотню раз пожалеть о своем решении. Может, все-таки стоило согласиться? Орденское воспитание упрямо давало отрицательный ответ на этот вопрос, зато чувства к суккубе кричали об обратном. Сделанного не воротишь, и монах хорошо отдавал себе в этом отчет.

Адинук легкой походкой подошел к нему и положил руку на плечо. Человек слегка повернул голову и искоса посмотрел на эльфа.

— Бери ее и пошли отсюда, — сказал бард. — Мне кажется, надо отнести ее вниз.

Траурно-черное кожаное одеяние резко контрастировало с мертвенно-бледным лицом красавицы в обрамлении спутанных рыжих волос.

Михель послушно подхватил тело любимой и побрел вслед за удаляющимся остроухим. Он нес Хиенну на руках и думал, как быть дальше.

Тропинка вывела их обратно к реке, которую Михель и Хиенна пересекали раньше на единорогах. Лошадки в тот раз просто перепрыгнули через ее опасные воды.

— Бросай! — приказал Адинук.

— Она еще жива! — возмущенно очнулся от вереницы грустных мыслей монах, чего и добивался бард.

— Тогда аккуратно опускай.

С этим предложением Михель спорить не стал. А вдруг сработает? Монах выбрал место, где берег казался не слишком крутым. Он осторожно спустился к стремнине и вошел по колено в воду. Ноги тут же онемели от холода, но человек не обратил на это никакого внимания.

Он нежно поцеловал суккубу в пылающий лоб между рожек и нагнулся, бережно окуная тело в ледяной поток.

Ревущая мощь бурлящих вод и температура в этом месте не предполагали безопасного купания. Человек поскользнулся на скользких камнях, пытаясь удержать голову суккубы над водой. Его сразу же сбило с ног и потащило вниз по течению, как и его возлюбленную. Адинук выругался: он не это планировал.

— Я же сказал аккуратно! — негодующе зашипел эльф и бросился вдогонку.

В воде суккуба сразу претерпела те же изменения, через которые прошли остальные пууты. Поток понес ее навстречу вынырнувшему монаху. Михель, отфыркиваясь, кое-как зацепился застывшими пальцами за какой-то скользкий черный камень, и, борясь со

стремительным потоком, отчаянно завертел головой, пытаясь отыскать взглядом любимую.

Когда ему это удалось, парень рванулся к не подающей признаков жизни демонессе. Попытка едва не стоила ему жизни. Тело принцессы пронеслось в считанных футах от рук, а его самого с размаху швырнуло о каменистый порог. В глазах потемнело, и только усилием воли монах сумел не потерять сознание и не уйти под воду окончательно.

Бард какое-то время мчался вдоль берега, пытаясь помочь, и время от времени видел мелькающие в воде рыжие волосы. Хиенна была по-прежнему прекрасна, но так и не пришла в себя даже после трансформации. Наконец рыжее пятно окончательно ушло пропало из виду и больше не показывалось на поверхности. Дальше река срывалась с большой высоты водопадом, и найти принцессу живой эльф уже не надеялся.

— Эх, как глупо вышло, — с некоторым сожалением подумал Адинук. — Ну, хоть ушла перерожденной, как вылупившийся птенец.

Эльф вряд ли бы признался даже себе, что в чудесное спасение суккубы он особо и не верил. Просто нужно было как-то вывести монаха из ступора. Бард вернулся к Михелю, который сумел выбраться на берег самостоятельно. Мокрый и замерзший человек выглядел жалко. Вода ручьями стекала с его истерзанного балахона, сейчас больше похожего на мокрую половую тряпку, у которой за плечами не один десяток вымытых до блеска подсобных помещений. Однако мужчину колотило не столько от холода, сколько от щемящего чувства утраты.

— Я д-д-даже не п-п-похоронил ее, — у человека не попадал зуб на зуб.

— Пошли искать Аггрха! — предложил эльф. — Похоже, нас осталось только трое, если не считать того безрогого перерожденца из Эльжахима.

Михель безропотно поднялся и побрел обратно к месту сражения. Бард потянулся за ним, не спуская на всякий случай с монаха глаз.

Бывшее поле боя встретило обоих компаньонов кострами. Сухих горючих камней и драконьего жира вокруг нашлось достаточно, чтобы просушить, обогреть и накормить всех нуждающихся. Вчерашние недруги сегодня сидели бок о бок возле огромных бурлящих бронзовых котлов, варили какие-то овощные похлебки, охотно делились одеждой и припасами с голодными и раздетыми.

Внешне теперь все они были схожи. Разве что среди бывших жахани преобладал женский пол, а среди пуутов мужской. Совместный бой укрепил взаимное доверие. И, хотя они говорили на разных языках, а тысячелетняя вражда все еще стояла тенью прошлого между ними, нашлись парочки из обоих народов, которые сразу перешли к флирту со вчерашними противниками, минуя стадию знакомства.

— Прям идиллия, — хмыкнул Адинук, не отставая от Михеля.

Идти приходилось осторожно, чтобы не поскользнуться на какой-нибудь луже не до конца свернувшейся крови или ворохе чешуи. Тела погибших уже прибрали, а вот исполинские драконьи туши никто и не думал хоронить.

Рядом с кострами крутились огромные белые собаки. Ничто в них, кроме размера, не напоминало тех кошмарных тварей, которыми они недавно были. Даже их характер поменялся. Завидев чужаков, около пятидесяти громадных псов широкими прыжками приблизились к идущим компаньонам и остановились перед ними.

— Замри! — шепнул Адинук. — Они не злые.

Словно услышав, самая крупная псина потянула носом воздух, коротко гавкнула и одним быстрым движением подсунула голову под руку эльфа.

— Хороший мальчик! — сказал бард, почесывая макушку довольно урчащего вожака.

Удовлетворившись лаской, громадина ускакала обратно, виляя хвостом. Остальные сразу утратили интерес к странным путникам и понеслись следом. У костров интереснее.

Тивада, бурно обсуждавшие последние события, умолкали при виде идущего мимо человека. Местные помнили, что наследница сбежала вместе с ним, а по его жалкому виду смутно догадывались о произошедшем.

Эльф слышал множество разговоров издали, но не знал пуутского и не мог понять, о чем говорят.

Между тем, селестиалы обсуждали гибель королевы Мерилит, а также недавние сражения. Рассказывали и про вчерашнее купание Квви, для которого пришлось таскать воду из реки весь день. Демона освободил от проклятия Минору, но купание в его планы не входило, поэтому тивада намучились. Пришлось даже придумать специальные затычки для ушей и носов, чтобы справиться со стражем подземелья. Делились они и планами на будущее.

Кто-то окликнул обоих компаньонов по имени.

— Ребята! — заорал бард, не помня себя от радости. — Каввель, морской черт тебя возьми, и ты здесь?

Михель находился в прострации, но даже он вышел из этого состояния при виде живых и невредимых друзей. Радость была всеобщей. Омрачалось все только отсутствием Бурбалки и Хиенны. Аггрх все время порывался отвести Михеля в сторону для разговора, но никак не мог решиться. Наконец орк плюнул и отложил беседу на потом.

Для него самого кончина Бурбалки стала сильным ударом. Воин за последнее время крепко сдружился с простоватым, но верным парнем, и никак не мог поверить, что все вот так печально закончилось.

Когда крепкие рукопожатия и похлопывания по плечам прекратились, все новости были пересказаны, а соболезнования выражены, пришла пора подумать о будущем.

— Гарб, ты у нас голова, — повернулся к гоблину Каввель. — Какие мысли?

Гоблин стоял в глубокой задумчивости, полируя лапами Гобмобом. Короткое расставание с посохом стало для шамана серьезным испытанием, но беспокоило его не это. Похоже, Минору все же успел вытащить из тела Гарба божественную искру. Чувство утраты чего-то очень важного саднило где-то в глубине. Рост все же увеличился, хоть и не до прежнего великанского, но это не могло возместить потерю. Скорее служило неприятным напоминанием о пережитом ужасе.

Впрочем, ловец духов немного погрустил и смирился. Он же как-то жил раньше без искры, значит, и дальше сможет.

Посох в свою очередь уменьшился, чтобы снова стать впору носителю, и оба выглядели вполне подходящими друг другу. Значит, освобождение Бирканитры не за горами.

— У меня есть план, — сообщил шаман, — но получится ли он, я не могу гарантировать. Вот, если Гобмобом поможет, то надежда есть.

Посох чуть заметно завибрировал, давая понять, что надежда есть всегда.

***

Название «Красный борщевик», похоже, не соответствовало духу нового времени, и его заменили «Влюбленным барменом».

— А никто не знает, в кого это Сомбун вдруг втрескался, — пояснил раскрасневшийся провожатый.

Внутрь гид заходить наотрез отказался. Сославшись на срочные дела, он откланялся, посмотрел напоследок исподлобья на Михеля и быстро побежал в сторону столицы, как только довел смертных до порога.

Компаньоны стали героями войны, и народ тивада осыпал их почестями. И все же друзья время от времени ловили на себе неприязненные взгляды. Мало кто знал, что смерть королевы наступила не из-за землетрясения. Зато о судьбе наследницы вскоре не знали только совсем слепые и глухие — слишком много оказалось очевидцев. Поэтому задерживаться в замке становилось неловко, а для Михеля просто невыносимо.

Монах слишком хорошо чувствовал ту смесь презрения и жалости, которой его одаривал каждый тивада, просто проходя мимо. На злобу эти создания оказались неспособны, но и такого коктейля хватало с лихвой. Так что человек вздохнул с облегчением, когда сопровождающий удалился.

Сомбун, не утративший после перерождения внушительных габаритов, поприветствовал гостей пустующего заведения.

— Рад видеть вас, ик, друзья! — громко сказал он заплетающимся языком. — Ко мне сейчас мало кто заходит… по правде говоря, вообще никто. Так что я рад любым посетителям. Желаете промочить горло? Вода превратила нашего брата в слюнтяя. Я же говорил — яд! Крепкие напитки сейчас, кроме меня, совсем никто не пьет.

Компаньоны заметили, что Сомбун мертвецки пьян и вот-вот упадет.

— Берите, что хотите даром! У меня еще много осталось всякого! — возвестил работник стойки и захрапел прямо на рабочем месте.

— Непременно, — пообещал Гарб шепотом, чтобы ненароком не потревожить спящего.

Компаньоны быстро обшарили бар, обнаружив искомую психоводку в ящичке за барной стойкой. В прозрачном стекле бутылок плескалась не столько жидкость, сколько жидкий сумрачный туман — выжимка из самой призрачной сути Шеола, разбавленная для смягчения эффекта спиртом.

Гоблин на скорую лапу с помощью друзей соорудил жертвенник во внутреннем дворике корчмы, добыл из волшебной котомки свои шаманские принадлежности, а также кусок слегка протухшего драконьего мяса. Надев маску, он, с трудом вспоминая подзабытые навыки, окропил психоводкой мясо на жертвеннике, зажег пламя и начал дикую пляску, вгоняя себя в транс.

Такой порядок действий позволил попасть в Шеол без промедления. Духи его соплеменников уже толпились у стола с угощением, но без шамана не решались приступить к странно пахнущей трапезе. Рэкс стоял в сторонке. Его помыслы больше занимало, зачем Гарб явился в мир духов.

Гоблин сделал разрешающий жест лапой, и духи гоблинов набросились на лакомство. Почти сразу каждый из отведавших подношение воспарил над землей шеольного мира и растаял в воздухе.

— Куда это они? — заинтересовался дух полуорка.

— Если мои предположения верны, — ответил Гарб, — то сейчас они все отправились прямиком в Эфир. Оттуда я попытаюсь переправить их домой. Присоединиться не желаешь?

— Спрашиваешь! — воскликнул приободренный хорошей новостью Рэкс и вкусил от подношения.

— Тухленькое, — поморщился он, тая в воздухе.

— Извини, — пошаркал ножкой гоблин. — Другого не было. Зато, когда ты еще

попробуешь дракона?

Не теряя времени, шаман вывел себя из транса и приступил с друзьями ко второй части плана. Напиток обжигал душу и тело одновременно, драл горло и сознание так, что некоторые с непривычки быстро захмелели.

— За тех, кого с нами нет, — произнес Аггрх ватным языком очередной тост.

Его свирепая физиономия выражала нечто среднее между сожалением и обреченностью.

— На посошок! — поднял последний кубок Гарб и добавил, с трудом шевеля губами. — В тумане всем держаться за руку или плечо друг друга, а то потеряемся.

Компаньоны крепко сжали свободные ладони, и опрокинули кубки себе в горло. Шаман отбросил емкость, левую лапу вложил Аггрху в руку, а правой стукнул посохом по полу таверны. Все внутри круга исчезли. Оторвавший голову от стойки Сомбун проводил их мутным недоумевающим взглядом и снова прилег.

Требующая продолжения глава

«Пиратство почти так же старо, как само море».
— Каввель, проклятый минотавр

— Куда нас ветры занесли? — враз протрезвев, спросил Каввель, испуганно озираясь по сторонам.

Остальные тоже почувствовали себя не лучшим образом.

Вокруг ничего не было видно. Гарб такую картину наблюдал раньше, и она не вызвала удивления. Друзьям он рассказывал про план эфира, но все же в описаниях шамана отсутствовала и десятая доля того, что они сейчас ощутили. Какофония звуков и вереница странных запахов вместе с почти полным отсутствием зрения и осязания сопровождались невероятной легкостью. Это пугало.

— Гобмобом, дружище, — обратился к посоху Гарб. — Я знаю, ты можешь нам помочь.

— Разумеется, — посох вылетел из лапы гоблина и наклонился, имитируя поклон. — Сейчас кое-кому накостыляю.

— Кто еще смеет нарушать покой стража границы? — раздался издали знакомый шаману голос. — Сколько можно шастать? Вам тут проходная, что ли?

Гобмобом вернулся к Гарбу.

— Страж появляется только вместе с тобой, и это неспроста, — шепнул он со скрипучим смешком. — Похоже, врата могут открыться только тебе. Сейчас пригоню его сюда. Я мигом!

Глухие удары, раздающиеся из непроглядной стены тумана, не оставляли сомнений, что посох добрался до привратника.

— Помогите! Я буду жаловаться! — заголосил обиженный голос.

Он все приближался вместе со знакомым голубоватым свечением, пока не оказался рядом с компаньонами.

— Ах, вот кто у нас нарушает порядок! Я так и знал! Где один голубок, там ищи и второго! — страж пребывал в страшном возмущении.

Посох, скрипуче посмеиваясь, подлетел к Гарбу и как ни в чем ни бывало втиснулся в его ладонь.

— Прости, хранитель, — сказал шаман. — Мы в этот раз явились по серьезному делу.

— Если вы собираетесь и дальше меня избивать, то никаких дел у меня с вами и вашей мерзкой палкой быть не может! — напыщенно ответствовал привратник.

— Вот мы, собственно, по этому делу и пришли, — осторожно закинул удочку Гарб. — Нам бы не хотелось повторения подобных инцидентов в будущем. Посему мы нижайше просим соизволения открыть границу, чтобы вернуться в родные места и больше вас никогда не тревожить.

Хранитель зашелся в приступе смеха.

— Я сейчас, — посох как будто почти и не покидал лапу гоблина, но смех прервался звуком удара.

— Если вы и дальше… — начал страж.

— Еще хочешь? — погрозил ему Гобмобом.

Привратник ненадолго затих, еле слышно бормоча что-то напоминающее слова

проклятий на разных древних языках.

— Если я пойду вам на встречу, вы обещаете больше никогда не возвращаться? — спросил он наконец.

Гарб клятвенно заверил, что как только он, все его друзья и пришедшие недавно духи вернуться домой, больше никаких избиений не будет.

— Быть посему! — чуть повеселел хранитель. — Раньше мне было скучно, но еще немного такого веселья, и я бы захотел уволиться, а мне нельзя. Так и быть, сегодня я добрый и чуть-чуть нарушу ради вас вселенские законы. Врата открыты, можете идти.

— Вот так просто? — удивился Адинук.

— А вам, юноша, должно быть стыдно за оставление своих корней, — заметил страж. — Темная кожа вам была куда больше к лицу.

Эльф призадумался, а привратник обратился уже к Аггрху.

— Вам, паладинчик, тоже пора исправить свое поведение. Искупить, так сказать.

— Это кого он назвал паладином? — переспросил орк, но тоже сразу погрузился в раздумья.

Что-то в словах хранителя тронуло в его душе одну давно бережно хранимую от посторонних струну.

Михель открыл было рот, но хранитель заговорил первым.

— Путь вернет тебя к истокам. Помни об этом. Не сворачивай с пути исправления, каким бы извилистым он ни казался.

У Каввеля на языке вертелось множество вопросов к такому всезнающему мудрецу, но привратник опередил и его.

— Тебя, бычок, напрасные клятвы до добра не доведут. Будь с ними осторожнее и подбирай слова правильно. Я знаю, что ты умеешь.

Минотавр от этих слов впал в глубокую задумчивость.

— Так что, куда нам теперь? — спросил Гарб.

— Идите своим Путем через врата, — напутствовал страж. — Помните, что Путь приведет вас не туда, куда бы вам хотелось, а туда, где вы нужнее. Или даже вам нужнее.

— Так ведь… — хотел возразить гоблин, но не успел.

— Все, ухожу, — трубным гласом прогремел хранитель. — Вернусь только прибраться. Чтоб через пять минут вас тут не было — потом врата закрою навсегда. Этим Путем можно пройти лишь единожды.

Больше привратник не отзывался, и Гарб заторопился.

— Как всех собрать и врата эти найти? — обратился он к Гобмобому.

— Остальных я сейчас приведу, — откликнулся посох и умчался в туман.

Через несколько мгновений все духи сгрудились возле шамана. Для них он сейчас был почти богом. Среди них находился и Рэкс. Аггрх заметил сына и всхлипнул.

— Сынок! — тихо позвал он.

— Я люблю тебя, папа, — сказал дух полуорка и приложил палец к губам, — и все прощаю.

Густой туман не позволял разглядеть его хорошо, но Аггрху показалось, что глаза сына сказали куда больше, чем слова.

— Я тоже тебя люблю, — одними губами прошептал зеленокожий воин.

— Всем стоять тут и не шевелиться! — предупредил Гобмобом. — Нам с носителем нужно посовещаться.

Посох потащил Гарба за собой в туман. Посчитав расстояние достаточным, чар остановился.

— Слушай внимательно и запоминай, — сказал он. — Меня нельзя больше применять, если твоей жизни не угрожает опасность. Пока не добавлена хотя бы еще одна часть, каждый удар отнимает ее силы. Если не хочешь ее убить, собери меня, пока не стало поздно! После вашего ритуала хозяйка слабеет с каждым мгновением. Идите! Вряд ли мы сможем потом поболтать, но точно поработаем на славу еще не раз. Удачи тебе смертный с божественной искрой! Она в тебе все еще тлеет. Раздуй ее в яркое пламя!

С этими словами посох увлек растерянного хранителя обратно к друзьям.

Прямо перед ними туман рассеялся, и все увидели обычные деревянные ворота высотой с минотавра. Резные створки в причудливых цветочных узорах приветливо распахнулись, приглашая сделать шаг. По ту сторону непрозрачная завеса казалась еще гуще, но каждый знал, что какие бы опасности там ни подстерегали, родной мир стоит любых новых приключений.

Гарб скомандовал духам идти первыми, и они, впервые полностью доверяя сородичу, отправились вперед, распевая нетрезвыми голосами гоблинские частушки не слишком пристойного содержания. За ними последовал и Рэкс, радостно улыбнувшись отцу на прощание.

— Пора и нам, — сообщил шаман. — Врата вот-вот закроются.

— Пошли, — безрадостно сказал Михель.

— Погоди.

Гарб долго обдумывал, стоит ли так делать, но в итоге решился. Смотреть на страдания друга было слишком невыносимо, чтобы оставить его состояние без внимания. Гоблин дотронулся посохом до головы монаха и что-то прошептал, стирая несчастливые воспоминания. Человек зажмурился, а после спокойно шагнул вперед. Остальные не заставили себя ждать.

***

Бледный молодой человек с удивительной для его возраста проседью в темных волосах в потрепанном монашеском одеянии сидел со скрещенными ногами на песке и удивленно рассматривал медальон, внутри которого обнаружился локон рыжих волос и портрет невозможно красивой девушки с такими же рыжими волосами и маленькими рожками на лбу. Безделушка нашлась во внутреннем кармане робы, и больше там ничего не было. Голова раскалывалась, как будто по ней недавно лупили орочьим боевым молотом.

Соленые волны лениво набегали на берег, выбрасывая комья молочно-белой пены. Вода немного не доставала до молодого человека, но он все равно отодвинулся от нее. Почему-то теперь он не любил воду, хотя раньше за собой такого не замечал.

— Кто же ты? — спросил он вслух. — И где все?

Только крики чаек раздались в ответ. Остальных компаньонов поблизости видно не было.

Монах сделал глубокий вдох. Свежий морской воздух наполнил легкие и заставил человека поперхнуться. Так легко давно не дышалось. Человек нервно рассмеялся. Последнее, что он помнил — какая-то карта с двигающимися картинками, в которую утянуло троу и еще смутно какие-то ворота. Кто же все-таки эта демоница? Почему он уверен, что знает ее? Почему при взгляде на портрет в груди возникает какое-то щемящее чувство?

На горизонте показался трехмачтовый корабль незнакомой ему конструкции. Человек встал, приложил ладонь к глазам и вытянул шею, пытаясь рассмотреть флаг. На мачте реяло полотнище с черным минотавром в короне на золотом поле.

***

Мучительно хотелось сделать вдох, но что-то мешало. Глаза открылись, чтобы увидеть повсюду воду. Обжигающе холодную ледяную воду и силуэт где-то сверху.

Кто-то схватил за волосы и потащил. Больно же! Зато теперь можно дышать. Дышать так здорово, особенно если раньше долго не получалось… сейчас, только нужно выплюнуть лишнее изо рта. Так, кажется, берег. Проморгаться после воды все никак не получается. Рядом кто-то теплый и родной. Он согревает своим телом и дыханием. Руки сами тянутся обнять его за шею. Конечно, это он! Кто же еще? Только волосы почему-то слишком жесткие.

— Любимый? — и тихое ржание в ответ.

Огненно-рыжеволосая тивада открыла глаза и увидела перед собой рог, приставленный к ее груди. Неяркое сияние передавалось от него в тело девушки. Огромный крылатый жеребец настороженно замер, пытаясь понять, ожила ли Хиенна окончательно.

— Спасибо тебе, мой хороший, — поблагодарила девушка единорога.

Тот сделал шаг назад, громко заржал, склонил голову и взмыл в небо. Тивада в белых одеждах из совершенно сухой, кажущейся воздушной ткани поднялась на ноги и потянулась, чтобы выжать волосы. Сами собой за плечами распахнулись белоснежные крылья с легкой рыжиной по краям.

— Михель! — позвала она. — Ты здесь? Ты должен это увидеть!

Он так и не отозвался.

Продолжение следует…

Больше книг на сайте - Knigoed.net